ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Бавыкин Юрий Викторович

ВЛИЯНИЕ ДИНАСТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НИДЕРЛАНДСКОГО КОРОЛЕВСКОГО ДОМА ОРАНСКИХ-НАССАУ И РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА РОМАНОВЫХ НА РАЗВИТИЕ НИДЕРЛАНДСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIX ВЕКЕ

Специальность 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Обичкина Евгения Олеговна

Москва – 2025

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ИНТЕРЕСЫ И РОЛЬ РОССИИ В ОСВОБОЖДЕНИИ НИДЕРЛАНДОВ ОТ ФРАНЦУЗСКОГО ГОСПОДСТВА И ОБРАЗОВАНИИ НЕЗАВИСИМОГО КОРОЛЕВСТВА НИДЕРЛАНДОВ В 1815 ГОДУ 47

1.1. Российская политика противодействия «французской Европе» 47

1.2. Освобождение Нидерландов русскими войсками от наполеоновского господства и восстановление власти Оранских-Нассау в конце 1813 г. ... 55

1.3. Роль России в создании Нидерландского королевства, его значение для Венской системы 68

ГЛАВА 2. ДИНАСТИЧЕСКИЙ БРАК КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ АЛЕКСАНДРА I 74

2.1. Неудачный британский проект династического альянса наследного принца Оранского и принцессы Шарлотты Уэльской 74

2.2. Роль Романовых в провале планов династического брака правящих домов Нидерландов и Великобритании в 1814 г. 87

2.3. Интересы Александра I в заключении российско-нидерландского династического союза в 1815 –1816 гг. 94

2.4. Анна Павловна – «посол» русского императора в Нидерландах 111

ГЛАВА 3. ОБСУЖДЕНИЕ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В НИДЕРЛАНДАХ В ПЕРЕПИСКЕ РОМАНОВЫХ И ОРАНСКИХ (1815 – 1830) 115

3.1. Политика Виллема I в отношении Бельгии 115

3.2. Политические советы Александра I Виллему-младшему: воспитание будущего короля 123

3.3. Становление политической позиции принца Оранского под влиянием Александра I 129

ГЛАВА 4. РОЛЬ ДИПЛОМАТИИ НИКОЛАЯ I В ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ НИДЕРЛАНДОВ В СВЯЗИ С БЕЛЬГИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1830 Г. 147

4.1. Политика Виллема I и его старшего сына и позиция Николая I в ходе Бельгийской революции 147

4.2. Защита интересов Нидерландов российскими полномочными представителями на Лондонской конференции (1830 – 1832) 167

4.3. Действия российской дипломатии на фоне обострения бельгийско-голландского конфликта в 1831 г. 185

4.4. Договор «24 статей» и дальнейшая линия России в «бельгийском вопросе» 199

4.5. Дипломатия Николая I в отношении «несговорчивого» Виллема I 214

4.6. Борьба российской и англо-французской дипломатий на завершающем этапе Лондонской конференции по отстаиванию интересов Нидерландов 231

4.7. Отношения Петербурга и Гааги на фоне «политики упорства» Виллема I до подписания Лондонского трактата 1939 г. 239

ГЛАВА 5. ОТНОШЕНИЯ ДВУХ ДВОРОВ НА ФИНАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПРАВЛЕНИЯ ВИЛЛЕМА I 248

5.1. Диалог Романовых и Оранских в период обсуждения матримониальных планов Виллема I на фоне его решения об отречении 248

5.2. Содержание и символы политики нидерландско-российского согласия на заре нового королевского правления 255

Заключение 267

Список источников и литературы 284

Приложение № 1. Портреты некоторых упомянутых в диссертации государственных деятелей России, Нидерландов и Бельгии 315

Приложение № 2. Таблицы династических связей, упомянутых в диссертации 329

ВВЕДЕНИЕ

Российско-нидерландские отношения имеют давнюю историю, в которой имели место как периоды тесной дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, так и ухудшения и полного разрыва межгосударственных контактов. Эпохой расцвета двусторонних связей по праву можно считать XIX век, который был ознаменован освобождением Нидерландов от наполеоновского владычества русскими войсками в конце 1813 г., а также семейным союзом между правящими династиями России и Нидерландов – заключённым 9 февраля 1816 года браком дочери российского императора Павла I и сестры царствующего императора Александра I, великой княгини Анны Павловны Романовой с наследником нидерландского престола принцем Оранским, ставшим в 1840 г. королём Виллемом II. Основная заслуга в его осуществлении принадлежит российскому императору Александру I. Несмотря на противодействие со стороны Великобритании – другой великой державы, планы династического альянса которой с домом Оранских в 1814 году обернулись крахом, – задуманный российским императором брачный проект оказался весьма успешным и на долгие годы укрепил отношения между Россией и Нидерландами, усилил позиции Российской империи в Западной Европе как крупнейшей и влиятельнейшей монархической державы XIX века.

Теплые родственные взаимоотношения двух стран сошли на нет после Октябрьской революции 1917 года, которую голландцы охарактеризовали не иначе как государственный переворот, а после расстрела в июле 1918 г. царской семьи Романовых королева Нидерландов Вильгельмина (внучка великой княгини Анны Павловны) одной из первых среди монархов в Европе разорвала все двусторонние связи с Советской Россией. В результате контакты между странами оказались замороженными на многие десятилетия. Только в июле 1942 г. Нидерланды пошли на восстановление отношений с СССР на уровне дипмиссий, мотивируя это общей целью освобождения Европы от нацизма. Во второй половине XX века заметного сближения двух стран не наблюдалось. И даже

начавшееся в первое десятилетие XXI века развитие российско-нидерландского политического диалога на фоне стремительного роста двусторонних торгово-экономических показателей, а также интенсивная работа по подготовке и проведению первого в истории двух государств «перекрестного 2013 года» – Года России в Нидерландах и Нидерландов в России, в ходе которого впервые в Новейшей истории состоялись официальные визиты Президента Российской Федерации В.В.Путина в Нидерланды (апрель 2013 г.) и короля Нидерландов Виллема-Александра в Российскую Федерацию (ноябрь 2013 г.), не сумели восстановить устойчивые дружественные двусторонние связи. После воссоединения Крыма с Россией и авиакатастрофы рейса «Боинга» МН-17 над Донбассом 17 июля 2014 года, в результате которой погибло 196 голландцев, межгосударственные контакты круто пошли под откос: Нидерланды стали одним из главных инициаторов принятия Евросоюзом антироссийских санкций и объявили о полном прекращении официальных связей с Россией. Приходится констатировать, что в настоящий момент отношения между нашими странами фактически находятся на самом низком уровне за весь период Новейшей истории.

Ввиду нынешней деградации российско-нидерландских взаимоотношений нидерландские историки крайне редко обращаются к позитивным страницам нашей общей истории, как например, к образованию независимого Нидерландского королевства в начале XIX века, которое вряд ли было бы возможным без содействия России и лично императора Александра I, сыгравшего важную роль в восстановлении на престоле Нидерландов правящей династии Оранских после длительного изгнания. В зарубежной историографии в целом часто умалчивается или игнорируется ключевая роль России в освобождении европейских государств, в том числе Нидерландов, от власти наполеонидов и в их восстановлении в рамках Венской системы международных отношений. Имеющиеся на настоящее время научно-исследовательские работы в отечественной историографии большей частью ограничены узкими хронологическими рамками и либо представляют собой краткие биографические очерки о том или ином представителе династии, либо посвящены

преимущественно генеалогическому аспекту истории той или иной династии. Между тем, изучение династических связей Дома Романовых и Династии Оранских-Нассау, в частности семейного альянса великой княгини Анны Павловны и кронпринца Виллема Оранского, позволяет дополнить изучение роли России, дипломатии императоров Александра I и Николая I в становлении и поддержании Венской системы.

В данной работе с помощью архивных, в основном нидерландских, источников и документов исследуются влияние династических связей правящих домов России и Нидерландов на двусторонние отношения этих государств, пути реализации через эти связи их внутри- и внешнеполитических интересов, роль российского императора Александра I в возвращении на нидерландский престол династии Оранских-Нассау и в политическом становлении наследника престола – принца Оранского, будущего короля Виллема II, роль императора Николая I в дипломатическом урегулировании бельгийско-голландского конфликта и определении границ Нидерландского королевства после Бельгийской революции 1830 года. Через призму российско-нидерландского династического союза рассматривается действие специфических, монархических механизмов международного влияния в эпоху ключевой роли России как гаранта европейской стабильности в первой половине XIX века в условиях действия Священного союза монархов и в ходе процесса постепенного превращения «Европы королей» в «Европу наций», одним из символов которого стала Бельгийская революция 1830 г.

Научная и политическая актуальность исследования

Венская система международных отношений в Европе, восстановившая монархические порядки после двух десятилетий революционных войн и империи Наполеона Бонапарта, основывалась на идее возвращения к «Европе королей», в то время как революционная Франция предложила европейским народам модель «Европы наций». С этой точки зрения недолгая история Нидерландского королевства, которое объединило голландские и бельгийские земли и которое должно было уравновесить неспокойную Францию под эгидой наследственной

династии Оранских, представляет пример борьбы двух вышеназванных моделей. Династические браки между правящими и владетельными домами Европы всегда играли важную роль во внешней политике монархических государств, способствуя укреплению их политического взаимодействия. Император Александр I, войска которого освободили Нидерланды от Наполеона, стоял у истоков Венской системы и стал одним из её главных гарантов, основателей Священного союза. Он способствовал установлению тесных династических связей двух престолов. Между тем, при его брате и преемнике Николае I, несмотря на тесные династические связи, Россия была вынуждена отказаться от идеи интервенции против революции в Бельгии по причине отсутствия поддержки союзных держав и вспыхнувшего в ноябре 1830 г. Польского восстания. Однако, благодаря Николаю I российские уполномоченные в Лондоне самым активным образом помогали Нидерландам в дипломатическом урегулировании бельгийско-голландского конфликта 1830-х гг.

Не случайно в исторической науке вплоть до нашего времени выводы о династических связях между Домом Романовых и Династией Оранских-Нассау носят достаточно противоречивый характер. В одних публикациях говорится о Доме Оранских-Нассау как об одной из многих европейских правящих династий, союз с которой был нужен России лишь для укрепления своей династической политики в Европе. В других резюмируется, что голландская правящая династия согласилась породниться с российским императорским домом только с целью получения гарантий защиты от возможной агрессии со стороны Франции. Отчасти эти разночтения подчинены исторической конъюнктуре, ретроспективному восприятию России в качестве маргинала европейской системы, отчасти являются следствием недостаточной изученности источников. Между тем, в историографии не было сделано попытки изучения династических связей как с точки зрения их влияния на двусторонние отношения двух государств, так и в контексте реализации через них внутри- и внешнеполитических интересов двух государств в особом историческом контексте 1814 – 1840 гг., в период наивысшего европейского влияния России в поддержании европейской стабильности. Данное

исследование призвано заполнить этот пробел, изучить механизм реализации внешнеполитических интересов двух монархий через династические отношения в период наиболее тесного двустороннего взаимодействия. В этом заключается его ***научная актуальность.***

В последнее десятилетие, по мере возвращения отношения Западной Европы к России как к большому «Другому», к чуждой политической и культурной сущности, маргиналу общеевропейской истории, исследование монархических политико-дипломатических инструментов влияния, обращение к недолгому периоду «Европейского концерта великих держав», временам Священного союза монархов, ведущее место в котором благодаря победе русского оружия над Наполеоном принадлежало российским императорам, приобретает особую ***политическую актуальность***. Стоит отметить, что данный сюжет не исследовался в Нидерландах и Бельгии не потому, что он никому там не был интересен, а потому, что он не укладывался в национальную и европейскую историографическую традицию, которая после первой мировой войны на век отделила Западную Европу от России и СССР. В отечественную историографию династические сюжеты вернулись только после 1991 года, и одними из первых публикаций по этой тематике стали главы А.С.Намазовой «Бельгия» и «Нидерланды» из сборника «Монархи Европы: судьбы династий» под редакцией Н.В.Попова (1997 г.)[1]. В то же время, нельзя сказать, что в России достаточно много специалистов-историков, владеющих нидерландским языком.

Объект исследования – династические связи нидерландского королевского Дома Оранских-Нассау и российского императорского Дома Романовых.

Предмет исследования – роль династических связей в развитии российско-нидерландских отношений в XIX веке.

В соответствии с заявленной темой исследования **цель** работы – исследовать проявления и содержание династической дипломатии Дома Романовых и Дома

[1] Намазова А.С. Бельгия. Нидерланды// Монархи Европы: судьбы династий/под ред. Н.В.Попова. М.: ТЕРРА, 1997. С.35 – 66, С.209 – 224.

Оранских-Нассау в свете двусторонних отношений России и Нидерландов в условиях становления и развития Венской системы международных отношений.

Для реализации этой цели поставлены следующие **задачи**:

1) выявить интересы и роль императора Александра I в становлении королевства Нидерландов и контексте создания Венской системы и значение династического союза дома Романовых с нидерландской королевской династией Оранских-Нассау в её начальный период, исследовать вопрос о роли Александра I в срыве проекта англо-голландского брака;

2) рассмотреть содержание диалога двух царствующих домов и его влияние на политическое становление принца Оранского на фоне разногласий внутри королевского дома Нидерландов;

3) проследить эволюцию подходов российских императоров от Александра I к Николаю I к выстраиванию отношений с королём Нидерландов Виллемом I и наследным принцем Виллемом Оранским в ходе предреволюционного кризиса в Нидерландах;

4) проанализировать содержание и мотивы изменения позиции Николая I в революционном кризисе в Нидерландах и в его урегулировании от Бельгийской революции 1830 г. к Лондонской конференции (1830 –1832 гг.) и заключению мирного договора с Бельгией (в 1839 г.), а также его отношение к династическому кризису и отречению короля Виллема I (в 1840 г.) в свете династических интересов Романовых и интересов сохранения Венской системы.

Область исследования соответствует паспорту научной специальности ВАК 5.6.7. «История международных отношений и внешней политики»:

- п. 3. «Международные отношения и внешняя политика на разных этапах исторического развития»;
- п. 5. «Периодизация международных отношений и внешней политики»;
- п. 6. «Реконструкция системы международных отношений, их эволюция и сущностные характеристики»;

- п. 7. «Национально-государственные приоритеты во внешней политике и международных отношениях»;
- п. 8. «Война и дипломатия как инструменты внешней политики».

Хронологические рамки исследования

Диссертация охватывает период с 1795 по 1840 гг., т.е. с захвата Нидерландов революционной армией Франции и бегства правителя Республики Соединенных провинций (далее в тексте – РСП)[2], статхаудера[3] Виллема V Оранского со своим сыном и внуком – будущими нидерландскими королями Виллемом I и Виллемом II – в Англию и до 1840 г., когда Виллем I, к тому времени окончательно утративший свою популярность в Нидерландах, отрёкся от престола в пользу своего старшего сына, ставшего королём Виллемом II. Анна Павловна Романова стала королевой Нидерландов.

С начала оккупации Республики Соединенных провинций французскими революционными войсками Россия, в соответствии со своими внешнеполитическими целями, стала последовательно бороться за возвращение Нидерландам независимости. 19 января 1795 г. на территории РСП была образована Батавская республика[4] по французскому образцу, а за день до этого Виллем V бежал с семьей на корабле в Англию. Российская императрица Екатерина II, а после – её сын император Павел I продолжали вести регулярную переписку с находившимися в изгнании Оранскими, предпринимая попытки по освобождению их родины от французов. Осуществить это удалось лишь в конце 1813 г. уже при Александре I, когда, по разработанному плану действий союзных армий шестой антифранцузской коалиции, французы были изгнаны русскими войсками из Нидерландов, что позволило принцу Оранскому возвратиться на родину из изгнания и вернуться на престол.

---

[2] Так назывались Нидерланды с 1581 г. по 1795 гг.

[3] Статхаудер (с нид. *stadhouder*) или штатгальтер (с немецкого) – с XV в. должность правителя на территории Нидерландов. Вначале так обозначали наместника государя в провинции, а после буржуазной революции XVI в. и до конца XVIII в. – главу исполнительной власти РСП.

[4] Название происходит от восставшего против римского господства древнего племени батавов, живших в античности на территории современных Нидерландов.

В фокусе исследования – реализация династического замысла Александра I – заключенного в феврале 1816 г. брака его младшей сестры, великой княгини Анны Павловны и наследника нидерландского престола принца Оранского, определившего родственный и дружественный характер отношений между двумя династиями и государствами на многие годы вперед. Этот период соответствует времени создания и становления Королевства Нидерландов в рамках Венской системы, а также его кризиса – Бельгийской революции 1830 г., итоги которой были подведены на Лондонской конференции 1830 – 1831 гг., признавшей независимость Бельгии.

С 1840 г. для королевства начинался новый этап истории, ознаменованный правлением российско-голландской королевской четы, либеральными преобразованиями на фоне европейских революций 1840-х гг., когда «Европа королей» уступает место «Европе наций», поэтому рассмотрение российско-нидерландских династических связей в этот период, по нашему мнению, заслуживает отдельного исследования и намеренно вынесено за рамки данной диссертационной работы.

Методология и методы исследования основаны, главным образом, на применении инструментария исторической науки**.** В то же время, при осуществлении исследовательских задач автором были использованы подходы и достижения различных дисциплин: социальной, политической и дипломатической истории, исторической социологии, биографики, регионоведения.

Традиционно в изучении династических связей используется *историко-описательный метод*, как если бы история династий развивалась параллельно истории наций. Особенностью и новизной предложенного в данной работе метода является погружение династической истории в историческую ткань европейской дипломатии особенного периода, когда происходила постепенная смена парадигм: от «Европы королей» к «Европе наций» и, соответственно, по мере победы в Западной Европе модели государств-наций, всё больше имел место процесс разделения династических и национальных интересов. Этот метод автор использовал в диссертации для исследования эволюции отношений между

династиями Романовых и Оранских в специфический период: от начала зарождения у императора Александра I замысла российско-нидерландского династического брака в 1814 – 1815 гг. вплоть до 1830-х гг., когда начавшиеся революционные волнения в Европе приводили к изменению европейского политического пейзажа и межгосударственная дипломатия была вынуждена развиваться уже в условиях очевидного перехода к «Европе наций», что нашло своё отражение в переписке Николая I с королём и принцем Оранскими.

Системный метод использовался для всестороннего изучения династических связей Романовых и Оранских в системе международных отношений в завершающий период наполеоновских войн и по их окончании, в рамках становления и развития Венской системы международных отношений.

Историзм – метод, предполагающий рассмотрение объектов исследования в неповторимом историческом контексте, дал возможность исследовать династические связи правящих домов России и Нидерландов в специфическом контексте постепенного преобразования «Европы королей» в «Европу наций» в период наибольшего влияния России на общеевропейскую стабильность в 1814 – 1840 гг., позволил изучить династические союзы Романовых и Оранских в комплексном анализе процессов (политических, социальных, экономических), выявить ключевые особенности развития этих связей в контексте межгосударственных отношений как сложной концептуальной системы.

Сравнительный метод позволил раскрыть сходства и различия в подходах Александра I и Николая I по выстраиванию отношений с королём Виллемом I и принцем Оранским в контексте российских государственных интересов.

Биографический метод позволил путем изучения личностных факторов сфокусироваться на индивидуальном аспекте деятельности рассматриваемых в исследовании исторических личностей.

Метод ситуативного анализа применялся при изучении событий и эпизодов, характеризующих двусторонние отношения дворов в трёх измерениях: в контексте персональной (представителей двух монарших семей), национальной и европейской истории, особенно для сопоставления и обобщения материалов

нидерландских и российских архивных документов XVIII – XIX вв., доступ к которым имел автор в ходе работы в архивах гг. Гааги, Москвы и Санкт-Петербурга.

Метод обработки массового биографического материала и типизации внешнеполитических отношений позволил охарактеризовать основных представителей династии Романовых и Оранских на основе личных качеств, политических характеристик и личных отношений между членами двух семей, проанализировать динамику российско-нидерландских отношений в указанных хронологических рамках.

Феноменологический метод дал возможность изучить взгляды исследуемых объектов на происходившие в рассматриваемый исторический период события через призму социальной реальности.

С точки зрения методики, автором был использован *компаративный метод* для сопоставления интересов, *контент-анализ* для расшифровки смыслов исторических текстов, в которых важны не только прямые высказывания, но и умолчания по поводам, априорно представляющим обоюдный или частный интерес. Для выявления таких поводов привлекались материалы как национальной истории Нидерландов, так и дипломатической истории. Большой корпус переписки представителей двух семей потребовал выявления ключевых тем и событий, отклики на которые могли дать представление о политическом и дипломатическом содержании отношений Виллема I, двух русских государей и членов их семей.

Применение *ретроспективного компаративного метода* позволило установить элементы преемственности и новизны в диалоге Виллема и его семьи с Петербургом, от Александра I к Николаю I, на фоне изменений внутри- и внешнеполитического характера.

Среди немногих существующих диссертационных исследований схожей тематики, в которых, отчасти с использованием вышеупомянутых методов, предпринята попытка комплексного анализа династического аспекта международных отношений, хотелось бы отметить кандидатские диссертации: Ж.В.Малеевой «Представители династии Вюртембергских в политической

истории России (конец XVIII – середина XIX вв.)» (2001 г.)[5], К.В.Каспаряна «Российско-британские внешнеполитические отношения и династические связи: конец 30-х гг. XIX в. – начало XX в.» (2006 г.)[6], Е.А.Низаловой «Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896 – 1909 гг.: по материалам российской и европейской прессы» (2007 г.)[7], Д.М.Софьина «Политико-династические представления российских консерваторов и членов Императорского Дома, конец XIX – начало XX века» (2010 г.)[8], И.А.Миролюбова «Династическая политика императора Константина Великого» (2018 г.)[9], Н.А.Черкасской «Междинастические браки дома Романовых (вторая четверть XIX – начало XX вв.): пространство политических и культурных трансферов» (2021)[10].

Что касается династического фактора российско-нидерландских отношений, эволюции связей правящих династий двух стран, в отечественных и зарубежных исторических исследованиях этот вопрос до настоящего времени практически не анализировался.

Обзор источников

При подготовке исследования были использованы различные по форме и характеру источники. Их можно условно разделить на четыре группы: 1) нормативно-правовые документы, 2) официальная корреспонденция, 3) мемуары и дневники, 4) источники прессы и официальные сайты.

К ***первой*** группе относятся источники юридического характера, законодательные акты, международные договоры, акты о рождении особ

---

[5] Малеева Ж.В. Представители династии Вюртембергских в политической истории России (конец XVIII – середина XIX вв.): Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Пятигорск, 2001. 253 с.

[6] Каспарян К.В. Российско-британские внешнеполитические отношения и династические связи (конец 30-х гг. XIX в. – начало XX в.) Дисс. на соискание …канд.ист.наук. Пятигорск, 2006. 226 с.

[7] Низалова Е.В. Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896 – 1909 гг. (по материалам российской и европейской прессы). Дисс. на соискание …канд.ист.наук. Санкт-Петербург, 2007. 230 с.

[8] Софьин Д.М. Политико-династические представления российских консерваторов и членов Императорского Дома, конец XIX – начало XX века. Дисс. на соискание …канд ист.наук. Пермь, 2010. 257 с.

[9] Миролюбов И.А. Династическая политика императора Константина Великого. Дисс. на соискание …канд.ист.наук. Москва, 2018. 241 с.

[10] Черкасская Н.А. Междинастические браки дома Романовых (вторая четверть XIX – начало XX вв.): пространство политических и социокультурных трансферов. Дисс. на соискание …канд.ист.наук. Омск, 2021. 251 с.

императорской и королевской династий, а также брачные договоры между династиями Романовых и Оранских, которые составлялись при прямом участии российского императора и нидерландского короля.

В частности, можем выделить следующие важнейшие в истории Нидерландов юридические акты и документы XVIII – XIX вв., используемые при подготовке диссертации: Об образовании Батавской республики 19 января 1795 г.[11], акт и церемониал о рождении и крещении великой княжны Анны Павловны 7 января 1795 г.[12], Трактат и Дополнительная декларация о выделении Павлом I своих войск на «голландскую экспедицию» для высадки в Ден-Хелдере в августе 1799 г.[13], об образовании в июне 1806 г. королевства Голландия во главе с королем Луи Бонапартом[14].

Особое по своей значимости место занимает официальная записка Александра I, в которой он делится своим планом начала операции по освобождению Нидерландов в ноябре 1813 г.[15], что свидетельствует о ключевой роли российского императора в избавлении голландцев от французского владычества. Следует отметить также приведенный в данной диссертации основной юридический документ, благодаря которому усилиями крупных держав было создано независимое Нидерландское королевство во главе с представителем династии Оранских – Заключительный акт Венского конгресса от 9 июня 1815 г.[16] Большой интерес также представляют документы о подготовке новой конституции Объединенного королевства Нидерландов в августе 1815 г.[17],

---

[11] Aankondiging der Commité Revolutionaire. Colenbrander H.T. Gedenkstukken der Algemeene Geschiedenis van Nederland van 1795 tot 1840. ‘s-Gravenhage. Deel 1, Hoofdstuk IV, 1914, p.447 – 449.

[12] Повестка (акт) и церемониал о рождении и крещении Великой Княжны Анны Павловны. Российский Государственный исторический архив (РГИА) г. Санкт-Петербург, фонд 469, опись 2, дело 31.

[13] Союзный трактат с Англией, заключенный в Санкт-Петербурге от 1798 г., декабря 18 (29) и Дополнительная декларация к союзной конвенции от 1799 г. июня 18 (29). Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Том IX (X). Трактаты с Англией 1710 – 1801. СПб, 1892. С.418 – 440.

[14] Notes sur la Hollande. Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 5, Hoofdstuk III. P.210 – 215.

[15] Записка Александра I от 27.10.1813 г. Внешняя политика России XIX и начала XX века (ВПР). Документы Российского министерства иностранных дел. Серия I. Т. VII. М.: Наука, 1970. С. 431.

[16] Заключительный акт Венского конгресса. Мартенс Ф. Указ.соч. Том III. Трактаты с Австрией. СПб, 1876. С.229 – 317.

[17] Over de Grondwet der Nederlanden. Colenbrander H. T. Ontstaan der Grondwet. Tweede deel. 1815.‘s-Gravenhage. 1909. P.616. Все имеющиеся версии основного закона королевства Нидерландов в исторической перспективе представлены на официальном сайте http://www.denederlandsegrondwet.nl (accessed 10.06.2023)

которая была принята с использованием королём подтасовок в ходе голосования в парламенте. Важным источником является документ, оказавший ключевое влияние на развитие внешней политики в постнаполеоновский период, автором которого был Александр I, – Акт Священного союза от 14 (26) сентября 1815 г.[18]

Отдельного упоминания заслуживают найденные автором в Королевском домашнем архиве Гааги (KHA)[19] тексты брачного договора наследного принца Оранского и принцессы Шарлоттой Уэльской марта 1814 г. (браку не суждено было состояться)[20], а также брачного договора принца Оранского и великой княгини Анны Павловны февраля 1816 г.[21], в составлении которых лично участвовали министры иностранных дел соответствующих государств (Нидерландов и Великобритании, Нидерландов и Российской империи).

Важными источниками являются документы, находящиеся в Национальном архиве Нидерландов, в частности, рассматриваемые в данном исследовании указы Виллема I[22], изданные в период со времени образования Объединенного королевства Нидерландов в 1815 г. до Бельгийской революции 1830 г., а также с начала введения нидерландским королём в 1831 г. т.н. «политики упорства» до его отречения в октябре 1840 г.

Весьма существенными для рассмотрения в данном диссертационном исследовании являются найденные автором в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) тексты прокламаций короля и принца 1830 г., обращенные к бельгийцам в ходе Бельгийской революции[23], подробно рассматривается реакция на них российского императора Николая I.

---

[18] Акт Священного союза, заключенный в Париже 14 (26) сентября 1815 г. Мартенс Ф. Указ.соч. Том IV. Часть I. Трактаты с Австрией 1815 – 1849. СПб, 1878. С.4 – 7.
[19] По-нидерландски – Het Koninklijk Huisarchief (сокращенно – KHA).
[20] Huwelijkscontract van erfprins Willem van Oranje en prinses Charlotte (1814). Het Koninklijk Huisarchief, Den Haag (KHA), A40 – II – 6.
[21] Huwelijkscontract van prins Willem van Oranje en grootvorstin Anna Paulowna. KHA. A40 – II – 10.
[22] Koninklijke Besluiten van Willem I. Сайт Национального архива Нидерландов https://www.nationaalarchief.nl/onderzoeken/archief/2.02.01 (accessed 10.06.2023).
[23] Proclamaties van Koning Willem I en Prins van Oranje. АВПРИ. Ф.Канцелярия. оп. 469. Д.42. Лл.55, 77, 83, 84.

Кроме того, значимыми законодательными источниками являются решения и протоколы Лондонской конференции 1830 – 1831 гг.[24], а также Лондонские трактаты от 3 (15) ноября 1831 г.[25] и от 7 (19) апреля 1839 г.[26], которыми документально было учреждено независимое Бельгийское королевство и установлены официальные границы между Нидерландами и Бельгией.

И наконец, источниками, необходимыми для анализа взаимодействия правящих Домов Романовых и Оранских в период окончания правления короля Нидерландов Виллема I, являются акт об отречении короля от 7 октября 1840[27], а также описание церемонии инаугурации нового короля, Виллема II от 27 – 28 ноября 1840 г. из Нидерландского национального архива[28]. Эти события ознаменовали собой начало новой эпохи в истории Нидерландов.

Ко ***второй*** группе относятся материалы официальной переписки между членами королевской семьи Оранских-Нассау и императорской семьи Романовых, а также донесения дипломатических представителей России и Нидерландов.

В частности, для данного исследования интерес представляли источники, свидетельствующие о тесном и родственном общении между правящими династиями обоих государств и раскрывающие подходы российских императоров по отношению к королю Нидерландов и наследнику нидерландского престола, принцу Оранскому. Для выполнения поставленных в диссертации задач автор использовал оригинальные архивные материалы переписки и корреспонденции, найденные им в Королевском домашнем архиве г.Гааги, АВПРИ (Москва), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Москва), РГИА (Санкт-Петербург), сборнике документов голландского историка начала XX века

---

[24] Протоколы уполномоченных 5 держав (ноябрь 1830 – ноябрь 1831 г.). ВПР. Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Серия II. Т. XVII. М.: Международные отношения, 2005. С.129, 196, 236, 261, 336, 373, 495, 567.

[25] Мартенс Ф. Указ.соч. Том XI. Трактаты с Англией 1801 – 1831. СПб, 1892. С.467 – 491. Также: ВПР. Т.XVII. С.567 – 579.

[26] Там же. Том XII. Трактаты с Англией 1832 – 1895. СПб, 1898. С.84 – 103.

[27] Akte van afstand van de troon door koning Willem I. Nationaal Archief [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nationaalarchief.nl/onderzoeken/archief/2.02.01/invnr/6087B/file/NL-HaNA_2.02.01_6087B_04 (Дата обращения 12.06.2023).

[28] Inhuldiging en feesttochten van Zijne Majesteit Koning Willem II. Nationaal Archief [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nationaalarchief.nl/onderzoeken/archief/2.02.01/invnr/6087B/file/NL-HaNA_2.02.01_6093B_03 (Дата обращения 12.06.2023).

Х.Т.Коленбрандера (1905 – 1922)[29], сборнике документов Министерства иностранных дел Российской Федерации «Внешняя политика России XIX и начала XX века» (1970, 1972, 1995, 2005 гг.)[30], историческом журнале «Красный архив» (№ 1 (104) от 1941 г.)[31], сборнике Ф.Ф.Мартенса «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами» (1875, 1876, 1878, 1892, 1895, 1898, 1905 гг.)[32], монографии нидерландских историков Д.Херманс и Д.Хоогхимстры «Очевидцы правления королей 1813 – 1890» (2008 г.)[33], сборнике писем канадского историка С.Джекмана «Отношения Романовых. Из частной корреспонденции Анны Павловны и её семьи» (1987 г.)[34].

К этой группе относится и переписка Романовых с находившимися в изгнании Оранскими с 1799 по 1813 гг., в том числе переписка Павла I с принцем Оранским, бывшим статхаудером Виллемом V[35], а также с наследным принцем Виллемом Фредериком (будущим первым королем независимых Нидерландов Виллемом I) с 1799 по 1801 г.[36], переписка российских министров с правительством короля Голландии Людовика Бонапарта с 1806 по 1810 гг.[37] Значительное место в исследовании занимает как корреспонденция Романовых с Оранскими, так и переписка в ходе освобождения Нидерландов от наполеоновского владычества, в том числе письменные просьбы от члена Временного правительства Нидерландов, основоположника голландской независимости Г.К. ван Хогендорпа российскому генералу А.Х.Бенкендорфу о

---

[29] Colenbrander H.T. Gedenkstukken der Algemeene Geschiedenis van Nederland van 1795 tot 1840. Dl. 5–10. ‘s Gravenhage, 1905–1922. – 1038 p.

[30] ВПР. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1. Том VII: январь 1813 г. – май 1814 г. М.: Издательство политической литературы, 1970. – 872 с.; Том VIII: май 1814 г. – ноябрь 1815 г. М.: Издательство политической литературы, 1972. – 780 с.; Серия 2. Том VIII (XVI): январь 1829 г. – август 1830 г. М: Международные отношения, 1995. – 738 с.; Том XVII: август 1830 г. – январь 1832 г. М.: Международные отношения, 2005. – 720 с.

[31] Молок А.И. К истории революции 1830 г. в Бельгии// Красный архив. 1941 г. № 1 (104). – С. 199 – 248.

[32] Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Том II. Трактаты с Австрией 1772 – 1808 г. СПб, 1875. – 532 с.; Том III. Трактаты с Австрией 1808 – 1815. СПб, 1876. – 561 с.; Том IV. Часть 1. Трактаты с Австрией 1815 – 1849. СПб, 1878. – 621 с.; Том IX (X). Трактаты с Англией 1710 – 1801. СПб, 1892. – 563 с.; Том XI. Трактаты с Англией 1801 – 1831. СПб, 1895. – 514 с.; Том XII. Трактаты с Англией 1832 – 1895. СПб, 1898. – 520 с.; Том XIV. Трактаты с Францией 1807 – 1820. СПб, 1905. – 447 с.

[33] Hermans D, Hooghiemstra D. Ooggetuigen van de Koningen van Nederland 1813–1890. Amsterdam, 2008. – 350 p.

[34] Jackman S.W. Romanov Relaties. Uit de prive-correspondentie van Anna Paulowna en haar familie. Baarn: Bosch & Keuning nv, 1987. – 239 p.

[35] АВПРИ, ф. Сношения России с Голландией. Оп.50/2. Д.94, лл.1 – 6, 17, 18.

[36] КНА, A 35-VIIIb-99; АВПРИ, ф. Сношения России с Голландией. Оп.50/6. Д. 10. Л.1–2, д.387, лл. 18 – 20.

[37] АВПРИ, ф. Канцелярия, д.5910, л.6 – 9; д.5911, л.6 – 7; д. 5912, л.99 – 100.

содействии в освобождении Нидерландов[38], письма суверенного государя[39] (будущего короля Виллема I) Виллема Фредерика с благодарностью за освобождение Нидерландов императору Александру I[40] и генералу А.Х.Бенкендорфу[41], а также ответ российского императора суверенному государю со словами поддержки в его борьбе за независимость Нидерландского королевства[42].

Для рассмотрения в данном исследовании подготовки брака наследного принца Оранского и Шарлотты Уэльской в 1814 г. очень ценным источником стал сборник писем английского историка А. Аспиналла «Письма принцессы Шарлотты 1811 – 1817»[43], в котором из переписки несостоявшейся невесты нидерландского наследника престола Виллема мы узнаем о подробностях исторического периода, в котором Нидерланды и Великобритания вели подготовку к осуществлению этого неудавшегося династического брака.

Незаменимым для данной работы источником является опубликованная в 1910 г. внуком императора Николая I, великим князем Николаем Михайловичем «Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной»[44]. Необходимо отметить, что именно Екатерина Павловна, любимая сестра Александра I, которую император в начале 1814 г. направил в Нидерланды (почти сразу после освобождения страны русскими войсками), была первой, кто в своих письмах посоветовала императору обратить серьёзное внимание на это государство в плане выстраивания с ним долгосрочных отношений. Она сообщала венценосному брату о положении дел в этой стране, о ее достижениях, подробно описывала ему членов правящей династии Оранских. После посещения

---

[38] Рогинский В.В. Россия и освобождение Нидерландов от наполеоновского господства // Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 54, найдено автором статьи в ЦГИА ЭССР, г.Тарту. Ф. 2249. Д. 99. Л. 14–14 об. Также: Colenbrander H.T. Op cit. Deel 6. Hoofdstuk VIII. ’s Gravenhage, 1912. – P. 1985 – 1986.

[39] В архивных документах на нидерландском языке *soevereine vorst* – суверенный правитель, князь, государь (титул принца Оранского с декабря 1813 по март 1815 г.)

[40] АВПРИ, ф.Канцелярия. Оп.468. Д..6313, лл. 3–3 об.

[41] Colenbrander H.T. Op cit. Deel 7. Hoofdstuk V. ’s Gravenhage, 1914. – P. 370, 412, 438 – 439, 444.

[42] АВПРИ, ф.Канцелярия. Оп.468. Д..6314, лл. 1–1 об.

[43] Aspinall A. Letters of the Princess Chalotte 1811 – 1817. London: Home and Van Thal, 1949. – 254 p.

[44] Великий князь Николай Михайлович. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб, 1910. – 320 с.

Нидерландов в марте 1814 г. Екатерина Павловна по поручению Александра отправилась на корабле в Англию, где была встречена британским королевским двором – принцем-регентом Георгом IV и его дочерью принцессой Шарлоттой, которую планировали выдать замуж за нидерландского наследного принца, чему в итоге не суждено было сбыться. В своих письмах брату-императору Екатерина дает также подробную характеристику членов английского королевского двора, в том числе Шарлотты Уэльской, что вероятно, давало Александру I пищу для размышлений в отношении его будущего российско-нидерландского династического проекта.

После принятия на себя королевского титула 16 марта 1815 г. Виллем I одному из первых монархов крупных держав написал об этом Александру I[45], тем самым подчеркивая свое уважение российскому императору, благодаря которому Оранские встали во главе нидерландского престола. Важными источниками являются письма из корреспонденции российского императора и короля Нидерландов по поводу подготовки брака принца Оранского и великой княгини Анны Павловны, в том числе письмо, направленное Александром I Виллему I из Парижа от 23 июля 1815 г.[46], после того, как император наградил принца Виллема орденом Святого Георгия, а также ответ короля Виллема I и самого принца Оранского с благодарностью и согласием на этот брак[47].

Значимым источником для данной работы стала переписка между отцом и сыном Оранскими в ходе поездки принца Виллема в Россию на брачные торжества в конце 1815 – первой половине 1816 г.[48] В ней Виллем рассказывает, насколько он стал близок с семьей Романовых, и что он был радушно принят российской императорской семьей.

Весьма интересной и важной является откровенная переписка между Александром I и принцем Оранским, свидетельствующая о высоком уровне взаимного доверия, с начала образования Объединенного королевства

[45] АВПРИ, Ф.Канцелярия. Оп.468. Д.6462, лл. 1 – 2.
[46] АВПРИ, ф.Канцелярия. Оп.468. Д.6463. С 1 – 4; Также: ВПР. Серия 1. Т.VIII. С.428 – 429.
[47] АВПРИ, там же. Д.6462, лл. 4 –5.
[48] КНА, A 40-II-13, 14, 40; A 40-VIa-II; АВПРИ, ф.Канцелярия. Оп.468. Д.6462, лл. 12 – 13.Д.6464, лл. 5 – 6.

Нидерландов в 1815 г., затем в ходе предреволюционного кризиса и до начала Бельгийской революции 1830 г. В найденных автором в архивах письмах Виллем-младший во всех подробностях, еще за 13 лет до вооруженного восстания в Брюсселе раскрывал своему царственному шурину Александру I ошибки правления своего отца, короля Нидерландов, ставшие причиной катастрофического положения в бельгийских провинциях его королевства[49].

Большой интерес представляет корреспонденция принца Оранского с Александром I и сменившим его Николаем I, которая показывает эволюцию взглядов принца Оранского, отход от либеральных воззрений, и сближение с родственниками Романовыми в ходе поездок в Россию с 1820 по 1828 г., в том числе в тяжелые годы конца 1825 – начала 1826 г. во время похорон Александра I[50]. В своей переписке с дочерью Анной Павловной вдовствующая императрица Мария Федоровна говорит о том, насколько важным было присутствие в Санкт-Петербурге принца Оранского и необходима его поддержка, в том числе новому императору Николаю I в осуждении восстания декабристов[51]. Также большое значение имеют письма в ходе поездки Виллема и Анны в Россию, где Виллем восхищался всем увиденным, в том числе по памятным местам Отечественной войны 1812 г., а также показанный принцу Александром I в июле 1825 г. в Санкт-Петербурге торжественный парад российских элитных войск[52].

Весьма важное место в исследовании занимает корреспонденция в ходе Бельгийской революции 1830 г., а также 10-дневного похода в Бельгию в августе 1831 г. между королем, принцем Оранским и императором Николаем I, в которой, в частности, принц откровенно и подробно раскрывает своему царственному шурину свои мысли, опасения, озабоченности по поводу происходивших событий[53]. Отдельного рассмотрения в исследовании заслуживают послание

---

[49] АВПРИ, там же. Д. 6553, лл.1 – 16; Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 8. Hoofdstuk V.‘s-Gravenhage, 1915. P.611 – 613, 630.
[50] КНА, A 40-VIa-21; АВПРИ, там же. Д. 6610, лл.1 – 1 об. Colenbrander H.T. Op.cit. Hoofdstuk V. P. 690 – 691.
[51] КНА, G54 – 86.
[52] КНА, A 40-VIa-37.
[53] КНА, A 35-VIIb-83, A 40-VIb-81; АВПРИ, ф.Канцелярия МИД. Оп.469. Д. 180, лл.3 – 8; Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 10. Hoofdstuk V. P. 394 – 395, 404 – 405, 411 – 412, 420 – 421, 445 – 446, 487.

Виллема I российскому императору с просьбой о военной помощи в борьбе с бельгийскими повстанцами[54], а также реакция Николая I на это обращение[55]. Из писем Анны Павловны любимому брату, императору Николаю I, найденных в Королевском домашнем архиве в Гааге и сборнике канадского историка С.Джекмана мы узнаем о чувствах и переживаниях великой княгини в указанный период истории королевства Нидерландов, в том числе о её разочаровании бельгийцами, к которым она до Бельгийской революции относилась с симпатией[56].

Незаменимым подспорьем для анализа ситуации в королевстве Нидерландов стали письма дипломатических представителей из Гааги и Лондона в Санкт-Петербург, от министра иностранных дел России К.Нессельроде посланникам в Гааге и Лондоне в ходе Бельгийской революции, а также Лондонской конференции[57]. Значительное место в работе занимают объемные отчеты о своей командировке графа А.Ф.Орлова, направленного Николаем I в Гаагу в феврале – марте 1832 г. с целью «убедить голландского короля присоединиться к Лондонскому трактату»[58].

Следует отметить найденные в ходе исследования не публиковавшиеся ранее письмо российского императора из г. Мюнхенгреца[59] нидерландскому монарху от 19 сентября 1833 г.[60] с просьбой пересмотреть его «политику упорства» и перейти к подписанию мирного соглашения с Бельгией (вопрос, державший Европу в напряжении, поскольку Нидерланды с 1831 г. фактически находились в состоянии войны с бельгийскими соседями) и ответ Виллема I

---

[54] АВПРИ, ф.Канцелярия МИД. Оп.469, д. 52. Лл.96 – 97; Colenbrander H.T. Op. cit. Hoofdstuk X. P.396 – 397; Молок А.И. К истории революции 1830 г. в Бельгии// Красный архив. 1941 г. № 1 (104). – С. 217 – 218.
[55] АВПРИ, там же. Д.207, лл. 7 – 8. Красный архив. Там же. С.230. Colenbrander H.T. Op.cit. P.410 – 411.
[56] KHA, A 41-IIIb-3. Jackman S.W. Op. cit. P. 120 – 135, 146 – 154.
[57] АВПРИ, ф.Канцелярия МИД. Оп.469, д. 42, лл. 65 – 66, 69 – 70, 81 – 82, 116 – 117, 157 – 158, 345 – 349; д. 43, лл. 60, 68 – 70, 77, 80, 127, 227, 214 – 215; д. 9234, лл. 120 – 123. Красный архив. Журнал. 1941 г. № 1 (104). С. 218, 225. Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 10. Hoofdstuk V. P. 389, 450 – 451, 475 – 476, 482 – 483, 491 – 494, 496, 508 – 511. ВПР. Т. XVII. С.103 – 105, 153, 205 – 215, 242, 321, 322, 381 – 383, 427 – 428, 443, 447, 527 – 533, 602, 613 – 615, 635 – 638.
[58] АВПРИ, ф. Канцелярия МИД. Оп. 469, д. 9234, лл.146, 147, 148 – 160, 202 – 234; Colenbrander H.T. Op.cit. P. 547 – 573, 577 – 597.
[59] Таким было название до 1850 г. города Мнихово-Градиште (Чешская Республика).
[60] Colebrander H.T. Op.cit. P. 606.

Николаю I от 5 ноября 1833 г.[61], с согласием пойти навстречу союзным державам и впервые с начала бельгийского конфликта чётко выраженным желанием завершить его и присоединиться к одобренному в конце 1831 г. всеми крупными державами Европы «Договору «24 статей».

Трудность положения в королевской семье Оранских в пост-революционный период показана в письмах принца Оранского императору Николаю I, в том числе в период после кончины королевы Нидерландов, супруги Виллема I Вильгельмины в октябре 1837 г. [62] В переписке российского и нидерландского правящих Домов обсуждается также скандальное решение короля через полтора года после смерти своей супруги вступить в брак с бывшей фрейлиной королевы, бельгийской графиней Д'Ультремонт, что было воспринято с возмущением как всеми членами королевской семьи Оранских, так и голландской общественностью[63].

Весьма любопытными являются реакция принца Оранского на решение его отца[64], в том числе вследствие неоднократных увещеваний со стороны союзных держав, в первую очередь, России, де-юре завершить конфликт с Бельгией и подписать с ней окончательный мирный договор, а также оценка Николаем I данного важнейшего для обеспечения мира в Европе 1830-х гг. шага Виллема I[65].

Существенными материалами являются архивные документы, письма, опубликованные в сборнике нидерландских авторов Д.Херманс и Д.Хоогхимстры «Очевидцы правления королей Нидерландов 1813 – 1890»[66], где показана вся эволюция правления и сложная эпоха короля Виллема I.

Довольно интересными для исследования представляются письма Анны Павловны, а также принца Оранского Николаю I в конце 1840 г., в которых

---

[61] Ibidem. P.606 – 607.
[62] KHA, A 40-VIb-81; ГАРФ. Ф.728. Опись I. Дело 1466.8; Colenbrander H.T. Op.cit. P. 621.
[63] KHA, A35 – III – 19; A41 – IIIb – 5; A46 – VII – 14. Colenbrander H.T. Op.cit. P.630 – 631. Jackman S. Op.cit. P.187 – 188.
[64] KHA, A40 – VIa – 37.Colenbrander H.T. Op.cit. P. 621.
[65] Colenbrander H.T. Op.cit. Hoofdstuk II. P.412.
[66] Hermans D., Hooghiemstra D. Ooggetuigen van de Koningen van Nederland 1813-1890. Amsterdam, 2008. – 350 p.

описывается ситуация с отречением короля Виллема I, а также инаугурация нового короля Виллема II[67].

К ***третьей*** группе относятся источники мемуарного характера, в частности, записки[68] и автобиографические заметки принца Оранского[69], в которых наследник нидерландского престола делится мыслями о тесных связях своей династии с императорским домом Романовых, а также о взаимоотношениях с королем-отцом в указанный в исследовании исторический период.

Большой интерес представляют дневники и воспоминания одного из основателей нидерландской государственности, члена Временного правительства Нидерландов 1813 г. Гейсберта Карела ван Хогендорпа[70]. Убежденный оранжист и преданный Дому Оранских, один из авторов текстов конституции Нидерландов 1814 и 1815 гг., он был вынужден уйти в 1819 г. в отставку из-за расхождений его взглядов с позицией короля Виллема I. Незаменимыми источниками являются воспоминания статс-секретаря и руководителя кабинета короля, а впоследствии посла Нидерландов в Лондоне и личного советника Виллема I – Антона Рейнхарда Фалька[71].

Отдельно следует выделить воспоминания графа, генерала А.Х.Бенкендорфа[72], в которых он рассказывает об Отечественной войне 1812 г., об освобождении Голландии от французских войск, подробно описывая военные действия русских казачьих отрядов под его командованием. В этих воспоминаниях повествуется об одной из ярчайших страниц русской военной истории и первой странице истории независимого нидерландского королевства.

О подготовке нидерландско-британского проекта брака наследного принца Оранского и принцессы Шарлотты Уэльской в 1814 г. и причинах его неудачи

---

[67] KHA, A 40 – VIb – 81; A41 – IIIb – 5, 6. Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 10. Hoofdstuk V. P.634. Jackman S.W. Op.cit. P.190 – 196.
[68] KHA, A40-XII-3, «Livre de Notes» (с французского – «Записная книжка»).
[69] KHA, G54-32 Willem II. Autobiografische aantekeningen.(с нидерландского – «Виллем II. Автобиографические заметки») 1821 – 1822.
[70] Hogendorp, G.K. Brieven en gedenkschriften. 7 delen. ‘s-Gravenhage, 1866 – 1907. – 827 p.
[71] Falck Anton Reinhard. Gedenkschriften, bezorgd door H.T.Colenbrander. ‘s-Gravenhage, 1913. – 800 p.
[72] Записки Бенкендорфа. 1812 г. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов/ сост. П.Н. Грюнберг. М.: Языки славянских культур, 2001 г. – 394 с.

повествует в своих мемуарах член Временного правительства Нидерландов 1813 г. и доверенное лицо суверенного государя Виллема Фредерика в подготовке брака, а позднее советник короля граф Ф.А. ван дер Дёйн ван Маасдам[73]. Заслуживают внимания опубликованные в 1908 г. «Записки княгини Ливен»[74], супруги видного российского государственного деятеля XIX века, посла России в Лондоне Х.А.Ливена, родной сестры генерала, освободителя Нидерландов А.Х.Бенкендорфа, о пребывании великой княгини Екатерины Павловны в Лондоне и ее возможной причастности к разрыву помолвки между Виллемом и Шарлоттой в июне 1814 г., а также автобиография Корнелии Найт[75], компаньонки британской принцессы Шарлотты, повествующая о сложных взаимоотношениях принцессы с отцом, принцем-регентом, ставшим в 1820 г. королём Великобритании Георгом IV, с матерью Каролиной Брауншвейгской, а также развитии отношений с наследным принцем Оранским и всех перипетиях этого несостоявшегося брачного союза.

Весьма ценными являются воспоминания очевидца единственного визита Александра I в Нидерланды в начале июля 1814 г. члена королевского института и общества наук Нидерландов Якобуса Схелтемы (1767 – 1835) о поездке российского императора в Роттердам, Заандам, Амстердам и Гаагу[76], где он описывает российского императора как освободителя нидерландского отечества.

Следует также отметить книгу современного французского романиста и историка, члена французской академии Анри Труайя, который в своей книге «Невеста Наполеона»[77] описывает ощущения Анны Павловны в период ее взросления, во время брачного предложения Наполеона, Отечественной войны 1812 г., ее отношения с матерью Марией Федоровной и императорами Александром I и Николаем I, ее знакомстве с принцем Оранским и церемонии бракосочетания в Санкт-Петербурге в феврале 1816 г. Французский писатель

---

[73] Gedenkschriften van den Graaf van der Duyn van Maasdam en van den baron van der Capellen. Amsterdam, 1853. – 546 p.
[74] Ливен Д.Х. Из записок княгини Ливен/ Пер. В. Фон-Штейн. СПб: А.С. Суворин, 1908 г. – 243 с.
[75] Autobiography of Miss Cornelia Knight, Lady Companion to the Princess Charlotte of Wales. London, 1861. – 350 p.
[76] Scheltema Jacobus. Alexander, Keizer van Rusland, in Holland en te Zaandam. Amsterdam, 1814. – 214 p.
[77] Труайя А. Невеста Наполеона/ Пер. с французского В.Жуковой. М.: Изд-во Эксмо, 2005 г. – 224 с.

повествует так, будто бы сама великая княгиня Анна писала о своем состоянии и переживаемых моментах. Автор погружает читателя в атмосферу, царившую при императорском дворе в начале XIX века.

О борьбе с Наполеоном, доблестной службе наследного принца Оранского, находившегося под его командованием, а также личности российского императора Александра I рассказывает в своих воспоминаниях легендарный герцог Веллингтон. Они были собраны и изданы его сыном, 2-м герцогом Веллингтоном Артуром Уэлсли[78]. О своей деятельности и совместной работе с Александром I, в том числе по нидерландскому вопросу, в ходе Венского конгресса 1814 – 1815 гг. повествует в своих мемуарах виконт Каслри, министр иностранных дел Великобритании с 1812 по 1822 г.[79] О поездке короля Виллема I по стране в 1829 г. и его кропотливой работе, в т.ч. в ходе предреволюционного кризиса в королевстве писал секретарь первого нидерландского монарха, а впоследствии видный нидерландский государственный деятель, заложивший основы первой политической партии Нидерландов – Антиреволюционной партии (ARP) – Г. Грун ван Принстерер[80]. Видный голландский государственный деятель первой половины XIX века, министр иностранных дел, министр внутренних дел и председатель Первой Палаты Генеральных штатов Нидерландов В.Рёель повествует в своих воспоминаниях «Разговоры с королем Виллемом I»[81] о нидерландском монархе и их беседах в период предреволюционного кризиса в Объединенном королевстве Нидерландов. В них можно найти много информации и представляющих большой интерес личных наблюдений автора о характере Виллема I, принца и членов нидерландской королевской семьи и их отношении к императорскому дому Романовых.

---

[78] Wellesley, Arthur. Supplementary Despatches and Memoranda of Field Marshall Arthur, Duke of Wellington. London, 1863. – 765 p.
[79] Castlereagh Memoirs and Correspondence of Viscount Castlereagh, Second Marquess of Londonderry. London, 1848 – 1853. – 520 p.
[80] Groen van Prinsterer, Guillaume. Schriftelijke nalatenschap. 6 delen. C.Gerretsen, H.J.Smit. ‘s Gravenhage, 1925 – 1952. – 910 p.
[81] Gesprekken van Röell met den koning Willem I. 1826 – 1839. Medegedeeld door C.Gerretsen. 1936. – 226 p.

И к последней, ***четвертой*** группе относятся источники средств массовой информации, а именно официальные сайты Королевского Дома Оранских, Королевского домашнего архива в Гааге, парламента[82], а также крупные нидерландские государственные издания, в которых содержатся сведения о королевской семье Оранских, о королевских указах, о законах и их рассмотрении нидерландским правительством: Het Staatsblad, Staatscourant, Tractatenblad[83].

Учитывая то, что в подготовке данного исследования автор использовал редкие нидерландские источники, значительная часть из перечисленных документов вводится в научный оборот впервые. Среди них – целый корпус архивных документов из Королевского домашнего архива г. Гааги (KHA), Национального архива Нидерландов (NA), сборники документов голландского историка XIX – XX веков Х. Т. Коленбрандера о всеобщей истории Нидерландов и о подготовке текста нидерландской конституции 1815 г. До настоящего исследования в научном обороте ранее не использовались труды таких голландских историков как Й. Киккерт, Д.Херманс, Д.Хоогхимстра, М.Дидье, Й.Кох, Й. ван Зантен, нидерландского публициста и общественного деятеля XIX века Я. Схелтемы, английского историка А.Аспиналла, канадского историка С.Джекмана. Кроме того, впервые вводятся в научный оборот мемуары основоположника нидерландской независимости XIX в. и члена временного правительства Нидерландов Г.К. ван Хогендорпа, статс-секретаря, посла Нидерландов в Лондоне и личного советника короля Виллема I А. Фалька, секретаря Виллема I и видного государственного деятеля Нидерландов Г. Грун ван Принстерера, члена временного правительства Нидерландов XIX в. и

[82] Официальный сайт Королевского дома Оранских – http://www.koninklijkhuis.nl (date of access 03.07.23 г.);
Официальный сайт экспонатов Королевского домашнего архива г.Гааги – http://koninklijkeverzamelingen.nl/ (date of access 03.07.23 г.);
Официальный сайт правительства Нидерландов – http://www.rijksoverheid.nl/ (date of access 03.07.23 г.);
Официальный сайт парламентских вопросов, с подробной биографической информацией о государственных деятелях Нидерландов – http://www.parlement.com. (date of access 03.07.23 г.).

[83] Официальный сайт правительственных газет о принятых законах и королевских указах Нидерландов – http://www.officielebekendmakingen.nl (date of access 03.07.23 г.)

советника Виллема I Ф.А. ван дер Дёйна ван Маасдама и других государственных деятелей Нидерландов.

Степень разработанности темы диссертации и обзор историографии

Анализ литературы по теме диссертации позволяет констатировать, что как в отечественной, так и зарубежной историографии число работ, посвященных исследованию вопроса влияния династических связей на развитие межгосударственных отношений, их роли в реализации внешнеполитических интересов монархических государств, крайне ограничено. Большинство публикаций, так или иначе затрагивающих изучаемую проблематику, носят преимущественно описательный характер и не содержат специального анализа роли династической стороны двусторонних связей.

Из общих работ, посвященных дипломатической истории становления и развития Венской системы, можно выделить научные издания «Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн» под ред. А.В.Торкунова и М.М.Наринского, 6-я глава «Венский конгресс и формирование новой системы международных отношений»[84], «200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии: материалы IX Конвента РАМИ» под редакцией А.В.Ревякина[85], «История дипломатии. Том 1» под редакцией В.П.Потёмкина[86], монографию Л.А. Зака «Монархи против народов»[87], монографию М.А.Додолева «Венский конгресс в историографии XIX и XX веков»[88]. Из научных трудов зарубежных историков, повествующих о Венской системе, хотелось бы отметить 3-й том издания Э.Лависса и А.Рамбо «История XIX века»[89], монографию П.Шрёдера «Трансформация европейской политики:

[84] Наринский М.М. Венский конгресс и формирование новой системы международных отношений // Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн: научное издание / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Глава 1. М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 220–255.
[85] 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии. Материалы IX Конвента РАМИ / Под ред. А.В. Ревякина. М.: МГИМО-Университет, 2016. – 207 с.
[86] История дипломатии. В трёх томах. Том 1/ Под ред. В.П.Потёмкина. М.: ОГИЗ, 1941. – 566 с.
[87] Зак Л.А. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М.: Международные отношения, 1966. – 376 с.
[88] Додолев М.А. Венский конгресс в историографии XIX и XX веков. М.: ИВИ РАН, 2000. – 253 с.
[89] Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. В 8 томах. 3 том/ Пер. с французского Е.В.Тарле. М.: ОГИЗ, 1938. – 452с.

1763 – 1848»[90], статьи М.Рэндалла[91], «а также книги Г.Киссинджера «Дипломатия»[92] и «Мировой порядок»[93].

О месте и роли России в Венской системе речь идет в монографии «История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.)» под редакцией О.В. Орлик, В.Н.Пономарева, А.Н.Сытина[94], коллективной монографии «От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI - начало XX века» под редакцией И.С. Рыбаченок[95], также в книге Е.П.Киняпиной «Внешняя политика России первой половины XIX в.»[96], ее статье «Внешняя политика Николая I»[97].

О политической и дипломатической истории Европы в исследуемый период повествуется в 5-м томе «От французской революции конца XVIII в. до Первой мировой войны» научного издания «История Европы» под редакцией С.П.Пожарской, А.С.Намазовой, В.Н.Виноградова[98], в 4-м томе монографии Н.И.Кареева «История Западной Европы в Новое время. XIX век – консульство, империя и реставрация»[99], в 1-м томе труда книге французского историка А.Дебидура «Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса. Священный союз: 1814 – 1847»[100], научном труде немецкого и русского

---

[90] Schroeder P.W. The Transformation of European Politics, 1763 – 1848, Oxford: Clarendon Press, 1996. – 920 p.

[91] Rendall M. Defensive Realism and the Concert of Europe// Review of International Studies. – 2006. –Vol. 32. – No 3. – P. 523–540; Rendall M. A Qualified Success for Collective Security: The Concert of Europe and the Belgian Crisis, 1831//Diplomacy and Statecraft. – 2007. – Vol. 18.— No 2. – P. 271 – 295.

[92] Киссинджер Г. Дипломатия/ Пер. с англ. В. Львова. М.: Ладомир, 1997. – 848 с.

[93] Киссинджер Г. Мировой порядок/ Пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. М.: АСТ, 2016. – 512 с.

[94] История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / Под ред. О.В. Орлик, В.Н.Пономарева, А.Н.Сытина. М.: Международные отношения, 1999. – 448 с.

[95] От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века / отв. ред. И.С. Рыбаченок. – М: Центр гуманитарных инициатив; СПб: Институт российской истории, 2015. – 439 с.

[96] Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в.: 1700 – 1918 гг. М.: Высшая школа, 1963. – 286 с.

[97] Киняпина Н.С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1 – 2. – С. 192 – 210; 139 – 152.

[98] История Европы. В восьми томах. Том 5. От французской революции конца XVIII в. до Первой мировой войны/ Под ред. С.П.Пожарской, А.С.Намазовой, В.Н.Виноградова. М.: Наука, 2000. – 670 с.

[99] Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Том IV. XIX век – консульство, империя и реставрация. СПб: Типография М.М.Стасюлевича, 1894. – 671 с.

[100] Дебидур А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса. В двух томах. Том 1. Священный союз: 1814 – 1847/ Пер. с французского. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. – 482 с.

историка Ф.Лоренца «История новейшего времени. От Венского конгресса до Парижского мира (1815 – 1856)»[101], в исследованиях британского историка Э.Хобсбаума «Век революции. Европа 1789 – 1848»[102], «Нации и национализм после 1780 г.»[103] и в монографии А.О.Чубарьяна «Европейская идея в истории. Проблема войны и мира»[104].

О природе национально-освободительных и революционных движений в Европе 1820-х гг., олицетворявших рассмотренный в исследовании процесс «пробуждения европейских наций» и смены парадигм от «Европы королей» к «Европе наций», на примере Греческой революции 1821 г. рассказывается в работах О.Е. Петруниной: «К вопросу о национальной самоидентификации греков в эпоху революции 1821 г.»[105], «Революция 1821 г. в школьном курсе истории в Греции и на Кипре»[106], в одной из глав коллективной монографии «1821 год в истории балканских народов (к 200-летию начала Греческой национально-освободительной революции)», посвященной идеологеме революции 1821 года в общественно-политической жизни Греции[107]. В то время как в отечественной историографии подробно и разносторонне исследовано влияние Российского Императорского Дома на становление монархий на Балканах, а также проанализированы причины, приведшие к свержению правящей династии Обреновичей (работы Я.В.Вишнякова «Документы департамента полиции Российской империи о династическом кризисе в Сербии начала XX вв.»[108],

---

[101] Лоренц Ф. История новейшего времени. От Венского конгресса до Парижского мира (1815 – 1856). СПб: Картографическое заведение А.Ильина, 1871. – 565 с.
[102] Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789 – 1848/ Пер. с английского Л.Якуниной. М.: Феникс, 1999. – 475 с.
[103] Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г./ Пер. с английского А.Васильева. М.: Алетейя, 2017. – 308 с.
[104] Чубарьян А.О. Европейская идея в истории. Проблема войны и мира. М.: Международные отношения, 1987. – 350 с.
[105] Петрунина О.Е. К вопросу о национальной самоидентификации греков в эпоху революции 1821 г.// Каптеревские чтения-11. Сборник статей/ отв.ред. М.В.Бибиков/ М.: ИВИ РАН, 2013. № 1 – 2. – С. 192 – 196.
[106] Петрунина О.Е. Революция 1821 г. в школьном курсе истории в Греции и на Кипре// Славяне и Россия: Балканы в вихре национально-освободительных движений (к 200-летию начала Греческой революции 1821 – 1829 гг. Колл. монография/ Отв.ред. С.И.Данченко/ М.: Институт славяноведения РАН, 2022. – С. 48 – 61.
[107] Петрунина О.Е. Идеологема революции 1821 г. в общественно-политической жизни Греции // 1821 год в истории балканских народов (к 200-летию начала Греческой национально-освободительной революции)/ Отв.ред. О.Е.Петрунина/ М.: Институт славяноведения РАН, 2022. – С. 113 – 123.
[108] Вишняков Я.В. Документы департамента полиции Российской империи о династическом кризисе в Сербии начала XX вв.// Славяне и Россия. Россия: Взгляд на Балканы. XVIII – XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С.Достян. Колл. монография / Отв.ред. С.И.Данченко/ М.: Институт славяноведения РАН, 2021. – С. 385 – 404.

«Революция Гуди и идеология сербской военной элиты»[109], «Русская революция и рождение Югославии»[110], «Российская Империя и югославянский вопрос в годы Первой мировой войны»[111]), в ней нет работ, посвященных теме династических связей домов Романовых и Оранских.

Влиянию феномена Французской революции конца XVIII века на дальнейшее развитие мировой истории, творческому осмыслению этого феномена в отечественной историографии, а также изучению мифологемы, апологетики и культа Французской революции, являющейся, по мнению историков, идеальной моделью для исследования динамики революций в целом, посвящены монографии А.В.Чудинова: «История Французской революции: пути познания»[112], «Старый порядок во Франции и его крушение»[113], «Французская революция: история и мифы»[114], а также изданная в соавторстве с Д.Ю.Бовыкиным книга «Французская революция»[115]. Значение Венской системы международных отношений в истории Европы, роль русских императоров Александра I и Николая I в устроении европейского порядка в постнаполеоновское время, а также история развития британской русофобии исследованы в трудах В.В.Дегоева: статьях «Венская система: испытание революцией 1830-1831 гг.»[116], «Александр I и проблема войны и мира в Европе (1815 – 1825)»[117], «Александр I и проблема европейского согласия после Венского

[109] Вишняков Я.В. Революция Гуди и идеология сербской военной элиты// Славяне и Россия: Балканы в вихре национально-освободительных движений (к 200-летию начала Греческой революции 1821 – 1829 гг.). Колл. монография/ Отв.ред. С.И.Данченко/ М.: Институт славяноведения РАН, 2022. – С. 223 – 241.
[110] Вишняков Я.В. Русская революция и рождение Югославии// Историки-слависты МГУ. Книга 16: Полвека служения кафедре славян. К 80-летию профессора Г.Ф.Матвеева. Научный сборник/ Отв.ред. Ю.А.Борисёнок, З.С.Ненашева, А.Н.Литвинова / М.: Издатель А.Ю.Степаненко, 2023. – С. 204 – 223.
[111] Вишняков Я.В. Российская Империя и югославянский вопрос в годы Первой мировой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т.15. Выпуск 2 (136) [Электронный ресурс]. – Доступно для зарегистрированных пользователей.
[112] Чудинов А.В. История Французской революции: пути познания. М: РОССПЭН, 2017. – 280 с.
[113] Чудинов А.В. Старый порядок во Франции и его крушение. М: Наука, 2017. – 205 с.
[114] Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М: Издательский дом Тион, 2024. – 464 с.
[115] Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. – 468 с.
[116] Дегоев В.В. Венская система: испытание революцией 1830-1831 гг.// Россия в XVIII-XX вв.: страницы истории/ Отв. ред. Л.В.Кошман. М.: Книжный дом «Университет», 2000. – С. 127 – 131.
[117] Дегоев В.В. Александр I и проблема войны и мира в Европе (1815 – 1825)// Россия XXI. М.: Издательские технологии, 2002. – №3. – С. 113 – 137.

конгресса»[118], «Краткий курс британской русофобии[119], главах «Сфинкс, не разгаданный до гроба», «Внешняя политика Александра I», «Николай I: железный самодержец» изданной В.В.Дегоевым в соавторстве с А.В.Торкуновым книги «Русская история: Государство. Цивилизация. Внешний мир»[120]. Вопросы восприятия Венской системы во Франции в годы Июльской монархии, внутриполитической борьбы во Франции и внешней политики правящих кругов Франции в рассматриваемое время, происхождения и эволюции французской русофобии в XIX веке, а также уникального опыта взаимодействия российского самодержавия и французского либерализма во времена Июльской монархии всесторонне анализируются в работах Н.П.Таньшиной: монографии «Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии»[121], статьях «Венская система и венские соглашения: взгляд из Франции»[122], «Антироссийские настроения во Франции в годы Июльской монархии (1830 – 1848)»[123], «Русско-французский диалог в годы оккупации Франции союзными войсками. 1814 –1818 гг.»[124], в монографии «Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского»[125], статье «Император Николай, безусловно, самый достойный человек в своей империи…»[126], книгах «Русофилы и русофобы: приключения французов в николаевской России»[127] и «Русофобия: история изобретения страха»[128]. Отдельно хотелось бы выделить

---

[118] Дегоев В.В. Александр I и проблема европейского согласия после Венского конгресса// Вопросы истории. – 2002. – №2. – С. 119 – 131.
[119] Дегоев В.В. Краткий курс британской русофобии// Международная жизнь. – 2022. – №9. – С. 30 – 47.
[120] Торкунов А.В., Дегоев В.В. Русская история: Государство. Цивилизация. Внешний мир. М: Аспект Пресс, 2024. – 687 с.
[121] Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М.: Прометей, 2005. – 512 с.
[122] Таньшина Н.П. Венская система и венские соглашения: взгляд из Франции // Россия и современный мир. – 2017. – №4 (97) – С. 61 – 76.
[123] Таньшина Н.П. Антироссийские настроения во Франции в годы Июльской монархии // Новая и новейшая история. – 2017. – №4 (97) – С. 91 – 108.
[124] Таньшина Н.П. Русско-французский диалог в годы оккупации Франции союзными войсками. 1814 –1818 гг.// Французский ежегодник. – 2018. – С. 218 – 239.
[125] Таньшина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М: РОССПЭН, 2018. – 334 с.
[126] Таньшина Н.П. Император Николай, безусловно, самый достойный человек в своей империи...// Родина. – 2020. – №4. – С. 117 – 120.
[127] Таньшина Н.П. Русофилы и русофобы: приключения французов в николаевской России. СПб: Евразия, 2020. – 352 с.
[128] Таньшина Н.П. Русофобия: история изобретения страха. М: Концептуал, 2023. – 496 с.

труды Н.П. Таньшиной, посвященные влиятельным личностям российской и европейской политики и дипломатии 1-й половины XIX века, сыгравшим важную роль в описываемых в данной диссертации исторических событиях: книги «К.В.Нессельроде: искусство быть дипломатом»[129], «Княгиня Ливен. Нетитулованная королева европейской дипломатии»[130].

Среди научных работ отечественных исследователей, рассказывающих о политической истории Нидерландов в рассматриваемый период, хотелось бы отметить книги Г.А.Шатохиной-Мордвинцевой «Нидерланды в новое и новейшее время»[131], «История Нидерландов»[132], её статью «Короткий век Королевства Объединенных Нидерландов»[133], монографию А.С.Намазовой «Бельгийская революция 1830 года»[134], её главу о революции 1830 года и образовании независимой Бельгии из «Истории Европы»[135] и монографию «Бельгия: эволюция государственности в XVIII – XX веках»[136].

Из работ зарубежных, преимущественно голландских, историков о политической и дипломатической истории Нидерландов в исследуемый период, где лишь в общих чертах затрагивается вопрос места королевства в Венской системе, хотелось бы выделить монографии голландского историка XIX – XX веков Х.Т.Коленбрандера о политической деятельности первого и второго королей независимых Нидерландов Виллема I[137] и Виллема II[138], научный труд историка Й.А. ван Хамела «Нидерланды среди держав»[139], монографию историка и адвоката К.Смита «Дипломатическая история Нидерландов, преимущественно

---

[129] Таньшина Н.П. К.В.Нессельроде: искусство быть дипломатом. СПб: Евразия, 2021. – 352 с.
[130] Таньшина Н.П. Княгиня Ливен. Нетитулованная королева европейской дипломатии. СПб: Евразия, 2021. – 384 с.
[131] Шатохина-Мордвинцева Г.А. Нидерланды в новое и новейшее время. М.: ИВИ РАН, 2002. – 277 с
[132] Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов. М.: Дрофа, 2007. – 515 с
[133] Шатохина-Мордвинцева Г.А. Короткий век Королевства Объединенных Нидерландов// Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т.9. Выпуск 8 (72) [Электронный ресурс]. С. 1 – 21.
[134] Намазова А.С. Бельгийская революция 1830 года. М.: Наука, 1979. – 198 с.
[135] Намазова А.С. Революция 1830 г. и образование независимой Бельгии // История Европы. В восьми томах. Том 5. От французской революции конца XVIII в. до Первой мировой войны/ Под ред. С.П.Пожарской, А.С.Намазовой, В.Н.Виноградова. М.: Наука, 2000. – С. 204 – 207.
[136] Намазова А.С. Бельгия: Эволюция государственности в XVIII – XX веках. М.: Наука, 2008. – 391 с.
[137] Colenbrander H.T. Willem I. Koning der Nederlanden. Eerste deel: 1772-1815. Amsterdam: Meulenhoff, 1931. – 377 p.; Colenbrander H.T. Willem I. Koning der Nederlanden. Tweede deel: I: 1815-1830. Amsterdam: Meulenhoff, 1935. – 358 p.
[138] Colenbrander H.T. Willem II. Koning der Nederlanden. Amsterdam: Meulenhoff, 1938. – 263 p
[139] Hamel J.A. van. Nederland tusschen de mogendheden. Amsterdam: Van Holkema em Warendorf, 1918. – 459 p.

со времени основания королевства»[140], научное пособие нидерландских историков Я.Л. ван Зандена и А. ван Рила «Нидерланды 1780 – 1914. Государство, его институты и экономическое развитие»[141], книгу голландского историка Э.Х.Коссманна «Политическая теория и история»[142], монографии Н. К. ван Саса «Метаморфоза Нидерландов. От старого порядка к современности»[143], П.Й.Ритбергена «Краткая история Нидерландов. От древности до настоящих дней»[144], книгу французского историка голландского происхождения К. де Воогда «История Нидерландов»[145].

Вместе с тем в настоящий момент количество исследований в отечественной и западной историографии, посвященных российско-нидерландским династическим связям, весьма невелико. Эти немногие работы большей частью представляют собой общий обзор династических альянсов двух стран без их подробного анализа.

В российской историографии, помимо уже упомянутых выше работ А.С.Намазовой и Г.А.Шатохиной-Мордвинцевой, хотели бы также отметить статьи историка Е.М.Собко[146], посвященные жизни и деятельности великой княгини Анны Павловны. О биографии Анны Павловны и её роли в развитии отношений России и Нидерландов повествуется в книге Н.Стрижак, А.Соколова, Д.Раскина «Анна Павловна. Русская принцесса на голландском троне»[147], в статье Архимандрита Августина (Никитина) «Великая княгиня Анна Павловна (1795 – 1865) – королева Нидерландов»[148]. В 1989 г. по случаю выставки в

---

[140] Smit C. Diplomatieke geschiedenis van Nederland inzonderheid sedert de vestiging van het koninkrijk. ‘s-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1950. – 511 p.
[141] Zanden J.L. van. Riel A. van. Nederland 1780 – 1914. Staat, instituties en economische ontwikkeling. Amsterdam: Uitgeverij Balans, 2000. – 480 p.
[142] Kossmann E.H. Politieke theorie en geschiedenis. Amsterdam: Bert Bakker, 1987. – 507 p.
[143] Sas N.C. van. De metamorfose van Nederland. Van oude orde naar moderniteit. 1750–1900. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2004. – 667 p.
[144] Rietbergen P.J. A short history of the Netherlands. From prehistory to the present day. Amersfoort: Bekking & Blitz Uitgevers b.v., 2006. – 186 p.
[145] Voogd Chr. de. Histoire des Pays-Bas. Paris: Hatier, 1992. – 320 p.
[146] Собко Е.М. Россия и образование Нидерландского королевства // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 144 –149; Собко Е.М. Анна Павловна – Королева Нидерландов // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 153 – 155.
[147] Стрижак Н., Соколов А., Раскин Д. Анна Павловна. Русская принцесса на голландском троне. СПб.: Блиц, 2003. 271 с.
[148] Августин (Никитин), Архимандрит. Великая княгиня Анна Павловна (1795 – 1865) – королева Нидераландов// Альфа и Омега. 2005. № 2 (43). С. 333 – 349.

Государственном Русском музее, посвященной российско-нидерландским отношениям, был выпущен сборник «Голландцы и русские 1600 – 1917: Из истории отношений между Россией и Голландией» под редакцией Й.Дриссена[149]. В нем представлены редкие экспонаты выставки, включая письма XVIII – XIX вв., свидетельствующие о тесном взаимодействии России и Нидерландов, их правящих династий, в том числе в годы, когда решался вопрос независимости Нидерландов. Кроме того, в 2013 г. в честь 200-летия нидерландской монархии и открытия Года Нидерландов в России был издан совместный российско-нидерландский сборник-каталог выставки в Государственном Эрмитаже Санкт-Петербурга «Виллем II и Анна Павловна: Королевская роскошь Нидерландского двора»[150] с многочисленными иллюстрациями уникальных экспонатов и архивных документов XVIII-XIX вв. В статьях сборника авторы С.В.Томсинский, Б.И.Асварищ и Э.Бергвелт раскрывают историческую близость династий Романовых и Оранских, венцом которой стал династический союз принца Виллема Оранского и великой княгини Анны Павловны, предопределивший богатые культурные связи России и Нидерландов, скрепленные монархическими традициями.

Из работ зарубежных авторов, в которых так или иначе рассказывается об отношениях российской и нидерландской правящих династий, хотелось бы привести книгу Й.Киккерта «Неверные шаги короля Виллема II:1792 – 1849»[151], сборник документов, изданный голландскими историками Д.Херманс и Д.Хоогхимстрой «Очевидцы правления королей Нидерландов с 1813 по 1890 г.»[152], научный труд нидерландского историка М.Дидье «Рыцарь и великая княгиня: искусство и жизнь Виллема II и Анны Павловны»[153], а также подробные биографические материалы о жизни и деятельности первых монархов

[149] Голландцы и русские 1600 – 1917: Из истории отношений между Россией и Голландией / Под ред. Й. Дриссена. Маастрихт, 1989. – 176 с.
[150] Виллем II и Анна Павловна. Королевская роскошь Нидерландского двора: каталог выставки/ Государственный Эрмитаж. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 2013. – 292 с.
[151] Kikkert J.G. De misstappen van een koning. Willem II 1792–1849. Soesterberg, 2002. – 240 p.
[152] Hermans D., Hooghiemstra D. Ooggetuigen van de Koningen van Nederland 1813-1890. Amsterdam: Bert Bakker, 2008. – 350 p.
[153] Didier M. De ridder en de grootvorstin: kunst en leven van Willem II en Anna Paulowna. Schoorl, 2009. – 254 p.

нидерландского королевства, подготовленные голландскими историками Й.Кохом и Й.ван Зантеном к 200-летию провозглашения монархии в Нидерландах «Король Виллем I: 1772-1843»[154] и «Король Виллем II:1792-1849»[155].

В соответствии с приведённым выше обзором считаем необходимым отметить, что проблематика изучения династических связей в контексте зарождения и развития Венской системы, которая проходила в это время период от становления (подчинённого сакральной идее суверена-короля именем Божьим, т.е. принципу легитимизма) к кризису 1830 – 1840-х гг. (ознаменованному созданием государств-наций), ни применительно к российско-нидерландским отношениям, ни с привлечением столь значительного корпуса оригинальных источников до сих пор историками не рассматривалась.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной и зарубежной историографии на базе анализа и обработки массового биографического материала и архивных документов, главным образом нидерландских, автором предпринята попытка комплексного изучения династических связей Королевского Дома Оранских-Нассау и Императорского Дома Романовых с точки зрения реализации внешнеполитических интересов России и их влияния на развитие российско-нидерландских отношений. Кроме того, до настоящего времени в научных исследованиях не проводилось выработки подходов и методов для всестороннего изучения роли династических союзов в развитии двусторонних отношений.

В частности, с помощью предлагаемого в данном исследовании историко-описательного метода изучения династических связей российско-нидерландская династическая история рассматривается сквозь призму развития европейской дипломатии в особенный исторический период, в условиях смены парадигм от «Европы королей» к «Европе наций», когда династические интересы постепенно отделялись от национальных.

---

[154] Koch J. Koning Willem I: 1772-1843. Amsterdam: Uitgeverij Boom, 2013. – 704 p.
[155] Zanten J. van. Koning Willem II: 1792-1849. Amsterdam: Uitgeverij Boom, 2013. – 600 p.

Исследовательская новизна состоит также во введении в научный оборот отечественной историографии комплекса нидерландских источников, среди которых архивные документы из Королевского домашнего архива г. Гааги (KHA), Национального архива Нидерландов (NA), сборники документов голландского историка Х. Т. Коленбрандера о всеобщей истории Нидерландов и о подготовке текста нидерландской конституции 1815 г. Впервые вводятся в научный оборот труды таких историков из Нидерландов, как Й. Киккерт, Д.Херманс, Д.Хоогхимстра, М.Дидье, Й.Кох, Й. ван Зантен, нидерландского публициста и общественного деятеля XIX века Я. Схелтемы, английского историка А.Аспиналла, канадского историка С.Джекмана, основоположника нидерландской независимости XIX в. Г.К. ван Хогендорпа, видных государственных деятелей Нидерландов XIX в А. Фалька и Г. Грун ван Принстерера, члена временного правительства Нидерландов XIX в. и советника Виллема I Ф.А. ван дер Дёйна ван Маасдама и др.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что на основе комплексного изучения династических связей Королевского Дома Оранских и Императорского Дома Романовых и анализа большого количества архивных материалов указанного исторического периода рассмотрена их роль в укреплении российско-нидерландских межгосударственных отношений, а также содержание этих отношений. Проведенный анализ позволяет глубже осмыслить значение династических связей между правящими династиями обоих государств в период действия Венской системы международных отношений, одним из творцов которой был российский император Александр I. Раскрывается важность выгодных династических союзов для усиления внешнеполитических позиций заключивших их государств. Результаты исследования могут быть использованы при анализе династических аспектов межгосударственных отношений, династических союзов как инструмента внешней политики держав, а также для актуализации представлений о роли и влиянии России в реорганизации постнаполеоновской Европы и становлении государств, таких как Нидерланды.

Материалы диссертации могут быть использованы при разработке учебных пособий, лекций и спецкурсов при изучении дипломатической истории Европы, истории России, Нидерландов, Бельгии, династических аспектов двусторонних отношений. Исследуемая тема имеет важное теоретическое и прикладное значение для историков, политологов, юристов, дипломатов и др. Разработка подходов и методов, предназначенных для исследования роли династических союзов, представляет немалую практическую ценность для современной исторической науки.

Положения, выносимые на защиту

1. Одним из главных приоритетов внешней политики России, с конца XVIII в. считавшейся основным противовесом континентальной гегемонии Франции, являлась в рассматриваемый период идея освобождения народов Европы от французского господства и создание в Европе прочной международной системы, которая сделала бы невозможным повторение революций и революционных войн, направленных против легитимных династий. Среди завоёванных революционной Францией европейских государств особое место в системе международных отношений занимали Нидерланды, представлявшие для великих держав-победительниц особый интерес благодаря своему стратегическому положению и былому значению финансового и торгового центра европейского мира-экономики, а также одной из крупнейших европейских колониальных держав.

В диссертации раскрыта роль России в освобождении Нидерландов и личная роль императора Александра I в восстановлении и расширении суверенитета Оранских не только над Северными, но и Южными Нидерландами (Бельгией). Русский император в ходе военных действий 6-й антифранцузской коалиции лично разработал план освобождения Нидерландов от власти Наполеона в ноябре 1813 г., стремясь в конечном итоге вовлечь это государство в орбиту своих интересов и приобрести стратегически важного союзника, и изгнание русскими войсками наполеонидов позволило династии Оранских (до сих

пор являющейся правящей в королевстве) после 19-летнего пребывания за пределами родины вернуться на голландский престол.

2. В планах Александра I, так же как других создателей Венской системы международных отношений, создание Объединенного королевства Нидерландов (1815 – 1830) рассматривалось в качестве защитного барьера от потенциальной агрессии со стороны Франции и её континентального противовеса. В диссертации показано, что при этом в интересах императора России было закрепить своё влияние в Западной Европе династическим браком, соединившим в феврале 1816 г. наследника нидерландского престола принца Виллема Оранского с его младшей сестрой, великой княгиней Анной Павловной.

В диссертации рассмотрена версия о причастности другой сестры императора, великой княгини Екатерины Павловны к расстройству готовившегося британско-голландского брачного альянса принцессы Шарлотты Уэльской и принца Оранского, призванного усилить позиции Англии в Европе и противоречившего интересам России. Беседы Екатерины Павловны с принцем Виллемом и принцессой Шарлоттой в ходе её поездки в Голландию и Англию весной 1814 г. (по указанию брата-императора) внесли весомый вклад в успех российско-нидерландского династического проекта, на долгие годы укрепившего тесные союзнические отношения России и Нидерландов и ставшего серьёзной победой российской дипломатии над британской.

3. Установлено, что близость между правящими династиями России и Нидерландов позволяла Александру I, рьяному поборнику принципа легитимизма, обеспечивать как интересы Венской системы, так и интересы Российской империи. Установлено, что советы российского императора сыграли большую роль в отклонении попыток французских политических беженцев вовлечь Нидерланды через принца Оранского в заговор бонапартистов против Бурбонов. Не желая оказывать прямое давление на короля и щадя его самолюбие, император старался воздействовать на его неосторожную политику в отношении бельгийского общества через Виллема-младшего. Проведённый анализ корреспонденции Александра I свидетельствует о трансформации его отношения

к происходившим в Нидерландах событиям – от невмешательства до советов, призванных привить будущему монарху черты, присущие королевскому достоинству, – с целью сформировать в будущем из голландского зятя-принца, не чуждого влиянию либеральных идей, достойного монарха союзной державы.

Исследование развития династических контактов от Александра I к Николаю I показало, что Николай придавал не меньшее значение обсуждению внутриполитических проблем в Нидерландах с наследником голландского трона и давал ему необходимые рекомендации в тревожный для дома Оранских период кризиса, предшествовавший Бельгийской революции 1830 г. и в её начале. В интересах императора, равно как и Венской системы, было сохранение мира и стабильности в королевстве, ставшего вторым домом для любимой сестры Николая Анны. Исследование показало, что в канун революции в планы царя не входила посылка своей армии, которая в то время была активно задействована на Кавказе, в дружественные Нидерланды для разрешения их внутреннего конфликта. Он чётко дал понять Оранским, что революцию следует предотвращать внутри государства своими силами, а не подавлять её потом с помощью других государей.

4. Фактор прочности российско-нидерландских династических связей способствовал укреплению международного положения Нидерландов, занявших особое место в рамках Венской системы, однако не смог помешать распаду Объединенного королевства и воспрепятствовать отложению Бельгии в результате революции 1830 г., явившейся продолжением общеевропейских революционных движений в эпоху превращения «Европы королей» в «Европу наций».

Анализ архивной корреспонденции позволил установить основные причины отказа Николая от первоначальной решимости помочь Виллему I своими войсками в подавлении Бельгийской революции. К ним относятся: 1) отказ союзников (Австрии, Пруссии) выделить свои армии; 2) недостаток финансовых ресурсов; 3) восстание в Царстве Польском, потребовавшее срочного военного подавления. К тому же, всех ресурсов русского государя было недостаточно,

чтобы сдерживать объективный процесс трансформации «Европы королей» в «Европу наций» – «пробуждение народов», толчком к которому стала цепь Французских революций и освобождение от иностранного владычества наполеонидов. В результате монархическая сакральная модель традиционного государства во главе с «королём-сувереном» постепенно стала уступать место модели государств-наций, основанной на народном суверенитете. Парадокс ситуации состоял в том, что эта смена парадигмы в тот момент не затронула Российскую империю (исключая польские земли), но в выстраивании своих внешнеполитических приоритетов её императоры вынуждены были учитывать происходившие в Европе сдвиги. Рассмотрение позиции Николая I в бельгийском вопросе показало, что, не в силах удержать Королевство от распада, он стремился на дипломатической площадке, которой стала Лондонская конференция пяти великих держав, включая Францию (1830 – 1832), отстаивать интересы Нидерландов.

Исследование аргументации русской дипломатии показало, что она была основана на признании принципа легитимизма в духе Венского конгресса: суверенитет над территорией может быть оправдан либо наследственными правами дома, либо в результате её успешного захвата, т.е. по праву сильного, в духе реализма. Виллем I ни тем, ни другим не обладал, получив своё Объединенное королевство в 1815 г. в качестве дара от государств-победителей Наполеона. В то же время, несговорчивая позиция Виллема I в «бельгийском вопросе» и его отказ принять «24 статьи» изменили отношение Николая I к королю и к бельгийской проблеме в целом. Политическая изоляция нидерландского короля могла привести к еще большему сближению Англии и Франции, а впоследствии к подрыву согласия четырёх европейских держав – России, Англии, Пруссии и Австрии, в котором император видел оплот против возрождения континентального влияния Франции. Николай Павлович не желал, чтобы российская дипломатия была заложницей упрямства голландского короля. Это соображение обусловило переход к новой фазе дипломатии: к прямому

давлению на Виллема I, заставившему того ратифицировать Лондонский трактат в апреле 1832 г.

Завершающий этап правления Виллема I был ознаменован скандалом, противопоставившим короля нидерландскому обществу – намерением овдовевшего Виллема I заключить брак с бельгийской графиней и католичкой Хенриеттой Д'Ультремонт. Усилив дискредитацию короля, очевидную для Николая I, этот скандал привёл к отречению Виллема I в 1840 г. Как показало исследование, смена трона в Нидерландах была выгодна Николаю I, прежде всего, по причине его тесной и доверительной дружбы с новой королевской четой – Виллемом II и сестрой – Анной Павловной. Виллем II, лично близкий и заслуживший доверие императора, на троне Нидерландов был лучшим залогом стабильности королевства, чем его взбалмошный и упрямый отец.

5. Благодаря анализу переписки Романовых и Оранских удалось определить важнейшую роль личности великой княгини Анны Павловны в развитии и укреплении российско-нидерландских отношений в рассматриваемый период. Ее наблюдения и оценки исторических фактов в письмах братьям-императорам Александру I и Николаю I были существенным подспорьем для понимания ими общей картины происходившего в королевстве и важным дополнением к донесениям российских посланников из Гааги и Брюсселя. Имея возможность передавать в письмах царственным братьям гораздо больше, чем могли позволить себе в официальных депешах дипломаты, Анна Павловна сообщала им множество принципиальных деталей и нюансов по внутри- и внешнеполитическим вопросам в королевстве, что использовалось императорами в их дипломатии. По этой причине великую княгиню по праву можно назвать «послом русского императора в Нидерландах».

6. Благодаря настоящему исследованию впервые в историографии соотносятся династические и государственные интересы двух монархий. Установлено, что Романовы в этом альянсе находились в более сильной позиции: брат Анны Павловны Александр I – император влиятельнейшей европейской державы – был победителем Наполеона, освободителем Нидерландов и одним из

творцов Венской системы. Тем не менее, у Оранских были свои преимущества: занимая стратегически выгодное положение на континенте, Нидерланды, на протяжении веков будучи сильной морской и колониальной державой и надежным торгово-финансовым центром Европы, играли важную роль в системе европейского равновесия. По мере закрепления за ними особого места в постнаполеоновской Европе Нидерланды постепенно превращались из объекта, которыми они являлись ко времени их освобождения от Наполеона, в субъект Венской международной системы.

Переписка Анны Павловны с братом Николаем I свидетельствует о том, что Виллем II осознавал исключительную значимость поддержки России. На церемонии инаугурации в ноябре 1840 г. он появился в русском мундире. Этот символичный жест не только свидетельствовал о глубоком уважении Виллема к супруге Анне Павловне, но и о напоминал голландцам о его собственной роли в борьбе с наполеоновским владычеством с акцентом на то, что союз Оранских с Романовыми освободил Нидерланды от французов. Указанный символ – военный мундир русского ополчения 1812 г., избранный европейским монархом для своей коронации, является уникальным историческим прецедентом, указывающим на исключительный характер отношений между монархиями Нидерландов и России в исследуемый период.

Структура и содержание работы определяются целями и задачами исследования и выстроены по проблемно-хронологическому принципу. Диссертация состоит из введения, основной части, заключения, списка используемых источников и литературы.

Во введении обосновываются актуальность темы диссертационного исследования, хронологические рамки, формируются цели и задачи исследования, представляются использованные в нём методология и методики исследования, рассматривается степень разработанности темы, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся обзор источников по теме исследования и положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** исследуются интересы и роль России в освобождении Нидерландов от власти Наполеона и становлении независимого Нидерландского королевства, а также в создании Венской системы международных отношений.

Во **второй главе** рассматривается ход реализации династического брака русской великой княгини Анны Павловны Романовой и наследного принца Нидерландов Виллема Оранского, изучаются инструменты создания и поддержания династических союзов Дома Романовых и Дома Оранских-Нассау и развитие этих династических связей в контексте двусторонних межгосударственных отношений и международных отношений в Европе, исследуется роль личности Анны Павловны в укреплении российско-нидерландских отношений в XIX веке.

Третья глава посвящена анализу переписки Романовых и Оранских в период кризиса в Объединенном королевстве Нидерландов, до начала Бельгийской революции 1830 г., сравниваются подходы императоров Александра I и Николая I к выстраиванию отношений с королём Виллемом I и наследником нидерландского престола принцем Оранским через призму реализации российских интересов, в свете укрепления двусторонних династических связей.

В **четвёртой главе** рассматриваются трудности в борьбе Николая I за интересы Нидерландов в ходе и после Бельгийской революции и Лондонской конференции (1830 – 1832), анализируется характер российско-нидерландских межгосударственных связей в династическом контексте на фоне «политики упорства» короля Виллема I вплоть до подписания Лондонского трактата в апреле 1839 г.

В заключительной, **пятой главе** диссертации исследуются отношения двух дворов на финальном этапе правления Виллема I, рассматриваются династические связи в контексте внутри- и внешнеполитических отношений Нидерландов в конце 1830-х гг., анализируются позиция Николая I по проблемам внутриполитической борьбы в Нидерландах в этот период, символика и содержание политики российско-нидерландского согласия в самом начале правления нового короля Виллема II.

В заключении обобщаются результаты диссертационного исследования и делаются выводы, полученные в его ходе. Автор отмечает, что период правления Виллема II и Анны Павловны (1840 – 1849 гг.), будучи продолжением и качественно новым этапом в развитии российско-нидерландских отношений, в которых королева Анна Павловна играла весомую роль, представляет особый научный интерес для отдельного изучения в перспективе.

Степень достоверности результатов исследования

Достоверность результатов диссертационной работы обеспечивается использованием соответствующих методов исследования, обширной источниковой базы, а также применением комплексного подхода к анализу влияния династических связей Королевского дома Оранских-Нассау и Императорского дома Романовых на развитие российско-нидерландских отношений в рассматриваемый период.

Апробация результатов диссертации

Результаты проведенных исследований отражены в следующих статьях автора, опубликованных в том числе в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Российской Федерации:

Бавыкин Ю.В. Интересы и роль России в образовании Королевства Нидерландов: династический союз с Оранскими как инструмент внешней политики Александра I// Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – №4 (55). – С.25 – 46.

Бавыкин Ю.В. Династический брак великой княгини Анны Павловны Романовой и принца Виллема Оранского во внешнеполитических замыслах Александра I// Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Выпуск 11(85) [Электронный ресурс]. – Доступно для зарегистрированных пользователей.

Бавыкин Ю.В. Несостоявшийся брак наследного принца Оранского и принцессы Шарлотты Уэльской// Новая и новейшая история. – 2020. – №1. – С.5 – 21.

Бавыкин Ю.В. Освобождение Нидерландов Россией в 1813 г. как образец военно-политического искусства// Материалы Международного круглого стола, посвященного 210-летней годовщине Заграничного похода российской армии 1813 – 1814 гг./ отв.ред. Р.Н.Рахимов. – 2023. – С.12 – 21.

ГЛАВА 1. ИНТЕРЕСЫ И РОЛЬ РОССИИ В ОСВОБОЖДЕНИИ НИДЕРЛАНДОВ ОТ ФРАНЦУЗСКОГО ГОСПОДСТВА И ОБРАЗОВАНИИ НЕЗАВИСИМОГО КОРОЛЕВСТВА НИДЕРЛАНДОВ В 1815 ГОДУ

1.1. Российская политика противодействия «французской Европе»

Европа конца XVIII – начала XIX вв. развивалась под сильным влиянием Французской революции, нанесшей удар сложившейся после Вестфальского мира европейской политической системе. Исходным субъектом в этой системе было государство, а отношения между странами выстраивались на принципе суверенитета государей в «Европе королей». Дипломатия Европы времён «старого порядка» осуществлялась через взаимодействие монархов, которые согласовывали друг с другом внешнеполитическую деятельность, стремясь поддерживать принцип баланса сил. Однако, и это равновесие на континенте оказалось не слишком надёжным, продержавшись до очередного потрясения – Французской революции 1789 г.

Как указывает Е.О. Обичкина, «…осторожная и умеренная политика эпохи «старого порядка», направленная на поддержание европейского равновесия, постепенно расстраивалась… Это равновесие в «Европе королей» будет опрокинуто революционными событиями в самой Франции»[156]. Свержение и казнь Людовика XVI окончательно поссорили революционную Францию с рядом зарубежных государств, воспринявших действия её правительства внутри страны и на международной арене «как вопиющее беззаконие и попрание норм международного права»[157]. Большинство европейских монархов разорвали дипломатические отношения с Францией. Расценив эти шаги как поддержку контрреволюции, Конвент Французской республики объявил войну

---

[156] Обичкина Е.О. Система международных отношений в канун наполеоновских войн. Наследие французской революции и контрреволюционные тенденции // Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн: научное издание / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Глава 1. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 16.

[157] Ревякин А.В. Россия и союзники: цели войны и условия мира // Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн: научное издание / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Глава 4. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 106–107.

Великобритании, Голландии, Сардинскому королевству, Испании и др. В ответ на действия Франции в Европе постепенно стала складываться антифранцузская коалиция (всего их будет семь). Так характеризует это время Г.Киссинджер: «После революции Франция вела войну со всеми соседними странами, чтобы сберечь завоевания революции и распространить республиканские идеалы по всей Европе. В очередной раз обладающая превосходящими силами Франция грозилась стать европейским гегемоном»[158].

На смену социальным преобразованиям и потрясениям Французской революции в Европу очень быстро пришла эпоха наполеоновских войн, втянутыми в которые оказались практически все европейские государства. Основное влияние на расстановку сил в Европе в то время оказывали пять держав: Великобритания, Франция, Австрия, Пруссия и Россия. Как отмечает российский историк В.М. Безотосный, «остальные, в силу своей периферийности или малых размеров, не являлись полностью самостоятельными игроками, в той или иной степени не могли проводить независимую политику без оглядки на сильных соседей и находились в орбите воздействия пяти самых мощных стран»[159].

К таким малым государствам относились и Нидерланды, представлявшие определённый внешнеполитический интерес для крупных европейских держав. Особое место в системе международных отношений этой небольшой страны искусных торговцев и мореплавателей определялось стратегически важным выходом в Северное море и наследием XVII в., когда, будучи лидером европейской экономики, основным коммерческим и финансовым центром Европы, Голландия стала одной из ведущих колониальных держав мира.

Необходимо отметить, что Нидерланды играли важную роль в системе европейского равновесия. Со времени Вестфальского 1648 г. и особенно Утрехтского 1713 г. мирных договоров Республика Соединенных провинций служила «буфером между крупнейшими державами Запада, который в значительной степени гасил силу их взаимных столкновений. Любая перемена в

---

[158] Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. В. Львова. М.: Ладомир, 1997. С. 62.
[159] Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 72

статусе Соединенных провинций непосредственно затрагивала интересы их соседей»[160]. В частности, Великобритания была недовольна свершившейся в 1785 г. в РСП «революцией патриотов[161]» или, как её ещё называют историки, «голландской революцией», в результате которой статхаудер Виллем V Оранский[162] – близкий друг и партнёр Англии – был отстранён от власти и в сентябре 1785 г. изгнан из Гааги в восточную провинцию страны Гелдерланд. Эти события встревожили европейских государей не меньше, чем Французская революция. Противоречия между противниками и сторонниками Виллема Оранского поставили страну на грань гражданской войны. Как пишет К. де Воогд, «Революция “патриотов”, оригинальность которой до сего момента заключалась в отсутствии элементов насилия, летом 1787 г. легко могла перерасти в гражданскую войну»[163].

Против Голландской революции выступил прусский король Фридрих Вильгельм II, на сестре которого, Вильгельмине, был женат статхаудер Виллем V. Под угрозой нарушения баланса сил на северо-западе Европы король Пруссии по просьбе статхаудера бросил на подавление «революции патриотов» 26-тысячную армию[164]. Прусская интервенция, начавшаяся 13 сентября 1787 г., позволила Виллему V вернуться в резиденцию в Гааге и восстановить свою власть. Несмотря на поражение, «революция патриотов» оказала революционизирующее влияние на Европу, передав эстафету Южному Брабанту (где произошла Брабантская

---

[160] Ревякин А.В. Указ соч. С. 102–103.

[161] «Патриоты» – сформировавшаяся в 1780-е гг. в РСП буржуазная партия, члены которой не были согласны с политикой статхаудера и выступали против Англии, ратуя за союз с Францией. Их антагонистами были «оранжисты», сторонники Оранского дома и правящего статхаудера.

[162] Следует подчеркнуть весьма характерный для истории Нидерландов факт, что в XVII – XIX вв. практически все правители Нидерландов мужского пола именовались одинаково – Виллем Оранский (историки используют и другой вариант написания имени – Вильгельм). В данном исследовании речь прежде всего будет идти о таких правителях, как:

1. Виллем V (1748 – 1806), статхаудер Республики Соединенных провинций (1751 – 1795), принц Оранский (1795 – 1806);
2. Виллем Фредерик (1772 – 1843), старший сын Виллема V, наследный принц Оранский (до 1806 г.), принц Оранский (1806 – декабрь 1813), суверенный государь Нидерландов (декабрь 1813 – март 1815), король Нидерландов Виллем I (март 1815 – октябрь 1840);
3. Виллем (1792 – 1849), старший сын Виллема Фредерика, наследный принц Оранский (до марта 1815 г.), принц Оранский (март 1815 – октябрь 1840), король Нидерландов Виллем II (октябрь 1840 – март 1849).

[163] Voogd, de Chr. de. Histoire des Pays-Bas. Paris: Hatier, 1992. P. 146.

[164] Ibidem.

революция 1787–1790 гг. против власти императора Иосифа II)[165], а затем и Франции. По словам историка Н.Б. Тер-Акопяна, несмотря на незавершённость этих революций, «события 1784–1787 гг. в Нидерландах стали своего рода прологом Французской буржуазной революции XVIII в.»[166]

С началом революционных войн республиканской Франции «за освобождение европейских народов, стонущих под игом тиранов», в связи с наступлением армии французского генерала Ш. Пишегрю на юге Нидерландов летом 1794 г. великий пенсионарий[167] Голландии Л. ван де Спигел в переписке с супругой принца Оранского Вильгельминой Прусской отмечал «всю слабость и незначительность Республики перед натиском французов»[168]. В январе 1795 г., не встретив практически никакого серьёзного сопротивления со стороны голландцев, французы захватили всю территорию Нидерландов, а принц Оранский Виллем V с семьёй бежал на корабле в Англию, чтобы никогда больше не вернуться на родину. Впервые с конца XVI века территория Соединённых провинций была полностью оккупирована[169].

26 января 1795 г. на территории Нидерландов была провозглашена Батавская республика по французскому образцу, ликвидированы все дворянские звания и привилегии, проведён ряд либеральных реформ. РСП прекратила своё существование[170].

В период революционных, а позднее наполеоновских войн Россия – великая европейская держава того времени – играла особую роль. «В системе европейских международных отношений российская дипломатия, опиравшаяся на общепризнанную мощь русской армии и на внутриполитическую стабильность, которая резко контрастировала с потрясениями, происходившими в других странах континента, играла роль главного противовеса агрессивной

---

[165] Намазова А.С. Бельгия: эволюция государственности в XVIII–XX веках. М.: Наука, 2008. С. 86 – 87.
[166] Тер-Акопян Н.Б. Нидерланды// Война за независимость и образование США/ По ред. Г.Севастьянова. М.: Наука, 1976. С. 323.
[167] Великий пенсионарий (с нидерл. *raadpensionaris*) или советник-пенсионарий – одно из высших должностных лиц в руководстве РСП, главный юридический советник государства.
[168] Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 1. Hoofdstuk IV.'s Gravenhage, 1905. P.331
[169] Voogd, de Chr. Op. cit. P. 148.
[170] Colenbrander H.T. Op. cit. P. 447 – 449.

наполеоновской политики»[171]. По словам Г. Киссинджера, «…Россия играла уникальную роль в международных делах: будучи частью системы баланса сил в Европе и Азии, она вносила свой вклад в обеспечение равновесия и порядка»[172]. Даже Киссинджер, изображающий Российскую империю агрессивным государством, был вынужден признать, что Россия «сумела не допустить установления в Европе единоличного господства какой-то одной страны»[173].

Ещё с конца XVIII в. Российская империя, следуя своим внешнеполитическим задачам, последовательно и настойчиво стремилась остановить французскую экспансию в Европе. Этот период характеризуется наиболее тесным взаимодействием России и Великобритании.

Имея целью освободить народы Европы от «ига Франции», в Санкт-Петербурге были подписаны российско-британские союзные конвенции – 18[174] (29)[175] декабря 1798 г. и 11 (22) июня 1799 г.[176] В соответствии с ними планировалась высадка объединённых англо-российских войск в Нидерландах, чтобы «окончательно отвоевать Голландию от французов», а император Павел I для предстоящей экспедиции обязался «выделить русский корпус численностью в 17,5 тыс. человек»[177].

22 августа 1799 г. объединённая 30-тысячная англо-русская армия высадилась на нидерландском побережье у г. Ден-Хелдера. Поддержки у голландского населения она не получила и, понеся большие потери в решающих сражениях при Бергене и Кастрикуме (около 9 тыс. человек убитыми), на кораблях покинула Нидерланды. Освободить Голландию от французов в тот раз не удалось. Участвовавший в боевых действиях на стороне англо-русских войск сын

---

[171] Милов Л.В., Цимбаев Н.И. История России XVIII–XIX веков. М.: Эксмо, 2006. С. 401.
[172] Киссинджер Г. Мировой порядок. Пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. М.: АСТ, 2016. С. 73.
[173] Там же.
[174] По юлианскому стилю летоисчисления, который использовался в России до февраля 1918 г., когда Россия перешла на григорианский календарь.
[175] По григорианскому стилю, применявшемуся в европейских странах. До февраля 1918 г. в российских документах для обозначения исторических событий довольно часто одновременно использовались обе даты – оба стиля летоисчисления.
[176] Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.IX (X). Трактаты с Англией 1710 – 1801. СПб, 1892. С.419.
[177] Там же. С.432.

изгнанного голландского статхаудера 27-летний наследный принц Виллем Оранский писал об этом с большим сожалением: «Самое печальное в том, что… дорогой ценой одержав изначально ряд побед, в этот самый момент мы отказываемся от продолжения борьбы»[178].

В Архиве внешней политики Российской империи сохранилось письмо наследного принца от 10 октября 1799 г. императору Павлу I о поражении союзных войск с просьбой о дальнейшей поддержке[179]. Однако пройдёт ещё 14 лет, прежде чем русские, и на сей раз успешно, освободят Нидерланды от французов.

С восшествием на престол императора Александра I задача освобождения народов Европы от французского ига оставалась определяющей во внешнеполитическом курсе России, а после того, как 18 мая 1804 г. Наполеон объявил себя императором французов, поставив себе цель стать впоследствии императором Запада и получить мировое господство, Александр Павлович принял решение придать борьбе объединённых монархов Европы против Франции глубокий освободительный смысл, что перекликалось с идеями, некогда высказанными его великой бабушкой Екатериной II[180].

30 марта (11 апреля) 1805 г. Россия и Великобритания подписали в Санкт-Петербурге очередную союзную конвенцию, призванную стать хартией новой, третьей по счету антифранцузской коалиции. В конвенции отдельным пунктом было обозначено стремление добиваться независимости республик Голландской и Швейцарской «с восстановлением наследственного штатгальтерства в пользу Оранского дома»[181]. Позднее к конвенции присоединилась Австрия.

Однако после поражения объединённых русско-австрийских войск 20 ноября (2 декабря) 1805 г. при Аустерлице 26 декабря в Пресбурге (ныне – Братислава) с Наполеоном был подписан мир, и 3-я антифранцузская коалиция

---

[178] Colenbrander H.T. Op cit. Deel 3. Hoofdstuk VI. ’s Gravenhage, 1907. P.1088.
[179] АВПРИ. Ф.Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. 1799 г. Д. 10. Л.1–2.
[180] Ревякин А.В. Указ соч. С. 148.
[181] Мартенс Ф. Указ. соч. Т. II. Трактаты с Австрией 1772 – 1808. СПб, 1875. С. 435, 453.

фактически прекратила своё существование. Александру пришлось на время отложить реализацию своих амбиций.

Как отмечает Е.О. Обичкина, «с 1792 по 1815 г. Европа и Франция находились в постоянном состоянии войны. Революционная Франция противостояла в ней европейским монархам. Наполеон Бонапарт – наследник этой войны – стремился построить новое единство – французскую континентальную Европу. Но мощное сопротивление Англии, непрестанно создающей и финансирующей антифранцузские коалиции, толкало его к созданию мегаединства – великой империи, и этой замысел превосходил по размаху империи Александра Македонского и римских цезарей»[182].

С самого начала своего правления Наполеон уделял Нидерландам особое внимание, стремясь крепче «привязать Нидерланды к Франции», «получить контроль над дельтой Рейна, т.е. над торговыми связями между Северным морем и Центральной Европой»[183]. Укрепляя могущество своей империи, он преобразовал Батавскую республику в Голландское королевство[184] и 5 июня 1806 г. в Париже провозгласил королём Голландии своего младшего брата, принца Людовика Бонапарта[185]. Это был первый в истории Нидерландов король, француз и католик[186].

Однако король Людовик I не оправдал надежд брата, больше учитывая интересы своих подданных, нежели интересы Франции. Понимая, что запрет торговли с Великобританией будет губителен для экономики Голландии, он не спешил соблюдать введённую Наполеоном континентальную блокаду и был

---

[182] Обичкина Е.О. Указ.соч. С. 16 – 17.
[183] Rietbergen P.J. A Short History of the Netherlands. Amersfoort, 2006. P. 136.
[184] Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 5, Hoofdstuk III. Notes sur la Hollande. P.210 – 215.
[185] Людовик (Луи, Лодевейк) Бонапарт (1778 – 1846) – младший брат Наполеона Бонапарта. С 1806 по 1810 гг. – король вассального по отношению к Французской империи Королевства Голландии под именем Людовик I. Был достаточно популярен среди голландцев, помогал народу во время наводнений, в 1808 г. основал Королевский институт наук, литературы и изящных искусств. 1 июля 1810 г. по распоряжению брата отрекся от престола в пользу своего малолетнего сына Наполеона Луи (1804 – 1831), еще через 4 дня территория голландского королевства была аннексирована Францией. В 1802 г. Людовик женился на падчерице Наполеона, Гортензии Богарне. Его с Гортензией младший сын Шарль Луи Наполеон (1808 – 1873) 20 декабря 1848 г. был избран президентом Французской Республики, 2 декабря 1852 г. стал новым императором французов под именем Наполеон III, и в результате Сентябрьской революции 1870 г. в Париже был свергнут с престола, оказавшись, таким образом, первым президентом и последним монархом Франции.
[186] Voogd, de Chr. Op. cit. P. 153.

также против навязывания голландцам обязательной воинской повинности[187]. В результате Людовик лишился доверия французского императора, под его давлением 1 июля 1810 г. отрёкся от трона и в ночь на 2 июля навсегда покинул Голландию, отправившись искать убежище в Богемию[188].

После этого Наполеону уже ничто не мешало присоединить Голландию к своей империи и 9 июля 1810 г. по декрету, подписанному в замке Рамбуйе, королевство было упразднено. «Город Амстердам становился, после Парижа и Рима, третьим городом Империи. Голландские таможни, флот и армия были слиты с французскими»[189]. Несмотря на имевшиеся положительные стороны французского господства в Нидерландах, как например, введение прогрессивного французского законодательства и единой налоговой системы, в целом «Голландия жестоко страдала от этого подчинения наполеоновскому режиму… Серьёзное недовольство населения вызывали в том числе высокие налоги, введение карточной системы на продукты первой необходимости … и особенно введение Наполеоном обязательной службы в армии»[190].

В ответ на присоединение Наполеоном Нидерландов к своей империи Александр I принял решение «отозвать всю российскую миссию из Амстердама[191] и учредить вместо того консульство для коммерческих дел»[192], сведя тем самым политические контакты России с «наполеоновскими Нидерландами» до минимума. В то же время переписка между императорским домом Романовых и семьей опального принца Виллема Оранского не прекращалась[193], и все время пребывания Нидерландов под французским господством российский император последовательно выступал за их независимость и восстановление в Нидерландах власти дома Оранских.

---

[187] Ibid. P. 155.
[188] Connelly O. Napoleon’s Satellite Kingdoms. London: Collier-MacMillan Limited, 1965. P. 174.
[189] Colenbrander H.T. Op cit. Deel 5. Hoofdstuk I. ’s Gravenhage, 1910. P.176.
[190] Voogd, de Chr. Op. cit. P. 157.
[191] В 1808 – 1810 гг. во время правления Людовика Бонапарта в качестве короля Голландии как резиденция правительства, так и дипломатические представительства иностранных государств располагались не в Гааге, а в Амстердаме.
[192] АВПРИ, ф.Канцелярия. Оп.468, д.5918, л.5-6.
[193] АВПРИ, ф. Сношения России с Голландией. Оп.50/6, д. 10, лл.1–2, д.387, лл. 18 – 20.

1.2. Освобождение Нидерландов русскими войсками от наполеоновского господства и восстановление власти Оранских-Нассау в конце 1813 г.

Тема роли России в освобождении Нидерландов от французской оккупации в конце 1813 года в течение многих лет практически не освещалась в научных исследованиях как западной, так и отечественной историографии.

Считаем несправедливым, что в исторической науке нередко игнорируется ключевая роль России в освобождении Европы от власти наполеонидов[194], в частности, в обретении Нидерландами независимости и государственности, а также реставрации в этой стране власти дома Оранских-Нассау – правящей династии Королевства Нидерландов. Так например, в книге немецкого историка Ф. Мейнеке «Жизнь генерала-фельдмаршала Херманна фон Бойена»[195] однобоко говорится о заслуге прусского корпуса генерала Ф. фон Бюлова в освобождении Нидерландов, а роль императора Александра I и русских войск в лучшем случае остаётся в тени немецкого героизма. Бельгийский историк Ж. Пиренн[196] выдвинул тезис о том, что Александр I стремился к мировой гегемонии России, а победителем дипломатии Венского конгресса назвал министра иностранных дел (с 1821 по 1848 гг. государственного канцлера) Австрии К. Меттерниха. Историки Британии и Америки в своих трудах неустанно повторяли, что именно Англия спасла Европу от французской экспансии. К примеру, британский историк Ч.Петри в 1941 г. озаглавил свою книгу о наполеоновских войнах «Когда Британия спасла Европу»[197], практически повторив название работы 1899 г. другого английского историка, У.Фитчетта – «Как Англия спасла Европу»[198]. Г. Киссинджер[199] приписал заслугу создания системы легитимизма и европейского равновесия эпохи Венского конгресса К. Меттерниху и британскому министру иностранных дел Р. Каслри.

---

[194] Собирательное название родственников Наполеона I, получивших по его воле монарший титул
[195] Meinecke F. Das Leben des General-Feldmarschalls Hermann von Boyen, Stuttgart, 1896 – 1899. – 606 p.
[196] Pirenne J.H. La Sainte-Alliance. Organisation européenne de la paix mondiale. T. 1–2. Neuchatel, 1946–1949. – 396 p.
[197] Petrie Ch. When Britain Saved Europe: The Tale and the Moral. London, 1941. – 303 p.
[198] Fitchett W.H. How England Saved Europe: The Story of the Great War 1793–1815. London, 1899. – 416 p.
[199] Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. В. Львова. М.: Ладомир, 1997. – 848 с.; Мировой порядок. Пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. М.: АСТ, 2016. – 512 с.

В работах нидерландских историков Й. Ритбергена «Краткая история Нидерландов»[200] и Н. ван Саса «Метаморфоза Нидерландов. От старого порядка к современности. 1750–1900»[201] теме освобождения Нидерландов русскими войсками не уделено почти никакого внимания; ключевая роль в изгнании французов отведена временному правительству во главе с Г.К. ван Хогендорпом, а также национально-освободительному движению. Историки и политологи Й. ван ден Берг и Й. Вис в своей публикации «Первые 150 лет. Парламентская история Нидерландов 1796–1946»[202] и вовсе называют события конца 1813 г. «государственным переворотом сторонников Виллема Оранского», даже не используя термин «освобождение Нидерландов». Французский историк голландского происхождения К. де Воогд, описывая события конца 1813 г. в книге «История Нидерландов», лишь кратко отмечает, что восстановление власти принца Оранского стало возможным вследствие «недовольства французской властью голландского населения и прибытия на помощь русских и прусских войск»[203], не вдаваясь в подробности освободительной миссии, реализованной во многом благодаря усилиям Александра I.

К сожалению, также и отечественная историография XIX – XX веков довольно бедна материалами, посвященными этим значимым историческим событиям. Большей частью они основаны на мемуарах генерала А.Х.Бенкендорфа[204], в которых отражена всё же субъективная позиция автора. Лишь в последние десятилетия тема освобождения Нидерландов русскими войсками в 1813 г. стала предметом гораздо большего количества научных исследований. С конца XX в. и по настоящее время, в том числе в рамках проведения первого в истории двух стран «Перекрестного 2013 года» в России и в Нидерландах, когда ряд международных конференций был посвящен 200-летию

---

[200] Rietbergen P.J. A Short History of the Netherlands. Amersfoort, 2006. – 186 p.
[201] Van Sas N.C. De metamorfose van Nederland. Van oude orde naar moderniteit. 1750–1900. Amsterdam, 2004. – 667 p.
[202] Van den Berg J.Th.J., Vis J.J. De eerste honderdvijftig jaar. Parlementaire geschiedenis van Nederland 1796–1946. Amsterdam, 2013. – 788 p.
[203] Voogd, de Chr. Op. cit. P. 159.
[204] Записки Бенкендорфа. 1812 г. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов/ сост. П.Н. Грюнберг. М.: Языки славянских культур, 2001 г. – 394 с.

освобождения Нидерландов Россией, это событие было достаточно подробно изучено в работах таких отечественных историков, как В.В.Рогинский[205], В.М.Безотосный[206], Г.Н.Бибиков[207], А.С.Намазова[208], Г.А.Шатохина-Мордвинцева[209], Р.Н.Рахимов[210], А.И.Сапожников[211] и др.

Хотелось бы подчеркнуть, что освобождение Нидерландов в 1813 г. было не только одним из заметных эпизодов в истории наполеоновских войн, но также исключительным событием, одной из ярчайших страниц русской военной истории. Немаловажным фактом является то, что автором плана по освобождению Нидерландов является сам российский император Александр I[212].

Рассмотрим исторические предпосылки, ход подготовки и осуществление Александром I во взаимодействии с союзными армиями военной кампании по освобождению Нидерландов.

Период французского господства закончился для нидерландцев с поражением Наполеона от России в Отечественной войне 1812 г. Начав свой фатальный поход на Москву в июне 1812 г., громадная «Великая армия» Наполеона численностью около 580 тыс. человек в декабре того же года оставшимися отдельными отрядами и группами в 100 тыс. человек с трудом выбиралась из пределов Российской империи. По словам французского историка

---

[205] Рогинский В.В. Россия и освобождение Нидерландов от наполеоновского господства // Новая и новейшая история. 1985. № 5. – С.45 – 61.

[206] Безотосный В.М. Российский взгляд на историю Нидерландов в конце XVIII и начале XIX вв. // Россия – Нидерланды в эпоху наполеоновских войн. От войны к диалогу культур. Сборник материалов научной конференции (г.Уфа, 17 ноября 2021 г.)/ отв.ред. Р.Н.Рахимов. – 2021. – С. 38 – 47.

[207] Бибиков Г.Н. Казаки в Голландии: действия отряда генерал-майора А.Х.Бенкендорфа в ноябре-декабре 1813 г.// Освободительные походы русской армии 1813 – 1814 гг. в истории России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25 – 26 марта 2014 г.) М., 2014. – С. 52 – 63.

[208] Намазова А.С. Роль российской армии в освобождении Голландии и возрождении Нидерландского Королевства в 1813 году// Материалы Международного круглого стола, посвященного 210-летней годовщине Заграничного похода российской армии 1813 – 1814 гг. (г.Уфа, 14 апреля 2023 г.)/ отв.ред. Р.Н.Рахимов. – 2023. – С.12 – 21.

[209] Шатохина-Мордвинцева Г.А. Северные Нидерланды в эпоху наполеоновских войн: от Батавской республики к Королевству Нидерландов // Новая и новейшая история. 2013. № 5. – С. 146–164.

[210] Рахимов Р.Н. Роль 1-го Башкирского полка в голландской кампании 1813 г.// Россия – Нидерланды в эпоху наполеоновских войн. От войны к диалогу культур. Сборник материалов научной конференции (г.Уфа, 17 ноября 2021 г.)/ отв.ред. Р.Н.Рахимов. – 2021. – С. 13 – 23.

[211] Сапожников А.И. Действия летучих отрядов И.Д.Иловайского 4-го, Л.А.Нарышкина и А.Х.Бенкендорфа в Голландии (ноябрь – декабрь 1813 г.)// Россия и Нидерланды в XVII – XX вв.: новые исследования и актуальные проблемы. Материалы международной научной конференции (Институт всеобщей истории РАН, 15 – 16 мая 2013 г.). – 2013. – С. 207 – 254.

[212] Бавыкин Ю.В. Освобождение Нидерландов Россией в 1813 году как образец военно-политического искусства// Материалы Международного круглого стола, посвященного 210-летней годовщине Заграничного похода российской армии 1813 – 1814 гг. (г.Уфа, 14 апреля 2023 г.)/ отв.ред. Р.Н.Рахимов. – 2023. С. 13.

международных отношений, профессора Р. Жиро, «кампания в России стала началом конца наполеоновской державы»[213].

Вот каким образом описывает изменение отношения к Российской империи и Александру I в Европе после разгрома Наполеона русскими войсками нидерландский историк Й. Киккерт: «После провального похода Наполеона в Москву в 1812 году мнение европейского общества по отношению к России кардинально изменилось: Александр I рассматривался теперь не как царь полуварварской страны, а как основной победитель Бонапарта… и его престиж отныне не знал границ»[214].

Для самой Голландии наполеоновское иго, безусловно, не прошло бесследно: экономика страны в результате континентальной блокады пришла в полное расстройство… кроме того, несколько десятков тысяч голландцев в составе «Великой армии» полегло на просторах России в 1812 г.[215] После поражения Наполеона в России начались беспорядки в ряде голландских городов. По всей стране стали появляться плакаты с призывом к восстанию против «французской оккупации»[216]. Символом антинаполеоновской борьбы Голландии стало имя сына скончавшегося в 1806 г. в Брауншвейге последнего статхаудера РСП Виллема V – принца Виллема Оранского, изгнанного с семьей с родины в 1795 г. и проживавшего до ноября 1813 г. в Англии и Пруссии.

Имея целью восстановить свою династию в Нидерландах, в марте 1813 г. принц встретился в Бреславле (ныне – Вроцлав) с императором Александром I, от которого узнал о подготавливаемых совместно со шведским наследным принцем Карлом Юханом[217] военных действиях русско-шведской армии в Северной Германии недалеко от нидерландских границ. Александр I поддержал Виллема Оранского в его стремлении восстановить независимость Нидерландов под

---

[213] Girault R. Peuples et Nations d'Europe au XIX siècle. Paris: Hachette, 1996. P. 74 – 75.
[214] Kikkert J.G. Op.cit. P. 57 – 58.
[215] Рогинский В.В. Указ. соч. С. 46.
[216] Voogd, de Chr. Op. cit. P. 157.
[217] До его избрания в риксдаге в августе 1810 г. кронпринцем Швеции он был известен как маршал Франции Жан-Батист Бернадот. 1813 – 1814 гг. – командующий Северной армией 6-й антифранцузской коалиции. 1818 – 1844 гг. – король Швеции Карл XIV Юхан.

эгидой Оранского дома[218]. Из Бреславля принц направился в Стокгольм, где в начале апреля 1813 г. встретился с Карлом Юханом[219], затем – в Лондон, где заручившись поддержкой министра иностранных дел Великобритании Р.Каслри, находился до возвращения на родину в конце ноября 1813 г.[220]

Следующим мощным ударом для Наполеона стало поражение его армии от союзных войск в «Битве народов» под Лейпцигом в октябре 1813 г. Ставка командования Северной армии союзных войск, возглавляемой шведским наследным принцем Карлом Юханом, располагалась во Франкфурте-на-Майне. В этом городе 8 ноября 1813 г. Александр I, придавая освобождению Нидерландов от французов первостепенное значение, написал документ, свидетельствующий о том, что начатая военная операция была осуществлена по его предложению и инициативе.

Вот текст записки императора: «Излагается план дальнейших военных операций: армия под командованием шведского наследного принца численностью в 105 тыс. человек переходит Рейн в районе Кёльна и стремится отрезать Голландию от Франции…»[221]

Через день, 10 ноября 1813 г. Александр I написал письмо шведскому наследному принцу Карлу-Юхану, в котором изложил ему свой план:

«Государь, брат мой и кузен. Я собирался поделиться с Вами мыслями о будущих операциях… Вот предложенный мой план, с которым полностью согласились представители австрийских и прусских военных властей. Я хочу, чтобы он получил также просвещенное одобрение Вашего Высочества. Все четыре армии, т.е. армия Блюхера, Главная армия, итальянская армия и армия Веллингтона сомкнутся в едином строю…

Ваше Высочество желали взять на себя операции по занятию Голландии. Вышеприведенный план должен обеспечить Вам эту задачу, принудив Наполеона сосредоточить большую часть своих сил против войск, расположенных на левом

[218] Colenbrander H.T. Op cit. Deel 6. Hoofdstuk VIII. ’s Gravenhage, 1912. P. 1864.
[219] Ibid. P. 1869–1870.
[220] АВПРИ. Ф.Канцелярия. Д. 6829. Л. 258 – 260 об.
[221] ВПР. Серия 1. Т.VII. С. 431.

фланге. Если Ваше Высочество выступите в направлении Кёльна или Дюссельдорфа и оттуда на Антверпен, то Вы отрежете Голландию от Франции… Я убедительно прошу Ваше Высочество не медля распорядиться о передвижениях Вашей армии, необходимых для содействия общему плану… Я не сомневаюсь, что Ваше Высочество приложите все усилия для торжества дела, общего для Вас и для всего человечества, – дела свободы народов»[222].

Шведский наследный принц Карл-Юхан одобрил план российского императора, соответствующие указания были даны командующему 20-тысячного русского корпуса генералу от кавалерии Ф.Ф.Винцингероде, который уже сумел собрать для похода в Нидерланды 20 казачьих полков. Командование Северной армии приняло решение, что Голландия может быть освобождена с задействованием лёгких войск, поскольку важным фактором являлась поддержка местного населения, желавшего избавиться от французского владычества[223]. Это позволило генералу Винцингероде по мере необходимости формировать «летучие отряды» (временные формирования в Русской армии для быстрых и эффективных действий против отдельных частей противника) и отряды легких войск, которые возглавляли герои Отечественной войны 1812 г., известные генералы И.Д.Иловайский 4-й, А.Х.Бенкендорф, полковник Л.А.Нарышкин[224], а также генерал А.И.Чернышев[225], который впоследствии станет другом принца Оранского и будет сопровождать его в конце 1815 г. в поездке в Санкт-Петербург

---

[222] Там же. С. 435 – 436.

[223] Михайловский-Данилевский А.Н. Описание войны 1813 года. Ч. II. Санкт-Петербург, 1840. С. 304 – 305.

[224] Нарышкин Лев Александрович (1785 – 1846) – генерал-лейтенант, генерал-адъютант из рода Нарышкиных. Приходился правнуком А.Л.Нарышкину (1694 – 1746), двоюродному брату Петра Великого, директору русской Морской академии, президенту Коммерц-коллегии. В сентябре 1812 г. был назначен адъютантом генерала Ф.Ф.Винцингероде, после пленения которого добровольно отправился в плен вместе с ним, надеясь спасти его; в итоге под Витебском был отбит у французов отрядом казаков. За проявленную в сражении на Березине храбрость 19 ноября 1812 г. был произведен в полковники. В 1813 г. возглавлял один из «летучих» отрядов. Участвовал в составе русского корпуса генерала Винцингероде в освобождении Голландии в ноябре – декабре 1813 г. В январе 1814 г за отличия в боях получил. чин генерал-майора. С 1815 по 1818 гг. находился в рядах русского экспедиционного корпуса во Франции.

[225] Чернышёв Александр Иванович (1786-1857) – граф, светлейший князь (с 1841 г.), генерал от кавалерии, адъютант и доверенное лицо императоров Александра I и Николая I. Был личным военно-дипломатическим агентом с секретными донесениями от Александра I к Наполеону Бонапарту, который выражал Чернышёву своё доверие. В ходе наполеоновских войн командовал партизанскими отрядами. Выполнял специальные поручения императора, в том числе по осуществлению российско-нидерландского брачного альянса. Лично сопровождал принца Оранского в ходе его первой поездки в Россию в ноябре-декабре 1815 г. С 1827 по 1852 гг. исполнял обязанности военного министра Российской империи. С 1848 г. до конца жизни являлся председателем Государственного совета Российской империи.

для организации брака принца с младшей сестрой российского императора, великой княгиней Анной Павловной[226].

Так в ноябре 1813 г. началась операция по освобождению Нидерландов от французского господства.

Как отмечает историк и редактор «Записок Бенкендорфа» П.Н.Грюнберг, «Невероятная сложность операции по освобождению Голландии и искусство её проведения состояли в том, чтобы так вовлечь в её осуществление союзников, чтобы каждый их них действовал по воле инициатора и работал на необходимый инициатору результат». Вся операция заняла ровно 50 дней – с 2 (14) ноября по 22 декабря 1813 (3 января 1814 г.)., а собственно боевые действия заняли 40 дней по 12 декабря[227].

Согласно исследованиям историков, первым к границам Голландии был отправлен казачий отряд под командой полковника лейб-гвардии гусарского полка Л.А.Нарышкина. 14 ноября 1813 г. казаки подошли к воротам крепости города Куворден, провинция Дренте, и потребовали сдачи крепости, однако французский комендант крепости ответил отказом. Позднее Нарышкин стал лагерем к востоку от города Девентер, казаки преодолели сопротивление противника, и полковник сообщил 16 ноября в ставку командования о полном контроле русского отряда над провинцией Дренте[228].

Генерал Иловайский 4-й направил часть отряда казаков под командой полковника Кавалергардского полка князя П.П.Лопухина к городу Делфзейл, а другую часть под командой полковника Александрийского гусарского полка барона А.Ф.Розена к г. Гронингену. 15 ноября Гронинген был занят. 23 ноября казаки полковника Розена взяли административный центр провинции Фрисландия Леуварден, позднее отрядом полковника Лопухина был взят Делфзейл[229].

---

[226] Сапожников А.И. Указ. соч. С. 212 – 213.
[227] Записки Бенкендорфа. 1812 г. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов/ сост. П.Н. Грюнберг. М.: Языки славянских культур, 2001 г. С. 281.
[228] Сапожников А.И. Указ. соч. С.213 – 215.
[229] Рогинский В.В. Указ соч. С. 51 – 52.

Вступление в Нидерланды кавалерийских отрядов полковников Л.А. Нарышкина, А.Ф. Розена, П.П. Лопухина (по несколько сот человек в каждом отряде) и генерал-майора А.Х. Бенкендорфа (около 4 тыс. человек) в составе русского корпуса генерала Ф.Ф. Винцингероде вызвало панику среди французских властей. К 15 ноября 1813 г. назначенный Наполеоном генерал-губернатор Нидерландов Ш.-Ф. Лебрен и командующий французскими войсками генерал Г. Молитор поспешили эвакуироваться из Амстердама[230].

Быстрое продвижение небольших русских казачьих отрядов по городам Голландии, их поддержка населением страны показали, что, в отличие от 1799 г., теперь освобождение от французов вполне осуществимо[231]. Основной их целью было оказать военную поддержку голландскому национально-освободительному движению и изгнать французов с территории Нидерландов. Так генерал Ф.Винцингероде объяснял задачу русских войск в предписании А. Бенкендорфу: «Поскольку неизвестно, идёт ли речь о восстановлении Оранского дома, или короля Людовика, или республики, никоим образом не нужно вмешиваться во внутренние дела. Нужно изгнать французов насколько можно и помочь жителям поддерживать порядок»[232].

Что касается действий генерала Бенкендорфа, только 19 ноября он получил разрешение от генерала Винцингероде выступить к Девентеру. Под командованием Бенкендорфа находились 10 полков, среди которых были такие казачьи полки, как Павлоградский гусарский и 1-й Башкирский полк. Были выделены две бригады: подполковника Г.Г.Мельникова и майора князя Ф.Ф.Гагарина. 1-й Башкирский полк под командованием князя Гагарина совершил переправу через реку Эйссел 19 – 21 ноября. 25 ноября Бенкендорф рапортовал об успешных действиях Гагарина и его полков на левом берегу Эйссела. 26 ноября состоялось кровопролитное сражение под Девентером, в

---

[230] Там же. С. 52. На момент опубликования статьи В.В. Рогинского (1985 г.) материал находился в архиве ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 4158. Л. 107.
[231] Там же.
[232] Там же. С. 54. На момент опубликования статьи (1985 г.) материал находился в ЦГИА ЭССР, г.Тарту. Ф. 2249. Д. 102. Л.13–13 об.

котором был убит майор 1-го Башкирского полка, два офицера ранены, 14 казаков погибло и было ранено. Впоследствии за эти сражения князь Гагарин был удостоен ордена св.Георгия 4 степени «как особенно отличный офицер», как было отмечено в наградном представлении. Битвы за Девентер продолжались вплоть до апреля 1814 г., после чего город был окончательно взят у французов[233].

26 ноября глава сформированного накануне Временного правительства Нидерландов Гейсберт Карел ван Хогендорп[234] обратился с письмом к А.Х. Бенкендорфу, находившемуся между городами Рейссеном и Зволле, с просьбой «прислать дополнительно русские войска»[235]. Одновременно он направил в Лондон посланников, чтобы просить принца Оранского вернуться на родину после почти 20-летнего изгнания и возглавить нидерландское государство. Принц ответил согласием и, отплыв из Лондона на английском фрегате, 30 ноября 1813 г. высадился в Схевенингене около Гааги.

В ответ на просьбу ван Хогендорпа в ночь с 30 ноября на 1 декабря 1813 г. русские казачьи отряды во главе с генералом Бенкендорфом на рыбацких лодках в составе всего 600 солдат отправились из Хардервейка в Амстердам. В 8 часов утра 1 декабря они высадились в Амстердаме, а к полудню вместе с городской милицией захватили охранявшуюся французским гарнизоном крепость Мёйден, угрожавшую столице. Голландцы приветствовали своих освободителей. Как писал сам А. Бенкендорф, «Ничто не может выразить бурную радость, которая

---

[233] Сапожников А.И. Указ.соч. С. 233.

[234] Гейсберт Карел ван Хогендорп (1762 – 1834) – нидерландский юрист, политик, выдающийся государственный деятель, основоположник независимости пост-наполеоновских Нидерландов. Был активным последователем движения «оранжистов». В ноябре 1813 г. стал членом Временного правительства (Триумвирата) освобожденных Нидерландов вместе с графом А.Ф. ван дер Дёйном ван Маасдамом (1771 – 1848) и генералом-лейтенантом Л. ван Лимбург Стирумом (1758 – 1840), вместе с которыми составил письмо находившемуся в изгнании принцу Оранскому с приглашением возглавить освобожденные от французов Нидерланды. Активно переписывался с А.Х.Бенкендорфом. В декабре 1813 г. Г. ван Хогендорп стал первым министром иностранных дел независимых Нидерландов, а в апреле 1814 г. первым вице-председателем Государственного совета Нидерландов. Был назначен председателем комиссии по составлению новой конституции Нидерландов 1814 г., а позднее – конституции Объединенного королевства Нидерландов 1815 г. В результате несогласия с политикой Виллема I в ноябре 1816 г. был уволен с должности вице-председателя Госсовета, позднее посвятил себя публицистике. Его родной брат, Дирк ван Хогендорп (1761 – 1822) в 1802 – 1805 гг. был послом Батавской республики в Санкт-Петербурге, а с 1810 г. генерал-адъютантом императора Наполеона Бонапарта и генерал-губернатором Кёнигсберга.

[235] Голландцы и русские 1600–1917: Из истории отношений между Россией и Голландией / Под ред. Й. Дриссена. Маастрихт, 1989. С. 125. На момент опубликования сборника «Голландцы и русские» (1989 г.) цитируемое письмо находилось в ЦГИА ЭССР, г.Тарту. Ф. 2249. Д. 99. Л. 14–14 об.

охватила жителей этого большого и богатого города. Это поистине было пробуждением нации»[236].

Прибытие русских в Амстердам было высоко оценено Виллемом Оранским и главой Временного правительства Г.К. ван Хогендорпом, который отправил Бенкендорфу новое письмо с благодарностями и заверением, что тот найдет в голландцах «полных рвения и преданности помощников… Пример героизма русских…возбудил в них… самое решительное стремление нации остаться независимой и свободной»[237].

2 декабря 1813 г. в Амстердам прибыл Виллем Оранский. В столице Нидерландов была проведена торжественная церемония окончательного провозглашения независимости страны и представления принца Оранского в качестве ее главы – суверенного государя. Принц пригласил генерала Бенкендорфа присутствовать при зачтении с балкона городской ратуши Амстердама обращения к голландцам «о восстановлении независимости страны и провозглашении Виллема Оранского суверенным государем Нидерландов». В составе почетного караула на улицах Амстердама вместе с голландской милицией были выстроены русские егеря и казаки. Этим событием завершился основной этап борьбы за освобождение Нидерландов от наполеоновского владычества[238].

5 декабря в Гааге состоялся военный совет принца Виллема Оранского с участием русского генерала Бенкендорфа и прусского генерала Бюлова. Было решено продолжать вести боевые действия для «обеспечения полной независимости Голландии»[239].

После военного совета 6 декабря 1813 г. Виллем Оранский направил русскому царю письмо, которое барону Спену де Фоорстонду было поручено отвезти в ставку союзного командования во Франкфурт-на-Майне. В нем принц писал, что «призван править в Соединенных провинциях единодушным

---

[236] Записки Бенкендорфа. Указ соч. С. 216.
[237] Рогинский В.В. Указ соч. С. 55. На момент опубликования статьи В.Рогинского (1985 г.) цитируемое письмо находилось в ЦГИА ЭССР, г. Тарту. Ф. 2249. Д. 99. Л. 15.
[238] Рогинский В.В. Указ соч. С. 55 – 56; Koolemans Beijnen G. J. W. Historisch Gedenkboek der herstelling van Neerlands Onafhankelijkheid in 1813. Haarlem, 1913. P. 112 – 113.
[239] Рогинский В.В. Там же. С. 56.

волеизъявлением нации, которую ее храбрость и победоносные армии Вашего Императорского Величества только что восстановили в рядах независимых народов Европы. …Сир, это является еще одним доказательством неизменной преданности народа к моему Дому и доверием ко мне. Прошу Ваше Императорское Величество благосклонно поддержать это событие и принять мои заверения, что главным моим устремлением является содействие всеми силами общему делу Высоких союзников, столь славно защищаемому Вашим Императорским Величеством. Весьма преданный кузен Вашего Императорского Величества, Виллем»[240].

15 (27) декабря 1813 г. Александр I ответил принцу Оранскому из Фрайбурга, и из этого письма становится очевидным, что Нидерландам в новой системе международных отношений была уготована важная, особая роль, что было определено еще до начала Венского конгресса:

«Мой кузен, позвольте мне выразить надежду, что Ваше Королевское Высочество приложите все усилия для обеспечения счастья и независимости страны, предназначенной занять важное и блестящее место в политическом порядке Европы …Заверяю Ваше Королевское Высочество, что всеми силами поддержу столь важное дело»[241].

6 декабря 1813 г. Александр I из ставки во Франкфурте-на-Майне направил послу в Лондоне Х.Ливену и генералу Поццо ди Борго инструкцию, в очередной раз подчеркивающую твердую позицию российского императора по освобождению государств Европы от гнета Франции:

«Война, ведущаяся против Франции, имеет главной целью …обеспечить независимость правительств и народов, которые …оказались или полностью порабощенными честолюбием и военной силой неприятеля, или все время подвергались угрозе такого порабощения. Это благородный мотив, с самого начала лежавший в основе сопротивления и подкрепленный блистательными победами, объединил народы и их правителей …Сейчас Голландия сбрасывает с

[240] АВПРИ, ф. Канцелярия. Оп.468. Д.6313. Лл. 3–3 об.
[241] Там же. Д.6314, лл. 1–1 об.

себя ярмо… Вся Европа заинтересована в освобождении Голландии и в восстановлении её действительной независимости»[242].

Отдельного упоминания заслуживает блестяще проведенная русскими войсками операция по обороне города Бреды от французов. План Наполеона заключался в том, чтобы оттеснить русских за реки и после захвата этого города вновь контролировать Голландию. По дороге в Бреду французы преследовали отряд генерала К.Г.Сталя. 19 декабря русский отряд вошел в Бреду, но затем следом крепость атаковали французы, преследовавшие Сталя. Русский отряд отбил атаку[243].

В ночь на 21 декабря французы начали окружение крепости, продолжая артиллерийский обстрел. Вечером крепость Бреды была полностью окружена, но в ночь на 22 декабря отряд князя Ф.Ф.Гагарина атаковал французский пост в предместье Бреды Терхейден. В крепость пробились 500 голландских добровольцев, к тому же из города Виллемстад удалось доставить 18 пушек. Утром 22 декабря Бенкендорф сделал высадку в крепость Бреды с 500 гусарами, а прусский генерал Бюлов направил в помощь русскому отряду бригаду генерал-майора Крафта и попросил Бенкендорфа удерживать крепость[244].

Решающий штурм цитадели произошел 22 декабря, французы атаковали её с трех направлений, однако не добились успеха и отступили, получив сведения о приближении части корпусов Бюлова и Грэхема. За пять дней защитники крепости потеряли более 300 человек. Успешная оборона Бреды позволила стабилизировать ситуацию по границе реки Ваал. В течение 10 дней отряд Бенкендорфа не покидал город – принц Оранский, суверенный государь надеялся перевести его в своё подчинение и оставить для действий в Голландии. К 2 января 1814 г. Бреду заняли прусские и английские части. Бенкендорф со своим отрядом покинул крепость и направился в Боммел, Арнем и далее в Эммерих, где получил

[242] ВПР. Т. VII. С. 497 – 498.
[243] Рахимов Р.Н. Указ. соч. С. 21.
[244] Бибиков Г.Н. Указ соч. С. 60.

от Винцингероде приказ сдать командование отрядом и направиться в Дюссельдорф[245].

Взятие Бреды стало одним из важнейших эпизодов голландского похода русских войск. «Ключ к Голландии» - так назвал эту крепость Бенкендорф. Высокая оценка этой решающей победы содержится также в письмах Виллема Оранского, главнокомандующего Северной армии Карла Юхана и главнокомандующего прусским корпусом в составе Северной армии генерала Бюлова[246].

За голландскую кампанию А.Х. Бенкендорф получил от Александра I орден Св. Владимира, от принца-регента Великобритании Георга IV – золотую саблю с надписью «За подвиги 1813 г.», а от принца Оранского – шпагу с надписью «Амстердам и Бреда»[247]. Ключ от крепости города Бреда, врученный горожанами генералу А.Х.Бенкендорфу, по сей день находится в Государственном историческом музее Москвы.

Приняв решение продолжить свой освободительный поход в Европе, преследуя Наполеона до самой Франции, император Александр I не прекращал поддерживать государственность и национальную независимость освобожденных им Нидерландов и рассматривал их как стратегически важного союзника.

Итак, эта задуманная российским императором военная кампания по освобождению Нидерландов от французского господства была блестяще реализована русскими полководцами, героями Отечественной войны 1812 г.: А.Х.Бенкендорфом, Л.Н.Нарышкиным, П.П.Лопухиным, Ф.Ф.Гагариным и другими талантливыми военачальниками. С российскими войсками сотрудничали прусские войска, голландцы с радостью им содействовали[248]. «Истинным шедевром нидерландской операции» называет историк П.Н.Грюнберг марш-бросок генерала Бенкендорфа в Амстердам 1 декабря 1813 г.: «В нем отразилась

---

[245] Там же.
[246] Рогинский В.В. Указ. соч. С. 57. На момент опубликования статьи В.В.Рогинского (1985 г.) цитируемое письмо находилось в ЦГВИА, ф. ВУА, д.3916, л.226.
[247] Записки Бенкендорфа. Указ. соч. С. 238.
[248] Бавыкин Ю.В. Указ. соч. С. 19.

лучшая черта русского военного искусства – смелым и простым ходом решать судьбу сложной военной операции, а то и всей кампании»[249].

Нидерландская кампания конца 1813 – начала 1814 гг. стала одной из ярчайших страниц общеевропейской истории, и первой страницей истории независимого королевства Нидерландов. Освобождение Голландии от французской оккупации стало одним из крупнейших военно-политических событий того времени. Оно по праву считается не только блистательно проведенной русской военной операцией, которая может быть причислена к лучшим образцам старого военного искусства, но также представляет собой совершенное произведение военно-политического искусства, когда минимальными военными средствами был достигнут необходимый политический результат, определивший судьбу Европы на многие годы вперед.

1.3. Роль России в создании Нидерландского королевства, его значение для Венской системы

Россия оказывала поддержку новому руководству освобождённых Нидерландов по важному для него вопросу расширения территории. Суверенный государь Виллем обосновывал эту необходимость в своих письмах министру иностранных дел Великобритании Р. Каслри от 9 ноября и представителю дома Оранских в Лондоне Х. Фагелу от 26 декабря 1813 г. стратегическими соображениями: «Только присоединение левого берега Рейна, вплоть до Мозеля включительно, так же как и объединение Нидерландов, включающее в себя Люксембург, может дать Соединённым Провинциям, рассматриваемым как преграда Европы против Франции, необходимую им прочность»[250]. «Воссоединение с Бельгией – основная задача, в т.ч. в процессе борьбы с наполеоновским игом»[251].

---

[249] Записки Бенкендорфа. Указ. соч. С. 290.
[250] Colenbrander H.T. Op cit. Deel 6. Hoofdstuk VIII. ’s Gravenhage, 1912. P. 1955.
[251] Ibid. Deel 7, Hoofdstuk V. ’s Gravenhage, 1914. P.417.

Позднее этот вопрос обсуждался союзными державами на Шатийонском конгрессе в феврале 1814 г., а также в г. Шомоне, где 17 февраля (1 марта) 1814 г., Россия, Австрия, Великобритания и Пруссия подписали договор об оборонительном и наступательном союзе[252].

О присоединении к северным провинциям Южных Нидерландов, то есть Бельгии, конкретно говорилось в секретных статьях подписанного 30 мая 1814 г. Первого Парижского мирного договора. «Статья 3. …Земли, находящиеся между морем, границами французскими, как они определены настоящим трактатом, и Маасом, присоединяются на вечные времена к Голландии. Границы на правом берегу Маса будут определены по соображению военных интересов Голландии и её соседей»[253]. По договору Франция возвращалась к границам 1792 г., а союзные державы договорились «собраться на конгресс в Вене, чтобы закрепить и далее развить европейскую политическую систему, создававшуюся на развалинах империи Наполеона»[254]. За два месяца до этого – 31 марта 1814 г. – Париж был взят союзными войсками; во Франции пала Первая империя, а 6 апреля 1814 г. Наполеон отрёкся от престола и был выслан на Эльбу.

Перед началом Венского конгресса Виллем Оранский получил заверения в поддержке расширения границ Нидерландов лично от императора Александра I. Об этом мы узнаём из письма прусского посланника в Гааге К.Х.Брокгаузена королю Пруссии Фридриху Вильгельму III от 14 июля 1814 г.: «Российский император дал положительные обещания суверенному государю, что он в любом случае будет заинтересован в поддержке стремления Голландии к увеличению своей территории… Он весьма убеждён в необходимости сделать эту страну достаточно сильной для отражения первого удара в случае, если он будет нанесён Францией»[255].

---

[252] ВПР. Т. VII. С. 595; Мартенс Ф. Указ. соч. Т.III. Трактаты с Австрией. СПб, 1876. С. 148–165.
[253] Мартенс Ф. Указ.соч. Т. XIV. Трактаты с Францией. СПб, 1905. С. 258.
[254] Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. В 3-х тт. Т. 1 / И.С. Иванов [и др.] М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 264.
[255] Colenbrander H.T. Op cit. Deel 7. Hoofdstuk III. ’s Gravenhage, 1914. P. 302.

В ходе Венского конгресса, проходившего с сентября 1814 по июнь 1815 гг., основные вопросы решались представителями пяти крупнейших государств: России, Великобритании, Пруссии, Австрии, а позднее и Франции. У всех государств-участников конгресса были свои интересы, свои цели и планы. Александр I, войска которого находились в центре Европы, не собирался сдавать свои лидирующие позиции. Однако главной идеей конгресса стал передел Европы в интересах победивших держав и недопущение возобновления господства Франции на континенте[256].

Политическую линию Российской империи на Венском конгрессе разрабатывал и осуществлял непосредственно император Александр I. Как победителю Наполеона, ему предстояло сыграть ключевую роль в послевоенном переделе Европы. Российский император полагал, что он «был послан самим провидением спасти Европу от узурпатора и чудовища» (Наполеона – Ю.Б)[257]. Поэтому он считал оправданным усиление влияния России на европейские дела.

Помимо вопросов, имевших для России первостепенное значение в ходе Венского конгресса (польский и саксонский вопросы, установление нового баланса сил между европейскими державами), во взаимоотношениях с Нидерландами важнейшей оставалась проблема государственного долга России, образовавшегося из займов, предоставленных голландскими банкирами Хопе в период царствования императрицы Екатерины II[258]. За поддержку объединения Северных и Южных Нидерландов Россия отказалась от своего первоначального плана возложить выплату долга на голландское государство и начала вести с Лондоном переговоры о его реструктуризации[259]. 7 (19) мая 1815 г. была заключена Конвенция между Россией, Великобританией и Нидерландами о порядке уплаты русского долга, согласно которой Великобритания и Королевство

---

[256] Бавыкин Ю.В. Интересы и роль России в образовании Королевства Нидерландов: династический союз с Оранскими как инструмент внешней политики Александра I// Вестник МГИМО-Университета. 2017. №4 (55). С. 36 – 37.

[257] Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб: Издание А.С.Суворина, 1897. В 4-х томах. Том 3. С.310.

[258] Шатохина-Мордвинцева Г.А. Северные Нидерланды в эпоху наполеоновских войн: От Батавской Республики к Королевству Нидерландов // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 163

[259] ВПР. Т. VII. Док.225, 228. Прим. 305. С. 577–578, 782–783.

Нидерландов обязались «уплатить по 25 млн гульденов русского долга и проценты по нему Амстердамскому банку»[260]. Часть долга, которую брали на себя Великобритания и Нидерланды, не должна была превышать 50 млн гульденов, что составляло половину общего долга (к началу 1816 г. общий долг России составлял 101 486 600 гульденов) [261].

Позиция дома Оранских по вопросу увеличения территории Нидерландов была озвучена в ходе Венского конгресса представителем Оранских, немецким бароном К. фон Гагерном (сам суверенный государь Виллем в Вену не поехал): «Территория бывшей Республики Соединенных провинций, Южные Нидерланды (включая епископство Льеж), а также вся территория между Маасом, Рейном и Мозелем»[262]. Виллем желал видеть в стратегически и экономическом важном месте в Европе «многонациональное государство (с тремя официальными языками: нидерландским, французским и немецким), граничащее с его родовыми землями Нассау, которые были отобраны французами»[263]. Как отмечает нидерландский историк Й. Киккерт, «То, что желания Виллема осуществились, было не следствием смелости Оранских, а опасений союзных государств перед возможной агрессией Франции»[264].

Через две недели после неожиданного бегства Наполеона с острова Эльба и его высадки на юге Франции 16 марта 1815 г. суверенный государь Виллем Оранский в Амстердаме провозгласил себя королём Нидерландов Виллемом I; вскоре была принята новая конституция, усилившая власть монарха[265].

9 июня 1815 г., за несколько дней до поражения Наполеона при Ватерлоо и его окончательного ухода с политической сцены, был принят Заключительный акт Венского конгресса. «Он был подписан уполномоченными 8 государств: России, Австрии, Англии, Испании, Португалии, Пруссии, Франции и Швеции. В течение последующих пяти лет к Венскому трактату присоединились ещё 33

---

[260] Там же. Т. VIII. Док. 78. С. 192–193.
[261] Там же. Док. 88. С. 215–216.
[262] Речь идёт о землях, часть которых ранее принадлежала германским князьям
[263] Kikkert J.G. Op.cit. P. 46.
[264] Ibidem.
[265] Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов. М.: Дрофа, 2007. С. 252.

государства»[266]. По этому документу Франция лишалась всех своих завоеваний, а «резко усиленные Нидерланды стали вместе с Пруссией и Австрией составной частью “антифранцузского барьера”»[267]. Территория Нидерландов была расширена за счёт присоединения к ним австрийских Нидерландов, т.е. современной Бельгии.

В значительной степени благодаря предпринимавшимся последовательно в течение многих лет, задолго до Венского конгресса, усилиям России и Александра I лично, образовалось новое государство, которое стало именоваться «Королевством Нидерландским, под державою Его Королевского Высочества Принца Нассау-Оранского»[268]. Как определялось в Заключительном акте конгресса, «Престол сего Королевства будет наследственный… Титул и права свойственные Королевскому достоинству будут по признанию всех держав отныне принадлежать Дому Нассау-Оранскому… Часть прежнего Герцогства Люксембургского равномерно отдается на вечные времена Королю Нидерландскому»[269].

Позиция России и её союзников в отношении образования независимого Королевства Нидерландов и увеличения его территории чётко отражена в инструкции от 17 июня 1815 г. министра иностранных дел России К.Нессельроде посланнику России в Нидерландах К. Фулю: «Отныне Голландия призвана играть одну из главных ролей в общей европейской системе. Необходимость укрепления обороны Севера внушила союзным державам мысль создать на правом фланге Франции государство достаточно сильное, чтобы не только выдержать без посторонней помощи первый удар, но и эффективно действовать на французских коммуникациях, в случае если Франция нападет на Германию. Это соображение и было причиной объединения Бельгии с Голландией»[270]. Как отмечает Е.Собко,

---

[266] История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / Под ред. О.В Орлик, В.Н.Пономарева, А.Н.Сытина. М.: Международные отношения, 1999. С. 133.

[267] Зак Л.А. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М.: Международные отношения, 1966. С. 291.

[268] Мартенс Ф. Указ. соч. Т.III. Трактаты с Австрией. СПб, 1876. С. 281.

[269] Там же. С. 283 – 284.

[270] ВПР. Указ. соч. Т. VIII. С. 381.

«Россию также беспокоило усиление Пруссии, а образованное новое Нидерландское государство могло бы служить противовесом возвышающейся Пруссии»[271].

Таким образом, из данной главы следует, что Россия – главный с конца XVIII века противовес агрессивной экспансионистской политики Франции – сыграла ключевую роль в освобождении европейских государств, включая Нидерланды, от наполеоновского ига, восстановлении их независимости, формировании европейской политики эпохи Венского конгресса и создании Венской системы международных отношений. Важным открытием данного исследования можно считать тот факт, что план освобождения Нидерландов был составлен в ноябре 1813 г. лично российским императором Александром I, в течение многих лет последовательно выступавшим за восстановление независимости Нидерландов под эгидой династии Оранских и поддержавшим будущего главу и первого короля освобожденных Нидерландов принца Виллема Оранского в вопросе расширения территории его королевства и присоединения к нему Южных Нидерландов, т.е. Бельгии. Это полностью отвечало российским государственным интересам, стало частью плана Александра I по реорганизации постнаполеоновской Европы и важным рубежом в историческом становлении Нидерландов: решением держав-победительниц на Венском конгрессе 1815 г. Объединенному нидерландскому королевству была уготована особая роль континентального контрбалансира против возможной агрессии со стороны нестабильной Франции. Свидетельством правильности выбранного Александром I прагматичного курса российской внешней политики стал значительный рост авторитета российского императора в Европе и политического веса России как крупнейшей и влиятельнейшей монархической державы XIX века.

---

[271] Собко Е.М. Россия и образование Нидерландского королевства // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 145.

ГЛАВА 2. ДИНАСТИЧЕСКИЙ БРАК КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ АЛЕКСАНДРА I

2.1. Неудачный британский проект династического альянса наследного принца Оранского и принцессы Шарлотты Уэльской

Освобождение континентальной Европы от власти Наполеона Бонапарта силами международной коалиции открывало перспективы для новых дипломатических комбинаций и породило планы Нидерландов и Великобритании заключить брачный союз между представителями правящих династий – сыном главы дома Оранских, наследным принцем Виллемом и принцессой Шарлоттой Уэльской – дочерью принца-регента Великобритании Георга[272], принадлежащего к Ганноверской династии. Главы обеих династий понимали, что породнение их правящих домов, безусловно, способствовало бы усилению их позиций в Европе и укреплению их политического союза. Это осознавал и российский император Александр I, который ни в коем случае не собирался отказываться от плодов своей победы над Наполеоном и в чем-либо уступать Англии, в том числе в вопросах выгодных династических альянсов. В конечном итоге Александру I удалось переиграть Великобританию в этом своего рода династическом поединке и именно его сестра, великая княгиня Анна Павловна, а не принцесса Уэльская Шарлотта стала в феврале 1816 г. супругой принца Виллема Оранского, а с 1840 г. – королевой Нидерландов, что позволило России на долгие годы приобрести в лице Нидерландов важного стратегического союзника на европейском континенте.

С помощью данного исследования выясним интересы государств и мотивы, стоявшие за идеей династического союза между представителями правящих

[272] В феврале 1811 г. король Великобритании и Ирландии Георг III (1738 – 1820) лишился рассудка и был признан недееспособным. Руководить страной стал его старший сын Георг, принц Уэльский (1762 – 1830), который был провозглашен принцем-регентом. После смерти отца 29.01.1820 г. принц-регент стал королем Георгом IV, пробыв в качестве монарха до своей кончины 26 июня 1830 г.

домов Нидерландов и Великобритании, а также разберём обстоятельства и причины провала этого брачного проекта.

Поиск невесты для наследного голландского принца пришелся на исторический период, характеризовавшийся постоянной изменчивостью европейского политического пейзажа – с 1807 по 1814 гг., еще до создания так Венской системы международных отношений, одним из творцов которой являлся российский император Александр I. Нидерландскому королевству отводилось в ней особое место.

Англию и Нидерланды в течение многих веков также связывали тесные дружественные узы, которые в конце XVIII - начале XIX в. были обусловлены, помимо политических, и родственными мотивами. Статхаудер РСП Виллем V, бежавший с семьёй в Лондон после оккупации Голландии французскими войсками в январе 1795 г., приходился двоюродным братом английскому королю Георгу III, поскольку мать Виллема V, Анна Ганноверская, была дочерью короля Великобритании Георга II. Династические связи между двумя странами восходят еще к XVII веку: статхаудеры РСП, принцы Оранские Виллем II (1626 – 1650) и его сын Виллем III (1650 – 1702), ставший в 1688 г. в результате «славной революции» королем Англии и Шотландии, были женаты на наследницах английского престола и полных тёзках – двух Мариях Стюарт[273].

Нидерланды всегда считали, что своим избавлением от Наполеона они в равной степени обязаны как России, так и Англии. Недаром, чтобы подчеркнуть ключевую роль Великобритании в организации возвращения принца Оранского Виллема Фредерика на родину в конце ноября 1813 г. спустя почти 19 лет изгнания, к берегам Нидерландов на протяжении всего пути из Лондона его сопровождал граф Кланкарти, ставший позднее первым британским послом в освобожденных Нидерландах. Он пробыл на этом посту до 1824 г. и получил от короля Нидерландов голландский дворянский титул. Со своей стороны принц-регент Георг IV в 1814 г. присудил британские государственные награды

[273] Бавыкин Ю.В. Несостоявшийся брак наследного принца Оранского и принцессы Шарлотты Уэльской// Новая и новейшая история. 2020. №1. С. 7.

приходившемуся ему троюродным братом принцу Виллему Фредерику (орден Подвязки) и его сыну, наследному принцу Виллему (военный орден Бани)[274].

Впервые о возникновении замысла брачного союза между нидерландским наследным принцем Виллемом и английской принцессой Шарлоттой Уэльской мы узнаем из письма отцу наследного принца Виллему Фредерику от его сестры Луизы Брауншвейгской еще в августе 1807 г.[275], когда молодому принцу Оранскому было 14 лет, а принцессе Уэльской (которая была племянницей мужа Луизы – герцога Карла Георга Брауншвейгского) – 11[276]. Сестра принца Оранского с большой нежностью относилась к своему племяннику Виллему и уже тогда занялась поиском для него подходящей невесты, остановившись на кандидатуре английской принцессы.

Осознав политическую выгоду от предложенной сестрой Луизой идеи брачного союза его сына с наследницей трона одной из крупнейших европейских держав и заручившись поддержкой матери и супруги, которую, также как и мать, звали Вильгельмина Прусская[277], принц Виллем Фредерик стал продумывать способы его реализации и даже назвал свой брачный проект «план Виллем» – так он и будет в дальнейшем именовать его в своей корреспонденции[278]. Однако впервые своим замыслом о запланированном брачном союзе принц Оранский поделился с сыном только спустя несколько лет, весной 1812 г., и не столько по причине того, что до этого наследный принц был слишком молод (нидерландскими законами не было предусмотрено возрастных ограничений для заключения брака), сколько ввиду серьезно ухудшившегося в 10-е годы XIX века

---

[274] Colenbrander H.T. Op. cit. Deel 7. Hoofdstuk V, 1914. P. 653.
[275] Koch J. Op. cit. P. 198 –199.
[276] Молодые люди также являлись друг другу родственниками: прабабка Виллема-младшего Луиза-Амалия Брауншвейг-Вольфенбюттельская (1720 – 1780) и прадед Шарлотты Карл I Брауншвейг-Вольфенбюттельский (1713 – 1780) были родными сестрой и братом. Примечательно, что родным братом Луизы-Амалии и Карла I являлся Антон Ульрих Брауншвейгский (1714 – 1774), отец российского императора Ивана VI Антоновича, отправленного в младенчестве императрицей Елизаветой Петровной в ссылку, а позднее в Шлиссельбургскую крепость, где он был убит в 1764 г.
[277] Вильгельмина Прусская (1774 – 1837) – или Мими, как её называли в семье, была дочерью короля Пруссии Фридриха Вильгельма II (1744 – 1797) и сестрой короля Пруссии Фридриха Вильгельма III (1770 –1840). В 1791 г. вышла замуж за принца Оранского Виллема Фредерика, став принцессой Оранской. С марта 1815 по 1837 гг. – королева Нидерландов.
[278] Koch J. Op. cit. P. 207.

финансового состояния дома Оранских, обусловленного в первую очередь тем, что император Наполеон в октябре 1806 г. лишил принца Виллема Фредерика его наследственных земель Нассау и Фулда (недалеко от г. Висбаден) в наказание за его участие в войне с Францией на стороне Пруссии в составе 4-й антифранцузской коалиции[279].

25 марта 1812 г. Виллем Фредерик написал из Берлина сыну, который после обучения в Берлинской военной академии и в Оксфордском университете был направлен в июне 1811 г. в Испанию и Португалию, чтобы сражаться с наполеоновскими войсками в действующей армии прославленного британского герцога Веллингтона: «…Вам бы следовало серьезно заняться устройством своей будущей жизни, и я бы мог помочь выбрать Вам подходящую супругу, которая сделала бы Вас счастливым и создала бы для Вас семью… Если английская принцесса Шарлотта будет выбирать себе супруга, искренне желаю, чтобы этот выбор пал на Вас…»[280]. 18 июня 1812 г. из Саламанки 19-летний наследный принц ответил отцу: «Я готов следовать Вашим советам и указаниям, но считаю данный союз маловероятным… Как можно быть счастливым в браке, если моя жена станет королевой, а я всего лишь её подданным?.. Лично я предпочел бы вернуться в Германию, жениться на кузине Шарлотте, дочери прусского короля[281], …и прожить спокойно и счастливо… Тем не менее я согласен исполнить свой долг во благо нашего Дома… и принести себя в жертву…»[282]

Взаимодействовать непосредственно с британским принцем-регентом по вопросу реализации своего брачного проекта Виллем Фредерик решился лишь после разгрома «Великой армии» Наполеона русскими войсками в Отечественной войне 1812 г. и образования 6-й антифранцузской коалиции, когда перед Нидерландами открылись ощутимые перспективы их освобождения от

---

[279] Ibid. P. 199.
[280] Colenbrander H.T. Op. cit. Deel 6. Hoofdstuk VII. ‘s-Gravenhage, 1912. P. 1830 – 1831.
[281] Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская (1798 – 1860) – дочь короля Пруссии Фридриха Вильгельма III, двоюродного брата принца Виллема Фредерика Оранского. Перед обручением с великим князем Николаем Павловичем, будущим российским императором Николаем I, 25 июня (7 июля) 1817 г. приняла православие с именем Александра Фёдоровна. 1825 – 1860 гг. – российская императрица, мать императора Александра II.
[282] Colenbrander H.T. Op. cit. P. 1835 – 1836.

французского гнета. Стоит подчеркнуть, что в то время, когда Виллем Оранский-младший стал рассматриваться в качестве возможного жениха английской принцессы, его политическое будущее было неопределенным. Практически вся Европа находилась в то время под властью наполеонидов, включая Голландию, которой с июня 1806 г. правил король Людовик Бонапарт, фактически поставленный старшим братом императором Наполеоном во главе одного из новоиспеченных вассальных королевств. Вопрос о возвращении изгнанных Оранских на родину в то время еще не был решен. Несмотря на это, принц-регент Георг, рассчитывая, что в новой постнаполеоновской Европе Нидерланды будут занимать важное место, поддержал замысел принца Оранского и сделал ставку на союз своей дочери с голландским наследным принцем[283].

Являясь единственным ребенком принца-регента и наследницей британского престола, Шарлотта испытала на себе все беды несчастливого брака своих родителей. Дед Шарлотты, король Георг III, в апреле 1795 г. организовал брак её отца, в то время 32-летнего принца Георга Уэльского, будущего принца-регента, с принцессой Брауншвейгской Каролиной Амалией с целью выбраться из огромных внешних долгов Великобритании. Однако сразу после рождения Шарлотты в январе 1796 г. супруги стали жить раздельно. Такая обстановка в семье не могла не сказаться на формировании характера принцессы, и к 12-ти годам она уже открыто противоречила своему отцу, обвиняя его в злоупотреблении спиртным и неподобающем отношении к своей супруге Каролине Амалии, матери Шарлотты. Когда принцесса достигла совершеннолетия, Георг усилил контроль над ней и максимально изолировал её от внешних контактов, но это не помешало Шарлотте выстраивать отношения с молодыми людьми, которые считали её довольно привлекательной. Как утверждают историки, в 1811 г. принцесса влюбилась в Георга Фрица Кларенского – незаконнорожденного сына своего дяди, герцога Кларенского, ставшего в июне 1830 г. королем Великобритании Уильямом IV после смерти отца

[283] Бавыкин Ю.В. Указ. соч. С. 9.

Шарлотты, короля Георга IV, а позже в лейтенанта Чарльза Гесса – незаконнорожденного сына другого своего дяди, герцога Йоркского[284].

Впервые услышав в феврале 1813 г. от отца имя своего возможного супруга, 17-летняя Шарлотта Уэльская отреагировала без особого энтузиазма и в письме своей подруге М.Элфинстоун писала: «Чтобы я страстно желала его… он должен быть прекрасен и разумом, и сердцем… Никакие принуждения на меня не подействуют… И я никогда не поступлю так, чтобы меня сочли бесхарактерной…»[285]. Вначале Шарлотта не имела никакого желания выходить замуж за Виллема, но вместе с тем ей было интересно узнавать о его военных успехах в составе британской армии на Пиренейском полуострове, тем более, что голландский наследный принц стал генерал-адъютантом герцога Веллингтона.

Для Великобритании брачный альянс правящей королевской династии со знатным голландским родом Оранских был весьма важен для упрочения её влияния в Европе и для укрепления связей с Нидерландами – стратегически значимым союзником, который должен был стать её главной опорой на континенте. Однако, принцу-регенту Георгу необходимо было уговорить дочь согласиться на этот брак. Это оказалось делом крайне сложным, учитывая и личное отношение к нему Шарлотты, и плачевную обстановку в королевской семье. Кроме того, принц-регент в это время был непопулярен среди простых англичан, а также имел немало противников в британском парламенте, без одобрения которого брак наследницы престола не мог считаться действительным.

Точнее сказать, формально принцесса Шарлотта была «предполагаемой наследницей» («heiress presumptive») британского престола, так как по действующим в то время в Великобритании Закону о королевских браках 1772 года, а также принятым в правление короля Англии и Шотландии – одновременно являвшегося статхаудером РСП – Виллема III Биллю о правах 1689 года и Акту о престолонаследии 1701 года престол переходил по наследству «старшему

[284] Zanten J. van. Op.cit. P. 154.
[285] Aspinall A. Op.cit. P. 55

законному сыну предыдущего претендента». Однако, в отличие от наследования французского типа (салического закона), упомянутые британские законы не исключали дочерей монарха из порядка наследования, что давало принцессе Шарлотте полное право претендовать на трон Великобритании. Учитывая тот факт, что принц-регент Георг и его законная супруга принцесса Каролина Брауншвейгская жили раздельно, шансы на появление у главы государства законного наследника мужского пола практически равнялись нулю. По этой причине принцесса Шарлотта в британских политических кругах рассматривалась в то время не иначе как «непосредственная наследница престола» («heiress apparent»)[286].

Очевидно, что ни Георг, ни Виллем Фредерик не получили столь желаемой поддержки со стороны своих детей в отношении планировавшегося династического союза, что серьезно осложняло весь процесс подготовки. Однако, в отличие от Шарлотты, Виллем придавал бóльшее значение понятию «династический долг» и был готов пожертвовать своим личным счастьем и согласиться на этот брак во благо дома Оранских и будущего нидерландского государства.

После поездок в прусский город Бреславль (ныне польский – Вроцлав) и встречи в марте 1813 г. с Александром I, а затем в Стокгольме со шведским наследным принцем Карлом Юханом 25 апреля 2013 г. принц Виллем Фредерик прибыл в Лондон «для обеспечения реализации общей задуманной нами цели», как он писал министру иностранных дел Великобритании лорду Каслри[287]. Британский военный министр лорд Батерст, находясь в постоянной переписке с герцогом Веллингтоном, под руководством которого сражался наследный принц, сообщил ему о желании принца-регента увидеть «будущего зятя» в Лондоне[288], и в августе 1813 г. герцог Веллингтон наконец направил наследного принца Виллема в Лондон с донесением для принца-регента и устным докладом о ходе

[286] Zanten J. van. Op.cit. P. 176.
[287] Colenbrander H.T. Op. cit. Hoofdstuk VIII. P. 1869.
[288] Ibid. P. 1878.

боевых действий на Пиренейском полуострове. 14 августа на личной аудиенции у Георга IV наследный принц встретился с отцом, которого не видел 4,5 года. Однако, радость встречи после долгой разлуки через некоторое время сменилась недовольством Виллема Фредерика, когда сын повторил ему уже упомянутые им ранее в письме возражения против брака с принцессой Шарлоттой. Наследный принц, также рассерженный на отца за то, что тот «нисколько не заботился о личном счастье сына», решает возвратиться в Испанию к Веллингтону, прибыв туда 17 сентября 1813 г., но ненадолго, поскольку начавшееся у Виллема глазное воспаление помешало продолжению его военной службы[289].

7 октября 1813 г. оставшийся в Лондоне принц-отец Виллем Фредерик пишет своей матери Вильгельмине о намеченном браке, заявляя о его пользе как для государства, так и для сына Виллема. О будущей невесте он говорит: «У нее …прекрасное сердце и превосходный ум, а с этими двумя составляющими можно достичь многого, особенно это помогло бы ей в отношениях с мужем, которому нужна любящая жена, что было бы подходящим для его *(Виллема-младшего – Ю.Б.)* воспитания и исправления его вредных привычек. Кроме того, не будучи красавицей, принцесса Шарлотта хороша: похоже, она станет весьма сильной и решительной»[290].

В начале декабря 1813 г. наследный принц с разрешения Веллингтона снова отправился в Лондон. Для его отца Виллема Фредерика это было хорошей новостью, так как это означало продолжение осуществления его «плана Виллем», к тому же, он считал, что настало время знакомства будущих супругов. В пути, на военном бриге наследный принц встретил свой 21-й день рождения. Прибыв в Великобританию, Виллем узнал о кардинальных переменах в своей судьбе. В Нидерландах поднялось антинаполеоновское восстание, многие голландские города были освобождены от французов, а его отец по просьбе временного правительства уже вернулся в Гаагу и 2 декабря 1813 г. стал главой освобожденных Нидерландов, приняв титул суверенного государя. Эти

[289] Zanten J. van. Op. cit. P. 150 – 151.
[290] Colenbrander H.T. Op. cit. P. 1896

обстоятельства лишь усилили заинтересованность британского королевского дома в готовящемся браке. 11 декабря встретивший Виллема в Лондоне лорд Батерст сообщил ему, что его отец и принц-регент Георг «практически договорились о заключении брака между ним и Шарлоттой и выразили взаимную готовность начать приготовления к их помолвке»[291]. Больше всех это событие стремился приблизить принц-регент, настаивавший на том, чтобы сразу же по прибытии из Испании наследный принц был представлен принцессе Шарлотте. Сам Виллем воспринял услышанное с нескрываемой досадой, поскольку «всё было решено без его непосредственного участия»[292], однако на знакомство с принцессой согласился. До этого свое согласие отцу на встречу с Виллемом дала и Шарлотта. Как отмечает историк Й. ван Зантен, ссылаясь на нидерландского историка Х.Коленбрандера, «Благодаря свершившемуся освобождению Нидерландов, предстоящий союз между Шарлоттой и Виллемом уже не рассматривался как обычный альянс между двумя знатными европейскими домами. Он стал политическим, так как речь шла теперь о союзе двух наследников трона со всеми вытекающими отсюда государственно-правовыми последствиями»[293].

Первая встреча Виллема и Шарлотты состоялась 12 декабря 1813 г. на ужине в резиденции принца-регента Карлтон-Хаус, куда Георг пригласил «будущего зятя». Помимо самого Георга и его дочери, там присутствовали члены королевского двора, премьер-министр Великобритании лорд Ливерпул с супругой и практически все руководство страны. О своем первом впечатлении о Шарлотте наследный принц писал: «Она довольно крупна и бледна лицом... одним словом, рубенсовской красоты… Очень шумна, и ее манеры далеки от утонченных»[294]. В ходе ужина наследный принц и принцесса впервые поговорили друг с другом. А так о знакомстве с Виллемом писала Шарлотта: «Несмотря на свою застенчивость, он показал себя с хорошей стороны… Не могу назвать его красавцем, но он

[291] Zanten J. van. Op. cit., p. 152.
[292] KHA, A40-XII-3, «Livre de Notes» («Записная книжка»).
[293] Zanten J. van. Op.cit. P. 152.
[294] KHA, A40- XII-3, “Livre de Notes”.

настолько жизнерадостен, что оставил о себе приятное впечатление…»[295]. Во время ужина принц-регент выяснил у наследного принца, что сердце его свободно, а значит, «никаких препятствий для заключения предстоящего брака не должно быть»[296].

Однако такое, казалось бы, позитивное начало знакомства молодых вскоре было омрачено вспыльчивым нравом принцессы. Когда на следующий день после званого ужина Виллем пришел к Шарлотте, чтобы обсудить их возможное совместное будущее и сообщил, что после свадьбы ей, скорее всего, придется несколько раз в году жить на родине супруга, в Нидерландах, реакция принцессы была крайне эмоциональной – она в слезах выбежала из комнаты[297].

Такой всплеск эмоций Шарлотты, личности весьма амбициозной, мог быть обусловлен, по мнению историка Й. ван Зантена, чувством сильной обиды на отца, который «скрыл от неё условия предстоящего брака с голландским наследным принцем, в частности перспективу её проживания в Нидерландах, считавшихся в королевской семье страной гораздо более низкого уровня, чем Англия… Шарлотта все больше убеждалась, что желание принца-регента как можно быстрее выдать её замуж было связано со стремлением отправить её дальше от родины, чтобы дочь не вздумала лишить его трона… Вместо того, чтобы однажды стать королевой у себя на родине, теперь Шарлотта могла лишь довольствоваться ролью супруги голландского наследного принца. От этого душа принцессы переполнялась гневом…»[298].

Объясниться с Шарлоттой после их размолвки Виллему в последующие дни так и не удалось, так как буквально спустя несколько дней ему пришло письмо из Голландии от отца, считавшего вопрос со свадьбой после состоявшегося знакомства молодых делом решенным. Виллем Фредерик просил сына срочно вернуться в Гаагу с целью помочь дому Оранских «прочнее утвердиться во главе независимых Нидерландов». В конце декабря 1813 г. наследный принц прибыл на

---

[295] Didier M. Op. cit. P. 48.
[296] Zanten J. van. Op. cit. P. 159.
[297] Ibid. P. 161.
[298] Zanten J. van. Op. cit. P. 163 – 164.

родину, но, как он сам позднее писал в «автобиографических заметках», «чувствовал себя здесь чужим… Я не мог отречься от двух приютивших меня в детстве стран – Англии и Пруссии. Голландию я знал лишь как страну, которая отвергла меня в двухлетнем возрасте»[299]. Не испытывая желания, в противоположность своему отцу, заниматься политикой, однако, осознавая предназначение своей династии и пытаясь привыкнуть к своему новому положению наследника главы государства, Виллем решил ближе познакомиться с подданными своей страны и совершил поездку по городам Нидерландов, жители которых тепло приветствовали его[300]. Кроме того, в конце января 1814 г. суверенный государь назначил своего 21-летнего сына командующим нидерландской армией.

Тем временем Виллем Фредерик поручил опытным дипломатам, в том числе посланнику Нидерландов в Лондоне Х.Фагелу[301], заняться совместно с британской стороной подготовкой брачного договора. 23 февраля 1814 г. он направил официальное письмо принцу-регенту Великобритании с предложением брачного альянса. Подобное письмо Георгу направляет и наследный принц Оранский[302]. Суверенный государь в послании отмечает: «Этот союз давно был объектом моих желаний… он является столь же почетным, сколь и взаимовыгодным… Больше всего я хочу, чтобы будущая супруга моего сына был рада и счастлива с ним…»[303]. 19 марта 1814 г. принц-регент ответил суверенному государю: «Как от имени короля, моего отца, так и от себя лично, я рад еще прочнее скрепить узы дружбы, так счастливо объединяющие нас»[304]. Наследному принцу Оранскому он написал: «Зная о хвалебных отзывах, полученных мною от

---

[299] KHA, G54 – 32, “Autobiografische aantekeningen”, september 1821 («Автобиографические заметки», сентябрь 1821 г.).
[300] Zanten J. van. Op. cit. P. 168.
[301] Хендрик Фагел (1765 – 1838) – барон, один из братьев Фагелов (Роберта, Якоба), выдающихся государственных деятелей Нидерландов первой половины начала XIX в., преданных оранжистов, служивших династии Оранских с 80-х гг. XVIII в. 1814 – 1823 гг. – чрезвычайный и полномочный посланник Нидерландов в Лондоне. Его брат, барон Роберт Фагел (1771 – 1856), был послом Нидерландов в Париже с 1814 по 1854 гг. Якоб Фагел (1766 – 1835) – адъютант наследного принца Виллема Фредерика в конце XVIII – начале XIX вв. 1814 – 1835 гг. – член Государственного совета Нидерландов.
[302] Colenbrander H.T. Op. cit. Deel 7. Hoofdstuk I. P. 66
[303] Ibid. P. 67.
[304] Ibid. P. 94.

герцога Веллингтона, … доблести и военных талантах, проявленных Вашим Королевским Высочеством на Пиренейском полуострове…, я без малейшего колебания даю свое искреннее согласие на союз, призванный еще более… усилить и улучшить дружеские отношения, сохраняющиеся уже столько лет между нашими странами»[305]. В те дни принцу-регенту на какое-то время удалось убедить дочь пойти навстречу его династическим планам и не отвергать идею брака с наследным принцем Виллемом.

Воодушевленный официальным согласием главы британского королевства на брачный альянс, 30 марта 1814 г. принц Виллем Фредерик во время принесения присяги в качестве суверенного государя в Новой церкви Амстердама в присутствии иностранных послов и представителей заявил: «Самые прочные наши внешние сношения, я имею в виду, с прославленной Великобританией, благодаря предстоящему брачному союзу моего старшего сына на века приобретут еще большую степень взаимного доверия»[306]. Это фактическое объявление о предстоящем династическом браке из уст главы Нидерландов прозвучало для английских парламентариев как гром среди ясного неба. 21 апреля 1814 г. один из наиболее радикальных в то время депутатов из оппозиционной принцу-регенту партии вигов С.Уайтбрэд в Палате Общин заявил о своем возмущении, «что эта новость впервые была официально обнародована в Амстердаме, а не в Лондоне, не в Палате Общин. Выглядело это так, будто принц-регент скрыл это от своего парламента». Присутствовавший на том заседании британский военный министр лорд Батерст, опасаясь, что складывающаяся ситуация может серьезно осложнить реализацию запланированного брака, решил, предварительно заручившись согласием посла Нидерландов Х.Фагела, написать письмо наследному принцу в Нидерланды с просьбой срочно прибыть в Лондон[307].

---

[305] Ibidem.
[306] Didier M. Op. cit. P. 49.
[307] Zanten J. van. Op. cit. P. 177.

29 апреля 1814 г. Виллем прибыл в столицу Великобритании. После нескольких попыток ему все же удалось добиться встречи с принцессой. Шарлотта сообщила ему, что не отказывается от идеи предложенного брака, но не будет принимать наследного принца у себя до тех пор, пока не получит от него гарантию, что «когда она станет супругой принца, никто не сможет заставить её покинуть свою родину» и потребовала закрепить это положение в тексте брачного договора[308]. Созвучно уже приведенному выше выводу голландского историка Й. ван Зантена его коллеги Д. Херманс и Д. Хоогхимстра отмечают: «Внезапно Шарлотта поняла, зачем отец так торопился с её замужеством. Как наследницу престола, он стремился после свадьбы как можно скорее отправить её в Голландию, чтобы ни она, ни её мать в результате сговора не могли сбросить его с трона… С такими перспективами Шарлотта категорически отказалась принимать данный брачный контракт»[309].

Наследный принц, понимая, что дело идет к краху всего проекта брачного альянса, решает по-настоящему бороться за этот брак и в письме от 17 мая 1814 г. умоляет отца пойти на любые уступки принцессе, чтобы его проект не потерпел фиаско[310]. Суверенный государь пошел навстречу настояниям сына и приказал своему послу в Лондоне Х.Фагелу поместить в договор требуемые принцессой положения[311], что на некоторое время возымело свое действие: Шарлотта, оценив этот жест своего возможного жениха, согласилась на встречи с ним. Обрадованный Виллем писал матери из Лондона 24 мая, что у них с «невестой» все наладилось: «У нас самые лучшие в мире отношения… Мы уже готовимся к предстоящим событиям, я занят поиском серых лошадей для кареты, это ее любимый цвет… Как видите, у нас все идет отлично…»[312]

Как раз в это время в Европе происходили события, кардинально изменившие ход европейской истории – после взятия 31 марта 1814 г. Парижа

---

[308] KHA, A40-XII-3, “Livre de Notes”.
[309] Hermans D., Hooghiemstra D. Op. cit. P. 63 – 64.
[310] Colenbrander H.T. Op. cit. Hoofdstuk V. P. 578 – 579.
[311] Ibid. P. 587 – 588.
[312] Ibid. P. 585 – 586.

союзными войсками во главе с российским императором Наполеон Бонапарт подписал акт об отречении и 6 апреля был выслан на Эльбу. 30 мая победившие державы заключили Первый Парижский мирный договор, приняв решение, что в Лондоне должны будут собраться лидеры «великой четверки» – Пруссии, Австрии, Англии и России, чтобы обсудить проведение запланированного на осень 1814 года Венского конгресса. В этой связи в начале июня в Лондон из Парижа прибыли Александр I вместе с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III. В британской столице их ожидала приехавшая из Голландии в Великобританию двумя месяцами ранее родная сестра русского царя великая княгиня Екатерина Павловна[313]. Примечательно, что в июне 1814 г. в Лондоне наследный принц Виллем вместе с принцессой Шарлоттой нередко проводили время в гостинице «Пултени», в которой в те дни останавливались российский император с сестрой Екатериной[314].

2.2. Роль Романовых в провале планов династического брака правящих домов Нидерландов и Великобритании в 1814 г.

Однако, надеждам на счастливый брак принца и принцессы не суждено было сбыться. По мнению историка Й. ван Зантена, переломный момент для принцессы Шарлотты, окончательно определивший ее позицию в отношении брака с Виллемом, наступил, когда она узнала от своей тёти принцессы Мэри, что отец, не посоветовавшись с ней, якобы уже назначил дату свадьбы на июль 1814 г., «после того, как все иностранные гости покинут Лондон». После такой вести принцесса Уэльская решила твёрдо: помолвка не состоится[315].

16 июня 1814 г. принцесса заявила пришедшему к ней Виллему о невозможности в будущем переехать с ним в Нидерланды, так как ей необходимо находиться рядом со своей матерью в Англии. В расстроенных чувствах наследный принц без единого слова вышел из её комнаты и вечером того же дня

[313] Zanten J. van. Op. cit. P. 180.
[314] KHA, A40-XII-3, “Livre de Notes”.
[315] Zanten J. van. Op. cit. P. 181.

получил от Шарлотты письмо, поставившее точку в вопросе об их брачном союзе. 18-летняя принцесса писала: «Обязательства каждого из нас перед своим государством делают наш брак неосуществимым не только по политическим мотивам, но и с точки зрения семейного счастья… Мое проживание за пределами моего Королевства нанесло бы ущерб его интересам… Для меня представляется невозможным покинуть Англию в настоящее время, и это едва ли реализуемо в будущем… По этой причине я считаю с этого момента нашу помолвку полностью и навсегда расторгнутой»[316].

Событие стало настоящим шоком как для английских, так и голландских правящих кругов. Однако, отец Виллема, суверенный государь, решил не сразу предавать его огласке и 21 июня 1814 г. написал министру иностранных дел Нидерландов барону А.ван Нагеллу: «Счастьем или несчастьем является то, что случилось, покажет время. В любом случае я соглашусь с Вашим Превосходительством, что пока необходимо сохранять полное молчание об этом...»[317].

А тем временем Лондон наполнялся слухами по поводу причин разрыва помолвки принцессы Шарлотты, в газетах появлялись скандальные статьи и теории заговора. Упорнее всего муссировались предположения, что за крахом брачного проекта стояла родная сестра российского императора великая княгиня Екатерина Павловна. На это намекал в своем письме принцу Виллему Фредерику от 1 июля 1814 г. и голландский посол в Лондоне Х.Фагел: «учитывая существующие обстоятельства, данные слухи могут иметь серьезные основания…»[318].

Екатерина Павловна, великая княгиня Ольденбургская (1788 – 1819), пользовалась безграничным доверием своего брата, императора Александра I, который весьма ценил дружбу с ней, считался с её мнением, в том числе по политическим вопросам, и вел с интенсивную переписку с сестрой вплоть до

[316] Colenbrander H.T. Op. cit. Hoofdstuk I. P. 149.
[317] Ibid. Hoofdstuk V. P. 608.
[318] Ibid. P. 625.

самой ее кончины. Ставшая вдовой в декабре 1812 г. после смерти своего первого супруга принца Петра Фридриха Георга Ольденбургского, 26-летняя Екатерина в декабре 1813 г. отправилась в поездку по Европе. В начале марта 1814 г. она прибыла в Голландию, откуда подробно информировала царя о внутриполитической ситуации в этой стране, описывала красоту местности, а также давала брату-императору советы о том, что России можно было бы перенять из опыта и особенностей Нидерландов, которые Екатерине очень понравились. Встретившись в Гааге с семьей суверенного государя, в том числе с наследным принцем Оранским, она написала своему любимому брату Александру I: «Наследный принц довольно милый; говорит множество приятных вещей и великолепен, я гарантирую, что он Вам понравится: он безукоризнен внешне и внутренне…»[319]. Самому Виллему импонировало общество сестры российского императора, и позднее он с удовольствием будет вспоминать их прогулки в Лейдене, Делфте, Роттердаме. Позднее это благоприятное впечатление о царствующей семье Романовых сыграет большую роль в решении наследного принца связать судьбу с царской династией[320]. В этом же письме брату-императору Екатерина отмечает, что «в Голландии все только и говорят о предстоящем браке наследного принца с английской принцессой Шарлоттой»[321]. Последующие события показали, что вероятно, к тому времени у императора Александра I уже могли созреть матримониальные планы в отношении Виллема-младшего.

19 (30) марта 1814 г. великая княгиня Екатерина Павловна прибывает из Голландии в Лондон, где знакомится с правящей королевской семьей, в том числе с Шарлоттой Уэльской, и пишет брату-императору: «Принцесса Шарлотта… очень напоминает ребенка… чуть меньше меня, у неё …красивые руки, стройные

[319] Великий князь Николай Михайлович. Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. СПб, 1910 г. С. 173. Роттердам, 6 (18) марта 1814 г.
[320] КНА, А 40-XII-3. “Livre de Notes”.
[321] Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 174.

ноги, большие голубые глаза… Она похожа на мальчика, точнее на сорванца в платье, …но этим и обаятельна»[322].

Из писем Екатерины мы узнаём, что она нашла общий язык с Шарлоттой и регулярно встречалась с ней во время своего пребывания в Лондоне, делилась новостями о различных событиях[323]. Как утверждает голландский историк М.Дидье, в Англии великая княгиня нередко беседовала с принцессой Уэльской, «и вместе с российским дипломатом Татищевым[324], который был хорошо знаком с матерью Шарлотты, принцессой Каролиной Брауншвейгской, разъясняла принцессе, что ей придется надолго уехать в Нидерланды, в случае если она выйдет замуж за наследного принца Оранского»[325].

О роли Екатерины в расстройстве помолвки Виллема и Шарлотты писала в своих воспоминаниях и супруга российского посла в Лондоне, Христофора Андреевича Ливена, Дарья Христофоровна Ливен – родная сестра русского генерала, освободителя Нидерландов А.Х.Бенкендорфа: «В Лондоне много говорят и обсуждают, что разрыв брака принца Оранского и принцессы Шарлотты был целью приезда великой княгини в Англию»[326].

Однако, среди историков существует и другая точка зрения в отношении влияния Екатерины Павловны на судьбу упомянутого брачного союза. Так, нидерландский историк Й.Ван Зантен считает, что Екатерина и Александр, вопреки устоявшемуся мнению, пытались спасти помолвку Виллема и Шарлотты. При этом он ссылается на сохранившуюся в архивах запись разговора российского императора с принцессой Уэльской во время прощального приёма, данного царём в Лондоне 21 июня 1814 г., в ходе которого Александр, высказав Шарлотте свое сожаление о несостоявшейся помолвке, назвал союз, расторгнутый по инициативе

---

[322] Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. Екатерина Павловна – Александру I. Лондон, 23 марта (4 апреля) 1814 г. С. 180 – 181.
[323] Там же. Екатерина Павловна – Александру I. Лондон, 27 марта (8 апреля) 1814 г. С. 181
[324] Татищев Дмитрий Павлович (1767 – 1845) – действительный тайный советник, племянник княгини Е.Р.Дашковой, сподвижницы императрицы Екатерины II, внучатый племянник канцлера Российской империи М.И. Воронцова (1714 – 1767). Чрезвычайный посланник Российской империи в Неаполе (1805 – 1808), в Испании (1812 – 1821), в Австрии (1822 – 1841), почетный член Императорской Академии художеств, знаток искусств.
[325] Didier M. Op. cit. P. 50.
[326] Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 233 – 234.

принцессы, «прекрасным брачным проектом,… имевшим большое значение для английского государства»[327]. Хотя, не исключено, что Александр, «властитель мудрый», мог и лукавить, с целью развеять подозрения Лондонского двора в его возможной причастности к разрыву британско-нидерландского союза. Так или иначе, теперь уже ничто не мешало российскому императору приступить к реализации собственного династического проекта.

Проанализировав все изложенные соображения, мы можем сделать вывод, что причиной фиаско замысла брачного союза стала совокупность многих факторов.

Во-первых, это обстоятельства личного характера. С одной стороны, это роль в случившемся амбициозной и своенравной, воспитанной в атмосфере семейного разлада принцессы Шарлотты Уэльской, разорвавшей помолвку. Чувство обиды на отца и нежелание следовать его замыслам в ней были гораздо сильнее готовности жертвовать собой во имя интересов королевства. С другой стороны – это позиция наследного принца Виллема Оранского, придававшего, в отличие от Шарлотты, бóльшее значение династическому долгу, который всё же был готов (внутренне не желая этого союза) принести в жертву свои личные интересы во благо своей династии. Несмотря на все предпринятые главами Нидерландов и Великобритании усилия, их дети и наследники престола Виллем и Шарлотта, не испытывая друг к другу сильных чувств, так и не стали супругами.

Во-вторых, политические обстоятельства вокруг готовившегося брака. С самого начала подготовки альянса английский принц-регент не был поддержан ни своим парламентом, ни королевской семьёй. И вообще мало кто в Великобритании был в восторге от перспективы передачи в будущем британской короны в руки представителя нидерландской династии, тем более государства с неопределённым в то время политическим будущим. Кроме того, успешному осуществлению династических планов отнюдь не способствовало то, что принцессе Шарлотте (возможной будущей королеве Великобритании) в случае

[327] Zanten J. van. Op. cit. P. 183.

брака с наследным принцем Оранским предстояло проживать за пределами своей страны. Все это не могло не сказаться на окончательном решении Шарлотты Уэльской.

В-третьих, это влияние международной ситуации, претерпевавшей изменения в ходе подготовки брачного союза. Не последнюю роль в расстройстве помолвки сыграли кардинальные перемены в судьбе династии Оранских: из принцев-изгнанников без королевства, отданного наполеонидам, они превратились в вернувшихся спустя годы к власти суверенных государей Нидерландов, которым творцами новой, Венской системы отводилась важная роль в сдерживании Франции в континенте. Как раз в этот период за некогда отвергнутым принцем начинает «ухаживать» семья главного победителя Наполеона – Александра I, что в результате принесет свои плоды.

О своём видении причин неудач в ходе подготовки династического брака писал в своих мемуарах член сформированного в 1813 г. временного правительства Нидерландов, а позднее посланник по особым поручениям суверенного государя А.Ф. ван дер Дёйн ван Маасдам: «Помолвка была весьма плохо организована родителями как с одной, так и с другой стороны…. Однако, основной причиной краха брачных планов стал зловредный характер самой принцессы, которая своими выходками держала всех и вся на коротком поводке»[328]. Другой посредник в подготовке упомянутого брачного союза, бывший посол Великобритании в Санкт-Петербурге и Гааге лорд Малмсбери вырисовывал в конце июня 1814 г. в письме нидерландскому послу Х.Фагелу такие перспективы перед Нидерландами, если бы Шарлотта всё-таки стала супругой наследного принца Оранского: «Это неизбежно наводит на мысль о гораздо бóльшем зле, которому оказались бы подвергнуты эта страна и народ в будущем под влиянием личности подобного нрава и характера…»[329].

Вместе с тем, говоря об импульсивном поведении английской принцессы, необходимо учитывать и тот факт, что в описываемую эпоху девушки в

[328] Zanten J. van. Op cit. P. 184.
[329] Colenbrander H.T. Op. cit. Hoofdstuk I. P. 151

образованной Европе испытывали сильное влияние Просвещения, в частности, весьма популярного в то время романа в письмах Ж.-Ж.Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» 1761 г., в котором автор выступал за союз сердец по свободному выбору, а не по расчёту и происхождению. Соответственно, Шарлотте могли быть не чужды эти идеи, и не стоит исключать, что в конечном итоге под их влиянием принцесса могла принять решение не выходить замуж против своей воли, не делать свою жизнь несчастной, каков бы ни был её династический долг как наследницы британского престола[330].

После расторжения помолвки Виллема и Шарлотты в Великобритании стали появляться многочисленные письма и свидетельства современников, имевших какое-либо отношение к подготовке неудавшегося альянса. В них голландский наследный принц выставлялся чудовищем, а спасителем Шарлотты назывался ставший в 1816 г. ее супругом принц, будущий первый король Бельгии Леопольд Саксен-Кобургский (1790 – 1865)[331], приходившийся родным дядей будущей знаменитой королеве Великобритании Виктории (1819–1901). Что примечательно, с будущим мужем, в 1814 г. ставшим генерал-лейтенантом русской армии, Шарлотту в июне 1815 г. познакомила всё та же великая княгиня Екатерина Павловна[332], когда Леопольд в свите российского императора по окончании Венского конгресса прибыл в Лондон. В отличие от Виллема, Леопольд сразу очень понравился английской принцессе, и это чувство оказалось взаимным. В мае 1816 г. в Лондоне состоялось их бракосочетание. Однако их счастье было недолгим. 7 ноября 1817 г. принцесса Уэльская Шарлотта скончалась при родах в возрасте 21 года.

---

[330] Бавыкин Ю.В. Указ. соч. С. 18.

[331] Саксен-Кобургский дом имеет также династические связи с домом Романовых. Так, брат Леопольда Саксен-Кобургского великий герцог Эрнст в 1810 г. просил руки сестры императора Александра Анны Павловны. В феврале 1796 г. родная сестра Леопольда и Эрнста, герцогиня Юлиана Саксен-Кобургская становится первой супругой брата императора великого князя Константина Павловича, приняв в православии имя Анна Федоровна. Правда, брак был несчастливым и закончился разводом в марте 1820 г.

[332] Великая княгиня Екатерина Павловна ушла из жизни довольно рано. В феврале 1816 г. в Санкт-Петербурге она вышла замуж вторым браком за наследного принца Вюртембергского Вильгельма, приходившегося ей двоюродным братом по матери, и с октября 1816 г. стала королевой Вюртемберга. В их браке родилось две дочери, младшая из которых, София Фредерика Вюртембергская (1818 – 1877) в 1839 г. выйдет замуж за своего кузена, старшего сына Анны Павловны Виллема – будущего короля Нидерландов Виллема III. В январе 1819 г. в Штутгарте в возрасте 30 лет Екатерина Павловна скончалась от рожистого воспаления.

27 июня 1814 г. Виллем, разочарованный и униженный, вернулся из Лондона на родину в Нидерланды. Однако его отец, суверенный государь, вместо того, чтобы проявить сочувствие к сыну, всячески демонстрировал недовольство его поведением в ходе последних событий, упрекая его в отсутствии амбиций. Он считал, что Виллем-младший помешал триумфальному воплощению его внешнеполитического плана, поскольку сам государь Нидерландов видел этот династический союз «фактическим венцом исключительных отношений между Нидерландами и Великобританией»[333]. Виллем Фредерик призвал сына «любой ценой спасти эту помолвку», требуя даже, чтобы тот вернулся в Лондон и приложил все усилия для возобновления союза с Шарлоттой. Но уже сам Виллем-младший нисколько не желал этого союза и сообщил в письме отцу, что «более не будет жертвовать личным счастьем ради интересов семьи»[334]. Испытанное им унижение было слишком велико.

2.3. Интересы Александра I в заключении российско-нидерландского династического союза в 1815 –1816 гг.

В России со времен Петра I династическая политика была ориентирована на запад, свидетельством чему являются брачные союзы его потомков с представителями многих владетельных домов Европы – Брауншвейгами, Вюртембергами, Гогенцоллернами, Гольштейн-Готторпами, Мекленбургами и другими, прежде всего германскими, домами. Европейские монархи также усматривали прямую выгоду прочных связей с могущественной Россией. Весьма важными с точки зрения династической политики Российской империи стали брачные альянсы потомков императора Павла I. Все их с императрицей Марией Федоровной десять детей (за исключением Ольги Павловны, скончавшейся в младенчестве) сочетались браком с представителями правящих и богатейших домов Европы. Благодаря этому Россия становилась частью европейских

[333] Zanten J. van. Op cit. P. 187.
[334] Ibidem.

монархий, укрепляя свои позиции не только военными, но и дипломатическими достижениями, в число которых входит брачный союз великой княгини Анны Павловны – сестры императора Александра I – и кронпринца Нидерландов Виллема Оранского, заключённый в 1816 году.

Проанализируем данный династический альянс в качестве инструмента реализации внешней политики Александра I, на основе архивных, в первую очередь нидерландских источников, выясним обстоятельства, интересы и мотивы, стоявшие за идеей этого брака, а также попытаемся раскрыть причины успешного воплощения в жизнь данного внешнеполитического замысла российского императора.

Осознавая важную роль независимых Нидерландов в постнаполеоновской Европе, Александр I был заинтересован в обеспечении в регионе российских внешнеполитических интересов. После срыва в июне 1814 г. британско-нидерландского династического проекта русский царь, у которого сёстры были на выданье, стремясь закрепить своё влияние в Нидерландах, решил использовать этот шанс для воплощения в жизнь российско-нидерландского брачного замысла с целью продвижения интересов России в Западной Европе на следующие поколения.

По всей видимости, первым конкретным шагом по воплощению своего брачного плана в жизнь стал визит императора Александра I с сестрой Екатериной, пребывавшей до этого почти три месяца в Англии, в Нидерланды в начале июля 1814 г. Узнав в Лондоне о возможной неудаче англо-голландского династического проекта, что позже стало известно всем европейским дворам, российский император стал действовать не через главу Нидерландов, а через его сына – наследного принца Оранского, у которого были не только наилучшие впечатления от самого Александра I – главного освободителя Европы, но и сложились также теплые отношения с посетившей в начале марта 1814 г. Голландию великой княгиней Екатериной Павловной[335]. Эти обстоятельства,

[335] KHA, A 40-XII-3. “Livre de Notes”.

безусловно, способствовали реализации брачного плана Александра, равно как и то, что именно русские войска избавили Нидерланды от французского господства и позволили династии Оранских встать во главе освобожденного государства.

В ходе поездки в Нидерланды Александр I весьма дружелюбно общался с наследным принцем, который, в свою очередь, открыто восхищался российским императором, в частности, 2 июля в резиденции Оранских, дворце Хёйс тен Бос в Гааге на званом бале, данном суверенным государем в честь высокого гостя[336]. Это не ускользнуло от внимания посла Великобритании при нидерландском дворе лорда Кланкарти, который, не скрывая своего негодования по поводу сближения двух стран, писал британскому министру иностранных дел лорду Каслри: «Во время своего пребывания в Гааге Александр I официально пригласил принца Оранского в Санкт-Петербург ближайшей зимой… Помимо великой княгини Ольденбургской *(Екатерины Павловны – Ю.Б.)*, существует и другая великая княгиня, возраста около 20 лет, незамужняя и довольно милая, по имени Анна… Вполне вероятно, что она будет предложена в жёны наследному принцу, в случае если брачный альянс с Англией потерпит поражение… Она не обременена такими проблемами, как вдовство и зрелый возраст… И скорее всего, голландцы примут это предложение…»[337]. Понимая, что российский император в пику Великобритании будет использовать все возможности для продвижения своих интересов в Нидерландах, при том, что отношение самого наследного принца к русскому царю только благоприятствовало этому, Кланкарти обещает в письме министру «сделать все возможное, чтобы помешать этому союзу, будет ли он с одной или другой сестрой императора, обнажив голландцам все пороки, которые может нести с собой этот альянс с русскими…»[338].

Однако, как показали последующие события, происки английского двора в отношении России не возымели успеха.

---

[336] Colenbrander H.T. Op. cit. Deel 7. Hoofdstuk I. ‘s-Gravenhage, 1914. P. 157 – 158.
[337] Ibid., p.158.
[338] Ibidem.

О том, что у императора Александра I уже во второй половине 1814 г. были определенные намерения относительно наследного принца Нидерландов, мы узнаем из письма российского посланника в Гааге К.Л.Фуля Александру I от 19 сентября (1 октября) 1814 г., в котором он сообщает, что передал в Брюсселе наследному принцу Виллему письмо от генерала А.И.Чернышёва. Это письмо является свидетельством того, какую серьёзную «обработку» будущего жениха проводила русская сторона, постоянно возвращаясь в беседах с Виллемом к сорвавшейся помолвке, растравляя его рану и одновременно «утешая» его, показывая положительные стороны её расторжения. Таковыми были интриги Александра против Виллема-отца. Как отмечал российский посланник, «…принц признался, что его связи с принцессой Шарлоттой еще не прерваны окончательно… Я все же обрисовал перед ним неприятные последствия, с которыми он неизбежно столкнется, вступив в брак с принцессой Шарлоттой… Мне показалось, что молодой принц настроен наилучшим образом, но, как я полагаю, на него оказывает очень сильное влияние его отец, вообразивший, что может рассчитывать на всяческие блага при покровительстве Англии… Перед моим отъездом наследный принц дал мне прилагаемое при сем письмо, адресованное генералу Чернышёву, которое почитаю своим долгом предоставить Вашему Императорскому Величеству…». Как указано в примечании к публикации документа в сборнике «Внешняя политика России XIX в.», «письмо А.И.Чернышева и ответ на него в архиве не обнаружены. В них, по всей вероятности, шла речь о возможном браке Великой княжны Анны Павловны с наследным принцем Нидерландов»[339].

Тем временем осенью 1814 г. начался Венский конгресс, на который ни суверенный государь Нидерландов, ни его сын Виллем не были приглашены, поскольку Нидерланды были не субъектом, а объектом политики великих держав. Судьбу Нидерландского королевства предстояло решить в их отсутствие великим державам. Однако, пока в Вене проходил конгресс, в Европе произошло весьма

[339] ВПР. Серия I. Т.VIII. М., 1972. Прил. 57. С. 628 – 629.

неожиданное для его участников событие – Наполеон бежал со средиземноморского острова Эльба, 1 марта 1815 г. высадился в бухте Жуан на юге Франции, а позднее вошел в Париж, снова возглавив Францию. С 20 марта начался последний эпизод его правления, знаменитые «Сто дней».

После получения известий о бегстве Наполеона и неоднократных призывов со стороны сына и ближайших советников принять на себя королевский титул, а также учитывая соответствующее предложение стать монархом Нидерландов, прозвучавшее 28 июля 1814 г. из уст принца-регента Великобритании Георга[340], суверенный государь Виллем Фредерик принял решение стать королем с целью придания большего веса возглавляемому им государству в случае, если возникнет необходимость вооруженного противостояния вернувшемуся на политическую арену Наполеону. 16 марта 1815 г. в Гааге, во дворце Бинненхоф, где в то время проходили заседания парламента – Генеральных Штатов, суверенный государь, не дожидаясь официального одобрения из Вены со стороны крупных держав, провозгласил себя Виллемом I – королем Объединенных Нидерландов, подразумевая под этим, что, помимо Северных, в них отныне будут входить Южные Нидерланды (Бельгия) и часть герцогства Люксембург[341].

Приняв на себя монарший титул, Виллем I вступил в интенсивную и дружественную переписку с российским императором Александром I – факт, который практически не упоминается ни в зарубежных, ни в отечественных исторических работах. Проведенные автором как в российских архивах, так и в нидерландском королевском архиве исследования показали, что в XIX веке, особенно в первой его половине, государи Нидерландов, ставших королевством, очень нуждались в поддержке могущественной и авторитетной России,

[340] Colenbrander H.T.Op.cit. Hoofdstuk V. P. 653

[341] Под названием «Объединенные Нидерланды» имелась в виду общая территория Бургундских Нидерландов, каковыми они были во времена императора Священной Римской империи Карла V (1500 – 1558), а позднее – первого статхаудера Нидерландов Виллема I Оранского (1533 – 1584), лидера войны за независимость Нидерландов от Испании.

консультировались с российским императором и весьма ценили содействие уважаемого друга и союзника[342].

Так, на следующий день после принятия королевского титула Виллем I 17 марта 1815 г. написал из Гааги Александру I: «Считаю своим первым долгом довести до сведения Вашего Императорского Величества, что я… решил принять титул короля Нидерландов и герцога Люксембургского… Отношения дружбы и союз, существующие между нашими государствами, позволяют мне надеяться, что Вы поддержите мой шаг»[343]. 30 апреля (12 мая) 1815 г. российский император ответил Виллему I, что он «согласен признать принца Оранского в его новом достоинстве,… отдавая должное теплым чувствам», питаемым императором «к прославленному Оранскому дому…»[344]. Стоит отметить, что на тот момент границы нового нидерландского государства еще не были установлены – они будут закреплены 9 июня 1815 г. Заключительным актом Венского конгресса. С этой точки зрения содействие Александра главе Нидерландов было вдвойне востребовано.

Превращение Нидерландов в монархию повлияло на жизнь и 22-летнего наследного принца Виллема. Для него начался новый этап – из его титула исчезло слово «наследный», он стал именоваться принцем Оранским и пробыл в этом качестве целых 25 лет, став в 1840 г. после отречения отца от трона королем Виллемом II. Но, безусловно, одним из самых знаменательных событий в его жизни, благодаря которому его назовут национальным героем, явилась битва при Ватерлоо, городке в 15 км к югу от Брюсселя. Как и тремя-четырьмя годами ранее[345], принцу было суждено снова сражаться с наполеоновскими войсками под командованием герцога Веллингтона, но уже будучи в звании генерал-лейтенанта британско-нидерландских войск. В ходе решающего сражения у Ватерлоо 18

---

[342] Бавыкин Ю.В. Династический брак великой княгини Анны Павловны Романовой и принца Виллема Оранского во внешнеполитических замыслах Александра I//. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Выпуск 11(85) Том 10. [Электронный ресурс]. С. 6.
[343] АВПРИ, оп.468. Д. 6462. Лл.1-1.
[344] Там же. Д. 6463. Лл.1-1.
[345] В 1811 – 1813 гг. наследный принц Виллем сражался с наполеоновскими войсками в действующей армии герцога Веллингтона в Испании и Португалии

июня 1815 г. принц Оранский получил ранение в левое плечо, его унесли с поля боя. Нассауский и английский батальоны перешли в атаку. В панике французы начали отступать, в результате этого Наполеон потерпел крупное поражение. После этой битвы Бонапарт сдался британцам и был отправлен на о. Святой Елены, где и скончался 5 мая 1821 г.

Благодаря своему вкладу в одну из важнейших побед над Наполеоном принц Оранский стал поистине легендарным, в его честь стали слагать стихи, писать картины, сочинять музыкальные произведения. В равной степени это была великая победа и для голландцев, и для бельгийцев, поскольку свое решающее поражение Наполеон потерпел именно на территории Объединенного королевства Нидерландов, тогда, когда его граница была официально установлена в Заключительном акте Венского конгресса[346].

Через месяц после Ватерлоо по совету докторов с целью скорейшего заживления пулевой раны принц Оранский направился в Париж и прибыл в столицу Франции 16 июля 1815 года. Туда уже по случаю празднования окончательной победы над Наполеоном съехались ключевые европейские лидеры: российский император Александр I, австрийский император Франц I, прусский король Фридрих Вильгельм III. Как герой Ватерлоо, принц Виллем был желанным гостем на многочисленных балах, званых обедах и ужинах. 20 июля за победу при Ватерлоо Александр I наградил принца Виллема крестом Святого Георгия, а император Австрии Франц I – орденом Марии Терезии. Во время награждения Виллема Александр воспользовался церемонией, чтобы сообщить Виллему, что «рука и сердце его 20-летней сестры Анны свободны, она еще не помолвлена», и «этот союз был бы для обеих стран взаимовыгодным», что, по словам Й. ван Зантена, вызвало у принца настоящий интерес[347]. Как свидетельствуют архивные данные, с ранней молодости принц Виллем восхищался российским императором и его семьей. Так, с братом Александра I великим князем Константином Павловичем он познакомился еще в 12-летнем

[346] Бавыкин Ю.В. Указ. соч. С. 8.
[347] Zanten J. van. Op.cit. P. 239.

возрасте в Берлине в 1805 г. во время учебы в Прусском военном колледже, и позднее даже переписывался с ним. В ГАРФ имеется датированное 30 марта 1812 г. письмо от Виллема Константину Павловичу, в котором он увлеченно рассказывает Великому князю о своем участии в военных действиях под командованием Веллингтона в Испании[348]. И хотя на момент разговора с императором Виллем с Анной лично не был знаком, он не сомневался, что сестра императора обладает прекрасными качествами, и написал отцу 30 июля 1815 г., что «вряд ли Анна будет отличаться от своих замечательных братьев и сестер»[349].

Великая княгиня Анна Павловна родилась в Санкт-Петербурге 7 (18) января 1795 г. как раз в тот день, когда ее будущий супруг, двухлетний наследный принц Виллем Оранский вместе с отцом и матерью бежали из захваченных французами Нидерландов в Англию, чтобы лишь спустя 19 лет вернуться из изгнания на родину. Анна была шестой и самой младшей дочерью из десяти детей Павла Петровича и Марии Федоровны[350], и в детстве больше всех была дружна с двумя младшими братьями – великими князьями Николаем, будущим императором, и Михаилом, с которыми она создала тайный детский союз «Триопатия» (союз трех душ)[351]. Пережив в 6-летнем возрасте смерть отца, императора Павла I, Анна вместе с матерью, вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной, и двумя младшими братьями переехала из Санкт-Петербурга в Гатчину, а затем в Павловск[352], где она и провела свое детство. В качестве гувернанток своим детям Мария Федоровна выбрала балтийских немок Юлию фон Адлерберг и Шарлотту фон Ливен[353], а любимой учительницей Анны была швейцарка мадемуазель Луиза де Сибург – «милая Бурсис», как ее часто в письмах называла Анна. Именно она

---

[348] ГАРФ, фонд 728. Опись 1, д. 988.
[349] KHA-A40-VIa-10, принц Оранский - королю Виллему I, 30 июля 1815 г.
[350] Прокофьева Е.В., Скуратовская М.В., Аннина С.А. Принцессы Романовы: царские дочери. СПб, 2016. С. 180 – 181.
[351] Стрижак Н., Соколов А., Раскин Д. Анна Павловна. Русская принцесса на голландском троне. СПб, 2003. С. 12.
[352] Didier M. Op.cit. P. 34.
[353] Шарлотта фон Ливен (1742 – 1828) – баронесса, графиня, мать известных государственных деятелей России XIX века: Карла (1767 – 1847), Христофора, дипломата (1774 – 1838), Ивана (1775 – 1848). Воспитательница детей императора Павла I и Марии Федоровны. В августе 1826 г. за заслуги Ливенов перед отечеством император Николай I присвоил Ш.фон Ливен титул Светлейшей княгини, а ее детям – Светлейших князей. Примечательно, что потомок рода Ливенов – Доминик Ливен (род. в 1952 г.) – известный британский историк и публицист, специалист по истории России.

научила великую княгиню современным европейским языкам, а также математике и физике. Кроме того, великая княгиня довольно хорошо овладела искусством живописи[354].

Достигнув совершеннолетия, Анна стала одной из самых желанных невест для европейских королевских и императорских дворов. Немалому количеству кандидатов в мужья Анны по разным причинам пришлось отказать, среди них: младшему брату австрийского императора эрцгерцогу Антону, наследнику французского престола, племяннику французского короля Людовика XVIII Шарлю Фердинанду д'Артуа – герцогу Беррийскому (в апреле 1820 г. он будет смертельно ранен). Одной из главных причин отказа кандидатам было то, что для заключения брака с супругом-католиком Анне надлежало принять католическую веру. Самой знаменитой личностью, получившей отказ в браке с Анной, был император Наполеон. Его брачный союз с Жозефиной де Богарне был расторгнут в декабре 1809 г. по причине ее неспособности родить императору наследника, и через своего посла в Петербурге Коленкура французский император пообещал Александру I «оставить свои притязания на Польшу, если тот отдаст ему в жены свою сестру Анну»[355]. Узнав от сына о таком предложении французского императора, мать Александра I и Анны Мария Федоровна выразила решительный отказ, написав также в письме дочери Екатерине: «Согласиться на этот брак – значит обречь свою дочь на верную гибель… Какое несчастье было бы для этого ребенка, если бы она вышла замуж за такого изверга, для которого нет ничего святого…»[356]. В итоге император Александр через посла Коленкура ответил Наполеону в форме завуалированного отказа, что «он не может возражать своей матери, которая все еще оплакивает безвременную кончину двух дочерей, умерших от слишком ранних браков[357]... Следовательно, заключение брака с

[354] Didier M. Op cit. P. 34.
[355] Zanten J. van. Op.cit, p.242.
[356] Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. Мария Федоровна – дочери Екатерине Павловне, Санкт-Петербург, 23 декабря 1809 г. С. 256.
[357] К тому времени Мария Федоровна пережила потерю двух старших дочерей, сестер Анны Павловны. Александра Павловна (1783 – 1801) вышла замуж в 15 лет, в 17 лет скончалась в г. Буда. Елена Павловна (1784 – 1803), вышла замуж в 14 лет, родив первого ребенка в 15 лет., в 18 лет родила второго ребенка и через полгода после этого скончалась. Кстати, внук сына Елены Павловны – Паула Фридриха Мекленбурга-Шверинга – принц Хендрик

Анной… будет возможным не ранее чем через два года...»[358] Наполеона такая отсрочка не устраивала, и он довольно быстро сделал выбор в пользу дочери императора Австрии Франца I принцессы Марии-Луизы Австрийской, обвенчавшись с ней 1 апреля 1810 года.

23 июля 1815 г. из Парижа российский император лично обратился с письмом к отцу принца, королю Нидерландов Виллему I, с предложением брачного союза: «Я считаю себя вправе открыто объясниться с Вашим Величеством о проекте брака между наследным принцем и моей младшей сестрой, заключение которого доставило бы моей матери и мне большую радость… Подобный союз не только сулит счастье будущим супругам, но и мог бы принести существенную пользу укреплению тесных дружественных связей между нашими странами»[359]. Примечательно, что эту официальную просьбу Александр I направил отцу-королю лишь через три дня после того, как он впервые заявил о своем брачном предложении принцу Оранскому, награждая его боевым орденом. По всей видимости, российскому императору было необходимо разведать настроения принца. Что касается нидерландского короля, то он не мог не осознавать все преимущества предлагаемого альянса, который был весьма выгоден для престижа дома Оранских. Для императора Александра I политические дивиденды от заключения данного брака были также очевидны: в случае успешной реализации брака Россия получала серьезного и стратегически важного партнера в Западной Европе.

В то же время некоторые голландские историки утверждают, что поначалу король Виллем I воспринял это предложение российского императора «с недовольством»[360]. По словам историка ван Зантена, поспешное согласие Виллема I на заманчивое предложение главы крупнейшей европейской державы могло осложнить отношения Нидерландов с Великобританией – еще свежи были

Нидерландский, супруг королевы Нидерландов Вильгельмины (1880 – 1962), приходившейся Анне Павловне внучкой.

[358] Прокофьева Е.В., Скуратовская М.В., Аннина С.А. Указ. соч. С. 187 – 188.

[359] КНА-А40-II-5; ВПР. Т.VIII. С. 433 – 434.

[360] Zanten J. van. Op.cit. P. 240.

воспоминания о неудавшемся брачном проекте и нидерландского короля очень волновало мнение английского двора относительно возможного российско-нидерландского альянса[361].

Об этом беспокойстве говорит и другой голландский историк Я. Киккерт, который прямо отмечает, что «Виллем Фредерик предпочёл бы английскую или австрийскую принцессу в качестве супруги для своего старшего сына»[362].

Голландские историки Д.Херманс и Д.Хоогхимстра в своей монографии «Очевидцы правления королей Нидерландов с 1813 по 1890 гг.» также упоминают об отсутствии у Виллема I восторженной реакции на предложение российского императора о браке между Виллемом и Анной: «Если принц Оранский не сомневался насчет выгоды предложенного императором Александром союза, то его отец-король был весьма озадачен, так как намечавшийся брак его старшего сына с Анной Романовой мог усилить позиции Виллема-младшего при могущественном русском дворе, сделав его частью российской императорской фамилии, благодаря которой, в том числе, Виллем Фредерик стал королём. Тогда отцу оставалось лишь надеяться, что его сын не будет слишком зазнаваться и не забудет, «кто в доме хозяин». Другой проблемой для короля Нидерландов могла стать Англия. Решение Виллема I заключить династический альянс с другим союзником – Россией – могло быть негативно воспринято англичанами»[363].

О происках английского двора и всевозможных попытках посла Кланкарти оказать влияние на нидерландского короля и воспрепятствовать брачному альянсу между династиями Оранских и Романовых известно из письма сопровождавшего принца Оранского генерала А.И.Чернышёва от 16 декабря 1815 г., по пути из прусского города Мемель[364] в Санкт-Петербург. Русский генерал пишет, что Виллем I всячески задерживал отъезд сына в Россию, и не без помощи представителей Великобритании. Чернышев сообщал императору, что «представители Англии во главе с послом Кланкарти всеми силами пытались

[361] Ibidem.
[362] Kikkert J. Op cit. P. 57.
[363] Hermans D., Hooghiemstra D. Op cit. P. 66 – 67.
[364] Так до 1924 г. назывался город Клайпеда.

помешать союзу с Россией… Советникам короля, преданным Англии, в том числе его послу в Лондоне Х.Фагелу, удалось встревожить короля Нидерландов возможностью ухудшения отношений с Англией в случае реализации брачного альянса с Россией…Все эти господа… под разными предлогами пытались отложить поездку принца… намереваясь в это время создать какие-либо политические инциденты… с целью разрыва этого брачного союза»[365].

С другой стороны, найденные в архивах письма, в том числе ранее не публиковавшийся ответ короля от 30 июля 1815 г. на предложение Александра о брачном союзе, говорят о том, что король оказался в сложном положении, рискуя расстроить обоих монархов, от благосклонности которых зависело будущее его страны, поэтому нидерландский король ответил императору: «Ваш шаг свидетельствует о неизменных чувствах дружбы между нашими государствами… Я бесконечно рад создающимся отношениям, призванным укрепить наши политические и кровные узы… и собираюсь немедленно поинтересоваться мнением моего сына Виллема»[366]. Ответ принца Виллема отцу не заставил себя долго ждать, и 1 августа он пишет королю: «…Я принимаю Ваше предложение с истинной благодарностью и большой радостью… В этом союзе я вижу настоящее счастье, все члены императорской фамилии… мне бесконечно нравятся… И с политической точки зрения этот брак может иметь для нас весьма счастливые последствия…»[367]. Обращает на себя внимание разница в отношении принца к предложению о браке с Анной по сравнению с его реакцией на предыдущий брачный проект отца: Виллем всем сердцем приветствовал возможность породниться с семьей российского императора.

В следующем своем письме Александру I от 4 августа 1815 г. король Виллем I «с удовлетворением» сообщил о согласии сына на предложенный брак, отметив, что он и сам «считает этот брак весьма необходимым, … и еще одним доказательством дружбы между нашими странами»[368].

---

[365] Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 8. Hoofdstuk V. P. 584 – 586.
[366] АВПРИ. Оп.468, д.6462. Л. 4.
[367] Colenbrander H.T. Op.cit. Hoofdstuk V. P. 784.
[368] АВПРИ. Оп.468. Д. 6462. Л. 5.

Не желая испортить отношения с Великобританией, династическому альянсу с которой не суждено было состояться, 5 августа Виллем I пишет письмо в Лондон принцу-регенту Георгу: «…Его Императорское Величество выразил мне пожелание… о заключении брака между принцем Оранским и великой княгиней Анной, и мой сын уже заявил о своем согласии… Я надеюсь, что Вы одобрите мою позицию и ответ, данный мною императору Александру… Я никогда не перестану жалеть о том, что нам не удалось осуществить наш предыдущий проект, которому я придавал весьма большое значение»[369].

Через некоторое время от принца-регента королю Виллему в Брюссель пришел ответ, в котором Георг написал, «…Я ценю чувство доверия, проявленное Вами по отношению ко мне… Со своей стороны… я полностью осознаю преимущества данного альянса, который весьма вероятно укрепит ту силу, с которой Вы с таким выдающимся упорством достигали благородной цели… Искренне желаю долгого счастья Вашему сыну, столь достойному своего короля-отца»[370].

В ходе своей поездки в Брюссель в сентябре 1815 г. российский император после посещения поля битвы при Ватерлоо поднял бокал «за союз государств и семей», обнявшись с королем Виллемом. Но это еще не означало окончательной договоренности о браке. Согласно принятому отцом Анны и Александра, императором Павлом I акту о престолонаследии 1797 г. «женитьбы членов императорского дома не почитать законными без дозволения Государя на оные»[371]. К тому же, брак с членом правящей императорской династии не мог быть совершен без одобрения старшего представителя царствовавшего рода Романовых – вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Поэтому принцу Оранскому Виллему еще предстояло заручиться согласием будущей тещи на его союз с Анной, а для этого отправиться в Санкт-Петербург[372].

---

[369] Colenbrander H.T. Op.cit. Hoofdstuk I. P. 252 – 253.
[370] Ibid. P. 253.
[371] РГИА, ф.1329, оп.1, д.191. Лл.16 – 17.
[372] Zanten J. van. Op.cit. P. 241.

Вернувшись из Брюсселя в Санкт-Петербург, император Александр назвал сестре имя её будущего супруга – принца Виллема Оранского[373].

Реакции союзных государств на предстоящий династический союз были далеки от восторженных. Открыто с неприятием российско-нидерландского брачного альянса выступил британский министр иностранных дел Каслри, из опасения, что «это отдалит Нидерланды от сферы влияния Великобритании и расшатает существующее равновесие в Европе»[374].

28 ноября 1815 г. принц Оранский, в сопровождении большой свиты и взяв с собой 160 тыс. гульденов на расходы[375] (распоряжение на это было выдано лично королем 21 октября 1815 г., согласно Королевскому домашнему архиву Гааги[376]), а также купив в Брюсселе обручальное кольцо для Анны, отправился в Санкт-Петербург через Франкфурт, Веймар и Берлин в сопровождении генерала А.И.Чернышёва. Путь занял у него чуть меньше месяца. В дороге принцу исполнилось 23 года. 10 декабря 1815 г. он прибыл в Берлин и предался воспоминаниям юности: в этом городе 6 лет назад Виллем обучался в Военной академии. 16 декабря принц Оранский приехал в город Мемель и написал оттуда письмо императору Александру I о том, что «надеется на долгожданную встречу 22 или 23 декабря… Это будет самый радостный момент, который решит будущее счастье моей жизни». Виллем отметил «неоценимую помощь генерала Чернышёва с самого начала пути из Гааги» и лично выразил благодарность императору Александру «за счастье путешествовать с таким компаньоном»[377].

22 декабря 1815 г. в 10 часов утра принц Оранский с генералом Чернышёвым приехали в Санкт-Петербург. По прибытии Виллем был принят Александром I, с которым они вместе направились к императрице-матери Марии Федоровне. Именно там он впервые увидел Анну. Сам Виллем так описывает 29 декабря 1815 г. первую встречу с невестой: «…Анна была очаровательна, … её

---

[373] Прокофьева Е.В., Скуратовская М.В., Аннина С.А. Указ. соч. С. 192.
[374] Didier M. Op.cit. P. 74.
[375] В переводе на нынешние деньги это порядка 750 тыс.евро (См. Zanten J. van. Op.cit. Примечание 205. P. 622).
[376] KHA, A40-II-5, док. № 35.
[377] АВПРИ, оп.468. д.6464. Л. 5.

душа тонкая, характер честный и прямой, а сердце бесконечно чувствительное. Она изучает нидерландский язык и уже достигла в этом больших успехов, имея целью завоевать любовь страны, где она будет жить, и ее населения»[378]. Принц не скрывал своей радости по поводу того, что прибыл в Россию как раз на празднование 38-летней годовщины императора Александра – 23 декабря. Уже вместе с Анной они присутствовали на праздничном обеде у императора, а вечером того же дня на чаепитии у императрицы-матери Марии Федоровны, на котором она сказала, что «будет счастлива считать Виллема одним из своих сыновей». Самым замечательным являлось то, что чувство Анны и Виллема было взаимным. Как великая княгиня написала своему камергеру Маккею: «Это была любовь с первого взгляда»[379].

27 декабря были определены даты обручения молодых – 28 января (9 февраля) 1816 г. и бракосочетания – 9 (21) февраля 1816 года.

Далее предстояла кропотливая работа полномочных представителей российского императора и нидерландского короля по согласованию положений брачного контракта. Со стороны Нидерландов, окончательный текст брачного договора составлял посланник короля Нидерландов в Санкт-Петербурге граф Т. ван Хеердт тот Эверсберг, а со стороны Российской империи – министр иностранных дел граф К.В.Нессельроде. Переговоры сторон по брачному контракту, в отличие от ситуации двухлетней давности с Шарлоттой, особых проблем не вызвали. Анна получила приданое в 1 млн. рублей, сохранила право распоряжаться всем своим имуществом, и, кроме того, самый чувствительный вопрос брачного договора – вероисповедание великой княгини, ко взаимному удовлетворению, также был решен. Положениями контракта предусматривалось, что у Анны в Голландии будут своя православная часовня и православный священник. Согласно специальным статьям договора, «дети, которые родятся в браке принца и великой княгини, будут исповедовать протестантскую веру, но

[378] КНА, А40-II-13. Принц Оранский – родителям. 29 декабря 1815 г.
[379] Zanten J. van. Op.cit. P. 242.

могут воспитываться и в русской православной традиции»[380]. Из этого можно сделать вывод – то, что Виллем был не католиком, а протестантом, имело для реализации брака большое значение.

28 января (9 февраля) 1816 г. в Санкт-Петербурге состоялось обручение Виллема и Анны по православному обычаю. Оно проходило в придворной церкви Зимнего дворца. По окончании ритуала в честь Анны и Виллема с Петропавловской крепости был дан 51 пушечный залп[381].

В той же церкви Зимнего дворца 9 (21) февраля 1816 г. состоялась и церемония бракосочетания, которая, согласно документам Королевского домашнего архива г. Гааги, была детально описана во всех основных голландских газетах того времени[382]. Подробно о ней повествуется и в документах, хранящихся в РГИА в Санкт-Петербурге[383]. Как пишет нидерландский историк Й.ван Зантен, «Бракосочетание отличалось особой роскошью и великолепием, а также сопровождалось длительной литургией…»[384] Церемония завершилась 101 пушечным залпом, возвестившим русскому народу о свершившемся бракосочетании. Кроме того, как было предусмотрено контрактом, в Белом зале Зимнего дворца был совершен обряд венчания молодых по протестантской традиции[385].

Превосходным и счастливым был медовый месяц Виллема и Анны. 4 марта 1816 г. принц писал родителям: «Мы женаты уже почти 14 дней… В нашей семье все прекрасно. Мы замечательно ладим дома… С каждым днем мы все больше любим друг друга, Анна и я, и все указывает на то, что такие отношения мы сохраним и в будущем»[386].

6 июня 1816 г. император Александр I по случаю отбытия молодых в Нидерланды устроил в Павловске пышный прощальный праздник. Большому

---

[380] KHA, A40-II-16, 17 (Текст брачного договора).
[381] Didier M. Op.cit. P.75 – 76.
[382] KHA, A 40-II-20, 22.
[383] РГИА, фонд 469, опись 2. Дело 214 «О брачных торжествах Великих княгинь Екатерины, Анны и Марии Павловн, 1809 – 1816».
[384] Zanten J. van. Op.cit. P. 245
[385] РГИА, там же.
[386] KHA, A40-VIa-II.

количеству зрителей, главными из которых были члены императорской семьи Романовых, было представлено впечатляющее театрализованное представление, воспевающее победу союзных войск над Наполеоном и, в частности, героизм супруга Анны – принца Виллема – в битве при Ватерлоо. Одним из главных подарков праздника считалась ода, которую посвятил принцу Оранскому начинающий поэт того времени, 17-летний лицеист Александр Пушкин[387]. Вот её строки:

Пред ним мятежный гром гремел,
Текли во след щиты кровавы,
Грозой он в бранной мгле летел
И разливал блистанье славы.

Его текла младая кровь,
На нем сияет язва чести:
Венчай, венчай его, любовь!
Достоин был он воин мести[388].

Празднование в Павловске продолжалось всю ночь до утра 7 июня. В начале июля Виллем и Анна выехали из Санкт-Петербурга, покинув Россию, причем великая княгиня уже была беременна своим первым ребенком, наследником нидерландского трона[389]. 11 июля 1816 г. уже из Пруссии Виллем пишет королю-отцу: «У меня прекрасная новость, которая, я уверен, доставит Вам удовольствие.

[387] Стрижак Н., Соколов А., Раскин Д. Указ.соч. С. 28 – 29.
[388] Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Ранние стихотворения. 1816. Принцу Оранскому. М., 1959. С. 357 – 358.
[389] Виллем III (1817 – 1890) – старший сын Анны Павловны и Виллема Оранского, король Нидерландов с 1849 по 1890 гг., прапрадед нынешнего короля Нидерландов Виллема-Александра (род. в 1967 г., вступил на престол в 2013 г.). В 1839 г. сочетался браком со своей двоюродной сестрой Софией Вюртембергской (1818 – 1877), дочерью великой княгини Екатерины Павловны. В браке родились 3 сына (Виллем, Мауриц, Александр), которые скончались, не дожив до 40 лет. Король Виллем III пережил всех своих сыновей. После смерти своей супруги, королевы Софии Виллем III в 1879 г. вступил во второй брак с принцессой Эммой Вальдек-Пирмонтской (1858 – 1934). Их единственная дочь Вильгельмина (1880 – 1962) стала королевой Нидерландов после смерти отца в 1890 г. В 1901 г. она станет женой другого потомка императора Павла I – принца Хендрика Мекленбург-Шверинского (1876 – 1934).

Через некоторое время моя супруга сделает Вас дедушкой. Она уже около 2 месяцев в положении»[390].

24 августа, ко дню рождения короля Виллема I, Анна, принц Виллем и встретивший их на территории Нидерландов король прибыли в летнюю королевскую резиденцию Оранских – Дворец Хет Лоо[391], а к началу сентября 1816 г. супруги Оранские торжественно въехали в столицу королевства, в Гаагу[392].

2.4. Анна Павловна – «посол» русского императора в Нидерландах

В Нидерландах Анне Павловне удавалось гармонично сочетать преданность и интерес к своей новой родине с бесконечной любовью к России.

Вот как писала брату императору Николаю I из Гааги спустя годы, 2 ноября 1830 г., сама великая княгиня: «Я очень сильно связана с этим народом эмоциональной связью, душевными чувствами, и они также питают ко мне теплые чувства, чему я нахожу подтверждения во всех классах общества и трогательные проявления которых, что достойно России, я встречаю повсюду в пути…В моем сердце царит умиротворение»[393].

Анна Павловна стала усердно изучать нидерландский язык и историю, традиции Нидерландов, но особый интерес проявляла к истории российско-голландских связей, в т. ч. церковных. Как было обусловлено положениями брачного договора об исповедовании Анной православной веры, по приезде в Нидерланды Анна начала постройку православной часовни. Сначала она была возведена во дворце Кнётердейк в центре Гааги, который строился с 1817 по 1822 г. и где жили кронпринц и принцесса Оранская до 1840 г., года, когда принц и принцесса стали королем и королевой[394]. Православная часовня Анны Павловны

---

[390] КНА, А 40-VIa-II.
[391] находится в 150 км к востоку от Гааги, на окраине города Апелдоорн провинции Гелдерланд.
[392] Бавыкин Ю.В. Интересы и роль России в образовании Королевства Нидерландов: династический союз с Оранскими как инструмент внешней политики Александра I// Вестник МГИМО-Университета. 2017. №4 (55). С.41.
[393] Jackman S.W. Op. cit. P. 132 – 133.
[394] Didier M. Op.cit., p. 106.

была также построена и в Брюссельском королевском дворце, именно в ней находился походный иконостас, подаренный сестре императором Александром I, который в настоящее время можно увидеть в возведенном в 1937 г. на улице Обрехтстраат в Гааге Храме Святой Равноапостольной Марии Магдалины. Из России вместе с Анной Павловной в Гаагу приехал священник, который многие годы был духовником великой княгини[395].

8 (19) февраля 1817 г. в Брюсселе у Виллема и Анны Павловны родился первенец Виллем Александр Павел Фредерик Людовик (Виллем), названный в честь отца, деда по отцовской линии, деда по материнской линии и своего великого дяди, русского императора Александра I. Ему суждено было после смерти отца в 1849 г. стать королем Нидерландов Виллемом III.

23 июля (2 августа) 1818 г. в летней резиденции Анны Павловны в Нидерландах, Сустдейке, который великая княгиня обустроила по подобию города своего детства – Павловска, на свет появился её второй сын Виллем Александр Фредерик Константин Николай Михаил (Александр). В его имени соединились имена уже всех четырех братьев Анны: императора и великих князей[396]. В семье его называли на русский манер – Саша, и он был очень дружен со своим кузеном-одногодкой, тоже Сашей, нередко приезжавшим к нему погостить в Гаагу, – старшим сыном императора Николая I, будущим российским императором Александром II.

В честь рождения второго сына Анны и собственного внука король Виллем I 4 сентября 1818 г. сделал своей невестке подарок – дом в г.Заандаме, в котором в 1697 г. под именем Петра Михайлова останавливался знаменитый предок Анны Павловны – русский царь Петр I, приехавший в Голландию учиться строить корабли, чтобы впоследствии создать сильный русский флот[397]. Домик Петра по сей день является одной из главных достопримечательностей Заандама.

---

[395] Стрижак Н., Соколов А., Раскин Д. Указ.соч. С. 79 – 81.
[396] Прокофьева Е.В., Скуратовская М.В., Аннина С.А. Указ. соч. С. 196.
[397] Стрижак Н., Соколов А., Раскин Д. Указ соч. С. 83 – 84. Также: M. Didier. Op. cit. P. 97 – 99.

Вслед за Виллемом и Александром в июне 1820 г. у Анны родился третий сын – Виллем Фредерик Хендрик (Хендрик), в мае 1822 г. – Виллем Александр Фредерик Эрнст Казимир (умер в младенчестве в октябре 1822 г.), а в 1824 г. на свет появилась её единственная дочь Вильгельмина Мария София Луиза (София), вышедшая в 1842 г. замуж за своего кузена – сына сестры Анны Павловны Марии Павловны и Великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского – Карла Александра[398].

После кончины свёкра, короля Виллема I, и восшествия на престол своего супруга Виллема II Анна Павловна, ставшая 25 сентября (7 октября) 1840 г. королевой, по словам современников, была украшением и опорой нидерландского престола[399].

17 марта 1849 г. король Нидерландов Виллем II скончался, оставив после себя значительную сумму долга в 4830 тыс. гульденов. 1 октября 1849 г. вдовствовавшая королева Анна Павловна написала об этом своему брату Николаю I с просьбой выкупить часть живописной коллекции супруга Виллема. Император ответил согласием, и в том числе благодаря этой родственной сделке известнейшие полотна Рембрандта, Рубенса и Ван Дейка находятся в Государственном Эрмитаже Санкт-Петербурга[400].

Великая княгиня скончалась 1 марта 1865 г. в возрасте 70 лет и была погребена в фамильном склепе Оранской династии в г. Делфте. В Нидерландах она пользовалась безграничным уважением в том числе потому, что в своем королевстве она основала не менее 50 приютов для бедных детей и поддерживала их образцовое состояние из собственных средств[401].

Таким образом, мы можем констатировать важную роль династических союзов между правящими и владетельными домами Европы в проведении внешней политики государств и укреплении их политического взаимодействия.

---

[398] Прокофьева Е.В., Скуратовская М.В., Аннина С.А. Указ. соч. С. 197.
[399] Provinciale Noordbrabantsche ‘s Hertogenbossche Courant. 7.03.1865. № 19.
[400] Бавыкин Ю. Указ.соч, с.41; Виллем II и Анна Павловна. Королевская роскошь Нидерландского двора: каталог выставки// Асварищ Б. Картины из собрания Виллема II в Эрмитаже. СПб: Эрмитаж, 2013. С. 191 –195
[401] Собко Е.М. Анна Павловна – королева Нидерландов// Вопросы истории. 2002. № 9. С. 154.

Срыв в июне 1814 г. планов династического брака наследного принца Нидерландов Виллема Оранского и британской принцессы Шарлотты Уэльской был на руку российскому императору Александру I, также имевшему виды на голландского принца как возможного кандидата в супруги его сестры, великой княгини Анны Павловны, и не собиравшемуся уступать Англии. В данной главе рассматривается версия о косвенной причастности сестры Анны и Александра I великой княгини Екатерины Павловны к провалу британско-нидерландского династического союза. В результате русскому императору, несмотря на противодействие Англии, удалось успешно осуществить собственный проект – российско-голландский династический брак, который был заключен между принцем Оранским и великой княгиней Анной Павловной в феврале 1816 г. Благодаря этому взаимовыгодному для обоих государств брачному альянсу Нидерланды на протяжении всего XIX века стали верным другом и союзником России, её надежной опорой на западе Европы, а Оранские на многие десятилетия приобретали внешнеполитическую поддержку крупной и могущественной России. Тем самым Александр I одержал над Великобританией ощутимую дипломатическую победу, отстранив её от монопольного преобладания в континентальной Европе и северных морях и значительно упрочив положение России на континенте. В успешной реализации и укреплении данного альянса как инструмента российской внешней политики подчёркивается важная роль личности Анны Павловны, которая, снискав глубокое уважение голландцев в течение всего пребывания в Нидерландах, способствовала развитию прочных связей как между династиями Романовых и Оранских, так и между двумя государствами в целом.

ГЛАВА 3. ОБСУЖДЕНИЕ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В НИДЕРЛАНДАХ В ПЕРЕПИСКЕ РОМАНОВЫХ И ОРАНСКИХ (1815 – 1830)

3.1. Политика Виллема I в отношении Бельгии

После разорительных наполеоновских войн и освобождения народов Европы от власти наполеонидов Россия приложила немало усилий для восстановления баланса сил, сыграв ключевую роль в формировании «венской системы» международных отношений. В этой созданной по итогам Венского конгресса 1814-1815 гг. системе особое место отводилось Нидерландам, которые по замыслу держав-победительниц должны были стать противовесом против возможной агрессии со стороны нестабильной Франции. Стоит отметить, что Объединенное королевство Нидерландов (именно таким с 1815 по 1830 гг. было официальное название этого государства, освобожденного от Наполеона русскими войсками[402]) появилось на политической карте Европы во многом благодаря императору Александру I. По Заключительному акту конгресса 9 июня 1815 г. в созданное королевство, помимо Северных и Южных Нидерландов (Бельгии), вошли также епископство Льежское (Литтихское) и часть Великого герцогства Люксембург[403], дарованная нидерландскому королю Виллему I в качестве компенсации за утрату его наследственных владений в Германии[404].

Процесс становления Объединенного королевства Нидерландов протекал в период особых, тесных и дружественных отношений с Россией, обусловленных династическими связями между правящими домами. В феврале 1816 г. был заключен брак старшего сына короля Виллема I, наследника нидерландского престола принца Оранского с младшей сестрой российского императора великой княгиней Анной Павловной. Это событие придало контактам и переписке между

---

[402] Бавыкин Ю.В. Указ. соч. С.32 – 35.
[403] Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Том III. Трактаты с Австрией. СПб, 1876. С.281 – 284; Koch J. Op. cit. P. 272 – 273.
[404] В октябре 1806 г. император Наполеон I в наказание за участие в войне с Францией на стороне Пруссии в составе 4-й антифранцузской коалиции лишил принца Оранского, будущего короля Виллема I, его немецких наследственных земель – княжества Нассау-Оранье (в него входили княжества Дилленбург, Зиген, Диц, Гадамар) и княжества Нассау-Оранье-Фульда (состоявшее из княжеств Фульда, Корвей, графства Дортмунд, Вайнгартен).

Романовыми и Оранскими постоянный, доверительный характер на многие десятилетия вперед. В период сватовства Виллема и Анны между принцем Оранским и великим князем Николаем Павловичем (будущим императором Николаем I) завязалась дружба и возникла взаимная симпатия, продлившаяся долгие годы. Так, принц и великая княгиня выбрали Николая Павловича крёстным для своей дочери Софии[405], а крёстным для своего первенца, наследного принца Виллема Александра Пауля (будущего короля Нидерландов Виллема III), – императора Александра I[406]. В 1825 г. Виллем и Анна совершили поездку из Нидерландов в Россию, где им в последний раз посчастливилось увидеться с их «ангелом» – так и Романовы, и Оранские именовали Александра I, потом так же в обоих семействах называли и Николая I. О крепости связей и взаимной симпатии между двумя правящими династиями свидетельствует также тот факт, что в 1835 г. император Николай I предоставил младшему брату принца Оранского принцу Фредерику[407] шефство над Ростовским гренадерским полком, расквартированным в Москве.

Однако, существование Объединенных Нидерландов было недолгим – всего 15 лет. Государство распалось, не выдержав революционных потрясений конца 1820-х гг., а также вследствие неудачной политики короля Виллема I. Разразившаяся в августе 1830 г. Бельгийская революция расколола Нидерланды на две части и привела к возникновению нового государства Европы – Королевства Бельгия. Непрерывный характер переписки двух монарших дворов в годы предреволюционного кризиса в Нидерландах свидетельствует о пристальном внимании русских царей Александра I и сменившего его Николая I

---

[405] Jackman S.W. Op. cit. P. 64.

[406] 20 февраля 1817 г. принц Оранский сообщил в письме Александру I о рождении 19 февраля 1817 г. в Брюсселе у него с Анной первенца, принца Виллема Александра Пауля (будущего короля Нидерландов Виллема III), и попросил императора стать крестным отцом сыну. Colenbrander H.T. Op. cit. Deel 8. Hoofdstuk V. ‘s-Gravenhage, 1915. P. 607.

[407] Фредерик Оранский, иногда именуемый Фридрихом Нидерландским (1797 – 1881) – принц, младший сын короля Виллема I, был офицером и генералом нидерландской и прусской армий. Последний фельдмаршал Нидерландов (1840 г.). В 16-летнем возрасте участвовал в битве под Лейпцигом (Битве народов) 1813 г., позднее – в битве при Ватерлоо (1815). В отличие от старшего брата Виллема, принца Оранского, строптивым характером не отличался, поддерживал с отцом – королем Виллемом I – ровные отношения, за что тот его ценил больше, чем старшего сына.

к происходившему в королевстве. Корреспонденция между Романовыми и Оранскими отражает не только дух и содержание двусторонних отношений между Гаагой (Брюсселем) и Санкт-Петербургом в тот период, но и позволяет сопоставить подходы обоих государств к политическим событиям в Европе, которая из «Европы королей» превращалась в «Европу наций».

Проанализируем диалог между правящими династиями Романовых и Оранских со времени образования Объединенного королевства Нидерландов до начала Бельгийской революции, глазами российского, нидерландского монархов и кронпринца Виллема Оранского рассмотрим эволюцию кризиса в Нидерландах, через переписку сравним их отношения к событиям, приблизившим революцию, раскроем причины отказа императора Николая I от первоначальной идеи вооруженного вмешательства во внутренний конфликт в Нидерландском королевстве.

Первые годы существования Объединенного королевства Нидерландов совпали с началом действия в Европе созданной при прямом участии Александра I Венской системы международных отношений, призванной обеспечить стабильность на континенте после наполеоновских войн, сохранять баланс сил между крупнейшими державами-победительницами – Россией, Великобританией, Австрией, Пруссией.

Нидерланды в те годы в группу влиятельных государств не входили. Вместе с тем, король Виллем I в объединении нидерландских областей усматривал «уникальную возможность возродить былую экономическую мощь региона, вновь сделать страну влиятельной политической силой на континенте», чтобы воплотить в жизнь «идею возрождения былого могущества Исторических Нидерландов, Нидерландов эпохи герцогов Бургундских и австрийских Габсбургов, существовавших как единое политическое и экономическое пространство»[408].

[408] Шатохина-Мордвинцева Г.А. Короткий век Королевства Объединенных Нидерландов// Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т.9. Выпуск 8 (72) [Электронный ресурс]. С. 4 – 5. Имеется в виду период истории Нидерландов с 1384 по 1581 г., когда северные и южные нидерландские области, будучи единым целым, назывались Бургундскими Нидерландами, с 1477 г., перейдя во владения Габсбургов – Габсбургскими

Основным приоритетом внешней политики Российской империи в первые постнаполеоновские годы было сохранение устойчивости основ порядка монархической Реставрации в Европе. Важнейшим шагом в этом направлении по праву считается созданный Александром I 14 (26) сентября 1815 г. в Париже Священный союз монархов России, Австрии и Пруссии – доказавший свою эффективность механизм сдерживания национально-освободительных и революционных движений с целью защиты незыблемости границ и установленных Венским конгрессом порядков. В то же время, по мнению Г.Киссинджера, венценосные союзники «видели в нем способы… утихомирить возвышенные фантазии русского царя, ограничить действия России»[409].

К середине 20-х гг. XIX в. противоречия между ними стали проявляться всё ярче. Это сказалось на характере внешней политики Александра I, которая в последние годы его царствования стала более консервативной и сосредоточенной на собственных интересах. Именно в таком ключе преимущественно действовал его преемник Николай I. По словам историка и публициста П.В. Романова, «в отличие от своего старшего брата Александра, старавшегося объединить под своим крылом всю Европу, Николай Павлович избрал для России иной путь – изолированное положение… Столкновение России с бывшими партнерами по антинаполеоновской коалиции и Священному союзу становилось почти неизбежным»[410]. Однако, необходимо делать различие между набиравшими в тот период силу соперничеством среди устроителей Венской системы и «пробуждением народов». Как писал Г.Киссинджер, «Хрупкое равновесие системы Венского конгресса постепенно начало распадаться под воздействием трёх тенденций – роста национализма, революций и Крымской войны... Вместо «горизонтального» мира династий Запад обрел «вертикальное» единство –

Нидерландами. В 1549 г. императором Священной Римской империи Карлом V была подписана Прагматическая санкция, выделяющая 17 нидерландских провинций в «отдельную политическую сущность», ставшую на многие годы наследственным владением дома Габсбургов. В 1581 г. 7 северонидерландских провинций во главе со статхаудером (штатгальтером) Виллемом Оранским официально отреклись от власти испанского короля Филиппа II, образовав Республику Соединенных провинций (1581-1795), в то время как Южные Нидерланды остались под испанской короной.

[409] Киссинджер Г. Мировой порядок/ пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. М.: АСТ, 2016. С. 95.

[410] Романов П.В. Россия и Запад на качелях истории. СПб, 2018. С.268 – 270.

нации…, начинавшие новую эпоху»[411]. Александр I и Николай I способствовали подавлению второй тенденции, причём Николай и в своей империи – в Польше. Это удавалось на раннем этапе, и в таких действиях были заинтересованы другие монархи. Последний раз европейские монархи прибегали к помощи России в 1849 г., когда по просьбе Австрии русские войска подавили Венгерское восстание.

Летом 1830 г. Европа и установленный на Венском конгрессе политический порядок в целом вновь испытали серьезные потрясения, катализатором которых послужила очередная революция во Франции и повторное свержение «легитимной» династии Бурбонов. Как и почти 40 лет до этих событий, французский пример вновь кардинально изменил судьбу Нидерландов. В Бельгии началось национальное движение за независимость.

Приближению Бельгийской революции во многом способствовала внутренняя политика короля Виллема I. Несмотря на то, что королевство Нидерландов официально было единым государством, но равное представительство обеих его частей в Генеральных штатах[412] при населении южных провинций в 1815 г. 3 млн.чел., северных провинций – 2,2 млн. чел., а также наличие двух резиденций правительства – в Гааге и Брюсселе – свидетельствовали о незавершенности этого единства[413]. Южнонидерландские провинции чувствовали себя в объединенном государстве ущемленными, так как играли в нем явно подчиненную роль: главные правительственные органы располагались в Северных Нидерландах, на важные государственные посты назначались преимущественно голландцы, торговая и налоговая политика была несправедливо распределена по отношению к Югу. К концу 1820-х гг. недовольство бельгийского населения политикой своего монарха трансформировалось в политические требования отделения Южных от Северных Нидерландов.

---

[411] Киссинджер Г. Указ. соч. С. 98 – 99.

[412] Генеральные штаты (с нидерландского, Staten-Generaal) – парламент Нидерландов. До объявления Нидерландов монархией, с 1814 по 1815 г. парламент был однопалатным. С 1815 г. Генеральные штаты Нидерландов состоят из двух палат – верхней, Первой (с нидерландского, De Eerste Kamer) и нижней, Второй палаты (с нидерландского, De Tweede Kamer).

[413] Шатохина-Мордвинцева Г.А. Нидерланды в новое и новейшее время. М., 2002. С. 102.

В этот сложный для королевства исторический период российская корона принимала живое участие в проблемах Оранского дома. Не все советы и предостережения российских императоров нашли отклик у самоуверенного Виллема I. Все его усилия с 1815 года были направлены на осуществление слияния, или амальгамы, двух разнородных частей его королевства, которые уже несколько веков жили отдельной жизнью. Эту амальгаму голландские историки Й.Кох и Й.ван Зантен назвали «задачей сложной, и даже невозможной», обосновывая это тем, что «контраст между северными и южными провинциями Нидерландов был гораздо более разительным, чем между провинциями на севере Объединенного королевства»[414]. Об этом контрасте в своем письме от 5 декабря 1816 г. из Брюсселя министру иностранных дел графу Нессельроде писал российский посланник в Нидерландах К.Фуль[415]: «Бельгийцы и голландцы, испытывая друг к другу взаимную неприязнь, в то же время сходятся в одном: что амальгама двух государств, состоящих из слишком разнородных элементов, абсолютно невозможна, и что каждое из них должно иметь отдельную администрацию»[416]. Невзирая на это, Виллем I упрямо стремился достичь цели и называл эту амальгаму «своей управленческой миссией в качестве руководителя государства»[417].

Взамен действовавшей конституции 1814 г. (принятой сразу после освобождения Нидерландов от французского владычества) король в августе 1815 г. представил в Генеральные штаты на голосование проект нового основного закона с учетом изменившегося государственного устройства королевства, в котором Голландия и Бельгия должны были стать единым целым. Небезынтересен тот факт, что голосование в парламенте по проекту новой конституции было проведено с манипуляциями при подсчете голосов, и их инициатором был сам

---

[414] Koch J. Op. cit. P. 352 – 353.

[415] Фуль (Пфуль), Карл Людвиг (1757 – 1826) – барон, прусский генерал, принятый на русскую службу, дипломат. В 1806 г. перешел после сражения на Йене на русскую службу с чином генерал-майора. В 1813 г. по поручению Александра I находился в Англии, откуда в ноябре 1813 г. одновременно с принцем Оранским (будущим королем Нидерландов Виллемом I) отправился на корабле в Нидерланды. 1814 – 1821 гг. – первый посланник России в освобожденных Нидерландах.

[416] Colenbrander H.T. Op cit. Deel 8. Hoofdstuk V. ‘s-Gravenhage, 1915. P. 599.

[417] Koch J. Op. cit. P. 366.

король Виллем I[418]. Согласно исследованиям голландских историков Х.Коленбрандера и Й.Коха, Генеральные штаты северных провинций приняли проект короля единогласно, однако на юге отношение к нему было отнюдь не однозначным ввиду вышеперечисленных противоречий в королевстве. Недовольный итогами голосования бельгийской знати (из 1323 явившихся 18 августа 1815 г. на голосование бельгийских нотаблей 527 проголосовали «за», 796 – «против» [419]), король лично дал указание статс-секретарю и главе своего кабинета А.Фальку[420] «заняться пересчетом голосов», пока не будет достигнут желаемый результат[421]. В результате определённых махинаций получились следующие цифры: «за» проголосовало 888, «против» – 670 бельгийцев. Именно они и были озвучены в день официального оглашения новой конституции, который «случайно» совпал с днем рождения короля – 24 августа 1815 г.[422] Всё это бельгийцы ещё долго припоминали королю в ходе своей борьбы за независимость от Нидерландов.

Такое «принятие» основного закона было охарактеризовано как «обман бельгийцев» не только отечественными историками, в частности, А.С.Намазовой, отметившей, что «король и правящие голландские круги обошли волю бельгийцев»[423]. В свое время французские историки Э. Лависс и А. Рамбо назвали эту намеренную подтасовку голосов «политическим подлогом»[424], а Й.Кох – «голландской арифметикой». По его утверждению, «эта манипуляция с голосами войдет в бельгийскую историю как обман: бельгийцев надули»[425].

Далее Виллем I занялся реформированием ключевых сфер своего королевства – экономики, религии, образования, языковой политики, прессы. И

---

[418] Ibid. P. 311.
[419] Colenbrander H. Ontstaan der Grondwet. Tweede deel. 1815.‘s-Gravenhage. 1909. P.616.
[420] Антон Рейнхард Фальк (1777 – 1843) – барон, дипломат, государственный деятель Нидерландов. 1814 – 1818 гг. – статс-секретарь (нид.secretaris van staat), что в те годы соответствовало должности директора кабинета короля. 1818 – 1824 гг. – министр общественного образования, национальной промышленности и колоний Нидерландов. 1824 – 1832 гг. – посол Нидерландов в Лондоне. 1839 – 1843 гг. – посланник Нидерландов в Брюсселе. В 1832 г. ему было присвоено почетное звание государственного министра (нид. minister van staat).
[421] Colenbrander H. Op.cit. P. 617.
[422] Ibid. P.617 – 619; Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. М., 1938. Т.3. С.321; Koch J. Op.cit. P.310 – 313.
[423] Намазова А.С. Бельгийская революция 1830 года. М., 1979. С. 48.
[424] Лависс Э., Рамбо А. Указ.соч. С.321 – 322.
[425] Koch J. Op. cit. P. 314.

хотя реформы помогли восстановить хозяйство, разрушенное за время французской оккупации и европейских войн, в большинстве своём они отвечали интересам голландцев и Северных Нидерландов. В частности, сильное противодействие бельгийцев вызвало решение короля упразднить все католические семинарии в Южных Нидерландах и основать в июне 1825 г. в г.Лёвене Философскую коллегию[426], ставшую на пять лет единственным государственным учебным заведением для подготовки священников. Бурю возмущения у южнонидерландских подданных вызвал королевский указ 1822 г. о введении единого – нидерландского – языка в Объединённом королевстве. С подачи монархов крупных союзных держав, стремившихся обезопасить легитимность своей власти, Виллем I инициировал принятие строгих законов в области прессы, в частности, так называемый «Закон о 500 флоринах» от 28 сентября 1816 г., который карал штрафом в 500 флоринов (гульденов) на первый раз и тюремным заключением на 1 – 3 года в повторном случае всех, кто путем печати оскорбил личность иностранного государя или принца, оспаривал или подозревал законность их династии[427].

Российский император Александр I незамедлительно реагировал на любые намеки о зарождавшихся революционных брожениях в европейских странах, и безусловно, в дружественных Нидерландах. Будучи весьма обеспокоенным радикальным характером печатной прессы в столице Южных Нидерландов, подрывавшей, по его мнению, установленный на континенте порядок, 9 октября 1816 г. он написал нидерландскому королю: «…Агрессивная тенденция этих печатных изданий, открыто направленная против нового порядка вещей, …гарантированного всеми державами Европы, к сожалению подтверждает мнение, что эти угрозы идут с окраины Франции и границ Нидерландов…», при этом выражая надежду, что нидерландский монарх «направит всю свою верную

[426] «Collegium Philosophicum». Koch J. Op. cit. P. 419.
[427] Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. С. 325.

энергию на восстановление порядка и спокойствия, так необходимого всей Европе…»[428].

Виллем I ответил 11 ноября Александру I, что по его инициативе «…Генеральные штаты уже приняли закон[429], предусматривающий наказание для тех, кто публикует оскорбления в отношении иностранных держав… Уверяю Вас, что я всегда готов всецело содействовать поддержанию порядка и спокойствия, которые сейчас столь необходимы…»[430]. Данный обмен посланиями свидетельствует о том, что нидерландский монарх внимал замечаниям российского императора, которому он был обязан своим восшествием на престол.

Несмотря на все усилия Виллема I, в результате его жестких реформ за 15 лет с начала его монаршего правления пропасть, с одной стороны, между ним и его подданными, с другой – между Севером и Югом королевства, только увеличилась. К концу 20-х гг. XIX в. правление Виллема I уже имело четкие признаки авторитаризма и единовластия, что отталкивало от него подданных, не желавших более видеть его своим королем[431]. По словам бельгийского историка Й.Толлебеека, мечта Виллема I воссоздать Исторические Нидерланды – континентальный монархический противовес неустойчивой Франции – потерпела крах, «провалив его нео-бургундские амбиции»[432], обернувшись вместо этого для короля революцией, стоившей ему трона.

3.2. Политические советы Александра I Виллему-младшему: воспитание будущего короля

Первоначально Виллем I поставил на высшие государственные посты своих сыновей. Старшего, наследника престола принца Оранского в 1814 г. он назначил

---

[428] Colenbrander H. T. Gedenkstukken der Algemeene Geschiedenis van Nederland van 1795 tot 1840. Deel 8, Hoofdstuk V. ‘s-Gravenhage, 1915. P. 595 – 596; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 6512. Л.16 –18.

[429] Упомянутый выше «Закон о 500 флоринах».

[430] Colenbrander H. Op cit. P. 597. АВПРИ. Ф Канцелярия. Оп. 468. Д. 6512. Л. 8 – 9.

[431] Koch J. Op cit. P.429 – 430.

[432] Шатохина-Мордвинцева Г.А. Короткий век Королевства Объединенных Нидерландов// Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т.9. Выпуск 8 (72) [Электронный ресурс]. С. 13. Также: Tollebeek J. Willem I gebundeld// Ons Erfdeel. 36 jaargang. Nummer 4. 1993. P.624.

командующим нидерландской армией и главой Военного министерства Нидерландов. Младший, принц Фредерик стал в 1826 г. генеральным комиссаром Военного министерства, а в 1829 г. ему было присвоено звание адмирала[433].

К популярности своего старшего сына, ставшего после победы над Наполеоном при Ватерлоо 18 июня 1815 г. национальным героем в своей стране и за её пределами, король Нидерландов относился весьма ревниво, хотя такие прославленные личности того времени, как герцог Веллингтон, отдавали должное организаторским талантам Виллема-младшего и прочили ему более значимую роль в управлении Королевством Нидерландов. По мнению историка Ван Зантена, Виллем I опасался, что его старший сын, пользовавшийся гораздо большим уважением среди бельгийцев, чем сам король, мог даже предложить себя на должность вице-короля Бельгии. Виллем I был категорически против такого «возвеличивания принца Оранского и желал видеть в нем лишь продолжение своей династической политики» [434].

Виллем-младший восхищался личностью императора Александра I и всеми силами старался завоевать его симпатию. Однако, в определённый момент некоторые действия наследника нидерландского престола изменили его положительный образ для внешнего мира. Как бы парадоксально это ни звучало, но принц Оранский, герой Ватерлоо, через два года после эпохального сражения был отправлен в отставку со своих военных постов вследствие конфликта с королем-отцом из-за его несогласия с решением Виллема I направить некоторых бельгийских офицеров, которым покровительствовал принц, в Голландскую Ост-Индию[435], Батавию[436]. По словам историка ван Зантена, на решение короля повлияли также дошедшие в начале 1818 г. до его сведения заявления наследника престола, что «если король снова будет ущемлять его права, то он уедет в Россию и будет командовать подаренным ему Александром I военным полком»[437].

---

[433] Koch J. Op cit. P. 388.
[434] Zanten J. van. Op. cit. P.252 – 254.
[435] Koch J. Op. cit. P.388 – 389.
[436] Так называлась столица Нидерландской Ост-Индии (Индонезии) до японской оккупации в 1942 г. С 1942 г. – Джакарта.
[437] Zanten J. van. Op. cit. P. 268.

В самом начале образования Объединенного королевства Нидерландов принц Виллем придерживался либеральных взглядов. Он и его младший брат принц Фредерик, состоявшие в Брюссельском масонском ордене, регулярно посещали городские салоны, где беседовали с молодыми юристами – либералами, среди которых были будущие участники и лидеры Бельгийской революции 1830 г. – Шарль Рожье, Александр Жандебьен, Жозеф Лебо. Эти образованные молодые и амбициозные бельгийцы относились к принцу Оранскому с большим уважением и ценили его свободомыслие. Не стоит забывать в этой связи, что их общая юность прошла в борьбе против Наполеона – «тирана». Однако, отношение к Наполеону после его отречения сильно изменилось в кругах, не разделявших идеи «легитимизма», т.е. возвращения к «Европе королей». Среди собеседников принца Оранского в брюссельских салонах были и беженцы из Франции – поддержавшие Наполеона в ходе его «100 дней» бонапартисты и старые революционеры, включенные Людовиком XVIII в проскрипционные списки и бежавшие из Франции в соседние Южные Нидерланды, превратив Брюссель в «бастион оппозиции против правящего режима во Франции»[438]. Эти беглецы и изгнанники не ограничивались публикациями в либеральной прессе Брюсселя, а целенаправленно с помощью интриг и политической агитации пытались сместить Людовика XVIII с престола. В свои планы они хотели втянуть и принца Оранского[439]. Как отмечают голландские историки Д. Херманс и Д. Хоогхимстра, «потребность принца править самому вместо того, чтобы слушаться своего отца, сделала его легкой добычей для заговорщиков. В Брюсселе их было предостаточно»[440].

Осенью 1816 г., по возвращении принца Оранского с супругой Анной Павловной из России после брачных торжеств, французские беженцы стали активнее пытаться вовлечь наследника нидерландского трона в свои интриги. Они даже просили его возглавить Францию, очевидно, полагая, что с помощью своего

[438] Ibid. P. 259 – 260.
[439] Ibid. P. 260.
[440] Hermans D. Hooghiemstra D. Op. cit. P. 97.

шурина Александра I, уважаемого во всей Европе, он поможет осуществить их замыслы[441].

Эти интриги дали начало активной переписке между Романовыми и Оранскими. Так, 13 января 1817 г. принц Оранский в своей депеше во всех подробностях сообщил Александру I о поступивших к нему от интриганов предложениях. Примечательно, что первым государственным деятелем, с кем он решил поделиться по такому деликатному вопросу, стал именно российский император, а не его родной отец, король Нидерландов.

Принц писал: «Дорогой брат!.. Ко мне неоднократно обращались с предложениями о Франции, которые я до сих пор решительно отвергал… Весь народ недоволен Бурбонами и желает перемен… Таким образом, сложились две партии: одна выступает за герцога Орлеанского[442], другая, как мне говорят – в мою пользу…». 22 января и 5 марта 1817 г. принц направил российскому императору очередные послания о якобы готовившемся свержении французского короля, в которых откровенно льстит своему российскому шурину: «…Вы единственный монарх, которым восхищаются и которого любят во Франции, и тот, кого бы вы предложили *(в качестве претендента на французский трон – Ю.Б.)*, почувствовал бы наивысшую степень проявляемого к Вам столь справедливого восхищения…»[443].

В ответ на это Александр – защитник принципа правления легитимных королевских домов – написал 3 марта принцу: «Дорогой брат!.. То, что Вам было предложено, видится мне продиктованным как страхом возможного сопротивления, так и желанием перемен… Вы весьма разумно отвергли эти порочные инсинуации… Будьте же тверды в чистоте Ваших принципов… и отбросьте свысока эти подлые интриги, недостойные Вашей души…»[444] – писал 39-летний император 24-летнему принцу Оранскому.

---

[441] Zanten J. van. Op.cit. P. 261 – 262.
[442] Принц имеет в виду герцога Орлеанского, который в августе 1830 г. в результате французской июльской революции взойдет на престол Франции под именем короля Луи-Филиппа I (1773 – 1850).
[443] Colenbrander H.T. Op.cit. P.611. АВПРИ. Оп. 468. Д. 6553. Лл.1 – 2. Лл. 5 – 6.
[444] Ibid. P.609 – 611. АВПРИ. Оп. 468. Д. 6554. Лл. 1 – 3.

15 марта Александр I повторно призывает своего голландского зятя порвать с французскими интриганами в Брюсселе: «Объединим же наши усилия, чтобы пресечь эти злонамеренные происки, имеющие целью посеять раздор среди кабинетов *(правительств – Ю.Б.)* союзных государств и охватить Европу новым огнем, масштабы и последствия которого даже сложно себе представить…»[445]. Виллем послушался, ответив 4 апреля императору: «…Сразу же по получении Вашего письма от 15 марта я прекратил все контакты с французскими беженцами, дав им понять, что никоим образом не хочу участвовать в их происках…»[446]. Как отмечает историк Ван Зантен, влияние Александра I на Виллема, так же как и во всем нидерландском царствующем доме, да и во всей Европе, в те годы было столь велико, что обещание принца Оранского разорвать все связи с французскими беженцами представляется вполне логичным[447].

Почувствовав опасность для мира в Европе, российский император в конце апреля 1817 г. направил в Объединенное королевство генерала А.И.Чернышёва, которого очень ценил принц Оранский. Тот лично сопровождал Виллема в конце 1815 – начале 1816 г. в его поездке в Россию[448]. При этом Александр I лично предостерег короля-отца: «Поведение французских беженцев в Бельгии и других соседних с Францией государствах …единогласно осуждается правительствами союзных государств и вызывает срочную необходимость борьбы с этим… Я глубоко сожалею, что уже долгое время Вы, Сир, не осуждали эти заслуживающие порицания беспорядки, хотя я помню, что заранее сообщал Вашему Величеству сигналы об этом. …Прошу Ваше Величество не игнорировать мою искреннюю дружбу, вне зависимости от объединяющих наши семьи уз, которые столь дороги мне»[449].

---

[445] Colenbrander H.T. Op.cit. P.612. АВПРИ. Там же. Лл. 11 – 12.
[446] Colenbrander H.T. Op.cit. P.613.
[447] Zanten J. van. Op cit. P.262.
[448] Бавыкин Ю.В. Династический брак великой княгини Анны Павловны Романовой и принца Виллема Оранского во внешнеполитических замыслах Александра I//. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Выпуск 11(85) Том 10. [Электронный ресурс]. С. 10 – 11.
[449] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 624 – 625. Александр I – Виллему I, 12 мая 1817 г.; АВПРИ. Оп. 468. Д. 6551. Лл. 5 – 8.

В ответном письме нидерландский король оправдывается: «…Я не могу не высказать свое искреннее сожаление тем, что …мне не удалось защититься от …досадных обвинений, на которые очевидно намекает Ваше Императорское Величество… Уверяю, что наиболее отъявленные мятежники уже высланы с территории королевства Нидерландов. …Будучи всегда готовым выполнять взятые на себя обязательства, я …в кратчайшие сроки приму меры, которых требуют от меня обстоятельства. Таким образом, я взываю к дружбе и благосклонности Вашего Императорского Величества, а также к интересу, которые … определяют наши родственные отношения и будущее положение Вашей сестры *(имеется в виду будущий статус Анны Павловны как королевы Нидерландов – Ю.Б.)*»[450].

Виллем-младший искренне поблагодарил российского императора за направление в Нидерланды генерала Чернышёва. Из послания принца от 17 июня 1817 г. мы узнаём, что только через полгода после того, как он поделился с Александром I сведениями о своих связях с французскими беженцами, принц решился рассказать об этом отцу-королю: «Несколько дней назад король был проинформирован о моём деле… Я счёл своим долгом сообщить ему об этом устно, так как некоторые детали уже дошли до его сведения…»[451].

После отъезда генерала Чернышёва из Брюсселя 27 июня 1817 г. Виллем I направил Александру I очередное письмо, в котором подчеркивал: «...Я принял твердое решение более не допускать изгнанных французов …ни в единую точку моего королевства и соответствующие приказы мной уже даны»[452]. 29 июля Александр I ответил нидерландскому королю, и в этом послании императора заметно его желание сохранить влияние и на короля, и на наследника престола: «Меры, принятые Вашим Величеством, …и направленные в мой адрес в этой связи заверения являются для нас удовлетворительными гарантиями поддержания

[450] Ibid. P. 628 – 629. Виллем I – Александру I, 17 июня 1817 г.
[451] Ibid. P. 630. Принц Оранский – Александру I, 17 июня 1817 г.
[452] Ibid. P. 631 – 632.

мира во всем мире, что столь дорого для чувств личной привязанности, которые я испытываю к Вашему Величеству»[453].

То, что принц Оранский понял ошибочность своих контактов с беженцами, вызывавших опасения в том числе в Париже, становится очевидным из донесения французского поверенного в Нидерландах Жулиана министру иностранных дел Франции Шатобриану от 15 октября 1823 г.: «С 5 по 10 ноября принц должен отправиться в Санкт-Петербург …Эта поездка в большой степени …послужит интересам дома Нассау, и …призвана покончить с недоверием, которое долгое время внушалось королю Франции неверными и непоследовательными действиями принца Оранского, что было в полной мере осознано самим принцем»[454].

3.3. Становление политической позиции принца Оранского под влиянием Александра I

Виллем до начала революционных событий проживал в основном в Бельгии, предпочитая южные провинции королевства северным, и был свидетелем неблагополучия в бельгийских землях. За 13 лет до Бельгийской революции 1830 г. он делится с Александром I тяжелыми впечатлениями о первых результатах правления отца, и не зная автора, трудно поверить, что эти строки пишет наследник престола европейского государства. Принц Оранский откровенно и довольно подробно сообщает своему российскому шурину об «ужасающем» положении дел в бельгийских провинциях: «Недовольство в Бельгии простирается всё дальше и дальше, люди буквально умирают от голода, но не потому, что в стране не хватает пшеницы, а потому, что цена на неё возросла настолько, что неимущие классы уже не в состоянии её купить; в этом виноваты голландские спекулянты, скупщики зерна… Доведенный до крайней степени отчаяния бельгийский народ считает, что …правительство не делает ничего для

[453] Ibid. P.641 – 642.
[454] Ibid. Hoofdstuk II. P. 301 – 302.

исправления ситуации. Есть большие опасения, что возникнут беспорядки, которые могут стать роковыми, если им своевременно не положить конец…»[455]

Подобные откровенность и прямота в послании кронпринца были весьма нетипичны для русского императорского двора, особенно то, что сын, наследник трона, решил обсудить с главой другой державы ошибочную политику своего отца-короля. По крайней мере, вряд ли можно представить, чтобы кто-нибудь из членов императорской семьи когда-либо сетовал в письме представителю другой династии на недостатки правления императора.

Вместе с тем Александр I ценил такое отношение к себе со стороны голландского зятя, супруга своей сестры, и, как показывает анализ переписки, считал правильным и необходимым подробно раскрывать Виллему свое понимание тех или иных исторических событий того времени, давать ему ценные советы, предлагать способы разрешения внутренних конфликтов. Судя по всему, русский царь решил воспользоваться тесным личным общением с принцем Оранским, чтобы сформировать из малоимущего принца-воина, коим он был еще недавно и который в нём еще остался к началу 1820-х гг. (свидетельством тому является неподобающие принцу-наследнику сношения с беглыми бонапартистами), будущего короля, для которого интересы своей правящей династии важнее эмоциональных переживаний и либеральных заблуждений юности. Долгие беседы и переписка российского императора с наследником престола небезразличного ему Королевства Нидерландов принесли свои плоды: с годами принц Оранский отошёл от своих либеральных воззрений, начал лучше постигать внешнеполитическую линию Александра I, ставшего более консервативным к концу царствования, цели и принципы созданного им Священного союза, роль Венской системы в поддержании баланса в послевоенной Европе.

Придавая важное значение сохранению и упрочению российско-нидерландского династического альянса, равно как и благополучию проживавшей

[455] Ibidem. Hoofdstuk V. P. 630. Принц Оранский – Александру I, 17 июня 1817 г.

в Нидерландах любимой младшей сестры Анны, Александр I проявлял большую заботу о ней. Будучи главой Дома Романовых, император по-отечески относился к Анне, которая была почти на 18 лет младше его, разделял её радости и поддерживал в горестные моменты. Это прослеживается в письмах Александра, как например, в его соболезнованиях Анне по поводу кончины её с Виллемом 5-месячного сына Казимира в ноябре 1822 г., в которых император выражал «слова искреннего сочувствия», призывал сестру «найти силы …для истинного утешения скорбящей души…», писал, что «молится для придания сил» своей сестре[456]. По случаю рождения у Анны дочери Софии в апреле 1824 г. Александр I в письме ей направил «самые нежные пожелания счастья новорожденной», благодаря «Божественное Провидение …от глубины сердца за этот дар»[457].

Осенью 1824 г. Анна и Виллем по приглашению Александра I поехали в Россию. К тому времени Анна целых восемь лет не была на Родине. В этой поездке Виллем тесно сблизился со своими родственниками Романовыми, и его встречи с Александром I оказали большое влияние на формирование принца Оранского как политика и будущего монарха. Дабы показать кронпринцу силу и мощь русской армии, император устроил в начале июля 1825 г. в Санкт-Петербурге в честь голландского гостя, слава о храбрости которого в битве при Ватерлоо дошла и до российской столицы, торжественный парад элитных русских войск. В полном восторге принц Оранский описывал отцу-королю увиденное: «…по площади у Невы передо мной и российским императором во главе элитных войск …шагали великие князья Николай и Михаил»[458].

В своих письмах сестре Анне государь считал необходимым подчёркивать своё высокое мнение о её супруге Виллеме. Это служило подтверждением того, что Александр I возлагал на принца Оранского большие надежды, стремясь поддерживать у него – будущего нидерландского монарха – доброе расположение как к русской императорской семье, так и в целом к России: «Я испытываю

[456] Jackman S.W. Op.cit. P. 59. Александр I – Анне Павловне. 16 ноября 1822 г.
[457] Ibid. P. 65. Александр I – Анне Павловне. 12 (24) апреля 1824 г.
[458] КНА. A40 – Via – 37. Принц Оранский – королю Виллему I. 6 июля 1825 г. Также: Zanten J. van. Op cit. P. 291.

большое доверие как к сердцу, так и к разуму Виллема…»[459] В следующем письме сестре от 23 мая (4 июня) 1825 г., повествуя о встрече с принцем Оранским в Варшаве, император снова хвалебно отзывается о нём: «Как я рад снова встретиться с Виллемом; кто его знает, тот сразу проникается к нему любовью, так же и я, проникся всем сердцем…»[460]

В послании Анне Павловне от 29 июля (10 августа) 1825 г., направленном ей за 3 месяца до своей кончины, Александр выражает глубокую признательность сестре «за дружбу, проявленную к нему за весь период её поездки в Россию», и отдельно просит Анну передать Виллему, как глубоко он «тронут проявленной принцем …исключительной любезностью и полагается «на него, как на истинного друга»[461]. В заключение император подчеркивает своё нежное отношение к сестре и её мужу: «…Для вас обоих я всегда останусь тем, кто любит вас всей душой»[462]. Всё это может свидетельствовать о том, что российский император высоко ценил сложившиеся связи между двумя государствами и их правящими династиями, и, судя по всему, был доволен, что сделанная им 10 лет назад ставка на нидерландского наследного принца в качестве супруга своей любимой младшей сестры Анны оказалась верной.

Благодаря своей корреспонденции с Анной Александр I узнавал о тех фактах, которые ему не сообщали дипломаты из Гааги или Брюсселя, и в этом плане послания родной сестры из Нидерландов были для него чрезвычайно полезны. Так, в письме от 9 ноября 1820 г. Анна сообщала брату-императору о чинимых голландским королём препятствиях в подготовке их с Виллемом поездки в Россию, а также о признательности её супруга Александру I за моральную поддержку: «В настоящее время он *(принц Виллем – Ю.Б.)* может найти утешение только дома, где царят доверие и определённость… У него твёрдое ощущение, что его неправильно понимают и часто недооценивают, …и только у тебя, любимый брат, он находит больше дружбы и поддержки, чем в

[459] Ibid. P. 68. Александр I – Анне Павловне. Март 1825 г.
[460] Ibid. P. 68. Александр I – Анне Павловне. 23 мая (4 июня) 1825 г.
[461] Ibid. P. 70. Александр I – Анне Павловне. 29 июля (10 августа) 1825 г.
[462] Ibidem.

королевской семье… Ты должен знать, что до выезда Виллема в Варшаву король прямо сказал ему, что хотел *запереть его в доме* … По этой причине я не могу оставить его здесь одного, так как нет гарантии, что подобная ситуация снова не повторится… Возлагаю все свои надежды на Божественное Провидение, как в отношении моего благополучия здесь, так и перспектив моей поездки в Россию…»[463]

В письме императору от 6 февраля 1824 г. Анна отмечала, что Виллем «полный счастья вернулся из поездки в Петербург», далее поблагодарив брата за «подаренную её детям русскую казачью военную форму»[464]. Такими подарками своим племянникам Александр стремился к тому, чтобы дети Анны и Виллема всегда чувствовали связь с Россией. О том, насколько Анна скучала по родным местам, говорят её слова в письме, что жизнь её «наполнена мыслями обо всём, что касается …семьи и Петербурга»[465]. Это же она повторяет в следующем послании брату от 10 февраля, подчёркивая, «как счастлива она будет через 7 месяцев увидеться с Александром после стольких лет разлуки», называя свою предстоящую поездку в Россию «долгожданной и дорогой сердцу»[466]. В письме от 2 марта 1824 г. Анна пишет брату о своём большом желании познакомить сыновей с ним – «их прославленным дядей»[467].

После пребывания в России, находясь в обратном пути в Нидерланды, в письме Александру I от 26 июля (7 августа) 1825 г. Анна благодарила его за «всю доброту и …дорогие советы, которые останутся в сердце до последнего дня жизни»[468], пообещав брату выполнить его просьбу «как можно лучше заботиться о счастье Виллема, единстве семьи и всеобщем благе…»[469]. Анна просит императора продолжать присылать ей «советы в письмах», особенно если его «что-то не будет устраивать в происходящем»[470].

---

[463] Ibid. P. 57. Анна Павловна – Александру I. 9 ноября 1820 г.
[464] Ibid. P. 60 – 61. Анна Павловна – Александру I. 6 февраля 1824 г.
[465] Ibid. P. 61 – 62. Анна Павловна – Александру I. 10 февраля 1824 г.
[466] Ibidem.
[467] Ibid. P. 63 – 64. Анна Павловна – Александру I. 2 марта 1824 г.
[468] Ibid. P. 69 – 70 Анна Павловна – Александру I. 26 июля (7 августа) 1825 г.
[469] Ibidem.
[470] Ibidem.

В начале сентября 1825 г. Виллем с Анной вернулись в Нидерланды, откуда 10 сентября в послании брату-императору великая княгиня отмечала, что «продолжает следовать его советам… и с гораздо бóльшим вниманием, чем раньше, относится к своему повседневному поведению…»[471] Рекомендации старшего брата, по её словам, привели к определённым улучшениям: «Виллем окутывает меня любовью и вниманием, дети милы, в семье всё прекрасно, и всюду, где я появляюсь, люди рады меня видеть... Здесь я ощущаю особое радушие народа, …что для меня чрезвычайно ценно»[472].

Поздравляя Александра I с Днём Ангела в письме от 21 сентября 1825 г., Анна писала о том, что все приятные события, происходящие у неё в семье «вызывают добрые мысли о нём» … и уверенность, что брат-император, «наш общий дорогой друг, …разделяет эту радость»[473]. Анна упоминает в послании Александру о выполнении ею «*морального долга* – окружать близких своей добротой»[474], а также о том, что она «борется со своим самым большим врагом – нетерпеливостью…»[475], что говорит о том, насколько чутко она внимала словам Александра.

9 октября 1825 г. в письме императору, уже находившемуся в Таганроге, Анна снова повторяет «желание следовать советам брата»[476], отмечает «трогательное отношение к ней со стороны короля и королевы Нидерландов, «постоянно проявляющих к ней доброе расположение»[477]. Анна откровенно пишет царственному брату о работе над своим нелегким характером, что больше всего она опасается «своего бурного нрава и вспыльчивости»[478], и в борьбе с этим ищет «поддержки у Божественного Провидения»[479]. В завершение письма Анна просит Александра «не прекращать дарить ей любовь, внимание и …столь ценные

[471] Ibid. P. 71. Анна Павловна – Александру I. 10 сентября 1825 г.
[472] Ibidem.
[473] Ibid. P. 72. Анна Павловна – Александру I. 21 сентября 1825 г.
[474] Ibidem.
[475] Ibidem.
[476] Ibid. P. 73 – 74. Анна Павловна – Александру I. 9 октября 1825 г.
[477] Ibidem.
[478] Ibidem.
[479] Ibidem.

советы», отмечая, что он «лучше, чем кто-либо другой способен распознать истину…»[480]

В конце ноября 1825 г. до Виллема и Анны из России дошли трагические известия, повергшие их и Дом Оранских в долгие дни траура: 19 ноября император Александр I скончался в Таганроге. В начале января 1826 г. принц Оранский вновь отправился в Россию, и его моральная поддержка сразу после потрясшего императорскую семью восстания декабристов 14 декабря 1825 года, которое Виллем в письме отцу назвал «заговором против Ангела и его семьи»[481], а также во время похорон Александра I 13 марта 1826 г. была высоко оценена всей императорской семьёй. В те дни такая поддержка представителя родственной европейской династии была для Романовых поистине бесценной. Любившая своего голландского зятя Мария Федоровна писала в письме Анне Павловне: «Присутствие с нами нашего дорогого Виллема – истинное благо для Николая *(Николая I – Ю.Б.)* и огромное утешение для нас. Он настоящий и преданный друг…»[482]

Пребывание Виллема Оранского в России и его встречи с Александром I и его братьями, великими князьями, постепенно приводили к изменениям в политической позиции принца, который уже более десяти лет не занимал правительственных постов. Достигший 35-летнего возраста, ставший более зрелым и искушенным в политике Виллем считал, что Нидерландам следует заключить партнерский союз с Россией и тогда еще королевской Францией, и более критически относиться к Берлину и Лондону. Он постепенно пересмотрел свои же либеральные взгляды 1813 – 1820 гг. о постнаполеоновском мире, и задавался теперь вопросом: а не использовали ли либералы протестантские Нидерланды для нанесения серьёзного удара по католицизму – оплоту монархической Европы? К принцу стало приходить понимание, что действия

---

[480] Ibidem.
[481] KHA. A40 – Via – 21. Принц Оранский – королю Виллему I. 1 февраля 1826 г.
[482] KHA. G54 – 86. Вдовствующая императрица Мария Федоровна – великой княгине Анне Павловне. 4 февраля 1826 г.

либералов, особенно выходцев из Франции, могут нанести ущерб интересам короны[483].

Таким образом, изменившиеся не без влияния Петербурга воззрения принца Оранского все более расходились с настроениями, царившими в его собственной стране, особенно на её юге, где к концу 20 – х гг. XIX века недовольство политикой его отца росло с каждым днем. Кроме того, несмотря на начавшийся в 1820-х гг. промышленный подъём в бельгийских провинциях, «положение большинства рабочих и мелких ремесленников в Южных Нидерландах было плачевным …ввиду тяжелейших условий труда, в том числе поскольку они были вынуждены трудиться на примитивном и устаревшем оборудовании, за исключением занятых у англичанина Дж.Коккериля[484]. Это не могло не вызывать возмущения подданных короля»[485]. Сам же Виллем I весьма самоуверенно продолжал свою прежнюю политику и, как отмечает голландский историк Й.Кох, «просто навязывал подданным свои реформы, даже не пытаясь вникнуть в их настоящие чаяния»[486]. Король был убеждён, что роль Нидерландов в качестве барьера против Франции уже была сыграна и настала пора сконцентрироваться на внутренних делах, усиливая своё влияние во всем королевстве.

По мнению историков Коха и ван Зантена, серьёзнейшим ударом по Объединённому королевству Нидерландов стали итоги драматических дебатов в парламенте об утверждении государственного бюджета, который традиционно принимался Генеральными штатами на 10-летний срок[487]. Перед назначенным заседанием Второй палаты объединившиеся либералы и католики на фоне протестных настроений в обществе инициировали в марте 1829 г. невиданное до

---

[483] Zanten J. van. Op cit. P. 297.

[484] Джон Кокрил (Коккерил), англ. John Cockerill (1790 – 1840) – британский предприниматель. В 1797 г. вместе с отцом Уильямом и братом Джеймсом переехал из Англии в континентальную Европу. В 1813 г. оказался в бельгийском Льеже, в 1817 г. по просьбе короля Нидерландов Виллема I стал развивать металлургическое производство и вместе с отцом и братом создали компанию Cockerill-Sambre, которая впоследствии станет частью крупнейшего сталелитейного концерна Arcelor. К 1838 г. компания Джона Кокрила владела машиностроительными производствами, шахтами и портами. Скончался в 1840 г. в Варшаве во время деловой поездки в Российскую империю.

[485] Koch J. Op. cit. P. 396 – 397.

[486] Ibid. P. 411.

[487] Ibid. P. 433. Zanten J. van. Op cit. P. 302 – 303.

той поры в Нидерландах петиционное движение[488]. В ходе так называемой «первой волны» петиций на имя короля было подано 150 ходатайств, которые подписали порядка 50 тыс. человек[489]. Об этом 19 марта 1829 г. писал Николаю I принц Оранский. Примечательно, что в отличие от обращения к Александру I как к старшему брату и на «вы», к Николаю I, который был почти на 4 года младше его, принц Оранский в письмах почти всегда обращался на «ты»: «Ты наверняка уже знаешь от Гурьева[490] …о докладе по петициям в отношении образования и т.д. и т.п., представленном в палатах парламента, …которые были подписаны многими знатными людьми… Как оказалось, все это дело рук союза двух партий – католической и либеральной… Все это ставит в весьма сложное положение моего бедного отца, который весьма огорчен этим и справедливо считает, что в его отношении …много неблагодарности, …хотя, чувствуется, что в этом есть и его вина. Мы поистине переживаем момент кризиса в стране, который может привести к весьма тяжелым последствиям…»[491].

Оппозиционеры были решительно настроены на конфронтацию с королем, и в ходе заседания Второй палаты Генеральных штатов в мае 1829 г. 10-летний государственный бюджет подавляющим большинством депутатов был отвергнут. Виллем I не мог скрыть своего возмущения таким сильным ударом по своему авторитету: «Они хотят совместного управления государством, эти 110 депутатов[492]? Начитались английских и французских газет и также хотят рассматривать нашу конституцию? А ведь в ней гораздо больше гарантий…»[493].

---

[488] Право петиций было закреплено статьей 161 конституции Нидерландов 1815 г. Сайт о конституциях Нидерландов: De Nederlandse Grondwet van 1815. http://www.denederlandsegrondwet.nl.

[489] Koch J. Op cit. P. 437 – 438.

[490] Гурьев Николай Дмитриевич (1789 – 1849) – российский дипломат, граф, сын министра финансов Российской империи Д.А.Гурьева (1758 – 1825), занимавшегося вопросом государственного долга России Нидерландам. Приходился шурином министру иностранных дел, с 1828 г. – вице-канцлеру, с 1844 г. – канцлеру Российской империи К.В.Нессельроде, который был женат на его родной сестре Марии Дмитриевне Гурьевой (1786 – 1849). 1824 – 1832 гг. – посланник России в Нидерландах. 1832 – 1837 гг. – посланник России в Риме. 1827 – 1841 гг. посланник России в Неаполитанском королевстве.

[491] Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 9. Hoofdstuk V. ‘s-Gravenhage, 1916. P. 367.

[492] По конституции Объединенного королевства Нидерландов 1815 г., в Первую (верхнюю) палату входили 40 – 60 членов, назначаемых пожизненно королем. Во Вторую (нижнюю) палату северные и южные Провинциальные штаты избирали 110 депутатов – по 55 от Севера и Юга.

[493] Gerretson C. Gesprekken met den Koning: 1826 – 1839. Utrecht, 1936. P. 30 – 31.

В ответ оппозиции и с целью подчеркнуть, что политическая власть в стране принадлежит только ему, 21 мая 1829 г. Виллем I назначил своего старшего сына заместителем председателя Государственного совета[494] и председателем Совета министров Объединенного королевства Нидерландов, а месяц спустя – генерал-полковником стрелковых войск страны. Таким образом после 10 лет фактического отстранения от военных постов Виллем-младший вновь оказался на высших руководящих должностях в королевстве. После такого жеста короля оппозиционные силы стали объединяться и вне стен парламента[495].

Сам принц Оранский по поводу своего возвращения в большую политику радостных эмоций не испытывал, и 3 июня 1829 г. написал Николаю I: «Я чувствую всю тяжесть этого бремени, но его немного облегчает удовольствие от ощущения того, что я больше не отдален от дел… Если тем самым …я смогу восстановить доверие народа к королю и его правительству, то буду считать этот весьма отрадный долг исполненным, что и является моей целью…»[496]

В конце августа 1829 г. принц Оранский написал отцу подробное письмо с предложениями по исправлению ситуации в королевстве. Одним из способов выхода из кризиса он считал увольнение двух членов нидерландского правительства – министра внутренних дел ван Гоббелсхроя[497] и министра юстиции ван Маанена[498], ссоры между которыми раскалывали правительство и

---

[494] Государственный совет Нидерландов (с нидерландского – De Raad van State) – старейший и главный консультативный орган королевства. Основан в 1531 г. императором Священной Римской империи Карлом V. Заместитель председателя Государственного совета Нидерландов фактически руководил Советом. Король Нидерландов, являвшийся по конституции председателем Совета, на его заседаниях практически не присутствовал.

[495] Koch J. Op cit. P. 436.

[496] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 375 – 376.

[497] Пьер Луи Жозеф ван Гоббелсхрой, с нид. Pierre Louis Joseph van Gobbelschroy (1784 – 1850) – консервативный политик Объединенного королевства Нидерландов, а позже Бельгии, уроженец г.Лёвена. В 1807 г. получил в Брюссельском университете диплом юриста. Ноябрь 1813 – август 1814 гг. – заместитель секретаря в министерстве внутренних дел и юстиции Нидерландов. Август 1814 – сентябрь 1815 гг. – генеральный секретарь Временного правительства Южных Нидерландов. С 1816 г. – секретарь кабинета короля Виллема I в Брюсселе. С июня 1825 по январь 1830 г. – министр внутренних дел Нидерландов. С января по октябрь 1830 г. – министр водного хозяйства, национальной промышленности и колоний. С октября 1830 г. ушел из политики, переехав в Париж, стал предпринимателем, оставшись сторонником династии Оранских.

[498] Корнелис Феликс Ван Маанен (1769 – 1846) – голландский политический деятель, уроженец Гааги. Был министром юстиции и полиции с 1806 по 1809 г. при короле Голландии Луи-Наполеоне, младшем брате Наполеона Бонапарта. В правление короля Нидерландов Виллема I был одним из самых лояльных ему министров. 1815 – 1842 гг. – министр юстиции королевства Нидерландов. Был одним из самых ненавистных членов правительства для бельгийцев, считавших его основным источником репрессивных мер против них. В ходе Бельгийской революции 26 августа 1830 г. его резиденция была подожжена восставшими.

вдохновляли оппозицию. Другим средством урегулирования конфликта в Объединенном королевстве, по мнению Виллема-младшего, была необходимость разрушения «чудовищного союза» между либералами и католиками. По мнению принца Оранского, «шаги короля навстречу пожеланиям католиков обеспечили бы популярность нидерландского правительства на юге страны и король получил бы поддержку духовенства, которое испокон веков никогда не доверяло либералам…» [499]. Однако, как уже бывало не раз, самоуверенный Виллем I не внял советам своего старшего сына[500] и в октябре 1829 г. началась вторая за год волна петиций – гораздо более мощная, чем первая. Виллему I было направлено уже 1000 петиций, которые подписало более 300 тыс. подданных[501]. На заседании Совета министров эту волну назвали «буйство петиций», а самого короля она привела в бешенство. Свое возмущение он выразил депутату из г. Льежа барону де Герлаху[502]: «Теперь вы, католики, объединились с либералами. Это чудовищный союз!.. Моё правительство – умеренная монархия, а не республика с королем… Все теории, противоположные этому – революционны. Я король Нидерландов; я знаю свое право и свой долг и буду следовать тому, чему я присягал» [503].

В то время, как сам король считал оппозиционную кампанию следствием подстрекательства неблагонадежных журналистов и политиков-либералов, его сын Виллем уже через три месяца после назначения на высокие государственные посты разъяснял Николаю I 1 сентября 1829 г. всю сложность своего положения, а также собственное восприятие данного политического назначения и видение

---

[499] Zanten J. van. Op. cit. P. 306.

[500] Только в начале 1830 г. Виллем I освободил Ван Гобберлсхроя от должности министра внутренних дел, назначив его министром водного хозяйства, национальной промышленности и колоний. Новым министром внутренних дел стал консерватор из бельгийского Мехелена Эдмонд де ла Косте. Zanten J. van. Op.cit. P.306.

[501] Koch J. Op cit. P. 438

[502] Этьенн де Герлах (1785 – 1871) – бельгийский государственный деятель, барон, юрист. С 1824 г. – депутат Второй палаты Генеральных штатов Объединенного королевства Нидерландов от города Льежа. Отличался критическим отношением к политике короля Виллема I, перешел в оппозицию правительству Нидерландов. После Бельгийской революции стал председателем комиссии по составлению проекта конституции Бельгии. В 1831 г. был избран председателем Национального конгресса Бельгии. Стоял во главе депутатов, поднесших 4 июня 1831 г. корону первому королю Бельгии Леопольду I. В 1844 г. вошел в главный консультативный орган королевства Бельгия – Совет знати, в котором председательствовал с 1867 г. до конца жизни.

[503] Koch J. Op.cit. P. 444.

династического долга в этот кризисный период в королевстве: «Я не пожелаю злейшему врагу столь мучительно сложного положения, как моё… Но сам я принимаю свой пост как тяжелейший крест, который мне суждено нести, и как важный долг, который я обязан исполнить по отношению к своему отцу в момент кризиса… В остальном всё в Воле Божией…»[504] В то же время наследнику престола была дорога судьба его династии. Николай являлся для принца не только другом, но и наследником основателя Священного союза, призванного вмешиваться во внутренние смуты на стороне европейских монархов. В письме Виллем делится с Николаем I предвидением начала серьёзных волнений в Нидерландах, но в отличие от послания Александру I в июне 1817 г.[505], в котором он позволял себе критиковать недальновидное правление своего отца, в этот раз, за год до революционных выступлений в Брюсселе он консультируется с Николаем как с союзником, в преддверии весьма опасных для престола Оранских драматических событий. Принц прямо интересуется у императора, может ли он рассчитывать на его помощь в случае вооруженного конфликта в королевстве: «…Если на октябрьском заседании Генеральных штатов десятилетний бюджет вновь будет отвергнут… и правительство будет лишено финансов, то с каким сопротивлением народа ему *(королю Виллему I – Ю.Б.)* тогда придется столкнуться! …Если мы окажемся в подобной сумятице, придешь ли ты к нам на помощь сам или попросишь Пруссию поддержать нас? …Гипотетически, вероятно, мы будем вынуждены просить помощи других, и всё потому, что король сам справиться с этим не в состоянии. Я сожалею об этом, поскольку он желает добра, но плохо оценивает свое положение. …Он не в состоянии ни видеть, ни чувствовать правды…»[506].

Николай I был крайне обеспокоен ситуацией в родственном ему королевстве. Однако, его армия была занята на Кавказе, в Царстве Польском назревали серьёзные проблемы, отношения с офицерами у царя после подавления

---

[504] Colenbrander H.T. Op.cit. P.381.
[505] Ibid. Deel 8, Hoofdstuk V.P.630. Принц Оранский – Александру I. 17 июня 1817 г.
[506] Ibid. Deel 9. Hoofdstuk V.P.381. Принц Оранский – Николаю I. 1 сентября 1829 г.

декабрьского восстания в 1825 году и последовавших репрессий складывались весьма непросто, словом, новый вооруженный иностранный поход был бы для Николая весьма некстати. Его позиция была следующей: лучше предотвратить революцию, чем потом подавлять её с помощью иностранных государей. В этой связи по его поручению 22 октября 1829 г. вице-канцлер граф Нессельроде написал российскому посланнику в Нидерландах Гурьеву письмо с поручением «раскрыть королевскому принцу опасения, вытекающие …из предвидения печальной гипотезы, что король может быть поставлен перед необходимостью запросить иностранную помощь …со стороны России и Пруссии». Гурьеву поручалось ознакомить принца с позицией императора по вопросу возможной военной помощи Нидерландам: «…Общие операции с союзниками возможны лишь в том случае, если одно из государств, входящих в европейское сообщество, будет снова подвержено бедствию революций и если это будет вытекать из обязательств России… согласно принципам, закрепленным в общих соглашениях с союзниками… Император поручает Вам ознакомить принца Оранского с содержанием памятной записки, …но только в виде ее прочтения… Его Императорское Величество желает, чтобы Вы не отдавали эту записку ему в руки и, тем более, не делали ему с нее копий… , зная о его преданности и умении хранить тайну… Мы надеемся, что мудрость короля …возвратит его к системе правления, более соответствующей истинным интересам его народов, и наконец, здравый смысл здоровой части нации, страсти которой нелегко разжечь, все же позволит предотвратить грозу…»[507].

Прилагавшаяся к данной депеше записка содержала анализ положений договоров и соглашений 1814 – 1822 гг., касавшихся «принципов вмешательства» в дела государств, охваченных «революционными волнениями» и помощи их легитимным монархам и правительствам со стороны главных европейских дворов. В записке делается вывод, что иностранное вмешательство – весьма ненадежное и «опасное средство» поддержания «европейского спокойствия».

[507] Ibidem. P.384 – 385; Внешняя политика России XIX и начала XX века (ВПР). Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 2. Т. VIII (XVI). М, 1995. С. 356 – 357.

Всем владетельным домам континента рекомендуется «прибегать к нему лишь в крайнем случае, исчерпав все средства, которые могут им предоставить их собственная страна, мудрость их кабинетов, преданность здоровой части нации, все возможности своего гения и характера, наконец, чтобы обеспечить уважение к власти государя и наказать преступные махинации»[508].

Отвечая на депешу вице-канцлера Нессельроде, посланник Гурьев перед самым новым 1830 годом 28 декабря сообщил в Петербург о выполнении поручения императора и ознакомлении принца Оранского с конфиденциальной запиской Николая I. Российский посланник отмечает, что несмотря на то, что доверенные лица Виллема I слышали, как король говорил о возможности государственного переворота и иностранной интервенции, и об этих «чрезвычайных последствиях как неизбежном результате в случае отклонения бюджета» уже сообщалось в печатных изданиях нидерландского министерства иностранных дел, министр Верстолк ван Сулен[509] опроверг имевшие место прогнозы о планах ввода в Нидерланды иностранных войск, заявив Гурьеву, что «Его Величество достаточно уверен в находящихся в его распоряжении средствах, чтобы не прибегать к подобным крайностям…»[510] Таким образом, в отличие от принца Оранского, который был убежден в неспособности короля самостоятельно погасить кризис в стране и в необходимости запрашивать иностранную военную помощь в случае начала беспорядков на юге Нидерландов, сам Виллем I через своих дипломатических представителей давал понять Николаю I, что вполне в состоянии урегулировать внутренние политические проблемы без помощи извне. Как показала практика, уверенность короля исчезнет к осени следующего, 1830 года, когда революция в его королевстве уже будет в разгаре и он наконец

---

[508] ВПР. Там же. Примеч. 203. С. 610. Также: Colenbrander H.T. Op. cit. P.385 – 390.

[509] Йохан Гейсберт Верстолк ван Сулен (1776 – 1845) – голландский политический деятель, юрист, дипломат, барон, уроженец г. Роттердама. 1815 – 1823 гг. – посланник Нидерландов в Санкт-Петербурге, принимал непосредственное участие в организации брака принца Оранского и великой княгини Анны Павловны в 1815 – 1816 гг. Возглавлял министерство иностранных дел Нидерландов в период предреволюционного кризиса в Нидерландах, в ходе Бельгийской революции и Лондонской конференции, с 1826 по 1841 гг. В 1841 г. король Виллем II присвоил ему один из самых почетных титулов в королевстве – государственный министр Нидерландов (с нид. – minister van staat).

[510] Colenbrander H.T. Op. cit. P. 403.

решится официально обратиться за военным содействием к четырем великим державам Европы – России, Англии, Австрии и Пруссии[511].

10 декабря 1829 г. принц Оранский в письме Николаю I высказывает беспокойство враждебным настроем по отношению к королю и его правительству некоторых депутатов бельгийских провинций, которые «отказываются принимать госбюждет, пока обозначенные в петициях жалобы не будут удовлетворены»[512], называя такой шантаж «попыткой выкрутить королю руки, …что недопустимо, неконституционно и недостойно любого преданного подданного»[513].

11 декабря 1829 г., возмущенный продолжением активных действий своих противников, вылившихся во вторую волну петиций, в качестве ответного шага Виллем I выпустил королевское послание, в котором он отклонял предложения оппозиции по преобразованию политической системы в королевстве. Хотя король решил удовлетворить некоторые требования католиков и согласился в скором будущем отменить исключительное право нидерландского языка в королевстве, негодование у бельгийцев вызвали репрессивные намерения короля, в частности, о введении карательных мер в отношении прессы. Тем, кто своими публикациями в газетах подстрекал к преступлениям, грозило теперь уголовное преследование[514].

Одновременное послание принца Николаю I свидетельствовало о решительной солидарности принца Виллема с отцом: сложившееся положение обязывало забыть о разногласиях. 17 декабря он сообщал шурину: «Я от всего сердца благодарю Божественное Провидение за то, что и с моей помощью навело короля и его советников на эту меру[515], которую я полагаю необходимой... Сам мой отец, как мне кажется, теперь очень счастлив, что принял решение занять позицию, достойную короля…»[516]

---

[511] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.469. Д. 207. Лл. 2 – 3. Виллем I – Николаю I. 2 октября (20 сентября) 1830 г.; Красный архив. 1941 г. № 1. С.217 – 218.
[512] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 395.
[513] Ibidem.
[514] Koch J. Op.cit. P.444 – 445.
[515] Принц имеет в виду королевское послание от 11 декабря.
[516] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 399.

Принц Оранский с радостью делился с российским императором новостями о положительных результатах деятельности правительства, которое он возглавлял. Так, 26 декабря 1829 г. он сразу написал своему царственному шурину об одобрении депутатами Второй палаты нидерландского парламента 10-летнего бюджета: «Генеральные штаты единогласно приняли новый закон о доходах, необходимый для согласования бюджета…»[517] Одновременно он обрушился на депутатов, которые прежде пользовались его симпатией: «Поведение бельгийских депутатов, за редким исключением, было в ходе заседания самым постыдным и неконституционным… Они непочтительно вели себя по отношению к королю. Эти пресловутые поборники гражданских свобод, на которые никто и не думал посягать… Подлинные Дон Кихоты!.. Все это причиняет мне еще более сильную боль из-за того, что я всегда был их сторонником и защитником…»[518]

Уже 25 февраля нового, 1830 года принц Оранский направил Николаю I письмо, в котором констатировал, что несмотря на некоторые действенные шаги короля, спасти королевство от кризиса вряд ли удастся: «Мой отец доволен результатом всего, что сделано …после того, как он выбрал необходимую линию поведения, но полагаю, что ему уже давно было пора открыть глаза и ясно увидеть политическую ситуацию в нашем государстве…»[519]

Обстановка в Нидерландах в начале 1830 года была действительно критической, и примирительные шаги Виллема I навстречу католикам и либералам не смогли убрать растущего недовольства бельгийцев деятельностью их монарха. Эти шаги, помимо прочего, касались упразднения «злосчастной» Философской коллегии в Лёвене[520], а также отмены «ненавистных» налогов на помол и убой скота. Кроме того, государство стало активнее оказывать помощь юристам и чиновникам в изучении нидерландского языка[521]. Одной из самых позитивных мер Виллема I в начале 1830 г. считается разрешение использовать

[517] Ibidem.
[518] Ibidem.
[519] Ibid. P. 404.
[520] Koch J. Op. cit. P. 419.
[521] Намазова А.С. Бельгийская революция 1830 года. М., 1979. С. 47.

французский язык в бельгийских провинциях в качестве официального во изменение указа 1822 г. о едином нидерландском языке в Объединенном королевстве. Ситуацию усугубил очередной неловкий и непродуманный жест короля – 21 июня 1830 г. он выпустил указ о создании нового высшего судебного органа Объединенного королевства – Верховного суда, который было решено разместить в столице Северных Нидерландов – в Гааге. В результате фактически все важнейшие госучреждения Объединенного королевства оказались на то время расположенными в Северных, а не Южных Нидерландах, что не могло не разгневать бельгийцев[522].

Разразившаяся в конце июля 1830 г. новая французская революция послужила мощным стимулом к действию для готовых бороться за свою независимость бельгийцев. 3 августа 1830 г. секретарь российской дипмиссии в Гааге Ф. Голицын[523] писал в Петербург: «Катастрофические новости из Франции произвели здесь, и особенно в южных провинциях, то чувство, которое …невозможно описать…. Король и принцы сильно пострадали от событий, которые только что произошли во Франции. Принц Оранский …дал понять мне, что независимо от его интереса к делу Бурбонов, он опасается, что …переворот во Франции может поставить под угрозу мир в Нидерландах и принести неисчислимые несчастия этому королевству»[524].

Направляясь 8 августа 1830 г. из Гааги в Брюссель, где полным ходом шли приготовления к его 58-летию, Виллем I и представить себе не мог, что на следующий день после его Дня Рождения, 25 августа в столице Южных Нидерландов начнется вооруженное восстание.

Проанализировав содержание диалога между правящими династиями России и Нидерландов в период до начала Бельгийской революции, мы можем утверждать, что с самого начала образования Объединенного королевства

---

[522] Koch J. Op.cit. P. 445.

[523] Голицын Федор Александрович (1805 – 1848) – князь, дипломат, секретарь российской миссии в Нидерландах в 1830-1833 гг. 1833 – 1841 гг. – состоял при русской миссии в Риме в чине коллежского асессора. Его прадед, князь Голицын Михаил Михайлович (1684 – 1764), обучался морскому делу в Голландии и Великобритании, за что был лично отмечен Петром I.

[524] Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 10. Hoofdstuk V. P. 389.

Нидерландов Александр I, а позднее и Николай I придавали большое значение интенсивному личному диалогу с королем и принцем Оранскими. Стараясь содействовать укреплению Нидерландского государства и обеспечивая интересы Венской системы и российские государственные интересы, оба императора действовали главным образом через наследника нидерландского престола, давая ему необходимые советы по внутри- и внешнеполитическим вопросам, формируя тем самым характер будущего короля дружественных России Нидерландов. Для принца Оранского и Виллема I поддержка России как гаранта их легитимной власти в период становления Нидерландского королевства была очень ценна. Тем не менее близкие родственные отношения правящих династий Романовых и Оранских не смогли остановить деградацию внутриполитической обстановки в Нидерландах к концу 1820-х гг., усиление раскола между Северными и Южными Нидерландами (Бельгией) и приближение революции в королевстве, явившейся в том числе следствием ошибок Виллема I в его внутренней политике, которую тот проводил нередко в ущерб своим бельгийским подданным. Ситуацию в Нидерландах ухудшали также постоянные конфликты между Виллемом I и его старшим сыном – героем Ватерлоо, к популярности которого в королевстве монарх относился весьма ревниво. Несмотря на то, что подходы российских и нидерландского монархов к назревавшей революции в Нидерландах во многом отличались, они одинаково оценивали связь и природу революционных движений конца 20-х гг. XIX века во Франции, Бельгии и Царстве Польском: для них это являлось грубым покушением на установленный в Вене в 1815 г. легитимный порядок.

ГЛАВА 4. РОЛЬ ДИПЛОМАТИИ НИКОЛАЯ I В ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ НИДЕРЛАНДОВ В СВЯЗИ С БЕЛЬГИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1830 Г.

4.1. Политика Виллема I и его старшего сына и позиция Николая I в ходе Бельгийской революции

Ход Бельгийской революции, которая, помимо Брюсселя, захватила и другие города южнонидерландских провинций, детально и довольно обстоятельно описан в работах А.С.Намазовой «Бельгийская революция 1830 года.» (1979); «Бельгия: Эволюция государственности в XVIII – XX веках.» (2008). В нашем исследовании мы главным образом остановимся на интересующих нас аспектах, а именно через корреспонденцию между домами Романовых и Оранских сравним интересы правящих домов России и Нидерландов в ходе всего бельгийско-голландского конфликта, а также позднее, во время Лондонской конференции 1830 – 1832 гг., на которой судьба Бельгии как независимого государства была решена дипломатическим путём.

Необходимо отметить, что бельгийская оппозиция была настроена весьма решительно на борьбу и еще до приезда короля в Брюссель в начале августа 1830 г. там повсюду были расклеены листовки со следующим призывом: «Понедельник 23 августа – фейерверк, вторник 24-го – иллюминация, среда 25-го – революция»[525].

Своеобразным сигналом к началу восстания 25 августа 1830 г. послужил призыв «К оружию!» со сцены Брюссельского оперного театра из уст одного из героев оперы французского композитора Ф.Обера «Немая из Портичи». Сюжет оперы был взят из истории неаполитанского восстания под предводительством Мазанелло против испанского владычества в 1647 г. Этот возглас тот же час нашел живой отклик у зрителей и у собравшихся за пределами театра. После

[525] Koch J. Op.cit. P.449.

спектакля на театральной площади собрались толпы народа, раздались призывы: «Да здравствует свобода! До здравствует де Поттер[526]!» [527]

25 августа секретарь российского посольства Ф.Голицын в своем донесении князю Ливену, временно возглавлявшему имперское министерство иностранных дел вместо болевшего подагрой министра и вице-канцлера Российский империи Нессельроде, писал: «В Брюсселе …умы весьма возбуждены, группы, состоящие значительным образом из ремесленников и людей низшего класса, ходят ночью по улицам, громко кричат и напевают революционные мотивы…»[528]

Беспорядки в южной столице Нидерландского королевства продолжались целый следующий день. На улицах появились первые убитые и множество раненых[529]. Разъярённые толпы повсюду в Брюсселе срывали королевские гербы Оранских, а на ратуше уже было вывешено черно-желто-красное брабантское знамя вместо королевского нидерландского штандарта[530].

Сам король Виллем I, уже вернувшийся к тому времени в Голландию и лишь 27 августа узнавший о беспорядках на юге своего королевства, провёл 28 августа в Гааге кризисное совещание, по итогам которого направил обоих сыновей – принцев Виллема и Фредерика – в Брюссель для наведения порядка[531].

По прибытии в Бельгию 1 сентября принц Виллем, лично убедившись в том, что горожане ожесточены против Оранских, и увидев, что в Брюсселе возводятся баррикады, принял решение встретиться с представителями восставших. Эта группа бельгийцев уже вернулась из поездки в Гаагу к Виллему I, где ему были предъявлены политические требования об отделении Бельгии от Голландии,

---

[526] Луи Жозеф Антуан де Поттер (1786 – 1859) – видный бельгийский журналист, публицист, политический деятель, участник Бельгийской революции 1830 г. С 1811 г. проживал в Италии. В середине 1820-х гг. вернулся в Нидерланды, г.Брюгге. Затем жил в Брюсселе. В 1828 г. был приговорен к 18 месяцам тюрьмы за протест против действий нидерландского правительства. В апреле 1830 г. решением суда в Брюсселе был приговорён к 8 годам изгнания из страны. Во время изгнания находился в Швейцарии, затем, во Франции – Париже и Лилле. Во время Бельгийской революции 28 сентября 1830 г. возвратился в Бельгию, был с восторгом принят в Брюсселе восставшими бельгийцами и стал членом Временного правительства. Был сторонником превращения Бельгии в республику, но не нашел поддержки у коллег по правительству и в феврале 1831 г. вместе с другими приверженцами республики бежал во Францию. Вернулся в ставшее независимым королевство Бельгия в конце 1838 г.

[527] Намазова А.С. Бельгийская революция. М., 1979. С. 61.

[528] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 394.

[529] Koch J. Op.cit. P.453.

[530] Zanten J. van. Willem II. P.310.

[531] Ibid. P. 311.

однако король отказался пойти навстречу восставшим[532]. Один из руководителей этой группы бельгийцев – адвокат Александр Жандебьен[533] – был хорошо знаком принцу Оранскому еще по Брюссельской масонской ложе, которую и он, и его брат принц Фредерик посещали в 1815 – 1817 гг. На предложение Жандебьена «возглавить Бельгию в качестве вице-короля, а еще лучше в качестве короля»[534] Виллем ответил отказом, и бельгийские переговорщики уехали от него ни с чем[535].

После получения прямых угроз о возможности нападения на его брюссельский дворец 3 сентября принц Оранский с сопровождающими покинул город. Несмотря на то, что Виллем не выполнил поставленной перед ним королём задачи, он утешался мыслью, что «у его потомков никогда не будет повода сказать, что он сорвал корону с головы отца»[536].

1 сентября 1830 г. Анна Павловна из Гааги написала брату Николаю I, что зарождавшийся конфликт с бельгийцами может перерасти в национальную войну: «События …слишком ужасны, чтобы писать о них… Они …могут однажды принять форму национальной войны. … Сейчас речь идет о зарождающемся конфликте, …представляющем в этот момент угрожающее всем зло…»[537]

Из письма Голицына Ливену из Гааги 1 сентября становится очевидным, что российские дипломаты уже тогда прекрасно понимали характер вспыхнувшего восстания, отмечая желание бельгийцев свергнуть Оранских. Секретарь русской дипмиссии утверждал, что происходившие на Юге королевства события «нельзя более рассматривать как народное возмущение, но как настоящую революцию…

---

[532] Ibid. P. 313 – 314.

[533] Александр Жандебьен, с фр. Alexandre Gendebien (1789 – 1869) – адвокат, политик, бельгийский государственный деятель. Изучал право в Лейденском университете (Нидерланды), работал адвокатом в Брюсселе. Демократ и республиканец, до Бельгийской революции был хорошим знакомым принца Оранского. Сотрудник оппозиционного издания «Courrier des Pays-Bas», защищал видного бельгийского оппозиционера Луи де Поттера. Во время революции 1830 г. был членом Национального конгресса и Временного правительства, министром юстиции, потом президентом Верховного суда Бельгии. В бельгийской историографии нередко именуется «Отцом Отечества» (“Vader des Vaderlands”).

[534] Zanten J. van. Op.cit. P. 318.

[535] Ibidem.

[536] Ibidem. P. 319 – 320.

[537] Jackman S.W. Op.cit. P.120 – 121.

Народ почти весь вооружен. …Партия революции хочет только свержения трона…»[538]

Вернувшегося из Бельгии принца Оранского ожидал жёсткий выговор от короля за неспособность подавить бунт в бельгийских провинциях королевства. Серьёзной критике действия принца в Брюсселе подверглись и в голландских газетах. В качестве наказания король Виллем I приказал старшему сыну оставаться в Гааге, а восстановить порядок в южных провинциях своего королевства поручил младшему сыну принцу Фредерику[539]. Это крайне разозлило принца Оранского, и, полный разочарования, он написал царственному шурину Николаю I: «Я вынужден быть смиренным как сын и послушным как подданный»[540].

В следующем письме Николаю I от 9 сентября принц раскрывает русскому царю мысли короля насчет возможного решения «бельгийского вопроса»: «Мой отец …желает разделения двух больших частей королевства под одним скипетром, это необходимо, но достаточно сложно... Ты знаешь, что договоры связывают короля в этом вопросе, и прежде чем решить что-либо окончательно, мы должны будем договориться с нашими союзниками, создателями королевства…»[541] Тем временем революция захватывала все больше и больше бельгийских городов.

Сразу после чрезвычайной сессии Генеральных штатов в Гааге вернувшийся после отпуска к руководству российским посольством посланник Гурьев направил 17 сентября вице-канцлеру Нессельроде подробное донесение о бельгийских событиях и действиях нидерландского правительства. В отличие от тревожных депеш Голицына, Гурьев рисовал довольно обнадеживающую картину происходившего, предполагая скорейшее восстановление порядка в Объединенном королевстве Нидерландов во избежание всеобщей европейской войны: «Руководствуясь основным законом, …правительство отклонило

---

[538] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 469, д.43. Л. 68.
[539] Zanten J. van. Op. cit. P. 320 – 322.
[540] ГАРФ. Ф.728. Опись 1. Дело 1466-4. Принц Оранский – Николаю I, 9 сентября 1830 г.
[541] Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 10. Hoofdstuk V. P. 394 – 395.

требования мятежников. …Имеется полная надежда, что порядок и спокойствие будут вскоре восстановлены …Таким образом …был бы дан пример правительствам, которым грозят те же опасности, а может быть, и всеобщая война с Европой, правда пока еще отдаленная»[542].

Как покажут дальнейшие события, посланник императора России в Гааге ошибался в отношении скорого завершения беспорядков. Потребуется еще немало лет и усилий, в том числе российской дипломатии, прежде чем между Нидерландами и Бельгией вновь воцарится мир.

Бельгийская революция и последовавшая за нею вооруженная борьба между Бельгией и Голландией не могли не затронуть других европейских держав. Как писал советский историк, профессор А.И. Молок, «С осени 1830 г. и до конца 1831 г. бельгийский конфликт стал одним из центральных вопросов европейской дипломатии. Географическое положение Бельгии (её близость и к Франции, и к Германии, и к Англии) делало её территорией, где скрещивались и сталкивались противоречивые интересы «великих держав» Западной Европы. С другой стороны, отделение Бельгии от Голландии в результате революционного восстания означало новый удар по венским трактатам 1815 г., по всему зданию европейской реакции, по всей системе Священного союза… Вслед за Францией и Бельгия оказалась теперь под угрозой иностранной интервенции»[543].

Стремясь покончить с беспорядками, Виллем I отдал приказ своему младшему сыну – принцу Фредерику – войти в Бельгию во главе 14-тысячного войска и занять все крепости и города вокруг Брюсселя. Тем временем представители официальной нидерландской власти в Брюсселе, почувствовав опасность и слыша в свой адрес угрозы от бельгийцев, решили устраниться от вмешательства в беспорядки. Назначенный Виллемом I губернатор провинции бежал из Брюсселя в Гаагу, также поступили и многие другие чиновники магистрата[544]. 20 сентября голландские королевские войска во главе с принцем

[542] АВПРИ, Ф.Канцелярия МИД, оп.469, д.42, л.65 – 66.
[543] Журнал «Красный архив» № 1. 1941 г. С. 201 – 202.
[544] Намазова А.С. Бельгийская революция. М. 1979 г. С. 82.

Фредериком окружили Брюссель. На помощь восставшим бельгийцам прибыли добровольцы из городов Вавра, Боринажа, Шарлеруа, Льежа, Лимбурга и обеих Фландрий. Некоторые даже обезоружили кавалеристов из голландской армии»[545].

Утром 21 сентября мятежники решились на штурм брюссельской ратуши. Более 1500 человек, в основном из рабочих, ворвались в ратушу, взломали её двери с криками: «Да здравствует свобода! Долой изменников!» и выгнали из здания руководителей буржуазной гвардии и членов Комиссии общественной безопасности. После взятия ратуши народ собрался на центральной площади Брюсселя с призывами «забрать оружие у буржуазии». Считается, что в разоружении буржуазии приняли участие около 10 тыс. рабочих. Бельгийские нотабли, крупные буржуа, офицеры гвардии и члены Комиссии безопасности бежали большей частью во Францию. Власть перешла в руки Центрального собрания и руководителей волонтеров. Брюссельцы, вооруженные палками, пиками, пистолетами, саблями и ружьями, организовались по отрядам и распределяли посты.

Часть демократически настроенной буржуазии решила сформировать правительство, заменив распущенную Комиссию общественной безопасности. В состав Временного правительства вошли такие видные в те годы в Бельгии юристы, публицисты, дипломаты, как Ф. де Мерод, С. Ван де Вейер, Л. де Поттер, а также участник переговоров с Виллемом I, а позднее с принцем Оранским – А. Жандебьен. Между тем рабочие Брюсселя активно готовились к встрече с голландцами, стоявшими у ворот города. Повсюду возводились баррикады. На улицах Гента, Намюра, Брюгге начались кровопролитные бои[546].

24 сентября Анна Павловна в письме брату Николаю I выражала гордость действиями супруга и его брата принца Фредерика (Фрица) в Брюсселе, называя бельгийских мятежников «гнусным сбродом»: «Я пишу тебе в дни, которые станут решающими для этой страны и нашей семьи, поскольку Фриц направился с войсками в Брюссель для битвы с мятежниками… Пусть Господь благословит

[545] Намазова А.С. Бельгия: эволюция государственности в XVIII – XX веках. М., 2008. С. 124.
[546] Там же. С. 125 – 126.

этого достойнейшего брата и сбережет как можно больше невинных душ… Каков же был день, когда наш Виллем вошел в Брюссель!.. Думаю, это был самый лучший день в его жизни. Он покорил все честные сердца…, тогда как Фриц освобождает нас от гнусного сброда…»[547] Далее в письме Анна говорит о поддержке, которую она чувствует от голландцев в столь тревожный час, сравнивая её с поддержкой русского народа в дни Отечественной войны 1812 г.: «Я глубоко тронута проявляемой ко мне благосклонностью королевской семьи и преданностью голландцев ко всей семье. Это напоминает мне отношение к нам в Петербурге в 1812 году»[548].

В своем ответе на письмо сестры Николай I 28 сентября (10 октября) всецело одобряет решение Виллема I о направлении в Бельгию войск для подавления восстания: «Мы только что получили новость о решении короля направить против повстанцев армию; я воздаю хвалу Господу за это решение. Мы поддерживаем это решительное предприятие в наших молитвах, не только ради всех вас, но и ради каждого из нас…»[549].

Начало вооруженного восстания в Южных Нидерландах всего через месяц после июльской революции во Франции 1830 г. вызвало глубокое возмущение у Николая I, который, категорически отвергнув французскую революцию, теперь был разгневан неслыханной неблагодарностью бельгийцев в отношении их законного государя – своего родственника и союзника. С другой стороны, император осознавал, что и сам Виллем I был повинен в ожесточённых протестах бельгийцев. Как отмечал русский историк и дипломат Ф.Мартенс, «бельгийская революция была в глазах царя убедительнейшим доказательством в пользу необходимости энергичного противодействия четырёх великих союзных держав всякой революционной вспышке»[550].

25 сентября в Брюсселе произошло ожесточенное сражение между королевскими войсками и бельгийскими повстанцами. Число убитых голландцев

---

[547] Jackman S. Op.cit. P. 121 – 122.
[548] Ibidem.
[549] Ibidem. P. 122 – 123.
[550] Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций… Т.XI. Трактаты с Англией. СПб. 1895. С.437.

достигло 520, было много раненых. Восставшие потеряли более 400 человек. 26 сентября повстанцы приняли решение начать главную атаку на парк, где расположилась голландская армия. Однако, в ночь на 27 сентября случилось неожиданное: войска принца Фредерика, оставив свои позиции, отступили[551]. Принц писал отцу, что ему было больно видеть, как «солдаты его армии стали перебегать на сторону врага». Речь уже не шла о «небольшой группе мятежников… К бунтовщикам стали присоединяться не только рядовые бельгийцы, но и городская знать»[552].

Как писал Гурьев 28 сентября в своем очередном донесении в Санкт-Петербург, «С криком: «Свобода!» и с чувством ненависти против голландцев толпы бандитов предаются грабежу и насилию под руководством зачинщиков. …Дабы избежать напрасных потерь людей, принц принял решение удалиться с занимаемых им позиций»[553].

30 сентября, делясь своими переживаниями от поражения войска принца Фредерика и в то же время понимая причины отступления армии, Анна Павловна написала брату Николаю I очередное письмо. Её подробные размышления в письмах о ситуации в Нидерландах, о её видении причин Бельгийской революции, а также об отношениях внутри королевской семьи были хорошим подспорьем для императора, чтобы он мог судить об истинном положении дел в дружественном королевстве не только из официальных донесений своих дипломатов, но и из писем родной сестры, супруги наследника голландского престола. Анна писала: «Военный поход на Брюссель не принес желаемого результата, и наш милый, достойный Фриц счел необходимым отвести армию и сосредоточить свои войска в Мехелене… Его решение воздает справедливость его здравому смыслу…» Анна объясняет своему венценосному брату, что она всей душой на стороне своего супруга: «…Я с искренней радостью даю понять, насколько люблю Виллема, … и в эти дни несчастья выражаю свою привязанность ему и его семье».

---

[551] Намазова А.С. Бельгийская революция. М., 1979 г. С. 88. Также: Намазова А.С. Эволюция бельгийской государственности… С.127 – 128.
[552] Zanten J. van. Op. cit. P.323.
[553] АВПРИ, ф.Канцелярия МИД. Оп.469, д. 42. Л.81 – 82.

Характерными для писем великой княгини Николаю I во время Бельгийской революции являлись её постоянные обвинения в адрес российского посланника Гурьева и просьбы к брату отозвать его из Гааги: «Граф Гурьев почти все время проживал в Брюсселе, появляясь в Гааге лишь на короткое время, …голландцы испытывают к нему отвращение и недоверие, он всегда находился в лоне революционной партии в Брюсселе и …снискал здесь скверную репутацию… Я рассчитываю на твою дружбу и снова прошу тебя отозвать его…»[554]

Далее Анна размышляет о причинах бельгийского восстания: «Мы видим ужасные последствия случившегося, но истинные причины нам пока неведомы. Лично я склоняюсь к мнению, что французы умело воспользовались бельгийским конфликтом, чтобы присвоить себе Бельгию». В заключение письма Анна напоминает венценосному брату, что и в этот момент их связь так же сильна, как и в далёком детстве, когда она вместе с великими князьями Николаем и Михаилом были частью созданного ими «союза трёх душ» – «Триопатии», и это определяет глубокую привязанность, которой проникнуты все письма Анны к любимому брату-императору Николаю: «Мое самое дорогое желание – быть достойной сестрой для тебя, так как для меня значит многое быть частью Триопатии, и я молю Господа о помощи»[555].

Для восставших бельгийцев весть об отступлении королевских войск послужила сигналом к новым революционным выступлениям, которые охватывали все новые и новые города: Брюгге, Остенде, Монс. Войска принца Фредерика отошли к Антверпену[556].

Центром революционных выступлений народных масс по-прежнему оставался Брюссель. Созданное там 26 сентября пятое по счету Временное правительство выпустило очередную прокламацию к бельгийцам, призывавшую к открытой борьбе: «Ненавистный режим …слишком долго вас угнетал. Бравые

---

[554] Jackman S.W. Op.cit. P.123 – 126.
[555] Ibidem.
[556] Намазова А.С. Бельгийская революция. М., 1979 г. С. 90.

солдаты! Настал час освободить наш народ от гнета, которым давила нас эта вырождающаяся нация… имя бельгийца отныне …будет символом славы»[557].

Ухудшавшаяся обстановка и разраставшееся революционное движение в южных провинциях Объединенного королевства Нидерландов побудили короля Виллема I, осознавшего неспособность самостоятельно справиться с революцией, обратиться 2 октября 1830 г. за военной помощью к четырем великим державам Европы – России, Англии, Австрии, Пруссии. Король посчитал необходимым обратиться ко всем четырем союзникам, поскольку именно они – державы-гаранты – добились на Венском конгрессе объединения Бельгии с Голландией в единое Нидерландское королевство, отводя ему роль государства-барьера на границе с Францией[558].

В своем письме, адресованном Николаю I, Виллем I отмечал, что «смута в Бельгии далеко еще не достигла своего предела, и несмотря на предпринятые меры, размеры бедствия сделали эти усилия бесплодными». Король подчеркивал, что его просьба о военной помощи касается не только его собственных интересов, но и интересов всей Европы, утверждал, что, предоставленное самому себе, «восстание в королевстве явится …не менее серьезной опасностью, …оно парализует назначение Нидерландов в европейской системе, а …присутствие союзных войск на территории Нидерландов можно будет согласовать с сохранением общего мира»[559].

С целью прозондировать позицию своих союзников Австрии и Пруссии относительно возможности совместных военных действий Николай I направил в

---

[557] АВПРИ. ф.Канцелярия МИД. Оп.469. Д. 42. Л.113 – 114.
[558] Намазова А.С. Эволюция бельгийской государственности. М., 2008. С. 148. Также: Zanten J. van. Op.cit. P. 323.
[559] АВПРИ, ф.Канцелярия МИД. Оп.469, д. 52. Л.96 – 97; Colenbrander H.T. Op. cit. Hoofdstuk X. P.396 – 397; Журнал «Красный архив» № 1. 1941 г. С. 217 – 218.

Вену своего генерал-адьютанта графа А.Ф.Орлова[560], а в Берлин – генерала-фельдмаршала И.И. Дибича-Забалканского[561].

По сообщению графа Орлова, австрийский император, ссылаясь на «географическое положении» своей страны отвечал, что «мог бы оказать Голландии только моральную поддержку». Слабость австрийской армии и необходимость держать в верхней Италии, оказавшейся в этот момент подверженной революционным волнениям, сильные гарнизоны исключали всякое участие монархии Габсбургов в войне против бельгийцев[562].

В отношении Пруссии 30 сентября (12 октября) 1830 г. Нессельроде в докладе императору писал: «Документы доказывают нам, что графу Дибичу не удалось побудить Пруссию к изолированному воздействию на Бельгию, которое она считает …слишком компрометирующим по отношению к Франции, чтобы согласиться подвергнуться риску подобной комбинации. С другой стороны, она признает необходимость совместного выступления четырех держав…»[563].

К данному докладу Николаем I была сделана собственноручная приписка, в которой государь осознает приближение к его союзным государствам угрозы революции и выражает решимость ответить Франции в случае ее вооруженного вмешательства в бельгийский конфликт, побуждая «пассивных» союзников к совместным действиям: «Нет возможности отступать; взять инициативу – это вопрос нашей чести; следует поэтому …изготовить ноту трем правительствам, настаивающую на необходимости воздвигнуть вооруженный барьер против угрожающей все воспламенить революции, а для этого я, кроме причитающегося с меня контингента, двину 150 тыс. человек, которые перейдут границу, как

---

[560] Орлов Алексей Федорович (1786 – 1861) – граф, дипломат, русский государственный деятель, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Сын графа Федора Григорьевича Орлова (1741 – 1796), одного из трех братьев Орловых, в 1762 г. сыгравших ключевую роль в возведении императрицы Екатерины II на российский престол. Выполнял особые поручения императора в Константинополе, Вене, Гааге. Шеф жандармов (1845 – 1856), стал управляющим 3 отделения Его Императорского Величества канцелярии после А.Х.Бенкендорфа. Любопытно, что старший сын графа А.Ф. Орлова Николай (1827 – 1885), генерал-адъютант при императоре Александре II, станет послом России при Бельгийском дворе (1859 – 1869).

[561] Намазова А.С. Эволюция бельгийской государственности. С.155

[562] Намазова А.С. Бельгийская революция. М., 1979. С.123

[563] ВПР. Том XVII. С. 103; Журнал «Красный архив» № 1. 1941 г. С. 222.

только хотя один француз вступит в Бельгию. …Надо подтолкнуть наших союзников, так как они сами идти не хотят»[564].

4 октября 1830 года в Брюсселе Временное правительство провозгласило независимость Бельгии и назначило выборы в Национальное собрание, которое с 10 ноября должно было собраться для обсуждения дальнейшей судьбы своего государства[565].

В это время Виллем I, назначивший старшего сына генерал-губернатором правительства Бельгии и отправив его в Антверпен, издал 5 октября очередную жесткую и строгую прокламацию, свидетельствующую о том, что он был полон решимости бороться с бунтовщиками, призывая своих подданных браться за оружие[566]. В ней король призывал: «К оружию! По настоятельной мольбе вашего государя. К оружию! …Мы призываем …приступить немедленно к мерам всеобщего вооружения путём скорейшего набора волонтеров»[567].

Прокламация Виллема I вызвала среди голландцев широкий отклик. Во многих городах северных провинций стали собирать пожертвования в пользу добровольцев. В Гаагу и Амстердам отовсюду прибывало множество волонтеров для борьбы с повстанцами. Но и ряды бельгийских мятежников стали пополнятся: на помощь им в Бельгию устремились эмигранты из Парижа, а также из Лондона[568].

В тот же день, 5 октября, из Антверпена со своей прокламацией к бельгийцам обратился принц Оранский, заявив о намерении нидерландского короля сформировать свое Временное правительство в Бельгии, пообещав восставшим уступки[569], а на следующий день направил членам Временного правительства в Брюссель приглашение приехать к нему в Антверпен для обсуждения вопросов взаимодействия. Однако на этот раз бельгийцы не пожелали

---

564 Там же.
565 Zanten J. van. Op. cit. P.323.
566 Намазова А.С. Эволюция бельгийской государственности. М., 2008. С. 134.
567 Zanten J. van. Op. cit. P.324.
568 Намазова А.С. Указ.соч. С. 134.
569 Намазова А.С. Бельгийская революция. М., 1979. С. 99.

общаться с ним, потребовав для начала диалога полностью вывести голландские войска с территории Бельгии[570].

Рассерженный этим отказом принц Виллем решил действовать жестче в отношении бельгийских провинций и написал 11 октября отцу в Гаагу письмо, в котором призвал короля позволить ему захватить власть в Бельгии, заявляя о неизбежности в противном случае большой войны, просил дать ему возможность «воспользоваться моментами, которые могут представиться для захвата власти в этих провинциях, не имеет значения, каким образом». Принц прямо заявил королю, что знает, как остановить эту революцию в своей стране: «Я считаю это делом европейской важности… Если я возьму власть, мир будет сохранен; если я этого не сделаю, европейская война неизбежна»[571].

С этим предложением сына король с большой неохотой согласился, хоть и призвал его «не питать иллюзий насчет безусловного унаследования всего Объединенного королевства». Он предупредил принца, что «в своем стремлении завоевать популярность на Юге королевства, принц лишится расположения жителей северных провинций»[572].

Позиция Российской империи в разрешении бельгийского конфликта и возможности предоставления Нидерландам военной помощи была обозначена в очередном докладе вице-канцлера Нессельроде Николаю I от 3 (15) октября 1830 г., где вице-канцлер изложил свои соображения насчет двойной задачи России: «…Предстоит выполнить двойную задачу – *подавить восстание* в Бельгии и *не допустить* того, чтобы их *(мятежников – Ю.Б)* действия *вызвали всеобщую войну*. Между тем эта двойная цель может быть достигнута лишь при условии, что такие действия будут достаточно хорошо согласованы, чтобы устрашить французских революционеров и осуществятся в тот момент, когда Англия примет в них участие. …Контингент численностью в 60 тыс. человек, который каждая из союзных держав обязана выставить на случай войны с

[570] Zanten J. van. Op.cit. P. 326.
[571] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 405.
[572] Zanten J. van. Op. cit. P. 327.

Францией, был установлен Парижским договором и Ахенским протоколом. Его можно было бы уже сейчас сосредоточить на наших границах, чтобы поддержать в случае надобности операции прусской и английской армий, если эти две державы попросили бы об этом…»

К этому докладу имеется примечание Николая I: «Я полностью одобряю Ваше предложение, но мне кажется, что следует немедленно сообщить нашим союзникам о моем намерении привести в движение свой контингент в самый кратчайший срок… Из писем короля и Вильгельма Вы увидите, сколь велико их желание, чтобы наши войска выступили как можно быстрее»[573]. Такая реакция императора указывала на его изначально твердое намерение помочь своему голландскому королевскому родственнику, невзирая на позицию союзников.

С целью как можно скорее осуществить отправку своих войск к западным границам Российской империи Николай I направил 5 (17) октября 1830 г. рескрипт управляющему Главным штабом и Военным министерством А.И.Чернышёву с предписанием начать широкомасштабные военные приготовления в Империи и Королевстве Польском[574], а также 6 (18) октября 1830 г. личное письмо брату, великому князю Константину Павловичу – наместнику Царства Польского, о своем намерении «выделить для этой цели 60-тысячную армию, как это предусмотрено договорами 1814 – 1815 гг., сформировать её на основе войск, находящихся в распоряжении цесаревича», а самого Константина Павловича назначить «главнокомандующим этими силами»[575].

Тем временем, в надежде вернуть к себе расположение жителей бельгийских провинций и погасить разгоравшийся конфликт, 16 октября 1830 г. принц Оранский выпустил из Антверпена очередную прокламацию, в которой открыто признавал бельгийцев «независимой нацией», выражал готовность «встать во главе национального движения, которое приведет …к новому положению дел, при котором силу будет составлять национальность... С вами

---

[573] ВПР. Т.XVII. Док.26. С.103 – 105.
[574] Там же. С. 106.
[575] Там же.

говорит тот, кто проливал свою кровь за независимость ваших регионов и кто сейчас хочет объединиться с вами для основания вашей политической независимости»[576].

Такой беспрецедентный шаг принца навстречу бельгийским повстанцам вызвал полное смятение и недоумение не только в Нидерландском королевстве, но и среди союзников, в том числе у Николая I, собиравшего в этот момент войска на битву с теми, кому наследник нидерландского престола неожиданно для всех пообещал «политическую независимость»[577].

Кроме того, сами бельгийцы не оценили этого жеста принца Оранского. Во Временном правительстве в Брюсселе отреагировали так: «Революция была совершена народом. И тот же народ выгнал голландцев с бельгийской земли. Только народ, а не принц Оранский»[578].

На следующий день после издания прокламации, 17 октября принц попытался объяснить в письме Николаю I мотивы своего поступка, подчёркивая своё желание избежать большой войны: «…К сожалению, необходимо идти на компромисс с революцией, признать её и направить в мою пользу… Я готов пожертвовать собой, если таким образом смогу умиротворить эти провинции, избежав всеобщей войны»[579].

Получив 18 октября в Гааге копию скандальной прокламации своего старшего сына, король Виллем I объявил её недействительной и отстранил принца от должности генерал-губернатора бельгийских провинций, заявив на открытии заседания Генеральных штатов, что «его сын и наследник тоже встал в ряд тех, кто сбился с пути»[580]. Узнав об этом, принц возмутился до глубины души и 21 октября 1830 г. в письме супруге Анне Павловне указал, что король был в курсе его намерений и действий в Антверпене: «…Теперь король умывает руки, изображая полное неведение. …Всё это доставляет мне огромную боль, поскольку

[576] АВПРИ. Ф.Канцелярия МИД. Оп. 469, д.42, л.137.
[577] Zanten J. van. Op. cit. P.327.
[578] Ibidem.
[579] H.T.Colenberander. Op.cit. P. 404 – 405.
[580] Zanten J. van. Op. cit. P.328.

его слова …не соответствуют истине»[581]. То, что король поступил нечестно по отношению к сыну, сообщила и Анна Павловна в письме царственному брату от 19 октября: «Самое тревожное то, что король решил скрыть от общественности своё решение позволить Виллему возглавить Бельгию»[582]. К тому времени в истории уже был прецедент такого решения: Португальская империя в результате революции 1820 г. была разделена между отцом-королем Жуаном VI (за которым осталась Португалия) и сыном, принцем Педру (который возглавил Бразилию, где велась антипортугальская освободительная война, и впоследствии стал императором Бразилии Педру I). Такое двойственное и неискреннее поведение нидерландского короля[583] впоследствии изменит отношение к нему Николая I, уверенного в том, что Виллем I скомпрометировал своего сына и способствовал ухудшению отношения к нему в Нидерландах и Бельгии.

Тем временем в Антверпене после прокламации принца беспорядки усилились, и комендант городской крепости, голландский генерал Шассе[584] объявил осадное положение. Принц Оранский был вынужден покинуть Антверпен, который позже был взят повстанцами[585]. Об этом 29 октября Виллем написал Николаю I: «Захват Антверпена – самый тяжелый удар, который нам когда-либо приходилось выдерживать, я предвижу, что эта неожиданная победа повстанцев придаст новую энергию их воинственному настрою, и полагаю, что …они пойдут в наступление на Бреду»[586].

Находясь в Виллемсдорпе[587], Виллем получил от отца письмо с указанием отправляться в Лондон, о чем также написал царственному шурину: «Я

---

[581] KHA-G54-67. Принц Орански й – Анне Павловне. 22 октября 1830 г.
[582] Jackman S.W. Op.cit. P.128.
[583] Hermans D. en Hooghiemstra D. Ooggetuigen van de koningen van Nederland. 2008. Amsterdam. P.154.
[584] Давид Хендрик Шассе (1765 – 1849) – французский и нидерландский военачальник. Родился в Нидерландах, в 1781 г. стал лейтенантом, в 1787 г. капитаном нидерландской армии. С 1799 г. – на службе в Батавской республике. В 1810 году от Наполеона I Шассе получил офицерский крест ордена Почетного легиона, а король Голландии Людовик Бонапарт присвоил ему титул барона. В 1814 г. сражался во Франции против союзных войск, был тяжело ранен. После отречения Наполеона, Шассе с чином генерал-лейтенанта вернулся на голландскую службу. Во время Бельгийской революции в октябре 1830 г. защищал во главе голландских войск Антверпенскую цитадель от бельгийских мятежников. За это был произведен в генералы от инфантерии и получил от Виллема I большой крест ордена Нидерландского льва. После осады цитадели французами и бельгийцами в декабре 1832 г. был вынужден сдаться, подписав капитуляцию с маршалом Франции Э.Жераром.
[585] Zanten J. van. Op. cit. P.329. Намазова А.С. Бельгийская революция. 1979 г. С.101.
[586] Colenberander H.T. Op.cit. P. 411 – 412.
[587] Город, расположенный в 20 км к югу от Роттердама.

направляюсь в Англию, чтобы там дождаться развязки событий в моей стране, поскольку он не желал моего возвращения в Голландию, утверждая, что народ довольно сильно настроен против меня по причине моей прокламации от 16 октября…»[588].

Тем временем из доклада вице-канцлера Нессельроде от 8 (20) октября 1830 г. Николай I узнал об окончательном «отказе союзных держав от планов вооруженного вмешательства в бельгийские дела». В докладе впервые сообщается о предложении Великобритании переходить к решению бельгийского вопроса не военным, а дипломатическим способом на конференции представителей пяти великих держав. Нессельроде считает необходимым «принять данное предложение британского кабинета», отмечая, что в этом заключается «единственная возможность склонить герцога Веллингтона к содействию»[589].

В своей резолюции на полях доклада Николай I, разочарованный позицией своих союзников, назвал такое поведение англичан «трусостью Веллингтона», не готового «использовать оружие для выполнения своих обязательств». Несмотря на это российский император заявил, что «это не помешает, если представится случай, двинуться на помощь моему союзнику, хотя бы временно и одному, так как убежден, что мой пример увлечет других, или, по крайней мере, даст нам возможность погибнуть с честью. Я считаю, что буду там бороться не против Бельгии, а против всеобщей революции, которая все приближается скорее, чем все думают; она будет угрожать нам самим, если увидят, что мы дрожим перед нею»[590].

13 (25) октября 1830 г. из Твери[591] Николай I написал ответ Виллему I на его просьбу о военной помощи от 2 октября, выражая готовность выполнить взятые Россией на сей счет обязательства[592]. В письме он отмечал: «Интересы всех

---

[588] Colenberander H.T. Op.cit. P. 412.
[589] Красный архив. 1941. №1. С.223 – 225. ВПР. Т.XVII. С.108 – 109.
[590] Там же.
[591] В связи с начавшейся в России в то время эпидемией холеры император был вынужден отправиться из Санкт-Петербурга в Тверь, где он с семьей выдерживал карантин.
[592] ВПР. Т.XVII. С.122.

правительств и мир всей Европы затрагиваются событиями в Бельгии. Я без колебаний откликаюсь на призыв Вашего Величества и уже отдал приказ, чтобы были собраны необходимые войска». Однако, подобно самому Виллему I, который «счел мудрым обратиться за поддержкой ко всем союзникам», император высказал убеждение, что «лишь совместно с ними может осуществить вмешательство в интересах мира и общественного порядка», а «всякое изолированное выступление» с его стороны «не только не достигнет намеченной цели, но возможно нанесет реальный ущерб»[593].

Неожиданным для императора стал написанный в тот же день, 13 (25) октября из Варшавы ответ его старшего брата, великого князя Константина Павловича на поручение начать приготовления к сбору войск в Польше для помощи нидерландскому королю. Великий князь, что можно считать весьма смелым, охарактеризовал данное поручение Николая I как «неразумное и нецелесообразное», подчеркивая, что такие приготовления «привели бы в волнение всю Европу». Он прямо выразил императору свое мнение, что «вооруженное вмешательство в бельгийские дела также не было бы мудрой политикой для Пруссии, поскольку вызвало бы конфликт с Францией и «всеобщую войну». В заключение Константин Павлович заявил брату-императору, что «считает себя малопригодным на роль командующего российской армией в военное время»[594]. Позиция Константина Павловича станет одной из причин, по которой император впоследствии будет вынужден отказаться от своих первоначальных планов вооруженной помощи нидерландскому монарху в борьбе с бельгийцами.

19 (31) октября 1830 г. вице-канцлер Нессельроде направил донесение полномочному министру в Лондоне А.Матушевичу[595], содержавшее ответ

---

[593] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.269. Журнал «Красный архив». 1941. С.230. H.T.Colenbrander. Op.cit. P.410 – 411.
[594] ВПР. Т.XVII. С.122.
[595] Матушевич Адам Фаддеевич (1795 – 1842) – граф, российский государственный деятель, дипломат, тайный советник. С 1819 г. на службе в Коллегии иностранных дел Российской империи. В 1820 г. участвовал в Троппауском и в 1822 г. в Веронском конгрессах. С 1821 г. статский, а с 1822 г. действительный статский советник. В 1824 г. получил от императора Александра I титул графа Царства Польского. В 1829 г. произведен в тайные советники. В октябре 1830 г. был отправлен полномочным министром на Лондонскую конференцию. Будучи наряду с князем Х.А.Ливеном назначенным Николаем I официальным уполномоченным на Лондонской

императора на британские предложения о созыве дипломатической конференции по бельгийскому вопросу и привлечение Франции к этим переговорам. Николай I, изначально стоявший за военный путь решения этого вопроса, тем не менее, согласился на участие России на переговорах о «замирении Нидерландского королевства», объяснив, что делает это ради сохранения «единства со своими союзниками»[596]. Участие Франции было крайне важно, так как оно сковывало её переговорами, устраняя опасность революционного присоединения Бельгии к Франции, которая к тому времени уже перестала быть революционной, и в этом немаловажную роль сыграло утверждение у власти Луи-Филиппа – сторонника легитимности.

Об признаках изменения радикальной позиции французского кабинета в отношении «бельгийского вопроса», в том числе вследствие продемонстрированной союзными державами солидарности в своих взглядах и намерениях, свидетельствуют найденные автором материалы дипломатической переписки вице-канцлера Нессельроде с российскими посланниками в Париже и Лондоне. Так, граф Матушевич в донесении вице-канцлеру от 26 сентября (8 октября) 1830 г. из Лондона сообщал о суждениях относительно «бельгийского дела» британского премьер-министра герцога Веллингтона, предложившего «привлечь к мирному разрешению вопроса Францию», которая, несмотря на свои первоначальные намерения «оказать вооруженное сопротивление всякому вооруженному вторжению держав на территорию Бельгии», должна будет «отказаться от заявлений о недопустимости вооруженного вмешательства в конфликт». И данное «обещание от парижского кабинета в Лондоне уже было получено»[597]. Кроме того, депеши российского посла в Париже К.О.Поццо-ди-Борго от 27 сентября (9 октября) и 2(14) октября 1830 г., направленные графу Нессельроде, «позволяли сделать вывод о некотором смягчении позиции

конференции (1830 – 1832), сыграл ключевую роль в дипломатическом урегулировании бельгийско-голландского конфликта и выработке положений Лондонского трактата 1831 и 1839 гг. 1835 – 1837 гг. – чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Неаполе, с 1839 г. – в Швеции.

[596] ВПР. Т.XVII. С.128.

[597] ВПР. Т.XVII. С. 133. Также: АВПРИ. Ф.Канцелярия. Оп. 469. 1830 г. Д.139. Лл.150 – 172.

парижского кабинета в бельгийских делах»[598]. Последовавшие шаги французов явно подтверждали эту новую линию поведения Луи-Филиппа Орлеанского. В соответствии с письмом Поццо-ди-Борго графу Матушевичу от 26 сентября (8 октября), «английский посол в Париже Стюарт сообщил французскому министерству о согласии своего правительства со сделанными ему князем Талейраном предложениями об учреждении в британской столице дипломатической конференции представителей пяти держав по бельгийскому вопросу», упомянув также в этой связи «предложение министра иностранных дел Франции Моле насчет передачи Бельгии под управление наследного принца Оранского»[599].

В своей более поздней депеше от 20 ноября (2 декабря) 1830 г. из Парижа вице-канцлеру Нессельроде посол Поццо-ди-Борго отмечает, что «…причины для войны, проистекающие из этого серьёзного разногласия с Францией, устраняются, поскольку …Франция не только отказывается от намерения овладеть Бельгией или возвести на её трон французского принца, но и соглашается на провозглашение её государем одного из сыновей принца Оранского...»[600]. Кроме того, в конфиденциальной депеше от той же даты Поццо-ди-Борго подтвердил заверения французского кабинета в его «миролюбивых устремлениях и отсутствии каких-либо замыслов относительно присоединения Бельгии»[601].

В несекретной депеше вице-канцлера Нессельроде послу Поццо-ди-Борго от 26 ноября (8 декабря) 1830 г. сообщается об одобрении Николаем I нового внешнеполитического курса Парижа, «призванного положить конец пагубному влиянию революции на соседние страны», а также его удовлетворении «заверениями французского правительства в том, что оно хотело бы видеть на бельгийском троне принца Вильгельма Оранского или его сына»[602].

---

[598] ВПР. Т.XVII. С. 136.
[599] Там же. С. 137. Также: АВПРИ. Ф.Канцелярия. Оп. 469. 1830 г. Д. 202, лл. 55 – 71, 109 – 122 об., 125 – 128.
[600] ВПР. Т.XVII. С. 173 – 174. Также: АВПРИ: Ф.Канцелярия. Оп. 469. 1830 г. Д. 202, лл. 404 – 408 об.
[601] ВПР. Там же. С. 174. Также: АВПРИ: Ф.Канцелярия. Оп. 469. 1830 г. Д. 202, лл.393 – 395 об.
[602] ВПР. Там же. С. 176. Также: АВПРИ: Ф.Канцелярия. Оп. 469. 1830 г. Д. 84, лл.174 – 181.

2 ноября 1830 года по указанию отца-короля принц Оранский из Роттердама на корабле отправился в Англию[603], взяв с собой письмо Виллема I английскому королю Вильгельму IV[604], в котором нидерландский монарх обращает внимание на «опасное положение, сложившееся в Нидерландском королевстве в условиях …многочисленных волнений в его южных провинциях, а также просит содействия Англии в скорейшей выработке необходимых для приостановления движения бельгийских повстанцев мер и предупреждения возможных бедствий, связанных с этим»[605].

4.2. Защита интересов Нидерландов российскими полномочными представителями на Лондонской конференции (1830 – 1832)

В самом начале работы Лондонской конференции 23 октября (4 ноября) 1830 г. представители пяти держав (России, Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции[606]) приняли протокол с любопытной формулировкой, что конференция была созвана по просьбе короля Нидерландов (а не по инициативе Великобритании!): «представители пяти держав собрались по просьбе нидерландского короля, чтобы изыскать способ покончить с волнениями в Бельгии. Они пришли к выводу о необходимости установления перемирия между воюющими сторонами с отводом войск за линию, разделявшую территорию Нидерландского королевства в 1814 г.»[607]. Таким образом, благодаря совместным дипломатическим усилиям пяти крупнейших держав, в том числе России, военные действия на территории королевства Нидерландов были временно прекращены.

Тем не менее, по прибытии в Лондон принц Оранский заявлял 6 ноября 1830 г. в письме Николаю I, что только совместные военные действия крупных держав смогут подавить Бельгийскую революцию, иначе Европу ждёт большая

---

[603] Zanten J. van. Op. cit. P.329.
[604] Colenberander H.T. Op.cit. P. 412. Письмо принца Оранского императору Николаю I. 2 ноября 1830 г.
[605] Ibid. Hoofdstuk I. Письмо короля Виллема I королю Вильгельму IV. 1 ноября 1830 г.
[606] От России уполномоченными на Лондонской конференции были князь Ливен и граф Матушевич, от Англии – лорд Пальмерстон, от Франции – Талейран, от Австрии – Эстерхази и Вессенберг, от Пруссии – фон Бюлов.
[607] ВПР. Т.XVII. С. 129.

война: «…Здесь дела не столь радужны, …и у Англии нет в распоряжении армии, которая могла бы прийти к нам на помощь. …Идея войны сейчас является самой непопулярной в мире; однако я очень боюсь, что им не избежать её, … она будет ужасной»[608]. По всей видимости, принц имел в виду войну между Францией (вероятно, совместно с Бельгией) и остальными европейскими державами, которым пришлось бы вновь усмирять агрессивные притязания Франции.

Тем временем в Брюсселе на открывшемся 10 ноября Национальном конгрессе была единогласно признана независимость Бельгии, с сохранением связи между Люксембургом и Германским союзом. 22 ноября в качестве формы правления независимой Бельгии конгресс выбрал конституционную наследственную монархию, а 25 ноября депутаты Национального конгресса проголосовали за исключение Оранского дома «навсегда из числа претендентов на бельгийский престол»[609]. Как писал историк ван Зантен, «бельгийцы больше не хотели иметь ничего общего ни с Оранскими, ни с королем, ни с принцем»[610].

Несмотря на это, в ходе конференции в Лондоне кандидатура принца Оранского в качестве бельгийского короля считалась наиболее подходящей и для Франции (король Луи-Филипп даже выпустил по этому поводу отдельный меморандум), и для Великобритании (сменивший 22 ноября 1830 г. герцога Веллингтона новый премьер-министр Чарльз Грей в декабре того же года даже предложил принцу организовать в Бельгии «заговор оранжистов», что закончилось неудачей)[611], и, безусловно, для Николая I, считавшего сохранение бельгийского трона за Оранскими одной из своих главных задач в «бельгийском вопросе»[612].

Необходимо отметить, что позиция Николая I по вопросу оказания военной помощи нидерландскому королю подверглась весьма существенному изменению по сравнению с самым началом Бельгийской революции. Вынужденный

---

[608] H.T.Colenbrander. Op.cit. P.420 – 421.
[609] Zanten J. van. Op. cit. P. 331.
[610] Ibidem. P. 332.
[611] Ibidem. P. 337.
[612] Ibidem. P. 332.

согласиться на открытие Лондонской конференции, российский император уполномочил князя Ливена и графа Матушевича принимать в ней участие, «соблюдая интересы короля и в то же время …не позволяя допустить нарушения всеобщего мира»[613]. С самого начала бельгийско-голландского конфликта Николай I подчеркивал необходимость защиты интересов короля Виллема I, своего «союзника, друга и родственника». Однако, по словам Ф.Мартенса, «ход событий сокрушил все великодушные планы императора в пользу близкого его сердцу нидерландского короля»[614].

Одна из важнейших ролей в защите интересов нидерландского короля в Лондоне принадлежала, бесспорно, графу А.Ф.Матушевичу. Как утверждал Ф.Мартенс, несмотря на поставленную императором перед графом задачу помощи Виллему I, «для него на первом плане стояли интересы России, а они неотложно требовали … невмешательства силою оружия в бельгийские дела. Если общеевропейской войны не возникло из-за бельгийского вопроса и если император Николай I остановился вовремя в своем желании побороть всеобщую революцию силой, то в этом отношении заслуга графа Матушевича велика и неопровержима»[615].

На основании личных бесед с принцем Оранским в Лондоне зимой 1830 г. и известных ему достоверных фактов, граф Матушевич составил следующий план действий в бельгийском вопросе, который был в конце концов принят как Лондонской конференцией, так и одобрен, после преодоления больших затруднений, императорским правительством. Свои мысли Матушевич сперва изложил в частном письме вице-канцлеру графу Нессельроде от 3 (15) ноября 1830 г. «…Ни Англия, ни Австрия, ни Пруссия не намерены вмешиваться. Почему это должна сделать Россия?.. Голландия больше и слышать не хочет о своем прежнем соединении с Бельгией. …Спрашивается, неужели Россия должна навязывать голландцам порядок вещей, который им ненавистен? Меня спросят:

---

[613] ВПР. Т.XVII. С.131 – 132.
[614] Мартенс Ф. Указ. соч. Т.XI. Трактаты с Англией. СПб. 1895. С.438 – 439.
[615] Там же. С. 441.

что следует делать? …*Во-первых* – противопоставить беспорядку единственное средство, дающее некоторый луч надежды. *Во-вторых*, спасти Бельгию от Франции и Голландию от Бельгии. Средство заключается в содействии избранию принца Оранского на престол Бельгии. …Средство же для спасения Бельгии от Франции и Голландии от Бельгии было бы следующее: пять держав гарантируют сообща, посредством протокола или трактата, существование Бельгийского королевства и объявляют, что ….они гарантируют равным образом Голландию от всякого нападения со стороны Бельгии…»[616] Этот план Матушевича получил, в главных своих частях, осуществление в Лондонских трактатах 15 ноября 1831 г. и 19 апреля 1839 г., определивших международное положение независимой Бельгии и её границы.

Несмотря на то, что мысль графа о воцарении принца Оранского на бельгийский престол совсем не реализовалась, есть полные основания считать, что большинство положений этих важнейших для Нидерландов и Бельгии документов XIX века – продукт кропотливого труда российских уполномоченных, а именно графа Матушевича. Как отмечает Ф.Мартенс, «Его заслуга …состояла также в том, что большая война в Европе, которую считали весьма возможной и Оранские, и Николай I, не наступила, и Россия не пожертвовала жизнью ни одного из своих сынов для возвращения бельгийцев под власть голландского короля…»[617]

Свое отношение к действиям короля и принца Оранского в ходе Бельгийской революции выразил Николай I в письме сестре Анне Павловне от 16 (28) ноября, считая отправленного в Лондон принца пострадавшим от лицемерной политики отца: «Король …так жестоко и бессмысленно скомпрометировал...своего сына. Ошибки Виллема гораздо менее серьезны и простительны в глазах тех, которые, как и я, знакомы с обстоятельствами, в которых он, по вине короля, вынужден был маневрировать...»[618] Далее российский

---

[616] Там же. С.441 – 442.
[617] Там же. С.442.
[618] Jackman S.W. Op.cit. P.135.

император делится со своей сестрой своим мнением о голландско-бельгийском конфликте: «То, что произошло в вашей стране, ужасающе, и я действительно не знаю, чему надо удивляться больше, пагубным решениям правительства или глупости и смелости мятежников…»[619]

К концу ноября 1830 г. Николаю I стало очевидно, что из глав крупных держав он остался единственным, кто был готов двинуться со своей армией на помощь Нидерландам. Несмотря на то, что его приближенные (министр финансов Е.Ф.Канкрин (1774 – 1845), вице-канцлер Нессельроде, а позднее даже военный министр А.И.Чернышев) все чаще напоминали императору о тяжелом финансовом положении в империи и невозможности роста расходов на содержание армии, он продолжал настаивать на военном содействии Виллему I[620]. Последнюю точку в этом вопросе поставило вспыхнувшее 17 (29) ноября 1830 г. в Царстве Польском Российской империи вооруженное восстание, окончательно расстроившее первоначальные планы императора оказать военную помощь нидерландскому монарху[621]. Считается, что одним из побудительных мотивов мятежа в Польше стало то, что поляки узнали о намерении Николая I использовать польский контингент для усмирения восставших в Бельгии. Разъярённые мятежники напали в Варшаве на Бельведерский дворец Константина Павловича, царского наместника в Польше, и великий князь, спасаясь от расправы, бежал из польской столицы[622].

Как отмечал Ф.Мартенс, «это неожиданное событие всецело поглотило внимание императора Николая: революция в недрах самой России парализовала русскую политику в «бельгийском вопросе» и остановила её от опасных демонстраций против западноевропейских революционеров»[623].

Кроме того, к концу 1830 года сам российский император пришел к выводу, что Россия не должна больше проливать кровь своих солдат ради восстановления

---

[619] Ibidem.
[620] Шильдер Н.К. Император Николай Первый. СПб: Издание А.С.Суворина, 1903. В 2-х томах. Том 2. С. 322.
[621] Намазова А.С. Бельгия: эволюция государственности в XVIII – XX веках. М., 2008. С. 158.
[622] Шильдер Н.К. Указ.соч. Т.2. С. 322, 324.
[623] Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций… С.442.

территории других, пусть даже дружественных государств, тем более, если в сложившемся внутреннем кризисе повинны их суверены. Свою позицию, в том числе касательно бельгийского вопроса, Николай I отразил в конце 1830 г. в особой записке, которую назвал «Исповедь» («Ma confession»): «…Мы признали факт независимости Бельгии, так как король Нидерландов сам признал его… Не будем, однако, скрывать нашего явного неодобрения двойственному и фальшивому поведению короля… В опасный момент мы всегда будем готовы поспешить на помощь тем из наших союзников, которые вернутся к нашим принципам, но …и в обратном случае, Россия никогда не станет жертвовать ни сокровищами своими, ни драгоценной кровью своих солдат… Моя исповедь… серьёзна, решительна, она ставит нас в новое положение – пусть изолированное, но …почтенное и нас достойное»[624].

Когда польское восстание было уже в полном разгаре, императорское правительство письмом вице-канцлера Нессельроде от 4 (16) декабря 1830 г. дало следующую инструкцию своим обоим уполномоченным на Лондонской конференции. Им было поручено: 1) добиваться сохранения владения Бельгии за Нассауским домом; 2) согласиться на полное отделение Бельгии от Голландии, потому что этого формальным образом желает нидерландский король и 3) ни в каком случае не соглашаться на вступление на бельгийский престол представителя отличной династии от Оранской, владевшей Бельгией на протяжении 15 лет. …Если же конференция выскажется в смысле желания бельгийцев, т.е. в пользу иностранного принца, в таком случае Государь примет «с глубокой печалью» такое решение и даст своим уполномоченным новые инструкции»[625].

Эта декабрьская инструкция вице-канцлера вполне подтверждает огромную перемену, происшедшую в короткое время во взглядах императора Николая I. В инструкции уже ни слова не говорится о вооруженном вмешательстве России или Англии в бельгийские дела, а факт полного отделения Бельгии от Голландии

---

[624] Красный архив. 1941. №1. С.245; Шильдер Н.К. Указ.соч. С. 311.
[625] Мартенс Ф. Указ.соч. Т.XI. Трактаты с Англией. СПб. 1895. С.442 – 443. Также: ВПР. Т.XVII. С.191 – 192.

признается уже вполне возможным. Как утверждал Ф. Мартенс, «Граф Матушевич мог быть доволен результатом своего благотворного влияния на свое правительство»[626].

4 (16) декабря в письме сестре Анне Павловне Николай I делился своими мыслями о разразившемся восстании в Польше, четко обозначив свою принципиальную позицию в отношении к какой бы то ни было революции: «Вот революция …достигла и нас, что я уже предвидел, …и ты уже знаешь, что произошло в Польше… Наши войска наступают; через несколько недель я присоединюсь к ним; остальное известно только Небу …и я заранее покоряюсь этому. Мои же принципы неизменны, и я лучше умру, чем пойду на компромисс с революцией…»[627].

Ввиду явного бессилия Австрии и Пруссии и безрассудства войны с Францией, возвратившийся из России в Лондон князь Ливен вместе с графом Матушевичем в донесении вице-канцлеру Нессельроде от 12 (24) декабря детально обосновывали своё видение решения «бельгийского вопроса», критикуя позицию нидерландского монарха в ходе конфликта, подчеркивая, что «России остался выбор только между двумя альтернативами: или идти *вместе с Европой* и признать факт отделения Бельгии от Голландии, или же идти *против Европы* и одной начать войну, ближайшим результатом которой должен быть захват Бельгии Францией. …Другого выбора быть не может, благодаря в особенности безрассудному образу действия самого нидерландского короля, который сам пожелал перемирия, а потом опять от него отказался, …вызывая таким образом всех против себя…»[628].

Как отмечал Ф. Мартенс, «Имея в виду, что сами голландцы тяготятся своим соединением с Бельгией, что нельзя держать в тесном союзе два народа, которые такого союза не желают, и что всякая попытка заставить бельгийцев силой оружия возвратиться под власть нидерландского короля заставила бы их броситься в

---

[626] Мартенс Ф. Указ.соч. С. 443.
[627] Jackman S.W. Op. cit. P.138 – 139.
[628] Мартенс Ф. Указ.соч.. С. 445 – 446. Также: ВПР. Т.XVII. С.205 – 215.

объятья французов, оба уполномоченных российского императорского правительства подписали протокол Лондонской конференции от 8 (20) декабря 1830 г.»[629].

В этом протоколе, по сути признававшим независимость Бельгии от Голландии, уполномоченные пяти держав констатировали, что «целью создания Объединенного королевства Нидерландов в 1815 г. было обеспечить справедливое равновесие и всеобщий мир в Европе. Однако, события показали, что согласия и единства между Бельгией и Голландией достичь не удалось и не удастся». Конференция начала работу по выработке «новых соглашений, обеспечивающих сочетание будущей независимости Бельгии с интересами и безопасностью других государств»[630].

Ливен и Матушевич так обосновывали в своём декабрьском письме вице-канцлеру их решение присоединиться к признанию независимости Бельгии: «Независимость, обретенная через революцию, подает пример, достойный самого глубокого сожаления. Однако, такая независимость лучше французской оккупации…»[631]. «Мы полагаем, что после обретения независимости Бельгия должна находиться под гарантией пяти держав, предусматривающей, что в случае вторжения на её территорию одной из этих держав четыре объявят этой державе войну. …Приложим все усилия, чтобы убедить лондонский кабинет принять это постановление. …В выполнении этих задач мы надеемся на самое искреннее содействие наших австрийских и прусских коллег»[632].

Однако, соглашаясь на провозглашение независимости Бельгии, как утверждает Ф.Мартенс, «русские уполномоченные признавали себя обязанными добиваться всеми силами провозглашения также вечного нейтралитета Бельгии, с целью оставить за этой страной значения «барьера против Франции»[633].

---

[629] Мартенс Ф. Указ. соч. Там же.
[630] ВПР. Т.XVII. С. 196.
[631] Мартенс Ф. Указ.соч. С. 446 – 447. Также: ВПР. Т.XVII. С.205 – 215.
[632] ВПР. Там же. С.214.
[633] Мартенс Ф. Указ.соч. С. 447.

В этом же донесении Ливен и Матушевич, в соответствии с указанием императора добиваться сохранения Бельгии под властью дома Оранских-Нассау, подробно анализировали возможности принца Оранского встать во главе Бельгии, указывая и на опасные последствия избрания принца: «Принц Нассауский …скорее, чем кто-либо другой обеспечит ей *(Бельгии – Ю.Б.)* поддержку и только он …поможет добиться от нидерландского короля льгот в области судоходства и торговли. С другой стороны, …английские министры опасаются, что выбор принца Оранского, ввиду противодействия этому значительной части Бельгии, может разжечь пожар гражданской войны, …Франция твердо убеждена, что при вступлении принца на престол …новые волнения не замедлят превратить Бельгию во французскую провинцию… Мы используем все возможные средства, чтобы защитить его *(принца Оранского – Ю.Б.)* права и обеспечить победу его дела. Однако успех будет почти целиком зависеть от того, насколько он сумеет организовать действия своих сторонников в Бельгии, его личных взаимоотношений с английскими министрами и, в первую очередь, от политики короля – его отца. Если она не изменится, …то приходится опасаться, что его партия останется слишком слабой …, чтобы Англия захотела энергично поддержать её»[634].

Уже в конце 1830 г. российские уполномоченные весьма точно спрогнозировали ход предстоящих событий, в том числе в отношении избрания будущего короля Бельгии, понимая, что у принца Оранского мало шансов на это: «…Если этот вариант *(с принцем Оранским – Ю.Б.)* не осуществится, предложено два других. Один – избрать государем Бельгии герцога Немурского *(сына французского короля Луи-Филиппа I – Ю.Б.)* …Но этот план слишком профранцузский, чтобы получить одобрение лондонского кабинета. Второй – доверить суверенную власть Леопольду Саксен-Кобургскому, который вступит в брак с одной из дочерей Луи-Филиппа. К этому предложению британское министерство относится довольно благосклонно»[635].

---

[634] ВПР. Т.XVII. С.214.
[635] Там же.

В завершение письма князь Ливен и граф Матушевич еще раз напоминают о том, что не освобожденная Голландия, а великие державы определили постнаполеоновское мироустройство на Венском конгрессе 1815 г., и указывают, кто, по их мнению, имеет право решать судьбы освобожденных от наполеоновского гнета государств: «Стоит вспомнить, что …не Голландия, а четыре двора завоевали Бельгию в 1814 г.; что они тогда распорядились её судьбой по праву завоевания; что и сейчас они распоряжаются ею по тому же праву…»[636].

В декабре 1830 г. великая княгиня Анна Павловна, находясь вдали от супруга принца Оранского, писала царственному брату Николаю I длинные и подробные послания, в которых размышляла о голландско-бельгийском конфликте, отношении в королевстве к её мужу, принцу Оранскому, ясно и четко выражала своё отношение к голландцам и мятежным бельгийцам, восхищаясь одними и презирая других. Кроме того, Анна выражала поддержку брату в эти тяжелые дни революции в Польше. Об этом мы узнаём из писем великой княгини императору от 12, 13 и 15 декабря 1830 г.

12 декабря Анна Павловна пишет Николаю I по поводу польских событий: «Милый Никки …Мне кажется, по сравнению с этим новым несчастьем …наши события менее ужасны. Я могу лишь думать о вас и молиться за вас, уповая на милость Господа…»[637].

В письме от 13 декабря Николаю I Анна с восхищением отзывается о голландцах, одновременно сообщая об улучшении их мнения о принце Виллеме. «Милый Никки, если бы ты мог быть свидетелем чудесных качеств, которые развиваются в этой стране с двумя миллионами жителей… Для меня радость быть принятой таким достойным народом. …Могу предоставить тебе бесконечные доказательства преданности, которые мне выражаются… Мнение о Виллеме здесь улучшается; …Его былая слава здесь не забыта»[638]. В отношении бельгийцев и

---

[636] Там же. С.215.
[637] Jackman S.W. Op.cit. P.139.
[638] Ibidem. P. 140 – 141.

Бельгии Анна выражает свое возмущение: «Бельгия в моих глазах безвозвратно потеряна… Ты также должен знать, с каким раздражением они *(бельгийцы – Ю.Б.)* критикуют политику России… Грустно, что никаким благородным образом нельзя заставить молчать этих подлецов! Но что говорить об этой стране, когда мы видим, что происходит в Польше…»[639].

15 декабря Анна Павловна описывает Николаю I характер бельгийцев, называя произошедшее восстание и раскол между голландцами и бельгийцами «злом»: «Почти всё *(бельгийское – Ю.Б.)* дворянство по духу французское, и я не вижу, кто мог бы помешать им объединиться с Францией, за исключением фламандцев, которые отличаются собственным характером. …Зло слишком глубоко пустило корни, чтобы его можно было эффективно побороть его, но я рада, что ты честно высказался о поведении нашего дорогого Виллема – он, как ты очень верно определил – жестоко и напрасно был скомпрометирован... Я надеюсь, что Небо сохранит меня от возвращения … в Бельгию, по крайней мере, в Брюссель!..»[640]

В своём очередном письме российскому императору из Лондона от 28 декабря принц Оранский подчеркивает, что у него всё еще есть поддержка в некоторых бельгийских городах, и их жители против исключения Оранских из числа претендентов на бельгийский трон: «…Бельгийский народ устал от революции и хочет вернуться к прежнему порядку вещей, и имеет место неодобрение решения Национального конгресса, объявившего об исключении из управления страной дома Нассау. Полагаю, что несколько городов выступают против этого отстранения; …поживем – увидим; но, дорогой друг, …ты можешь быть спокоен: я не стану узурпатором»[641].

Признание Лондонской конференцией независимости Бельгии вызвало протест голландского кабинета. В депеше от 16 (28) декабря 1830 г. Н.Д.Гурьев сообщал Нессельроде, что декабрьский протокол Лондонской конференции

---

[639] Ibid. P.141.
[640] Ibid. P.142.
[641] Colenbrander H.T. Op.cit. P.445 – 446.

произвел крайне неприятное впечатление на нидерландского короля[642], который был возмущён, что, по его словам, «Голландия оставлена на произвол судьбы»[643].

В новом, 1831 году, посланник Гурьев в своем очередном донесении из Гааги от 3 января сообщал российскому вице-канцлеру об озвученной ему министром иностранных дел Нидерландов бароном Верстолком позиции короля Виллема I в отношении разделения Бельгии и Голландии, подразумевавшей полное разделение двух частей Объединенного королевства на два отдельных государства, но помещенных под один суверенитет (т.е. суверенитет одной и той же монархии), *по аналогии с тем, как происходит с Россией и Польшей, со Швецией и Норвегией*… По мнению короля, «подобная комбинация разом удовлетворила бы чувства и интересы двух народов и наконец могла бы принести мирные и долгосрочные результаты. Таким образом все спорные моральные моменты между Голландией и Бельгией были бы устранены»[644]. Относительно предоставления власти над Бельгией принцу Оранскому Гурьев писал: «…Его Величество не возражает против присвоения принцу Оранскому титула вице-короля Бельгии, однако …полагает, что его сын …в данный момент откажется принять его»[645].

Далее министр Верстолк передал Гурьеву позицию нидерландского монарха, свидетельствующую о его готовности поступать далее в бельгийском вопросе по своему усмотрению, вопреки решениям Лондонской конференции: «Если решения держав не будут соответствовать чаяниям и интересам Его величества, то он оставляет за собой все права …помочь себе своими собственными средствами и с помощью Провидения»[646]. Позднее, в августе 1831 г. эта позиция Виллема I подтвердится не согласованным ни с кем из союзников вооруженным наступлением его войск на Бельгию.

---

[642] Намазова А.С. Бельгийская революция. 1979. С. 129.
[643] АВПРИ. Ф.Канцелярия МИД. Оп.469. Д. 9234. Л. 36.
[644] Colenbrander H.T. Op.cit. P.450 – 451.
[645] Ibid. P. 451.
[646] Ibidem.

В сложившихся к началу 1831 г. обстоятельствах необходимости разделения Объединенного королевства Нидерландов и признания независимости Бельгии и учитывая, что в данных условиях принцу Оранскому будет крайне сложно возглавить Бельгийское королевство, Николай I стал менее категоричным в своем требовании от бельгийцев возвратиться под власть Оранских, тем более, что сам король Виллем I не предпринимал для помощи старшему сыну никаких активных шагов[647].

В то же время российский император оставался верным своему обещанию поддерживать Нидерланды и короля Виллема I, несмотря на то, что большая доля его сил и средств была направлена в тот момент на борьбу с польским восстанием. Николай заявлял, что «ни в коем случае не согласится участвовать в угрозах против монарха – своего друга и союзника», и твердо считал, что «возвращение бельгийцев под власть Оранского дома было бы победой, одержанной над революцией»[648].

В начале 1831 г. принцу Виллему представилась последняя возможность претендовать на бельгийский трон. На конференции в Лондоне тщательно пытались найти решение вопроса о будущем короле Бельгии, и самыми реальными в этом отношении были две кандидатуры – принца Леопольда Саксен-Кобургского и герцога Немурского. Предпочтительнее были шансы у Леопольда, и как утверждает голландский историк ван Зантен, его имя в тот момент уже просочилось в прессу[649].

Для Пруссии и Англии претендент от Франции герцог Немурский был непроходным вариантом. После противодействия в Бельгии кандидатуре принца Леопольда в Лондоне стали опасаться, что ситуация с выбором бельгийского короля может зайти в тупик. Чтобы разрешить эту проблему, британские премьер-министр Грей и министр иностранных дел Пальмерстон предприняли попытку возвести на трон предпочтительную как для Великобритании, так и для России

---

[647] Мартенс Ф. Указ.соч. С. 447.
[648] Там же. С. 449.
[649] Zanten J. van. Op.cit. P. 336.

кандидатуру принца Оранского. С помощью находившейся в Лондоне супруги российского посланника Ливена, княгини Дарьи (Доротеи) Христофоровны Ливен, в девичестве Бенкендорф[650], хорошо знавшей лорда Грея и пользовавшейся особым доверием великой княгини Анны Павловны, они призывали принца Оранского активнее бороться за титул короля Бельгии и убедили его составить новую прокламацию для бельгийцев. Она была написана 11 января 1831 г. и распространена в Бельгии, однако желаемого эффекта не произвела[651].

Тогда английское правительство решило пойти на более кардинальную меру и профинансировать переворот оранжистов[652] в Бельгии. Сделано это было с согласия премьер-министра Грея и короля Виллема I, который, как утверждает историк ван Зантен, специально для этого из Гааги выделил денежные средства. Немалые суммы для осуществления заговора были направлены из Лондона в Брюссель, Гент и Антверпен. Однако, и это намерение завершилось неудачей – ключевые участники в подготовке заговора были арестованы в Брюсселе начале февраля 1831 г., многие оранжисты бежали из Бельгии в Германию.

Потеряв всякую надежду поставить принца Оранского во главе Бельгии, британское правительство окончательно решило остановить свой выбор на принце Леопольде в качестве будущего короля[653]. Разочаровавшийся принц писал 1 февраля Анне Павловне: «Политика – дело очень плохое»[654], а после этого договорился с отцом о своем возвращении в марте 1831 г. на родину, в Нидерланды[655].

---

[650] Дарья Христофоровна Ливен (урожденная Катарина Доротея фон Бенкендорф) (1785 – 1857) – «светская львица» первой половины XIX века, супруга выдающегося дипломата, посла в Берлине и Лондоне Х.А.Ливена, родная сестра освободителя Нидерландов А.Х.Бенкендорфа. Мать Д.Х. и А.Х. Бенкендорфов, Анна-Юлиана, была связана тесной дружбой с супругой Павла I, императрицей Марией Федоровной. Дарью Христофоровну считали «тайным агентом русского правительства» в Лондоне и Париже, она вошла в историю как «первая русская женщина-дипломат». Ее способностями восхищались такие видные государственные деятели XIX века, как канцлер Меттерних, лорд Грей, а также Талейран. По случаю восшествия на престол Николая Павловича возведена вместе с супругом в княжеское Российской Империи достоинство.

[651] Zanten J. van. Op. cit. P. 338.

[652] Оранжисты (в Нидерландах) – приверженцы дома Оранских

[653] Zanten J. van. Op.cit. P.338.

[654] KHA – G54 – 68.

[655] Zanten J. van. Op.cit. P.338.

8 (20) января 1831 г. в очередном протоколе Лондонской конференции пятью державами были установлены «принципы раздела территории Нидерландов между Бельгией и Голландией». Провозглашался вечный нейтралитет Бельгии[656]. Этот статус королевства Бельгия, как и ее территориальная целостность, отныне гарантировался пятью державами – участницами конференции»[657].

Конференция определяла границы обоих государств: за Голландией были признаны границы до французского нашествия – 1790 г. и, следовательно, постлиминиум (т.е. владения, принадлежавшие ей в прошлом); кроме того, за Оранским домом оставался Люксембург. Бельгия должна была отказаться от права на часть Восточной Фландрии, Лимбурга, на Маастрихт и Люксембург. Что касается государственного долга Объединенного королевства Нидерландов, то на долю Бельгии пала почти половина его. Это решение Лондонской конференции, разумеется, не могло удовлетворить Бельгию, которая должна была слишком дорого заплатить за согласие Европы признать факт отделения Бельгии от Голландии. В качестве протеста Национальный конгресс в Брюсселе 1 февраля 1831 г. выступил категорически против указанного протокола Лондонской конференции. Виллем I и нидерландское правительство, напротив, официально обязались выполнять постановления конференции. Тем самым король Нидерландов был вынужден пойти на признание независимости Бельгии и отказаться от своих претензий на неё [658].

28 января 1831 г. в Национальном конгрессе в Брюсселе приступили к избранию короля Бельгии. Среди кандидатов из большого списка (герцог Немурский, герцог Лейхтенбергский, эрцгерцог Карл; герцог Рейхштатский; принц Оттон Баварский; герцог Иоанн Саксонский; принц Сальмский и многие

---

[656] Провозглашенный пятью державами «вечный нейтралитет» Бельгии «вечным» не стал. В 1914 г. во время Первой мировой войны рейхсканцлер Германской империи Т. фон Бетман-Гольвег грубо и демонстративно нарушил его, назвав договор «клочком бумаги» и введя немецкие войска на территорию Бельгии вопреки её воле. В ответ на это Великобритания как гарант бельгийского суверенитета объявила Берлину войну. Подробнее об этом – в диссертации А.О.Севрюковой «Бельгийский нейтралитет накануне и во время Первой мировой войны» (Москва, 2003).

[657] ВПР. Т. XVII. С. 236.

[658] Намазова А.С. Бельгийская революция. 1979. С.129 – 131.

другие) остались три основных: сын короля Франции Луи-Филиппа герцог Немурский, герцог Лейхтенбергский (Огюст де Богарне), эрцгерцог Карл Австрийский[659]. В начале 1831 г. на заседаниях конгресса имя принца Леопольда Саксен-Кобургского в качестве официального кандидата еще не фигурировало.

В день выборов бельгийского короля в Национальном конгрессе 3 февраля 1831 г. голоса распределились следующим образом: за герцога Немурского – 97 голосов, за герцога Лейхтенбергского – 74 и за эрцгерцога Карла Австрийского – 21 голос. Таким образом, брюссельский конгресс в начале февраля 1831 г. провозгласил королем Бельгии сына французского короля – герцога Немурского. К нему из Брюсселя в Париж была отправлена депутация во главе с председателем бельгийского конгресса Сюрле де Шокье[660]. Однако, герцог Немурский королем Бельгии не стал – его отец, король Луи-Филипп не позволил ему принять бельгийскую корону, заявив, что «пример Людовика XIV и Наполеона должен служить предостережением против губительной попытки сажать на троны своих сыновей»[661]. Вопрос о выборе бельгийского монарха снова откладывался на неопределенное время.

Тем временем 18 марта 1831 г., перед самым возвращением в Нидерланды, принц Оранский в письме Николаю I выражал надежду на возобновление контактов между Голландией и Бельгией: «Я надеюсь, что недавние протоколы конференции …принудят Бельгию договариваться с Голландией, с нами. …Это будет способствовать истинному благополучию двух стран»[662].

Принц Оранский вернулся из Лондона в Гаагу 21 марта, однако радушного приёма со стороны голландцев не последовало: они осуждали его за то, что он занял в конфликте позицию бельгийцев. Кроме того, его отец, король, возлагал на кронпринца ответственность за потерю Южных Нидерландов[663]. Виллем I упрекал сына в том, что в Лондоне он не принимал участия в официальных

---

[659] Там же. С.131 – 132.
[660] Там же. С. 134 – 135.
[661] Memoirs du prince de Talleyrand. Paris, 1891. V. 4. P. 54.
[662] Colenbrander H.T. Op.cit. P.469.
[663] Zanten J. van. Op.cit. P. 340.

переговорах на конференции об условиях разделения Голландии и Бельгии, а отдал всё на откуп уполномоченным короля – А.Фальку и прибывшему к нему на усиление из Гааги барону Хюго ван Зёйлену ван Нейвелту[664].

Только в конце апреля 1831 г. с подачи Великобритании была официально выдвинута кандидатура принца Леопольда Саксен-Кобургского в качестве короля Бельгии. Франции дали понять, что он вступит в брак с дочерью короля Луи-Филиппа. Узнав об этом, в Бельгии стали высказывать резкое недовольство. Особенно яростной противницей избрания «протестантского» Леопольда оказалась католическая пресса, называя его «причиной всеобщего недоверия и революционного кризиса в будущем…, предвестником не спокойствия, а бури…»[665] Однако, как показало время, эти негативные публикации не помешали избранию принца Леопольда королем Бельгии.

27 апреля (9 мая) вице-канцлер Нессельроде в своем письме послу Ливену выразил признательность императора ему и графу Матушевичу за их работу на конференции, в то же время отмечая постепенную утрату шансов принца Оранского на бельгийский трон ввиду провалившихся попыток заговора в Бельгии[666]: «Его императорское величество… благодарен Вашей светлости, как и г-ну Матушевичу, за умение достичь результатов, позволяющих нам отныне с большей уверенностью, чем прежде, ожидать окончательного завершения этого дела… Не подлежит сомнению, что события, разыгравшиеся в последнее время в Брюсселе и некоторых других бельгийских городах, уменьшают шансы Оранского дома. Однако император все еще не утратил надежды на то, что естественный ход событий вернет на трон Бельгии династию, которая одна только может обеспечить этой стране условия, необходимые для ее существования, и сочетать таковое с сохранением всеобщего мира…»[667]

---

[664] Хюго ван Зёйлен ван Нейвелт (1781 – 1853) – барон, голландский государственный деятель, дипломат. 1814 – 1816 гг. – полномочный министр в Швеции и Испании. 1825 – 1829 гг. – посланник Нидерландов в Константинополе. 1831 – 1833 гг. – полномочный представитель Нидерландов на Лондонской конференции, посланник в Лондоне. 1833 – 1853 гг. – государственный министр Нидерландов. С сентября по октябрь 1841 г. после барона Верстолка ван Сулена исполнял обязанности министра иностранных дел Нидерландов.

[665] Намазова А.С. Указ соч. С. 140 – 141.

[666] См. стр. 184 – 185 данного исследования.

[667] ВПР. Т. XVII. С. 321.

В написанном в тот же день, 27 апреля (9 мая), письме российскому посланнику в Гааге Гурьеву вице-канцлер сожалеет о неудавшихся планах возвести принца Оранского на бельгийский престол, одновременно подчеркивая заботливое отношение Николая I к родственному Оранскому дому: «К сожалению, несвоевременный срыв проектов, организованных в Бельгии сторонниками Оранского дома, скомпрометировал его дела и отдалил шансы на успех, на которые была основана наша законная надежда …Вместе с тем император счастлив заботиться об интересах Дома, процветание которого ему дорого»[668].

Весьма важным было то, как нидерландский король отнесся к кандидатуре принца Леопольда. Об этом в донесении вице-канцлеру Нессельроде от 1 (13) мая 1831 г. писали российские уполномоченные в Лондоне Ливен и Матушевич: «Король нисколько не протестовал против неё, но, напротив, …показал больше расположения уступить этому принцу свои права на Бельгию, нежели обнаруживал желания отречься от них в пользу сына, принца Оранского. …Весьма вероятно, что Виллем I отдаст принцу Леопольду предпочтение перед своим собственным сыном. …В том же самом смысле высказывается общественное мнение Голландии»[669] .

Такая реакция нидерландского короля чрезвычайно не понравилась императору Николаю I[670]. Он понимал, что невнятная позиция Виллема I и действия бельгийских депутатов в пользу избрания принца Леопольда королём Бельгии в конечном счете сорвут достижение цели, которую российский император считал одной из своих главных в «бельгийском вопросе» – возведение Оранских на бельгийский трон.

---

[668] Colenbrander H.T. Op.cit. P.475 – 476.
[669] Мартенс Ф. Указ соч. С.453 – 454. Colenbrander H.T. Op.cit. P. 476.
[670] Мартенс Ф. Указ соч. С. 454.

4.3. Действия российской дипломатии на фоне обострения бельгийско-голландского конфликта в 1831 г.

В очередном протоколе Лондонской конференции от 9 (21) мая 1831 г. уполномоченные пяти держав признавали необходимым «скорейшее решение вопроса об избрании государя на бельгийский престол и устранение препятствий к принятию бельгийской короны принцем Леопольдом Саксен-Кобургским». Бельгийскому правительству был поставлен своего рода ультиматум о «принятии им в срок до 1 июня 1831 г. выработанных конференцией условий отделения Бельгии от Голландии». Державы, со своей стороны, обещали «содействовать передаче Бельгии Люксембурга за соответствующую компенсацию»[671].

24 мая 1831 г. в письме Николаю I принц Оранский обрисовал тревожную картину будущего Нидерландского королевства без Бельгии, делясь с русским императором неутешительным прогнозом в случае возможного нападения бельгийцев на Голландию и подчеркивая необходимость военной помощи со стороны великих держав: «Мы дошли до кризиса: до 1 июня бельгийцы должны принять протоколы или пять держав прекратят все отношения с ними и обратятся к средствам для принуждения их подчиниться европейской воле. Весьма вероятно, что бельгийцы не подпишут протоколы; тогда они скорее всего возобновят военные действия против нас. …Если бельгийцы всерьез нападут на нас, я нисколько не удивлюсь, учитывая состав нашей армии, что наши войска будут биты, и велик будет позор, если такое произойдет, …если союзники не помогут нам немедленно в случае нападения»[672]. В завершение письма императору принц Виллем с досадой предсказывает ситуацию после принятия бельгийского престола Леопольдом и действия в этой связи крупных держав, в том числе России: «…Полагаю, что он *(Леопольд – Ю.Б.)* в конце концов примет положительное решение; затем он будет сразу признан Францией и Англией; потом Австрией и Пруссией; мы как соседи, вряд ли сможем признать его; тогда

[671] ВПР. Т. XVII. С.336.
[672] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 480.

ты сделаешь то же самое, и он станет королем Бельгии с согласия всей Европы, а мой отец незаконно лишится доброй половины его королевства…»[673]

В установленный майским протоколом срок до 1 июня бельгийцы не приняли предложенных Лондонской конференцией «оснований отделения». Несмотря на это, на заседании 4 июня 1831 г. брюссельский Национальный конгресс избрал принца Леопольда королем бельгийцев.

Такое поведение бельгийских депутатов откровенно возмутило императора Николая I, и он предписал своим уполномоченным в Лондоне Ливену и Матушевичу «энергически настаивать на принятии конференцией мер, могущих обеспечить исполнение принятых решений». Однако, весьма скоро оказалось, что конференция бессильна в исполнении своей программы, поскольку в среде самого британского правительства отсутствовало единство относительно «бельгийского вопроса»[674].

Граф Матушевич был крайне возмущен той открытой поддержкой, которую английское правительство оказывало принцу Леопольду против нидерландского короля. В письме российскому вице-канцлеру из Лондона граф представил свое видение развития событий после избрания Леопольда королем Бельгии, подчёркивая как отрицательные, так и положительные моменты: «Восшествие принца Леопольда на престол, …по всей вероятности, может стать лишь прелюдией к войне или французскому господству. Оно полезно только в одном отношении: будучи делом рук Англии, оно все же сохраняет связь между этой державой, Россией, Австрией и Пруссией… Лондонский кабинет, к сожалению, представил нам в последнее время неопровержимые доказательства своего малодушия»[675].

В письме от 4 июня послу Ливену в Лондон вице-канцлер Нессельроде вновь бичует «неверные и медлительные действия нидерландского короля» в бельгийском вопросе: «Более трех месяцев прошло с тех пор, как Его Величество

---

[673] Ibidem.
[674] Мартенс Ф. Указ соч. С. 454 – 455.
[675] ВПР. Т. XVII. С.381 – 382; Мартенс Ф. Указ соч. С.456 – 457.

король Нидерландов продемонстрировал пяти дворам доверие, согласившись с …*основаниями разделения*[676] … Однако вместо того, чтобы пожинать плоды этого доказательства уважения, Его Величество решил бесконечно продлить для бельгийцев то положение вещей, при котором …все недостатки возлагаются на …подданных, оставшихся верными и преданными ему. Конференция поняла, что так ситуация дольше продолжаться не могла»[677].

В очередном протоколе от 14 (26) июня 1831 г. уполномоченные пяти держав сообщили о выработанных Лондонской конференцией «прелиминарных условий мирного договора между Бельгией и Голландией» – «18 статьях», которые «были предложены двум непосредственно заинтересованным сторонам …во избежание угрозы всеобщему миру, а, следовательно, – и самым насущным интересам их дворов и всей Европы в целом»[678]. Это было свидетельством непонимания участниками конференции того факта, что в Бельгии в результате революции победил принцип народного суверенитета, и договоренности держав здесь уже не имели силы, так как они противоречили настроениям представителей народа, отстоявшего свою независимость в вооруженной борьбе. В этом состояла разница между Лондонской конференцией и Венским конгрессом.

Согласно этим 18 статьям, государственный долг Нидерландского королевства был разделен на бельгийский государственный долг до 1815 г. и голландский долг до этого года. Каждое из государств – Бельгия и Голландия – обязалось платить лишь свой долг. При этом за время существования Объединенного королевства Нидерландов долг считался общим, Бельгия и Голландия должны были погашать его в одинаковом размере. Между королём Бельгии, Германским союзом и Виллемом I должен быть выработан особый договор о Люксембурге, и до его принятия сохранялся статус-кво, часть Лимбурга оставалась за Голландией[679].

---

[676] Речь идет о январском протоколе 1831 г. конференции – единственном протоколе, поддержанном Виллемом I.
[677] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 482.
[678] ВПР. Т. XVII. С.373.
[679] Намазова А.С. Указ соч. С. 146. АВПРИ. Ф.Канцелярия. оп.270. Л.22

21 июня крупные державы в Лондоне смогли убедить бельгийцев выйти на договоренность. Как отмечает историк Ван Зантен, этот односторонний договор содержал гораздо больше преимуществ для Бельгии и был крайне невыгоден для Нидерландов: по документу большие части Лимбурга и Люксембурга должны были отойти к Бельгии. Вопрос государственного долга был также составлен в пользу Брюсселя. Неудивительно, что нидерландский король отказался подписать акт о принятии «18 статей». Он чувствовал, что державы его предали, особенно Великобритания, которая с 1814 г. позиционировала себя покровителем Объединенного королевства Нидерландов. Все это приводило нидерландского монарха к выводу, что время дипломатии прошло, и он стал вынашивать план военного похода на Бельгию, которую он все еще отказывался считать потерянной для Оранских[680].

2 июля 1831 г. принц Оранский пишет царственному шурину Николаю о принятых Лондонской конференцией «18 статьях» и критичности создавшегося положения для Нидерландов: «Ты знаешь о проекте договора, который представлен на рассмотрение королю, и который одновременно отправлен правительству и бельгийскому конгрессу. Вся наша надежда на то, что последние, будучи всегда слепыми насчет собственных интересов, …откажутся от предложенных условий, пусть они даже невыгодны для Голландии… Ты должен согласиться с тем, что наше положение становится невыносимым…»[681]

Однако, вопреки предположениям принца, бельгийцы согласились принять июньский протокол Лондонской конференции. После целой недели жарких споров в Брюсселе между сторонниками мира и приверженцами войны, 9 июля 1831 г. большинством голосов (126 – за, 70 – против) бельгийский Национальный конгресс принял «18 статей», а 11 июля в Лондон прибыла бельгийская депутация с объявлением об этом согласии[682].

---

[680] Zanten J. van. Op.cit. P.340 – 341.
[681] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 487.
[682] Намазова А.С. Указ соч. С. 148.

21 июля 1831 г. в столицу своего королевства – Брюссель –торжественно на белом коне въехал первый король Бельгии Леопольд I и принес присягу на верность бельгийскому народу и бельгийской конституции. Отныне этот день – 21 июля – один из главных национальных праздников Бельгии, ежегодно отмечаемых в королевстве.

В ответ на «благоразумное», как называет его Ф.Мартенс, решение Брюссельского национального конгресса о принятии условий июньского «договора 18-ти статей», король Виллем I не только не одобрил его, но и ответил движением своих войск в бельгийские области 1 августа 1831 г. Такой шаг со стороны голландского короля, не поставившего в известность о своих намерениях ни одно из союзных держав, крайне возмутил практически всех участников Лондонской конференции, и безусловно, английское правительство. Оно утверждало, что «король нидерландский над ними насмехается», поскольку перемирие, которое оно гарантировало, «столь легкомысленным образом им было нарушено. …Английские министры обещали народу сохранение мира, а король Виллем I начинает войну»[683].

Как отмечает голландский историк ван Зантен, еще в середине июня 1831 г. Виллем I поручил своему сыну принцу Оранскому заняться планом подготовки военного похода на Юг своего королевства, а несколькими неделями позже вновь назначил его главнокомандующим нидерландской армией[684].

О принятом королем Виллемом I решении начать вооруженный поход на Бельгию 21 июля (2 августа) 1831 г. граф Гурьев из Гааги написал вице-канцлеру Нессельроде. Со слов нидерландского министра иностранных дел Верстолка ван Сулена российский посланник сообщал: «Король исходил из убеждения, что устранение разногласий между Голландией и Бельгией может быть достигнуто только с помощью принудительных мер, к которым явно отказываются

[683] Мартенс Ф. Указ соч. С.457.
[684] Zanten J. van. Op.cit. P.341. В 1814 г. Виллем Фредерик (в то время суверенный государь Нидерландов) назначил принца Оранского (тогда носившего титул наследного принца) главнокомандующим армией Нидерландов, но в 1818 г., уже будучи королем Виллемом I, за нарушение принцем воинской субординации лишил его этого звания (см. 3-ю главу диссертации).

прибегнуть союзные державы… Его величеству … физически и морально было невозможно далее ни держать далее армию в бездействии, ни отозвать ее к родным очагам, не воздав должное стране за ее преданность и усилия и не восстановив ее достоинства… Его величество взялся за оружие с единственной целью выполнения обязательств, согласованных с пятью державами и гарантированных ими; посему речь идет совершенно не о европейском вопросе, …а о деле сугубо голландском и внутреннем. …В данном случае Его величество руководствовался исключительно своей непреклонной волей»[685].

В завершение письма Гурьев раскрывает вице-канцлеру возможные скрытые цели предпринятого Виллемом I дерзкого шага – его вероятное намерение разжечь всеобщую войну, которая могла бы способствовать возрождению Нидерландов: «Действуя под предлогом защиты исключительно интересов Голландии, …король надеется, что в результате в лоне союза зародятся семена раздора и дело, наконец, дойдет до той всеобщей войны, которая является предметом всех его вожделений и должна способствовать возрождению королевства. …Он затеял рискованную игру, непредсказуемые последствия которой могут вновь обернуться против него и его страны»[686]. Тем самым, судя по всему, король надеялся стравить Францию (выступавшую за интересы Бельгии) и державы-гаранты Венской системы.

Голландские историки Кох, ван Зантен, Киккерт, Херманс и Хоогхимстра сходятся во мнении, что, решившись на военный поход на Бельгию, Виллем I преследовал две основные цели – принудить крупные державы к более благоприятным условиям договора с бельгийцами, а также восстановить ущемленную национальную гордость голландцев и реабилитировать оскорбленный дом Оранских[687].

Таким образом, 2 августа 1831 г. принц Оранский с братом принцем Фредериком и армией в 37 тысяч человек, с несколько сотнями добровольцев, 300

---

[685] ВПР. Т. XVII. С.427.
[686] Там же. С.427 – 428.
[687] Zanten J. van. Op.cit. P.341; Hermans D. en Hooghiemstra D. Op.cit. P.156.

повозками, и 76 пушками вошли на территорию Бельгии у городов Веелде и Поппел. Бельгийцы для защиты от голландцев собрали две армии – «Шельдскую» и «Маасскую» армии, по 15 тыс. чел. в каждой. Началась военная кампания Голландии против Бельгии. Первая встреча с голландской армией обернулась для бельгийской поражением. 3 августа после небольшого вооруженного столкновения принцы Виллем и Фредерик вошли в город Тюрнхаут (недалеко от Антверпена) и разместили там свой штаб.[688].

4 августа из Схевенингена (пригород Гааги), гордясь успехами супруга в начале этой кампании, Анна написала брату Николаю I о том, как в Голландии воспринимается этот военный поход, причем мятежников и в Польше, и в Бельгии она называла «врагами всеобщего блага»: «Милый Никки, …мы следуем единственно возможным путём чести; надеюсь, что Всевышний благословит наше оружие и позаботится о Виллеме. Я передала ему одну из сабель, которую ты видел, освятив её до этого в моей часовне; …это смелое предприятие весьма важное для нашего политического существования… Сердечно обнимаю тебя, милый брат и друг; быть может, Голландия благородно протянет России руку, чтобы вместе бороться с врагами всеобщего блага…»[689].

В своем письме супруге от 9 августа 1831 г., копию которого Анна направила брату Николаю I, принц Оранский с гордостью пишет о захвате 8 августа бельгийского города Хасселта[690]: «Милая Аннинка[691], ты можешь меня поздравить: вчера я достиг цели своих первых операций, а именно взятия Хасселта…»[692]. В качестве трофеев Виллем выслал в Гаагу своим сыновьям три захваченные у бельгийцев сабли, а для маленькой Софии – кивер с бельгийской

[688] Zanten J. van. Op. cit. P.341 – 342.
[689] Jackman S. Op.cit. P. 146.
[690] В письме Николаю I от 26 августа 1831 г. Анна поздравляла брата с рождением сына Николая, родившегося 8 августа – в день взятия голландскими войсками Хасселта. По этой причине в Доме Оранских сына российского императора шутливо называли «Хасселт Николаевич». Об этом пишет также голландский историк М.Дидье в книге «Рыцарь и Великая княгиня: искусство и жизнь Виллема II и Анны Павловны»: Didier M. De ridder en grootvorstin: kunst en leven van Willem II en Anna Paulowna. Schoorl, 2009. P. 166.
[691] Именно так часто писал своей жене принц Виллем: «Anninka».
[692] Jackman S. Op.cit. P. 150.

кокардой. Анна ликовала, равно как и король, королева и вся североголландская нация[693].

В следующем письме от 11 августа 1831 г. Анна пишет брату-императору, гордясь военными успехами супруга Виллема, в то же время взывает к Николаю I о помощи, из опасения, что он перестанет поддерживать Голландию, напоминает ему о важной роли их старшего брата Александра I в судьбе этой страны: «*Александр был освободителем Голландии;* не наноси же ей смертельный удар. Если ты как раз этого и желаешь, я упаду на колени пред рукой Господа и последую за Виллемом куда бы он ни пошел… Пусть же восторжествует справедливость!.. Навеки твоя любящая и преданная сестра …Анна»[694].

12 августа эта военная кампания Голландии против Бельгии была внезапно завершена дипломатическим путем. После полученного письма у города Лёвен от «делегации бельгийцев с белым флагом» принц Оранский скомандовал своим войскам отступление[695]. У голландских историков мы наблюдаем некоторые расхождения при объяснении причин прекращения королевской армией боевых действий.

По утверждению Й. ван Зантена, посоветовавшись со своими офицерами, голландский кронпринц принял решение отступить с бельгийской территории, взамен попросив согласия противника на «символическое взятие города Лёвена». Получив такое согласие, 13 августа принц Оранский со своей армией совершил «символический триумфальный въезд в Лёвен»[696].

Голландский историк М.Дидье считает, что принц принял решение отступить с поля боя не самостоятельно, посовещавшись с офицерами, а только после получения приказа об отступлении от своего отца, короля[697]. Наличие такого указания Виллема I сыну отмечают также историки Херманс и Хоогхимстра: «Король дал сыну приказ начать отступление, поскольку …не

---

693 Zanten J. van. Op.cit. P.342
694 Jackman S. Op.cit. P. 147 – 148.
695 Zanten J. van. Op.cit. P.342
696 Ibidem.
697 Didier M. Op. cit. P.166.

рискнул развязать большую европейскую войну: в отличие от 1813 года, на этот раз военные действия не поддерживала ни одна крупная держава…»[698].

Конкретных доказательств соответствующих указаний от короля принцу Оранскому в переписке между правящими домами автором найдено не было. Однако, в письме вице-канцлера К.Нессельроде послу в Гааге Гурьеву от 30 августа 1831 г. отмечается, что Виллем I «принял решение подчиниться требованиям Лондонской конференции приостановить боевые действия и вывести свои войска из Бельгии»[699].

Из писем принца Оранского супруге Анне от 12 и 13 августа мы узнаём, что он намеревался дойти со своей армией до Брюсселя, однако появление французских войск не позволило сделать этого: «Милая Аннинка, молись за своего Виллема; сегодня он попытается взять Лёвен, где сейчас находится Леопольд. …Тогда открывается дорога на Брюссель … Но сейчас все наши военные операции завершены, поскольку мы …обнаружили войска французов …в Брюсселе»[700].

Итак, по принятому командованием решению 14 августа 1831 г. нидерландская армия возвращалась обратно на север, где ее ждали благодарные голландцы. По мнению голландских историков Коленбрандера и ван Зантена, долгожданные военные успехи в бельгийской кампании, несмотря на её внезапное завершение, стали для Виллема «своеобразной компенсацией за все испытанные им недавно в Лондоне унижения»[701]. Своему войску принц Оранский сказал: «Мы одержали победу над врагом в сражении, …однако вынуждены отступить в результате договоренности»[702]. Чувство гордости для голландцев, по его словам, усиливал тот факт, что перед самым прекращением огня король Леопольд под накрывшим Лёвен густым туманом тайно покинул поле боя[703].

---

[698] Hermans D. en Hooghiemstra D. Op. cit. P.156.
[699] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 491 – 492.
[700] Jackman S. Op.cit. P. 150.
[701] Colenbrander H.T. Willem II koning der Nederlanden. Meulenhoff: Amsterdam. 1938. P. 98; Zanten J. van. Op.cit. P.343.
[702] Colenbrander H.T. Gedenkstukken… Op. cit. P. 98. Zanten J. van. Op.cit. P.343.
[703] Ibidem.

14 августа Виллем из бельгийского города Тинен в своём очередном письме супруге подчёркивал успех своего военного похода и винил в первую очередь французов в досрочном завершении боевых действий против бельгийцев: «Милая Аннинка, …если бы не французы, я уже к вечеру 12 августа стоял бы у ворот Брюсселя… Я должен отступить, …так как их войска сейчас менее чем в 10 километрах от моих форпостов. С сегодняшнего дня я начинаю отступление…»[704].

Юрист и историк Ф.Мартенс указывает на роль российских уполномоченных в Лондоне князя Ливена и графа Матушевича в прекращении голландцами военных действий. По его словам, через русского посланника в Гааге, графа Гурьева, они старались убедить короля Виллема I «в неотложной необходимости вывести его войска из Бельгии. Король уступил. Тогда конференция потребовала от французского правительства также вывести свои войска. И это требование было исполнено. В конце сентября 1831 г. в Бельгии был восстановлен status quo ante»[705].

15 августа 1831 г. Анна пишет брату-императору из Гааги, с гордостью повествуя о своём супруге, отмечая, что принц снова (как и после сражения при Ватерлоо в 1815 году!) стал восприниматься у себя на родине героем нации: «Милый и превосходный брат, пожелай нам удачи с Виллемом!.. Он одержал над Леопольдом победу у Лёвена и обратил его в бегство. Какое счастье! Воздадим же тысячекратную благодарность Небу!..»[706].

17 (29) августа 1831 г. император Николай I в письме из Царского Села сестре Анне воздаёт хвалу её мужу, одновременно критикуя решение короля Нидерландов без уведомления союзников начать боевые действия: «Какое счастье, что Виллем перед глазами всего мира и своего народа доказал, что он все тот же самый герой …и от этого сердце его старого друга наполняется гордостью… Однако, я был испуган, когда узнал о воинственных намерениях

[704] Jackman S. Op.cit. P. 148.
[705] Мартенс Ф. Указ. соч. С. 458 – 459.
[706] Jackman S. Op.cit. P. 149.

короля, какими бы благородными они ни были; он никого из нас не поставил об этом в известность, и это …достойно сожаления»[707].

Далее в письме император разъясняет сестре Анне позицию России и союзных держав в отношении военной помощи Нидерландам, подчеркивая незыблемость своих принципов: «Ты знаешь, что я нахожусь слишком далеко от вас, чтобы оказать действенную помощь, иную, кроме как словами, …и мне сложно уделять этому достаточно внимания, покуда такого внимания все еще требует польская проблема. …Однако, мои принципы не изменились; я буду продолжать поддерживать моих союзников, пусть даже у меня останется лишь один гренадёр, но даже не в этом сейчас вопрос. Каждый момент я ожидаю вестей от Паскевича из Варшавы. И это будет решающим...»[708].

21 августа, чтобы отпраздновать победу над бельгийцами, вся нидерландская королевская семья собралась в Тилбурге. Виллем I даровал своему старшему сыну и наследнику престола две захваченные у бельгийцев пушки, а также присвоил ему звание фельдмаршала. Российский император Николай I за военные успехи наградил принца Оранского большим крестом императорского ордена Святого князя Владимира[709]. Каких-либо комментариев Николая I, а также короля и Виллема-младшего относительно данного факта в переписке не обнаружено. Вместе с тем парадоксальным было то, что несмотря на изначальное неприятие несогласованного ни с кем из союзников вооружённого вторжения голландской армии в Бельгию, шедшего вразрез с дипломатическими усилиями полномочных представителей в Лондоне, русский царь всё же решил отметить действия принца Виллема в этом походе столь высокой российской наградой.

Таким образом, в международном плане действия нидерландской армии были признаны успешными, однако, как подытожил историк ван Зантен, «полученные награды не смогли вычеркнуть из памяти Оранских потерю роскошных территорий на юге некогда объединенного королевства: Гаага по

[707] Ibid. Op.cit. P. 151.
[708] Ibidem.
[709] Zanten J. van. Op.cit. P. 344.

степени великолепия не могла сравниться с Брюсселем, голландский дворец Сустдейк с бельгийским Тервюреном, а дворец Хет Лоо с бельгийской королевской резиденцией Лакен»[710].

26 августа Анна в очередном послании царственному брату описывает празднования в голландских городах в связи с возвращением из сражений их героя, принца Виллема, во время которых славили и Россию: «Этот день будет навечно запечатлен в нашей памяти, поскольку вся нация была одним целым в выражении своей благодарности. От самой Бреды до нас мы видели те же вспышки радости народа. В Роттердаме люди украсили фок-мачту самого большого корабля российским флагом и всюду было слышно «Да здравствует Россия!»[711]. И в который раз великая княгиня Анна призывает брата-императора принять наконец меры против российского посланника в Гааге Гурьева, по её словам, оскорблявшего её и вводившего императора в заблуждение: «Еще печальнее то, что твой посланник в своих словах и действиях здесь заодно со своим английским коллегой. Умоляю тебя, любимый брат, исполни мое искреннее желание, которое я тебе столь часто выражала, отзови его и дай нам вместо него честного человека, который своими донесениями не будет вводить тебя в заблуждение…»[712].

При этом следует отметить, что несмотря на упомянутую Анной Павловной здесь солидарность между Россией и Англией (также Австрией и Пруссией) в отношении одного вопроса в «бельгийском деле» – в частности, они всеми силами старались не допустить присоединения Бельгии к Франции, позиция Англии отличалась от позиции России в голландско-бельгийском конфликте. Англичане не желали вступать в боевые действия, в отличие от Франции, которая по просьбе Леопольда направила в Бельгию 50 тыс. солдат[713]. Россия хотела бы помочь Нидерландам в борьбе с бельгийскими повстанцами, но помешало восстание в Польше. Посланник императора в Гааге Гурьев в своём анализе обстановки четко

---

[710] Ibidem.
[711] Jackman S. Op. cit. P. 151 – 152.
[712] Ibidem.
[713] Colenbrander H.T. Op.cit. Hoofdstuk X. P. 492.

выразил намерения Виллема I, решившего, по его мнению, нарушить установленное Лондонской конференцией перемирие и начать боевые действия, чтобы посеять раздор между союзными державами и спровоцировать «всеобщую войну, являющуюся предметом его вожделений, для возрождения его королевства»[714]. Такие суждения посланника Анна не разделяла, но что она действительно не могла простить Гурьеву (и что стало причиной её неоднократных просьб к брату-императору отозвать его из Гааги) – это его «нелестные высказывания о голландском короле и даже принце» в её присутствии[715]. Кроме того, в своём письме от 30 сентября 1830 г. Анна подробно пишет императору о «поведении Гурьева, его действиях и высказываниях», которые могли «способствовать усилению вражды между голландцами и бельгийцами». В частности, она вменяла посланнику в вину то, что до начала Бельгийской революции он «практически все время находился в Брюсселе, лишь изредка появляясь в Гааге, … постоянно общался в лоне брюссельской революционной партии, и был частью своеобразного триумвирата вместе с посланниками Австрии и Испании, снискавшими скверную репутацию»[716]. Ответа императора на данное письмо Анны в материалах переписки автором обнаружено не было.

30 августа 1831 г. в письме Гурьеву вице-канцлер Нессельроде приводит позицию императора Николая I, высказавшего критические замечания в адрес нидерландского монарха, родственника и союзника который «слишком формально отнесся ко всей поддержке со стороны императора в ходе долгих месяцев работы Лондонской конференции» и вызвал большое возмущение среди союзных держав: «…Не буду от Вас скрывать, насколько опасения от возобновления боевых действий были болезненными для Его Императорского Величества. ...С сожалением относимся к тому, что гаагский кабинет был вынужден принять …исключительный образ действий, что …осложнило

[714] АВПРИ. Ф.Канцелярия. Оп.469. 1831 г. Д.52, л. 146 – 151. Также: ВПР. Т. XVII. С.425 – 428.
[715] Jackman S. Op. cit. P. 147, 152.
[716] Ibidem. P. 124.

действия трех континентальных держав …и серьезным образом скомпрометировало сохранение всеобщего мира»[717].

В заключение письма Нессельроде от имени Николая I подтверждает его приверженность соблюдению интересов нидерландского монарха, несмотря на скомпрометировавшие мирное решение военные действия Виллема I. Он поручает Гурьеву заверить нидерландское правительство в том, что «российские уполномоченные на Лондонской конференции сделают все от них зависящее, чтобы добиться пересмотра условий урегулирования бельгийско-голландского конфликта в пользу Голландии, и постараются использовать происшедший инцидент в интересах последней»[718].

3 сентября из Тилбурга принц Оранский написал императору Николаю I, удовлетворенный и гордый итогами своего 10-дневного военного похода, и в этом письме заметен упрёк русскому царственному шурину, который так и не смог помочь Нидерландам своими войсками: «Бог благословил наше дело, и это весьма очевидно и видно по всем деталям; именно Ему я обязан этой победой и восстановлением голландской национальной чести и репутации армии…»[719]

Тем временем Николай I окончательно подавил Польское восстание, долгие месяцы терзавшее Россию. 27 августа (8 сентября) 1831 г. русская армия вступила в Варшаву и главнокомандующий генерал-фельдмаршал И.Ф.Паскевич-Эриванский направил царю послание, которое начиналось словами: «Варшава у ног Вашего Величества»[720].

После завершения 10-дневного военного похода король Виллем I решил больше не делать никаких уступок бельгийцам и долгие годы отказывался признавать суверенное бельгийское государство и власть первого короля Бельгии Леопольда I, «англосаксонского авантюриста», как он называл его[721].

---

[717] Colenbrander H.T. Op.cit. P.491 – 492.
[718] Ibid. P.494. ВПР. Там же. С.447.
[719] Colenbrander H.T. Op.cit. P.487.
[720] Примечательно, что данную депешу в Санкт-Петербург доставил внук великого русского полководца, штабс-ротмистр Александр Аркадьевич Суворов (1804 – 1882).
[721] Zanten J. van. Op.cit. P.344.

По словам историка Й. Коха, «Виллем чувствовал себя лично оскорбленным разрывом с Бельгией. Бельгийская революция уничтожила дело его жизни – Объединенное королевство Нидерландов… Теперь девизом политики Виллема I было – не отступать и стоять на своём, то, что голландские историки сравнивали с девизом, до настоящего времени написанным на гербе Нидерландов – “Je maintiendrai» (фр.: «Я выстою»)». В истории Нидерландов наступало время так называемой «политики упорства», как называют голландские историки политику нидерландского короля после 1831 г. Она продлилась около 8 лет, в течение которых Виллем I, вопреки желаниям европейских дворов, отказывался заключить мирное соглашение с Бельгией, продолжая финансировать оранжистскую оппозицию в бельгийских провинциях. Как отмечает Й. Кох, в 1830-е гг. «рассерженный король оказал поддержку по крайней мере трем попыткам заговоров против Леопольда I»[722].

4.4. Договор «24 статей» и дальнейшая линия России в «бельгийском вопросе»

Тем временем на Лондонской конференции пять держав выработали, как они полагали, «окончательные условия отделения Бельгии от Голландии», и 2(14) октября 1831 г. выпустили очередной протокол, в котором «определили порядок разрешения всех проблем, вытекающих из провозглашения независимости и нейтралитета Бельгии», сформулировав эти решения в «24 статьях», приложенных к данному протоколу[723].

Новое соглашение Лондонской конференции было гораздо менее выгодным для Бельгии, чем договор «18 статей», подписанный в июне 1831 г. «Договор 24 статей» предоставлял Бельгии только часть Люксембурга и оставлял столицу этого государства в руках нидерландского короля. В награду за отказ от части Люксембурга Виллем I получал значительную часть Лимбурга; кроме того, он

[722] Koch J. Op.cit.. P. 484.
[723] ВПР. Указ.соч. С.495.

удерживал за собой Маастрихт, Венлоо и левый берег Шельды. На основании нового соглашения крупные державы обязались добиться согласия Голландии даже в случае её сопротивления и употребить все средства, находящиеся в их распоряжении, чтобы предупредить возобновление враждебных действий между Леопольдом I и Виллемом I. Новый договор вводил также в пользу Голландии[724] налог на судоходство по Шельде[725].

С целью объяснить свои мотивы присоединения к октябрьскому протоколу Лондонской конференции и «24 статьям» российские уполномоченные Ливен и Матушевич направили вице-канцлеру Нессельроде подробное донесение от 9 (21) октября 1831 г, выделив 5 ключевых пунктов, по которым им удалось выполнить «поставленные императорским министерством задачи в отношении «бельгийского вопроса» с максимальной пользой для короля Нидерландов»[726].

Во-первых, как утверждали в письме Ливен и Матушевич, ни одно из выдвинутых бельгийцами требований на основании 18 статей конференцией не было выполнено. Бельгийцы намеревались без всякого возмещения сохранить за собой весь Люксембург, однако будут иметь лишь его меньшую часть. Они желали сохранить все бельгийские анклавы на правом берегу реки Маас, но не получили ни одного. Наконец, они хотели не иметь долгов, но обязаны будут выплатить и свою часть общих долгов Нидерландского королевства, и значительную часть прежнего голландского долга[727].

Во-вторых, путём кропотливых переговоров российские уполномоченные добились наибольшей компактности Нидерландского королевства, способного оказать сильное сопротивление французскому революционному движению после бельгийской революции. Ливен и Матушевич подчеркнули, что с учетом 24 статей владения Голландии «будут представлять единое целое, она получит Венло и

---

[724] По данным французских историков Э. Лависса и А.Рамбо, в 1934 г. Нидерландский государственный архив опубликовал документы, уличавшие Талейрана, представителя Франции на Лондонской конференции, в получении от короля Нидерландов Виллема I взятки в 10 тысяч фунтов стерлингов за принятие более выгодных для Нидерландов условий договора 1831 г., в ущерб Бельгии. Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. С. 342.
[725] Намазова А.С. Бельгийская революция. С. 152 – 153. АВПРИ. Ф.Канцелярия. оп.270. Л.22
[726] ВПР. Указ.соч. С. 527.
[727] Там же. С. 528.

Маастрихт, часть Лимбурга на левом берегу Мааса и всею *германскую* частью Люксембурга вместе с крепостью под этим названием[728].

Российские уполномоченные подчеркивали, что «никогда еще за всю историю Голландии, даже после ее победы над Людовиком XIV[729] и возведением своего штатгальтера на английский престол в XVII веке *(Виллема III Оранского в 1689 г. – Ю.Б.),* ей не удавалось достичь такого единства территории и избавиться от иностранных анклавов, находившихся на левом и правом берегах Мааса и мешавших её сообщению с Маастрихтом…»[730].

В-третьих, по мнению российских уполномоченных, нидерландский король получал достойное территориальное возмещение за уступаемую им Бельгии часть Люксембурга.

В-четвертых, российским уполномоченным на конференции удалось выйти на оптимальный расчет разделения долгов между Голландией и Бельгией. По подсчётам голландских уполномоченных на конференции, общая сумма государственного долга Нидерландского королевства после присоединения Бельгии в 1815 г. составляет округленно 10 млн. 100 тыс. голландских флоринов. Принимая во внимание то, что в соответствии с заключенной с Нидерландами 19 мая 1815 г. конвенцией нидерландский король взял на себя выплату части российского долга[731], общая сумма долгов Бельгии после разделения должна была теперь составлять 8 млн.400 тыс. флоринов. Такое разделение было признано голландскими уполномоченными справедливым…»[732].

В-пятых, в отношении закрепленных в «24 статьях» гарантий пяти держав исполнения положений соглашения, российские уполномоченные подчеркивали, что «эти гарантии касаются в основном претензий принца Леопольда и что к Англии в этом присоединилась Франция, …оказавшаяся вынужденной

---

[728] Там же.
[729] В Голландской войне 1672 – 1678 гг., в которой французы вернули Нидерландам все захваченные ими территории, включая Маастрихт.
[730] ВПР. Указ.соч. С. 528.
[731] О вопросе российского государственного долга и указанной Конвенции повествуется в параграфе 1.3. настоящей диссертации.
[732] ВПР. Указ.соч. С.528 – 529.

обезопасить Голландию – предмет её ненависти – от Бельгии – предмета ее симпатий. …Огромная важность этого постановления для голландского правительства очевидна»[733].

Далее российские уполномоченные в письме размышляли об истинных целях нидерландского короля в бельгийском конфликте, о его лицемерной позиции, которые и вынудили их прибегнуть к ультимативному тону в октябрьском протоколе конференции: «В Лондоне, к несчастью, слишком хорошо известно, каковы тайные помыслы короля нидерландского. …Между тем мы не сделали ни единого шага в этих переговорах без консультаций с его уполномоченными. …Действительно, война, кажется, и является той целью, к которой направлены помыслы короля. Он хочет её развязать и втянуть в неё все державы. Признания господина ван Зёйлена[734] не оставляют у нас сомнений на этот счёт. …Именно тайные замыслы короля нидерландского заставили нас придать дискуссиям на конференции столь жесткий и окончательный характер, который при других обстоятельствах мы легко мы могли бы смягчить. Наша совесть была спокойна, ибо мы сознавали, что обеспечили Голландии существенные выгоды…»[735].

В завершение письма Ливен и Матушевич подытоживают, что благодаря в том числе их кропотливой работе на конференции революционные намерения бельгийцев потерпели неудачу, а интересы Нидерландов защищены дипломатическим способом: «...Не следует забывать, что …решения конференции опрокидывают все надежды революционеров, все декреты самого принца *(Леопольда – Ю.Б.)* и всю политику …их министров»[736].

Однако, эта тяжелая и серьёзная работа российских уполномоченных по защите интересов Нидерландов не только не была удостоена благодарности короля Виллема I и принца Оранского, но и напротив – подверглась жесткой критике и вызвала их недовольство. Об этом свидетельствует письмо принца

---

[733] Там же. С.530.
[734] О бароне Хюго ван Зёйлене ван Нейвелте – см. соответствующую ссылку в параграфе 4.2.
[735] ВПР. Указ.соч. С. 531 – 532.
[736] Там же. С.532 – 533.

Николаю I от 8 (20) октября 1831 г., в котором сообщалось, что его отец-король не только «оскорблен» ультимативной формой сделанных уполномоченными пяти великих держав предложений, но и недоволен содержанием многих пунктов Лондонского протокола. Принц обратил внимание своего русского царственного шурина на «три основные вопроса» в «24 статьях», вызвавшие отторжение Виллема I.

Первый из них казался раздела между Бельгией и Голландией государственного долга прежнего Объединенного королевства Нидерландов. В Гааге полагали, что Бельгия должна была бы ежегодно выплачивать в счет этого долго 10 –11 млн. флоринов, тогда как в соответствии с утвержденным конференцией текстом договора с нее причиталось всего лишь 8 млн. 400 тыс[737]. Это было тем более удивительно, что в соответствии с письмом Ливена и Матушевича, голландские уполномоченные в Лондоне признали справедливость установленных в «24 статьях» расчетов о разделении долга[738].

Оранских не устраивало также решение уполномоченных держав относительно территории (части бельгийской провинции Лимбург), получаемой нидерландским монархом взамен отходившей к Бельгии «валлонской или французской части» Великого герцогства Люксембург, поскольку Виллем I «компенсировался таким образом не как голландский, а как люксембургский государь, которому …еще предстояло самостоятельно, без помощи своих союзников», договариваться о статусе голландского Лимбурга «со своими агнатами и Германской конфедерацией». Принц полагал, что подобные переговоры не сулили Голландии ничего хорошего; …и даже Маастрихт, в прежние времена бывший голландским владением, был бы превращен в «союзную крепость», где пришлось бы «терпеть смешанный гарнизон»[739].

Третий пункт в письме принца Оранского касался предполагаемого строительства «торговой дороги», которая должна была связать бельгийский

[737] Там же. С.538.
[738] Там же. С. 528 – 529.
[739] Там же.

Антверпен с рейнскими провинциями Пруссии и в значительной своей части пройти через голландские владения. Реализация подобного проекта, по словам принца, явилась бы «почти смертельным ударом для Голландии», лишавшим его правительство и подданных большей доли доходов, которые они ранее получали от транзитной торговли Великобритании с германскими государствами.

В заключение письма принц Оранский сообщал Николаю I о намерении его отца Виллема I выразить уполномоченным великих держав своё «возмущение ультимативной формой сделанного ему предложения», а также заявить о том, что по истечении срока перемирия с Бельгией (был установлен до 25 октября 1831 г.), не получив от конференции формального предложения о его продлении, голландская сторона будет считать себя находящейся в состоянии войны со своей соседкой, хотя и не предполагает при этом возобновлять активные боевые действия[740].

Эти претензии короля и принца Оранского к действиям российских уполномоченных в Лондоне были поддержаны Николаем I, который в «собственноручной помете» на докладе Нессельроде от 23 октября (4 ноября) 1831 г. поручил вице-канцлеру сделать выговор Ливену и Матушевичу «за превышение ими полномочий» при подписании «договора 24 статей»[741]. Российский император четко дал понять, что, несмотря на несогласие со многими действиями нидерландского короля, он всегда останется для него другом и родственником, в отношении которого он не потерпит неуважительного и тем более оскорбительного или ультимативного тона: «Может быть, подобный тон и можно считать допустимым в отношении предателей и мятежников, но *никоим образом* не в отношении короля, моего друга и родственника, который имеет все основания чувствовать себя оскорблённым»[742].

Реакция императора на работу своих уполномоченных в Лондоне и его согласие с недовольством короля Виллема I огорчили князя Ливена, а в

---

[740] Там же. С.538. Также: ГАРФ. Ф.728. оп.1. д.1466. ч. V. л. 39 – 44.
[741] ВПР. Указ.соч. С.535.
[742] Там же. С. 536.

особенности графа Матушевича, с самого начала работы Лондонской конференции по указанию Николая I добросовестно защищавшего интересы нидерландского короля. Так, в личном письме графу Нессельроде от 21 октября 1831 г. Матушевич выразил возмущение позицией Виллема I, заявив вице-канцлеру, что «был вынужден ревностно защищать интересы короля Нидерландов, и если король …вздумает жаловаться, то совершит большую ошибку. Он может обвинять нас в том, что мы не восстановили его во владении Бельгией. Но было ли это осуществимым? …Разве у нас были средства, чтобы повергнуть его в общеевропейскую войну за личные интересы короля нидерландского? Более того, когда король 1-го августа возобновил военные действия против Бельгии, он объявил на весь мир, что ведет войну не для отвоевания Бельгии, а чтобы обеспечить Голландии справедливые условия разделения»[743].

Далее Матушевич говорит в письме о борьбе российских уполномоченных за избрание принца Оранского королем Бельгии и отсутствии содействия в этом со стороны короля Виллема I, а также о выгоде октябрьского протокола конференции для Голландии: «В течение шести месяцев представители России прилагали все усилия, чтобы королём бельгийцев был избран принц Оранский. Разве король нидерландский им в этом помогал? Отнюдь. Он взял обратно свое разрешение сыну принять бельгийскую корону и откровенно признался, что предпочел бы сыну принца Леопольда. Что же касается окончательного акта (*октябрьского протокола конференции – Ю.Б.*), который мы недавно подписали, то его выгоды для Голландии велики, незамедлительны и позитивны»[744].

В заключение граф Матушевич разъясняет, что Бельгия стала принадлежать нидерландскому королю только благодаря тому, что она была отвоёвана Россией и другими крупными державами: «*…Бельгия никогда не принадлежала королю Нидерландов ни на основании наследования, ни на основании завоевания, как Польша принадлежит Государю Императору.* В самом деле, ведь не король, а

[743] Colenbrander H.T. Op.cit. P.496. АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1831 г. Д.150. л.309.
[744] Там же.

Россия, Англия, Австрия и Пруссия отвоевали Бельгию у Франции, именно они передали её королю в силу своего права завоевания, а не основании какого-нибудь принадлежащего ему права. …Стало быть, …эти державы в полном праве …распорядиться Бельгией, не нарушая принципа законности, который полностью принадлежит им и никогда не стоял за королем иначе, как в силу уступки этих держав»[745]. Обращает на себя внимание, что российские дипломаты Ливен и Матушевич осмеливались высказывать несогласие с позицией императора и ревностно защищали результаты своей деятельности на Лондонской конференции.

Невзирая на упрямую и неблагодарную позицию Виллема I, князь Ливен и граф Матушевич подписали Меморандум уполномоченных России, Австрии и Пруссии от 2(14) ноября[746], а также акты от 3 (15) ноября 1831 г., в которых были прописаны положения октябрьского протокола Лондонской конференции – «24 статей»[747], которыми крупные державы окончательным образом стремились разрешить «бельгийский вопрос»[748].

2 (14) ноября 1831 г. протоколом конференции было зафиксировано «полное и безоговорочное признание Бельгией условий её отделения от Голландии, сформулированных конвенцией в «24 статьях»[749], в результате чего уполномоченные пяти держав подписали соответствующий «Договор об образовании Бельгийского королевства», известный также как Лондонский трактат от 3 (15) ноября 1831 г.[750].

К этому времени 15 ноября 1831 г. закончилась миссия графа Н.Д.Гурьева на посту российского посланника в Гааге, и до прибытия на его место нового

---

[745] Там же.
[746] ВПР. Указ.соч. С.557 – 567.
[747] Там же. С. 567 – 579.
[748] Мартенс Ф. Указ.соч. С.461 – 462.
[749] ВПР. Указ.соч. С. 567.
[750] Мартенс Ф. Указ. соч. С.467 – 478.

посланника И.А.Потёмкина[751] российской миссией в Нидерландах руководил 1-й секретарь посольства Д.И.Долгоруков[752].

В своём очередном письме Николаю I от 22 ноября 1831 г. принц Оранский выражает несогласие с позицией императора и большинства держав относительно отделения Голландии от Бельгии, игнорируя принятые Лондонской конференцией и согласованные с голландскими уполномоченными в Лондоне решения по этому вопросу: «…Мой дорогой Николай, твое предположение неверно, если ты думаешь, что наш народ хочет лишь, по твоим словам, *избавиться от Бельгии, чтобы не жертвовать ради неё своими интересами*. …Потеряв Бельгию, мы не получаем почти никакой компенсации. …Большинство голландцев считает, что было бы большим преимуществом видеть Бельгию возвратившейся под скипетр короля, …и это также является желанием подавляющего большинства бельгийцев…»[753].

12 (24) ноября 1831 г. в своем докладе Николаю I вице-канцлер Нессельроде представил на рассмотрение дальнейшую линию поведения России в «бельгийском вопросе», учитывая неуступчивую позицию нидерландского короля и выговор российского императора своим уполномоченным представителям в Лондоне. Граф Нессельроде подчеркивает роль России в решении бельгийского вопроса на Лондонской конференции в качестве *единственной защитницы нидерландского короля*, а также анализирует позицию короля и принца Оранских, которые видели решение бельгийской проблемы «в развязывании всеобщей войны», что категорически противоречило интересам

---

[751] Потёмкин Иван Алексеевич (1780 – 1849) – русский дипломат, тайный советник, дальний родственник светлейшего князя Г.А.Потемкина-Таврического. В июне 1811 г. в чине коллежского советника определен в российскую миссию в Дрездене, в марте 1816 г. стал секретарём российской миссии в Мадриде, в 1818 г. – поверенным в делах России в Штутгарте. В декабре 1822 г. назначен советником российского посольства в Лондоне. Пожалованный в действительные статские советники, в марте 1828 г. был определен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Баварском дворе. В апреле 1832 г. назначен на ту же должность при Нидерландском дворе, в 1837 г. занял пост посланника при дворах Римском и Тосканском. В 1844 г. вышел в отставку.

[752] Долгоруков (Долгорукий) Дмитрий Иванович (1797 – 1867) – русский дипломат, тайный советник, сенатор. Сын известного поэта и писателя Ивана Михайловича Долгорукова, правнук фаворита российского императора Петра II князя Ивана Алексеевича Долгорукова (1708 – 1739). Состоял секретарём при российских миссиях в Константинополе (1820 – 1822), Риме (1822 – 1826), Мадриде (1826 – 1830), Лондоне (1830 – 1831), Гааге (1831 – 1838), Неаполе (1838 – 1842). В 1843 г. назначен советником российской миссии в Константинополе. С 1845 по 1854 гг. – полномочный министр России при персидском дворе в Тегеране.

[753] Colenbrander H.T. Op.cit. P.506 – 507.

России и всей Европы: «…Если бы Россия была вынуждена покинула конференцию, …то первым пострадал бы от этого нидерландский король, поскольку лишился бы в Лондоне единственных защитников, до сих пор поддерживавших его дело. …Его королевское высочество принц Оранский усматривает путь спасения только во всеобщей войне и предлагает Вашему Величеству использовать все свое влияние, чтобы вовлечь в нее Австрию и Пруссию. …Однако, при нынешних обстоятельствах мы неизбежно натолкнулись бы на их отказ, который серьёзно задел бы достоинство России…»[754].

В завершение своего ноябрьского доклада граф Нессельроде предложил Николаю I следовать в «бельгийском вопросе» нижеследующим пяти пунктам поведения:

1) побуждать короля Нидерландов неизменно следовать своему решению не возобновлять военных действий;
2) мешать Франции и Англии утвердиться в желании принудить Его нидерландское величество к подписанию «24 статей»;
3) протестовать против подобного решения и покинуть конференцию, если оно будет принято;
4) не препятствовать королю Нидерландов и далее занимать выжидательную позицию, коль скоро у него имеются для этого средства;
5) выжидать самим, пока есть надежда, что дальнейшие события приведут к изменению во взглядах Австрии и Пруссии на дела Голландии.

Стоит отметить, что на полях данного доклада император Николай I своей рукой делал пометки, выражая согласие практически со всеми предложениями и утверждениями вице-канцлера: «Согласен», «Весьма справедливо», «Также справедливо»[755].

Напротив предложения о принце Оранском в докладе вице-канцлера Николай I написал свое развернутое замечание, четко разъясняющее его позицию в отношении «отказа союзников в военной помощи Виллему I»: «… Мои

[754] ВПР. Указ.соч. С.589 – 590.
[755] Там же. С.590.

убеждения остаются неизменными. Малодушие тех, чье содействие было необходимо для поддержки подобного решения, стоило нам торжества мятежников в Бельгии и нашего польского дела. Время упущено, и, конечно, совсем не я провоцирую всеобщую войну в настоящий момент. Как раз наоборот, я считаю, что наша сила ныне – в отрицательной позиции… Я также совершенно не разделяю мнения Вильгельма относительно своевременности развязывания войны, но я полностью разделяю его в том, что касается убеждения в её неизбежности в силу самого хода событий…»[756].

5 декабря 1831 г. король Виллем I в личном письме обратился к Николаю I «как к союзнику и родственнику» с просьбой «отказаться от ратификации договора, заключенного 15 ноября в Лондоне», в надежде, что его «жертва» …могла бы обеспечить спокойствие Европы и предотвратить всеобщую войну – предмет особой заботы пяти дворов». Нидерландский монарх подчеркнул, что «посчитал обязательным лично обратиться к Императору»: «…Я совершенно не в состоянии признать королём принца Саксен-Кобургского, выступавшего …против принципов, установленных конференцией в её протоколах от 27 января и 19 февраля, …для меня невозможно не продолжать считать его своим врагом; более того, я не могу согласиться со статьями, противоречащими независимости и самому существованию моих верных провинций»[757].

Король Нидерландов открыто указывает императору на «невыгодные и несправедливые», по его мнению, для его государства изменения в договоре от 15 ноября, самоуверенно заявляя, что вопрос мира и войны зависит от него: «Договор от 15 ноября неопровержимо доказывает то, что конференция смогла допустить изменения как в отношении формы, так и содержания ...24 статей. …Конференция заблуждается, думая, что в состоянии предотвратить всеобщую войну и забыв, что…вопрос мира и войны был в моих руках; …мне не оставалось ничего другого

[756] Там же.
[757] H.T.Colenbrander. Op.cit. Hoofdstuk III. P. 53.

как отказаться от любой договоренности, не отвечающей справедливости в моём деле…»[758].

Далее Виллем I призывает «противостоять силой …духу восстания, мучающему Европу и угрожающему общественному порядку и цивилизации, …и не отвергать старую Голландию, которая …просит в этот момент о поддержке». В письме императору он придаёт большое значение подписанному 14 (25) сентября 1815 г. договору о Священном союзе, считая его документом, который мог бы «объединенными усилиями помочь Голландии»: «Я основываю это на заключенном союзе в Париже 14 сентября 1815 г., к которому я поспешил со временем присоединиться и принципы которого были постоянно, и особенно в нынешних условиях, правилом моего политического поведения…»[759].

В заключение нидерландский монарх подчеркивает свое намерение «совместно поддерживать порядок в Европе»: «Если её причины не будут купированы, то момент войны в лучшем случае будет отложен. Война …лишь станет более жестокой. …Выражаю пожелания счастья Вашему Величеству и Вашему народу …в полной уверенности святости договоров, существующих между нами, и уз, объединяющих нас…»[760]

Подобные письма Виллем I, помимо русского государя, направил также прусскому королю Фридриху Вильгельму III, а также австрийскому императору Францу II[761].

С разъяснениями по поводу негативной реакции императора на следование российских уполномоченных ультимативному тону «договора 24 статей» вице-канцлер Нессельроде направил послу Ливену в Лондон конфиденциальную депешу от 3 (15) декабря 1831 г., в то же время подчёркивая высокую оценку Николаем I сложнейшей работы русских дипломатов: «…С самого начала лондонских переговоров Его Величество неизменно удостаивал своим одобрением достигнутые Вами результаты. Они свидетельствовали о законном

[758] Ibidem. P.54.
[759] Ibid.
[760] Ibid.
[761] H.T.Colenbrander. Op.cit. Hoofdstuk III. P. 53 – 55.

уважении к правам Его величества нидерландского короля… Император …испытывал большое огорчение, видя бесчисленные препятствия, возникавшие на Вашем пути из-за недоверчивости и непоследовательности, которые проявлял этот государь *(Виллем I – Ю.Б.)* в то самое время, когда Вы отстаивали его дело с наибольшей горячностью и наилучшими шансами на успех»[762].

Нессельроде в очередной раз передаёт незыблемые принципы российского императора в отношении «бельгийского вопроса», подчеркивая обязательства Николая I перед нидерландским монархом как союзником, родственником и другом: «Во-первых, Его Императорское Величество не поддержит какое бы то ни было окончательное урегулирование, касающееся Бельгии, прежде чем нидерландский король не даст на него добровольного согласия; во-вторых, он не признает суверена нового Бельгийского государства до тех пор, пока тот не будет признан его нидерландским величеством…»[763].

Далее в письме Ливену вице-канцлер сообщает о принятом государем решении в ответ на просьбу нидерландского монарха отсрочить ратификацию Лондонского протокола от 3 (15) ноября 1831 г.: «Российский император *откладывает ратификацию подписанного с Бельгией договора* в силу тех же своих «принципов», которые не позволили ему однозначно одобрить «24 статьи», он будет считать бельгийское дело незаконченным, пока нидерландский монарх добровольно не примет означенного договора…»[764].

Князь Ливен и граф Матушевич были опечалены реакцией императора на их деятельность в ходе конференции. Однако, Ливен не затруднился от своего и Матушевича имени заявить императору, что «мы и теперь еще считаем наш образ действий предписанным истинным нашим долгом в отношении нашего Государя, несмотря на несчастие, что он не был одобрен»[765].

Весьма энергично защищает свою деятельность на Лондонской конференции граф Матушевич. В очередном письме из Лондона вице-канцлеру

---

[762] ВПР. Указ. соч. С. 613 – 614.
[763] Там же.
[764] Там же. С. 615. АВПРИ. Ф.Канцелярия. Оп. 469, 1831 г., д.148, л.273 – 282 об.
[765] Мартенс Ф. Указ соч. С.464 – 465.

Нессельроде от 25 декабря 1831 г. (6 января 1832 г.) он отмечает, что «бельгийский вопрос» касается не только Голландии и Бельгии, но и затрагивает в том числе интересы России, мира и процветания: «…Есть еще одна точка зрения, которую упускали из виду в «бельгийском вопросе»: здесь …замешаны интересы не только короля нидерландского и Голландии. Непосредственные интересы России, её наиболее драгоценные интересы, её процветание, её мир, её отношения к другим великим державам связаны с этим вопросом… Разве мы можем поставить их в зависимость от его решений?.. Эта система …сделала бы не Государя Императора, но короля нидерландского решителем судеб России. …По моему крайнему разумению, искусство управления и дипломатия заключаются в соглашении принципов с необходимостью, но не в желании, чтобы …интересы всегда уступали правилам»[766].

Далее в письме граф Матушевич предлагает очень важное и *весьма неординарное решение «бельгийского вопроса»*: «Нам предстоит дипломатическим путем решить проблему *квадратуры круга*. Чтобы удовлетворить Англию, не следовало бы изменять известные 24 статьи. Для того же, чтоб удовлетворить короля нидерландского, их нужно изменить. Мы предлагаем сделать и то, и другое. Известные 24 статьи будут подписаны – что спасет честь английского правительства. Но в ту же самую минуту они будут изменены посредством соглашения между Голландией и Бельгией – чем спасется честь голландского короля. Таково наше последнее средство. Необходимо хорошенько объяснить это королю нидерландскому»[767].

Это «последнее средство», выработанное уполномоченными России на Лондонской конференции, было впоследствии одобрено императором Николаем I, и таким образом «были спасены» акты ноября 1831 г. [768]. Однако, даже после представленного и подготовленного Россией варианта решения этого конфликта, с учетом интересов Нидерландов, Виллем I в течение еще нескольких

---

[766] АВПРИ. Ф.Канцелярия. Оп.469. 1831 г. Д. 150. Л. 346 – 347. Также: Мартенс Ф. Указ соч. С.466 – 467.
[767] Там же.
[768] Мартенс Ф. Указ соч. С.466 – 467.

лет отказывался подписать как «основы разделения», так и мирный договор с Бельгией.

Рассмотренные в данном и предыдущих параграфах факты позволяют сделать вывод, какую конкретно аргументацию использовали в своей дипломатии Виллем I и Николай I и его полномочные представители на Лондонской конференции. Последние во главу угла ставили легитимизм в духе Венского конгресса, имея в виду, что суверенитет над территорией может быть оправдан либо наследственными правами королевского дома, либо в результате успешного захвата – в духе реализма, т.е. «права на стороне того, кто сильнее». Ни тем, ни другим Виллем I не обладал (однако, был убежден в своем праве владения Бельгией), и в соответствующих письмах от 12 (24).12.1830 г. и 21.10.1831 г. граф Матушевич подчеркивает, что именно Россия, Англия, Австрия и Пруссия отвоевали Бельгию у Франции и в силу своего права передали ему Бельгию, т.е. Бельгия стала принадлежать нидерландскому королю только благодаря уступке со стороны этих держав. Вместе с тем, в отличие от своих дипломатов, выражавших возмущение неконструктивной позицией Виллема I в «бельгийском вопросе», Николай I требовал почтительности (т.е. по форме, не по содержанию) в отношении нидерландского монарха как своего родственника и союзника, и четко дал понять своим диппредставителям в Лондоне, что не потерпит по отношению к нему принудительного и неуважительного тона. Исходя из понимания легитимности (т.е. того, что Виллем I боролся против бельгийских мятежников, на что упирал сам король), а также из родственных обязательств, Николай со своими войсками хотел бы прийти на помощь Голландии, как того требовала роль гаранта Священного союза (и к чему главным образом апеллировал король), но его удерживали два обстоятельства, заставлявшие следовать логике реализма. Первое – государственные интересы русского царя были сосредоточены в тот момент на Польше, где жестоко подавлялось восстание, силой подтверждавшее суверенитет императора – короля Польского. Второе, в той же логике – нежелание, следуя родственным чувствам, быть вовлеченным в военный конфликт, спровоцированный (как полагал Николай I) недальновидной

политикой самого короля и чреватый большой войной с Францией, тем более, что за ним не последует ни один член Священного союза. Следует отметить, что все эти резоны разделял и принц Виллем, который в августе 1831 г. отказался продолжать кровавое наступление своей армии на Брюссель.

Таким образом, согласно той же логике реализма, Николай I постепенно отходил от военного решения проблемы и сосредоточился на дипломатическом урегулировании «бельгийского конфликта», отдавая должное кропотливой работе своих дипломатов в Лондоне и в то же время уважая позицию Виллема I как родственника и союзника, предоставив ему возможность добровольно принять выработанные конференцией «основы разделения» – «24 статьи».

4.5. Дипломатия Николая I в отношении «несговорчивого» Виллема I

Наступал следующий этап решения «бельгийского вопроса», и эта новая фаза дипломатической игры требовала уже не принципиальных, а тактических решений. Николай I, согласившись с независимостью Бельгии, надеялся завершить дело наименее болезненным для самолюбия и престижа династии Оранских способом. Следует подчеркнуть важную роль принца Виллема в этой новой фазе: он доносил до императора соображения короны и состояния общественного мнения в Нидерландах.

28 декабря 1831 г. в своём ответе нидерландскому монарху и союзнику Николай I написал, что «еще до получения его письма от 5 декабря принял соответствующие решения по Лондонскому договору от 15 ноября», приостановив ратификацию данного акта, таким образом «заблаговременно выполнив пожелания Виллема I», далее добавив: «…Приостановив ратификацию Договора от 15 ноября, я не могу быть уверенным, что мои союзники примут такое же решение. В этом я могу предложить Вам только это еще одно доказательство моей дружбы к Вам»[769].

[769] Colenbrander H.T. Hoofdstuk V. P.516. Николай I – Виллему I. 28 декабря 1831 г.

Николай I призывает короля сделать всё для завершения «бельгийской проблемы» мирными средствами, пока это возможно, напоминая Виллему I, кому он обязан освобождением своего королевства и восшествием на престол Нидерландов: «…Необходимо избегать того момента, когда любые последующие переговоры будут уже невозможны… Только Вы являетесь единственным судьёй в том, что нужно Вашему престолу и Вашему народу; однако, не стоит забывать того, чем Вы обязаны Европе и Вашим союзникам»[770].

Уже в новом, 1832 году, 8 января в кратком письме Николаю I принц Оранский утверждает, что голландцы поддерживают «политику упорства» его отца, короля Виллема I[771].

В своем следующем письме российскому императору от 29 января 1832 г. принц продолжает размышлять о возвращении Бельгии под корону Оранских, упрямо отказываясь учитывать уже принятые решения Лондонской конференции о независимом Королевстве Бельгия, благодарит Николая I за отказ от ратификации Лондонского договора и продолжает утверждать о поддержке политики короля населением Голландии: «…Уверяю тебя, что все мыслящие …люди всё чаще рассматривают как жизненную необходимость для Голландии возвращение Бельгии под ту же корону, хотя и с отдельной администрацией. …После того, как договор, подписанный моим отцом, мог бы установить существование Бельгии, мы могли бы начать второе обсуждение, чтобы добиться отказа короля Нидерландов от Бельгии; он уверен, что такая жертва с его стороны заслуживает по крайней мере некоторой компенсации... Твой отказ от ратификации уже сделал столь много хорошего, что я уверен, что, если ты продолжишь нас морально поддерживать, мы в конечном итоге достигнем удовлетворительного результата…»[772].

Составленные нидерландским королем замечания к положениям договора «24 статей» от 15 ноября 1831 г. были в начале 1832 г. в целом позитивно

---

[770] Ibidem.
[771] Ibidem. P.521.
[772] Ibid. P.524.

восприняты Лондонской конференцией, но Виллем I все еще не собирался ставить свою подпись под Лондонским договором[773].

В письме королю от 30 января 1832 г. Николай I пообещал Нидерландам помощь на конференции, называя эту помощь «последним шансом для короля», настойчиво призывая Виллема I пойти навстречу союзникам и присоединиться к «24 статьям»: «Мои полномочные представители не будут пренебрегать никакими средствами, чтобы отвечать пожеланиям Вашего Величества. Но не буду скрывать, что это последний шанс, который может еще послужить делу Голландии, …и самые ревностные усилия могут потерпеть неудачу, если Ваше Величество не соблаговолит сгладить те трудности, которые только Вам под силу решить. …Я повторно взываю к Вашей мудрости и Вашим чувствам, как в интересах мира, так и в отношении народа, находящегося под властью Вашего Величества»[774].

Согласно голландским историкам, Виллем I, заручившись, по его мнению, поддержкой голландского народа, был настроен стоять как можно дольше на своём, полагая, что так «судьба мира в Европе находится в его руках, зависит от его позиции». Как писал в записках в конце 1832 г. основатель голландской государственности Г.К. ван Хогендорп, «Кажется, вся нация размышляет только об одном: наш конфликт и наша война с Бельгией …О сохранении нашей гражданской свободы …никто предпочитает не говорить»[775]. Другой видный государственный либеральный деятель Нидерландов XIX века Й.Р.Торбеке[776] полагал, что «политика упрямства» короля Виллема I после 1831 г. «походила на болезнь, которая, из-за нежелания тех, кому следует, заниматься причиной её

[773] Ibid. P.525.
[774] Ibidem.
[775] Van Hogendorp G.K. Brieven en gedenkschriften. Deel 7. ‘s Gravenhage, 1907. P. 235 – 236. Также: Zanten J. van. Op.cit. P. 344.
[776] Йохан Рудольф Торбеке (1798 – 1872) – видный нидерландский государственный деятель, учёный, либерал, профессор юриспруденции, один из самых известных политических деятелей Нидерландов XIX века. Лидер либеральной партии Нидерландов, в течение трех периодов возглавлял нидерландское правительство. Автор закона, ограничившего королевской власти парламентской, избирательного законодательства и нового проекта конституции Нидерландов (1848 г.), председатель комиссии по разработке новой конституции королевства. Обладал строгим и прямым характером, что не раз приводило его к столкновениям между ним и королями Нидерландов Виллемом II, в особенности, с Виллемом III.

возникновения, лишь больше распространялась по организму»[777]. Этот период истории Нидерландов он характеризовал следующим образом: «Наша страна находилась в поворотном моменте своей истории, но изменяться не собиралась… Нидерландский народ …обиженно отгородился от остальной Европы»[778]. Можно сказать, что по воле короля любые политические изменения в Нидерландах были приостановлены на ближайшие несколько лет.

Непримиримая позиция нидерландского монарха в «бельгийском вопросе» очень беспокоила русского царя, поскольку могла привести к полному распаду согласия четырех великих европейских держав – России, Англии, Пруссии и Австрии, в котором он усматривал единственный оплот против агрессивных притязаний Франции. Опасаясь, ввиду полного обособления Виллема I, еще большего сближения между Англией и Францией и не вполне доверяя Австрии, Николай I предвидел возможность нарушения солидарности между четырьмя упомянутыми великими державами. Этот фактор стал причиной серьёзного изменения в поведении русского императора в ходе «бельгийского конфликта». Николай нисколько не желал, чтобы его дипломатия попала в зависимость от упрямства нидерландского монарха, обязанного своим престолом и бельгийскими территориями (которые он не смог ни привлечь к себе, ни удержать силой) России и другим державам. И он переходит к новой фазе решения «бельгийской проблемы»: прямому дипломатическому давлению, угрожая ратифицировать «24 статьи» в любом случае, даже при отсутствии согласия Виллема I.

В начале 1832 г. царь предпринял последнюю попытку воздействовать на своего самолюбивого родственника и направил в январе в Гаагу чрезвычайное посольство во главе со своим генерал-адъютантом графом А.Ф.Орловым с поручением убедить голландского короля в необходимости отказаться от безрассудного упрямства. Об этом он сообщил Виллему I в письме от 30 января 1832 г. Несмотря на то, что еще в 1831 г. Николай I был готов полностью поддерживать нидерландского монарха и принял для себя решение

[777] Kossmann E.H. Politieke theorie en geschiedenis. Amsterdam, 1987. P.365. Zanten J. van. Op.cit. P.345.
[778] Ibidem.

присоединиться к Лондонскому трактату только в случае одобрения его Виллемом I, к началу 1832 г. несговорчивость принца и короля Оранских в «бельгийском вопросе» и их желание «выторговать» максимум выгоды от своего отказа одобрить решения Лондонской конференции все больше и больше раздражали российского императора, шаг за шагом меняя его отношение к политике Оранских в худшую для них сторону.

Цель указания Николая I обозначил вице-канцлер Нессельроде в письменной инструкции графу Орлову от 18 (30) января 1832 г.: «дать голландскому королю последнее средство, чтобы с честью выйти из своего затруднительного положения»[779].

Удивленный фактом миссии графа Орлова в Гаагу, 16 февраля 1832 г. принц Оранский написал своему русскому шурину: «Я только что узнал, что ты направил к нам Орлова; …однако, не могу представить себе его в качестве дипломата, хотя отдаю должное …всей утонченности его ума… Но с чем едет к нам Орлов? Что ты ему поручил?»[780]

По инструкции вице-канцлера, в Гааге графу Орлову могли представиться следующие альтернативы:

1) Король нидерландский принимает план переговоров, составленный русскими уполномоченными на Лондонской конференции. В этом случае граф Орлов должен был принять, для передачи русским уполномоченным в Лондоне, все пожелания и поправки, затребованные королём. Однако, графу было запрещено «входить в подробности рассмотрения этих поправок и изменений»: он лишь должен был объявить, что эти изменения не могут переходить установленных границ, и поданною королю декларацией подтвердить отказ свой сделать какие-либо уступки;

2) Нидерландский король отвергает всякое средство соглашения. В таком случае граф Орлов должен был употребить все усилия, чтобы король

[779] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 525; Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций… Т.XII. Трактаты с Англией. 1832 – 1895. СПб. 1898 г. С.13.
[780] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 539.

отказался от такого решения. Если же он заупрямится, то граф Орлов делает декларацию в вышеприведенном смысле;

3) Русский план действий не будет одобрен Лондонской конференцией, и последняя будет настаивать на принятии королём 24 статей без всяких изменений[781]. Эта гипотеза, по мнению Ф.Мартенса, была маловероятной. Но «если б она реализовалась, то следует только советовать королю голландскому, чтобы он покорился силе обстоятельств»[782].

Побывав в Гааге, граф Орлов, в любом случае, должен был отправиться в Лондон. Если голландский король не принял бы предложений конференции, то русские уполномоченные должны были объявить конференции, что поданной нидерландскому правительству графом Орловым декларацией Россия *признает фактическое существование Бельгии*, как нейтрального и независимого государства[783].

Наконец, графу были даны акты ратификации со стороны России ноябрьского акта Лондонской конференции с тем, чтобы он приступил к их размену в случае согласия короля нидерландского на ратификацию[784].

В середине февраля 1832 г. граф А.Ф.Орлов прибыл в Гаагу.

В ходе встречи с принцем Оранским 21 февраля 1832 г. Орлов подчеркнул неизменность последовательных действий России в «бельгийском вопросе» с целью достижения наиболее выгодных условий для Голландии, а также перечислил препятствия, испытанные императором и его кабинетом за все годы, когда «лишь он один делал всё возможное для помощи Виллему I»: «война в Польше, прохладное отношение …к этому курсу со стороны Австрии и Пруссии, предубеждения английского министерства, честолюбивая позиция Франции и, наконец, … неожиданная и незаслуженная холодность, с которой гаагский кабинет встретил …наши шаги»[785].

---

[781] Мартенс Ф. Указ.соч. С.13 – 14. H.T.Colenbrander. Op.cit. P.525; АВПРИ, ф.Канцелярия. 1832 г. Д. 173. Л. 3 – 18.
[782] Мартенс Ф. Указ.соч. С. 14.
[783] Император Николай I первоначальное слово *«reconnu»* собственноручно вычеркнул и написал *«etablie de fait»*.
[784] Мартенс Ф. Указ.соч. С.14.
[785] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 562. Граф Орлов – вице-канцлеру Нессельроде. Беседа с принцем Оранским, 21 февраля 1832 г.

Во время беседы с принцем граф Орлов, передав ему письмо от Николая I, а также слова императора о выполненном им за все прошедшие годы перед нидерландским королём долге, объяснил отсутствие возможности оказания быстрой помощи Голландии со стороны России: «…Не будем забывать о расстояниях, которые нас разделяют. Они лишают нас возможности защищать Голландию, если на неё нападут. …Император приказал мне сказать Вам об этом откровенно. Он не хочет, чтобы у вас сохранялось на этот счет ни малейших иллюзий…»[786].

Граф передал принцу настоятельную просьбу Николая I «прекратить пребывать в этом гнетущем состоянии неопределённости, бесконечного сопротивления, …навязывая своей стране непосильные для неё жертвы, истощая её ресурсы»[787].

В докладе вице-канцлеру Нессельроде о беседе с принцем Оранским граф Орлов отметил, что «два отрывка из письма императора особенно поразили принца. …Один о том, что сделанные …предложения следует считать *последним словом* государя; другой …указывал на намерение Его Императорского Величества *отозвать своих полномочных представителей* с конференции в случае, если король Нидерландов, упорно сопротивляясь и отвергая наши предложения о примирении, тем самым лишит нас *(т.е. Николая I – Ю.Б.)* всякой надежды помочь его делу»[788].

Далее граф от имени Николая I выразил принцу непонимание позиции Виллема I, действовавшего, будто никаких протоколов и решений Лондонской конференции по «бельгийскому вопросу» с 1830 года не существовало, хотя «именно король *требовал* разделения двух больших частей королевства, *признал* нейтралитет Бельгии и, наконец, *вел переговоры* в течение шести месяцев с представителями принца Саксен-Кобургского, против избрания которого он никогда не протестовал»[789].

---

[786] Ibid.
[787] Ibidem. P.563 – 564.
[788] Ibidem. P.564.
[789] Ibidem. P.565.

Как отметил в отчете вице-канцлеру граф Орлов, «В завершение беседы принц, как мне показалось, убедился в необходимости того, что голландское правительство должно в кратчайший срок прийти к окончательному соглашению»[790].

В конце беседы принц Оранский попросил Орлова передать императору свою «глубокую признательность за многочисленные доказательства Его заинтересованности в разрешении вопросов Голландии, а также свое намерение полагаться во всех обстоятельствах на советы, которые Его Императорское Величество соблаговолит адресовать ему»[791].

На следующий день, 22 февраля 1832 г., на аудиенции у короля Виллема I граф А.Ф.Орлов от имени Николая I передал ему призыв учесть безотлагательность обстоятельств и необходимость принять скорейшее решение о мирном соглашении с Бельгией: «Император Всероссийский …с благосклонностью друга и родственника в последний раз призывает Вас принять во внимание безотлагательность обстоятельств, в которых находится Ваша страна, и огромные жертвы, вызываемые этим положением, …которое не может долго длиться»[792].

Далее граф передал Виллему I опасения Императора, что в случае продолжения им такой политики существует угроза нападения на Голландию со стороны других держав, и при этом никто из союзников не сможет защитить её: «Мы имеем полную уверенность в том, что Голландия, если на нее нападут, не сможет рассчитывать на поддержку кого-либо из своих союзников. Это больно признавать; но отрицать это …означало бы питать тщетную надежду. …Уже нельзя оспаривать тот факт, что Бельгия отделилась от Голландии …и фактически существует как независимое государство. …Мы искренне сожалеем об этом, но не можем этого отрицать»[793].

---

[790] Ibid. P.566.
[791] Ibid.
[792] Ibidem. P.567 – 568. Граф Орлов – вице-канцлеру Нессельроде. Беседа с Виллемом I, 22 февраля 1832 г.
[793] Ibid. P. 568.

Реакция короля на это замечание поразила Орлова: «Вопрос о независимости Бельгии абсолютно новый для меня. Со мной на эту тему никогда не советовались. Разве я не король? Разве я не суверен? …Они подписали протоколы, так и не дождавшись моего согласия, пока спешили признать политическое существование Бельгии»[794].

В соответствии с данными ему инструкциями граф Орлов ответил Виллему I: «Вопрос о независимости, который для Вашего Величества сегодня представляется новым, не может считаться таковым ни нашим кабинетом, ни другими державами, принимавшими участие в работе Лондонской конференции. Все они …считают этот вопрос добросовестно решенным с того дня, когда голландское правительство признало невозможность вернуть себе владение Бельгией. …Посему, если данная позиция окажется сейчас под сомнением, то я буду считать свою миссию здесь завершенной и готов …отправиться в Лондон»[795].

Граф отметил, что данное его замечание заметно произвело впечатление на короля, осознавшего, что Голландия рискует остаться без защиты России.

В ходе официального обеда во второй части аудиенции в тот же день Виллем I объявил графу, что «принятой бюджетом королевства на текущий год суммы в 70 млн. гульденов …хватит, чтобы выдержать развития событий в течение года». На это граф ответил королю, что «люди устали от всего: ждать, платить налоги, приносить жертвы, не видя ни конца, ни цели». На следующее замечание короля, что у него достаточно армии, «которая составляет 100 тыс. человек», граф Орлов парировал, что «в ней всего 35 тыс. солдат, остальное это гражданская самооборона и ополчение». Виллем I продолжал: «Именно эта армия победила врага». Однако, граф возразил: «Несомненно, она победила бельгийцев; но остановилась перед французской армией. Смогла бы Ваша армия

[794] Ibidem.
[795] Ibidem.

противостоять превосходящим по численности войскам под командованием старых и опытных генералов?..»[796].

На эти высказывания Орлова король ответил: «Лучше погибнуть, чем уступить», сделав оговорку: «Вы конечно понимаете, что это …моё личное, не официальное замечание»[797].

На вопрос Виллема I, почему Голландия должна платить за благополучие и покой других государств, граф Орлов подробно разъяснил королю позицию Николая I в отношении начала Бельгийской революции, вина за неспособность подавить которую полностью лежала на короле и его правительстве: «Катастрофа обрушилась на королевство Нидерландов не по вине союзников. Они не несут ответственности за это несчастье. Если бы нидерландское правительство было достаточно сильным для подавления вспыхнувшего в 1830 г. восстания, разделение двух больших частей королевства не стояло бы на повестке дня. Но этого не произошло. Восстание продолжилось. Правительство …было вынуждено ради собственной безопасности обратиться к пяти державам, чтобы добиться примирения путём переговоров. Вот здесь следует искать источник всего совершенного зла. Революцию нельзя подавить словами. Поэтому у Голландии нет права говорить, что она является жертвой, которую принесли великие державы, желая сохранить мир любой ценой. Именно неспособность правительства Нидерландов восстановить порядок у себя дома силой оружия является причиной всего зла, свидетелями которого мы сегодня являемся и бремя которого несет сейчас Голландия»[798].

Далее граф привел королю в пример борьбу с революциями других подверженных волнениям государств, и эти сравнения были отнюдь не в пользу Голландии: «Другие державы …оказались более счастливыми, им удалось одолеть вспыхнувшие вокруг мятежи. Австрия дважды прекращала волновавшие ее беспорядки, волновавшие римские провинции. Россия, благодаря энергии и

[796] Ibid. P. 570.
[797] Ibidem.
[798] Ibidem. P. 571.

настойчивости Императора, вышла победителем из борьбы в Польше. …Однако, правительство Нидерландов не выдержало тяжести неблагоприятных обстоятельств, и об этом несчастье Европа очень сожалеет…»[799].

В ответ Виллем I попытался оправдать свои действия, сравнив их с борьбой российского императора с польскими мятежниками: «Почему бы не подражать примеру императора Николая, только что приведенному Вами?». Граф немедленно парировал: «Потому что Император Всероссийский поставлен во главе 50 миллионов человек, а Ваше Величество правит только двумя *(миллионами – Ю.Б.)*[800]». Виллем I продолжал защищать свою бескомпромиссную позицию: «Я действительно не понимаю, почему я должен жертвовать своими принципами. Я буду продолжать следовать им и не хочу иметь дело с месье Леопольдом».

На данное замечание короля граф Орлов отреагировал твёрдо, жёстко и весьма откровенно, подчеркнув монарху значение хода обстоятельств в мировой политике: «Никто, Сир, кроме нас, не разделяет и не уважает Ваши принципы. С другой стороны, существуют мудрые решения правителей, которые, уступив власти обстоятельств, …избавили свои народы от больших бед. Так, прусский король в 1807 г. пожертвовал половиной своего королевства. Король Дании смирился с потерей Норвегии. …Какой вывод мы можем из этого сделать? Что в политике существует необходимость, перед которой ничто не может устоять…»[801].

Продолжая оставаться при своём мнении и не желая идти на компромисс, король ответил графу: «Я решительно ничего не понимаю из того, что Вы мне говорите. Многое из сказанного Вами уже изменилось…»[802].

Учитывая подобную реакцию Виллема I, графу Орлову пришлось дать подробные разъяснения позиции российского императора по «бельгийскому вопросу»: «Решения Императора были и остаются прежними. Его Величество

---

[799] Ibidem.
[800] Приблизительное количество жителей в Российской империи и в Голландии в описываемый период.
[801] Ibid. P.571 – 572.
[802] Ibidem.

приостановил ратификацию договора от 15 ноября не потому, что рассчитывал, …что это его единоличное решение приведет к отмене …данного соглашения, а потому что оно согласовывалось с Его принципами уважения Вашей воли, для предоставления Вам времени на Ваше добровольное согласие с Лондонскими актами. …Его решение позволило, так сказать, оставить дверь для Голландии открытой, чтобы помочь ей выбраться из затруднительного положения, …в соответствии с потребностями Вашей страны. Император …нисколько не имел в виду ограничивать Вашу волю. …Его язык и сегодня остается таким же, как и прежде; Государь отдаёт решение судьбы Голландии Вашей свободной воле, Вашей собственной мудрости…»[803].

В докладе вице-канцлеру Нессельроде граф Орлов подчеркнул, что старался избежать ситуации, при которой у голландских короля и принца могло создаться впечатление о стремлении российского императора навязать свою позицию голландскому кабинету[804].

Далее Виллем I намекнул, что знает о роли Орлова в заключении Адрианопольского мира[805]: «Нам известно об искусстве Вашего дипломатического способа ведения дел»[806].

В ответ на этот намек граф Орлов серьёзным и уважительным тоном продолжал: «Есть два способа ведения дел. Один, когда оказываешься во главе 100 тысяч человек, в пяти шагах от столицы. Другой, когда ты приходишь один и говоришь на языке правды от имени монарха, друга и родственника. Это как раз и является языком моей миссии. Всё остальное не соответствовало бы искренним и доброжелательным намерениям Императора. Он направил меня сюда не для интересов России, а в интересах Голландии…»[807].

---

[803] Ibid. P. 572.
[804] Ibidem. P. 572 – 573.
[805] Мирное соглашение, ознаменовавшее в сентябре 1829 г. победу России в русско-турецкой войне. Граф А.Ф.Орлов сыграл ключевую роль в получении выгодных для России условий Адрианопольского мира, что было высоко оценено императором Николаем I.
[806] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 573.
[807] Ibidem.

Потом король произнес весьма неожиданную фразу, смысл которой граф понял позднее: «…Я стал королём по воле обстоятельств и не забываю, что я сын статхаудера. Если я не смогу защитить своё королевство, то знаю, что, как сказал однажды мой предок Виллем III[808], можно будет затопить Голландию и отправиться в Индию». Длившуюся около 2 часов аудиенцию Виллем I завершил следующими словами, обращенными к графу Орлову: «Каков бы ни был исход Вашей миссии, будьте уверены, что я всегда сохраню глубокую признательность Императору»[809].

В завершение своего доклада вице-канцлеру Нессельроде о состоявшейся аудиенции граф Орлов раскрыл свое понимание смысла финальной фразы нидерландского монарха: «Эти слова стали мне ясны позднее. …Они, вероятно, указывают на скрытое намерение Его нидерландского величества в конце концов отказаться от своих прав на королевскую власть, если он не увидит благоприятный исход своего проекта восстановления государства…»[810]. Фраза Виллема I также могла означать угрозу пойти на крайности.

Несмотря на «весьма милостивый», по словам графа А.Ф.Орлова, прием со стороны принца Оранского и короля, в Гааге, он совершенно не достиг поставленной ему императором цели: укротить упрямство короля и заставить его принять решения Лондонской конференции. По мнению Ф. Мартенса, напротив, король еще более утвердился в той мысли, что «в его руках вопрос о мире и войне», и что «великие континентальные державы, а в особенности Россия,

---

[808] Виллем III Оранский (1650 – 1702) – статхаудер РСП (Республики соединенных провинций) с 1672 г., правнук лидера Нидерландской буржуазной революции, основателя РСП и первого статхаудера Голландии Виллема Оранского (1533 – 1584). В 1677 г. женился на своей двоюродной сестре Марии Стюарт, дочери будущего английского короля Якова II. В 1689 г. в результате «славной революции» стал королём Англии и Шотландии под именем Вильгельм III. В годы его правления начался стремительный взлёт Англии и превращение в сильную мировую державу. Петр I во время своего Великого посольства встречался в 1697 г. в Нидерландах с Виллемом III для обсуждения с ним вопросов найма голландских специалистов для нужд российской армии и флота и закупки оружия. В данной фразе король, видимо, намекает на период истории Нидерландов, именуемый «Годом бедствия» (по-нидерландски – het Rampjaar) – 1672 год, когда РСП была атакована Англией и Францией, завоевавшими большую часть Республики. Чтобы спасти Амстердам от захватчиков, статхаудер Виллем III решил затопить области перед столицей, открыв шлюзы. Наводнение захлестнуло все низинные области, превратив Амстердам в остров. Разочарованный король Франции Людовик XIV возвратился в Париж, оставив на месте потопа 20 тыс. солдат.

[809] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 573.

[810] Ibidem.

никогда не оставят его на произвол судьбы …и наверняка будут энергично защищать его…»[811].

21 февраля (4 марта) от министра Верстолка ван Сулена граф Орлов получил официальный ответ, весьма расстроивший его: это был категорический отказ нидерландского монарха следовать советам русского Императора[812]. На это Орлов объявил министру, что отказывается принять ноту и ему остается только подать голландскому правительству заготовленную «декларацию, констатирующую упрямство и полную обособленность Голландии», и немедленно выехать из Гааги в Лондон. Министр Верстолк, в полной неожиданности от такого жесткого ответа графа, попросил отсрочки для размышления[813].

9 марта 1832 г. в очередном письме Николаю I принц Оранский энергично спорит с императором, продолжая защищать свою позицию и сетуя, что события развиваются не в его пользу: «…Мне удалось добиться от короля осознания нашего положения …и понять смысл миссии Орлова; однако, нам трудно принять необходимость признания Леопольда, и должен тебе признаться, что пребывание здесь Орлова весьма навредило мне; …Думаю, ты хорошо понимаешь, что то, что мы сейчас делаем, – это вынужденно; мы признаём случившееся *де-факто*, а не *де-юре*, и я надеюсь, что когда позволят обстоятельства, ты возвратишь нам то, от чего силой заставил нас отказаться…»[814].

Через три дня, 12 марта, принц в письме российскому императору снова повторяет об опасности большой войны на континенте: «…Дай бог, чтобы …нынешние условия *моментально* привели к хорошему исходу; я говорю: моментально, так как убеждён, что, несмотря на все ваши усилия, у вас скоро будет война и что в Европе не будет покоя, пока союзники в третий раз не проучат Францию в её столице»[815].

---

[811] Мартенс Ф. Указ.соч. С. 14 – 15.
[812] АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1832 г. Д. 172. Лл. 120 – 123.
[813] Мартенс Ф. Указ.соч. С.16.
[814] Colenbrander H.T. Op.cit. P.546.
[815] Ibidem.

Из полученных в конце февраля из Санкт-Петербурга документов граф Орлов убедился, что сам император Николай I потерял терпение и не желает более поддерживать претензии голландского короля. Позднее граф Орлов получил голландскую ноту, свидетельствующую о том, что настойчивые просьбы императора возымели действие на короля и он всё-таки решил сделать некоторые уступки: «…Голландия согласится признать Леопольда королём бельгийцев, когда состоится соглашение насчет условий отделения». Однако, основным пунктом в ней было то, что Голландия отказывается признавать ноябрьские постановления Лондонской конференции[816].

На это граф Орлов 10 (22) марта 1832 г. в соответствии с указаниями императора вручил барону Верстолку декларацию, сообщив, что просит прощальной аудиенции у короля. В декларации от имени России объявлялось что «Государь отныне не считает более возможным оказывать Голландии какую-либо поддержку или помощь, Россия признает нейтралитет Бельгии и не может препятствовать великим державам принимать меры для её защиты»[817].

На состоявшейся 23 марта прощальной аудиенции на вопрос Виллема I: «Теперь Вы дадите ратификацию на ноябрьский трактат?» граф Орлов ответил, что на то будет воля Императора, и в самую последнюю минуту поставил королю категорический вопрос: «Намерено ли Ваше Королевское Величество принять 24 статьи; да или нет?»[818].

Король ответил: «Вы мне ставите вопрос совести». После недолгого раздумья он прибавил решительным образом: «Лондонские 24 статьи в их нынешнем виде я никогда не подпишу. Если они будут изменены – тогда другое дело… До тех пор, пока народ меня не оставит, я не оставлю народ. Если он перестанет меня поддерживать, тогда их, может быть, подпишет кто-то другой, но не я»[819].

---

[816] Мартенс Ф. Указ. соч. С. 16.
[817] Там же. С. 17. АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1832 г. Д.172. Лл. 237 – 243.
[818] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 580.
[819] Ibidem. P.580 – 581.

Так закончилась миссия графа Орлова в Гааге. Из его частных писем к российскому вице-канцлеру графу Нессельроде очевидно, что он с особенным удовольствием уехал из Голландии в Лондон, куда прибыл 15 (27) марта 1832 г. Еще до этого, 2 (14) марта из Гааги граф писал вице-канцлеру, что во время пребывания в Голландии «он имел дело с королём, отличающимся в высшей степени характером фальшивым, проникнутым эгоизмом и самолюбием…»[820]. Орлов постиг тактику голландского короля, состоявшую в том, чтобы «непринятием Лондонской конференцией его новых требований вызвать рознь между великими державами и возбудить гнев Императора» *(против союзников – Ю.Б.)*. По убеждению графа, наступил момент решительных мер «для окончания бельгийско-голландской распри»[821].

В заключение письма вице-канцлеру Несельроде от 2 (14) марта 1832 г. граф Орлов сравнивает своё пребывание в Гааге с «лихорадкой», которая, наконец, перестала его мучить: «…Я с такой радостью сейчас говорю королю и его министрам: прощайте!»[822].

В следующем письме вице-канцлеру Нессельроде от 26 марта Орлов отметил, что, «исполнив по отношению к королю Нидерландов долг свободной и бескорыстной дружбы», Россия может теперь быть свободна от своих прежних обещаний, чтобы «более не связывать себя с этим сувереном никакими новыми обязательствами». Граф считал такой результат «наиболее соответствующим истинным интересам России. …Наш Император теперь единственный судья, который определит, какие средства подойдут для блага Голландии; Его решения теперь …не будут зависеть от расчёта гаагского кабинета…»[823].

По словам Ф.Мартенса, донесения графа Орлова произвели сильное впечатление на Николая I: он наконец убедился, что нельзя беспредельно

---

[820] Ibidem. P.560.
[821] Мартенс Ф. Указ.соч. С. 18.
[822] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 561.
[823] Ibidem. P.595 – 596.

потворствовать упрямству нидерландского короля, пусть даже его родственника[824].

Прибыв в Лондон, граф Орлов явился спасителем для князя Ливена и графа Матушевича, столько долгих месяцев ещё с 1830 г. потративших на решение «бельгийского вопроса». Вскоре Венский и Берлинский кабинеты прислали свои ратификации на ноябрьский трактат. Граф Матушевич настойчиво просил вице-канцлера Нессельроде, чтобы Россия не изолировалась и ратифицировала Лондонский трактат: «Если мы будем изолироваться, то мы переделаем то, что сделал Петр Великий, и станем лишь азиатскою державою»[825]. Это утверждение свидетельствовало о том, что представители императора на конференции в Лондоне опасались маргинализации России, её дипломатической изоляции в Европе, потери достижений от Петра I до Александра I.

Наконец, с экспедицией от 6 (18) апреля 1832 г. ратификации Николая I были получены в Лондоне, к радости российских уполномоченных. Однако, царь давал свою ратификацию с двумя существенными оговорками: 1) соглашение между Голландией и Бельгией должно быть представлено полному усмотрению обеих держав; 2) Государь не допускает мысли о принятии принудительных мер против Голландии и равным образом не соглашается на возобновление военных действий против Бельгии[826]. Согласно с этим императорское правительство потребовало изменения статей IX, XII и XIII трактата 15 ноября 1831 г., которые могли быть изменены путем особого соглашения между Голландией и Бельгией[827].

В конечном итоге согласие Англии на ратификацию Лондонского трактата с оговорками, внесенными императором России, было получено, и 4 мая 1832 г. протоколом конференции русская ратификация была принята. Этот стало значимым успехом дипломатии российских уполномоченных в решении

---

[824] Мартенс Ф. Указ.соч. С. 19.
[825] Там же. Граф Матушевич – графу Нессельроде. 5 (17) марта 1832 г.
[826] АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1832 г. Д.148. Лл. 122 – 130.
[827] Мартенс Ф. Указ.соч. С. 19. В статье IX Лондонского трактата 1831 г. речь шла о свободе судоходства по реке Шельде, в ст.XII – о торговой дороге к голландскому кантону Ситтард, в ст. XIII – о разделении государственного долга Объединенного королевства Нидерландов. ВПР. Указ. соч. С. 576 – 577.

«бельгийского вопроса». После этого граф Орлов мог возвращаться из Лондона в Санкт-Петербург.

4.6. Борьба российской и англо-французской дипломатий на завершающем этапе Лондонской конференции по отстаиванию интересов Нидерландов

Лондонские акты были ратифицированы не только Англией и Францией, но также Австрией и Пруссией. Однако, принятием русской «условной ратификации» бельгийско-голландское дело еще не было улажено. Нужно было убедить нидерландского короля прийти к соглашению с Бельгией. Однако, добиться добровольного согласия Виллема I, даже на измененный по его просьбе ноябрьский трактат 1831 г., никак не удавалось[828].

Следует отметить, что, вопреки ожиданиям уполномоченных конференции король бельгийцев Леопольд оказался в это время менее уступчивым, чем от него ожидали. Он также отказался принять последние предложения конференции. В двух письмах от 10 июня 1832 г. к российскому императору Николаю I и князю Ливену, пытаясь оправдать свой образ действий, он просит русского царя установить с ним дипломатические сношения и назначить русского посланника к брюссельскому двору[829]. Однако, император Николай I категорически отказался вступить с Леопольдом в дипломатические сношения, «пока не состоялось полного соглашения между Бельгией и Голландией и пока в бельгийских войсках будут служить польские выходцы из Царства Польского»[830].

Британский министр лорд Пальмерстон занял жесткую позицию, заключавшуюся в том, что английский и французский флоты «должны блокировать голландские порты, в том числе Антверпен, и захватывать голландские суда», считая это «единственный аргументом, …который произведет благотворное действие на голландского короля». Князь Ливен и граф Матушевич

---

[828] Мартенс Ф. Указ.соч. С. 20.
[829] Там же.
[830] Там же. С.22. АВПРИ. Ф.Канцелярия. Д.152. Лл. 52 – 53. Граф Нессельроде – князю Ливену. 15 (27) июля 1832 г.

энергично протестовали против этого, равно как и принятия каких бы то ни было принудительных мер против Голландии[831].

Виллем I упорно отказывался оставить Антверпен. Это окончательно вывело английское и французское правительства из терпения, и в октябре 1832 г. между ними была заключена конвенция, в силу которой обе державы решились силой оружия заставить Голландию принять постановления ноябрьского трактата и очистить Антверпен. Голландским берегам была объявлена блокада, на голландские суда в английских и французских водах было наложено эмбарго, и многие суда Нидерландов подверглись захвату в открытом море.

При получении в октябре 1832 г. известия об англо-французской конвенции, Ливен и Матушевич, следуя принятой императорским кабинетом еще в 1831 г. линии поведения, немедленно объявили, что ввиду принятия мер принуждения против Голландии они отказываются от дальнейшего участия в делах Лондонской конференции и вышли из зала заседаний[832].

Стоит отметить, что Николай I старался оставаться последовательным в своей политике до последней возможности. Результат миссии графа Орлова в Гаагу убедил его в необходимости открыто выразить свое неодобрение голландскому королю, его родственнику, хотя дальше такого неодобрения, формальным выражением которого явилась ратификация ноябрьского трактата, Государь идти не желал. Поэтому Николай I энергично отвергал предложение британского посла в Санкт-Петербурге лорда Дюрема о том, чтобы совместно с Англией принудительными мерами, армией и флотом действовать против Виллема I. Император оставался верным своему обещанию не присоединяться к военному принуждению против своего голландского союзника и родственника[833].

Своим решением вывести российских представителей из Лондонской конференции Николай I нисколько не желал создавать английскому правительству новые затруднения. Как сообщал в Лондон князю Ливену вице-

---

[831] Там же. АВПРИ. Ф.Канцелярия. д. 151. Лл. 52 – 53. Князь Ливен – вице-канцлеру Нессельроде. 3 (15) июня 1832 г.
[832] Мартенс Ф. Указ.соч. С. 20.
[833] Там же. С. 22.

канцлер Нессельроде в депешах от 1 (13) октября и 20 октября (1 ноября) 1832 г., этим прекращением участия в конференции царь лишь хотел соблюсти в отношении Голландии «полное молчание» и выразить «неодобрение принятию против нее насильственных мер»[834]. Теперь поддержка Англией и Францией Бельгии и их враждебность по отношению к Голландии не подлежали никакому сомнению в глазах русского правительства.

В декабре 1832 г. французы осадили Антверпен, и Голландии пришлось оставить город, который она долгие годы блокировала. Сами голландцы высоко оценивали долгую защиту города генералом Шассе от объединенных войск[835].

Николай I в письме сестре Анне Павловне от 3 (15) января 1833 г. писал о том, что в России все военные знали о храброй защите голландцами Антверпенской крепости, отмечая самоотверженность голландского генерала Шассе: «Мы с сильным волнением следили за славной …защитой Антверпенской цитадели. Нет такого русского офицера, который не счёл бы для себя честью войти в состав этого храброго гарнизона, и во всех наших кадетских корпусах висит портрет грозного генерала Шассе…»[836]

Крупные державы желали возвращения российских уполномоченных на Лондонскую конференцию. Особенно отсутствием родственной державы был уязвлен голландский король, очевидно осознав, кто на конференции действительно боролся за его интересы, и выразивший просьбу к России вернуть своих полномочных представителей в Лондон. Однако, верный своим принципам, российский император увязывал возможность возвращения России на Лондонскую конференцию с выполнением двух условий. Они были перечислены в письме вице-канцлера Нессельроде 1-му секретарю российской миссии в Гааге Д.И.Долгорукову от 30 января 1833 г.:

1) *со стороны Англии и Франции* необходимо прекращение мер, действующих в настоящий момент против Голландии, и проявление

[834] АВПРИ. Ф.Канцелярия. д. 153. Лл. 63 – 67.
[835] Amersfoort H. De Citadel van Antwerpen. Verdediging en val in December 1832 // Militaire Spectator. 1983. № 1. P. 6 – 18.
[836] Jackman S. Op.cit. P.156.

искреннего желания урегулировать разногласия между Голландией и Бельгией на справедливой основе при содействии трёх континентальных держав *(России, Австрии, Пруссии – Ю.Б.)*;

2) *со стороны Голландии* необходимо абсолютное доверие к позициям трёх союзных кабинетов, вкупе с откровенным и положительным признанием условий, на которых гаагский кабинет намерен окончательно урегулировать свои отношения с Бельгией.

В завершение депеши вице-канцлер подчёркивал: «До исполнения вышеуказанных условий Император не может уполномочить своих представителей более присутствовать на переговорах, так или иначе находящихся под влиянием внешней силы»[837].

Следует отметить, что как в отечественной, так и в зарубежной историографии период после выхода российских уполномоченных из Лондонской конференции и капитуляции Антверпена в конце 1832 г. историками практически не рассматривался и не исследовался. После 1832 г. повествование в работах историков начинается в основном только с 1838 г., когда Виллем I наконец решился пойти навстречу державам и заняться подготовкой к окончательному мирному договору с Бельгией, который был подписан в апреле 1839 г. Причины и конкретные события, приведшие короля к этому важному решению, а также роль в этом России в историографии фактически не приводятся.

Однако, мы считаем, что данный период, когда и российский император, и его кабинет министров старались уберечь Европу от продолжения военного конфликта между Нидерландами и Бельгией, который мог перерасти в общеевропейскую войну, должен быть отражён в исторических материалах. Так, найденные нами в архивах России и за рубежом документы свидетельствуют о проводившейся с 1832 по 1838 г. Россией и лично императором Николаем I кропотливой работе по побуждению короля Виллема I к подписанию мира с Бельгией и определению новых границ Нидерландов.

---

[837] Colenbrander H.T.. Op.cit. P.602 – 603.

В этой связи следует упомянуть заключенное 9 (21) мая 1833 г. в Лондоне соглашение, в соответствии с которым Нидерланды и Бельгия договорились продлить перемирие на неопределенный срок, уважать военный статус-кво, и, что было весьма важно для возобновления торговли в регионе – гарантировать свободную навигацию по Маасу и Шельде. В результате этого соглашения Франция и Англия прекратили блокаду голландских берегов[838].

В это время принц Оранский принял решение, как уже бывало не раз в его жизни, на несколько лет уйти из политической деятельности и удалился из Гааги в городок Тилбург провинции Северный Брабант, где он, 40-летний фельдмаршал и главнокомандующий голландской армией, разместил штаб и пребывал вместе со своими офицерами и солдатами. С 1833 по 1837 год принц практически постоянно находился в этом городе Северного Брабанта на лоне природы, только дважды отправившись за границу: в конце 1833 – начале 1834 г. с наследным принцем, старшим сыном Виллемом в Россию[839] и в мае 1836 г. со старшими сыновьями Виллемом и Александром в Англию. В Лондоне король Великобритании Вильгельм IV, симпатизировавший Оранским, познакомил молодых принцев Виллема и Александра со своей племянницей и потенциальной наследницей британского престола, 16-летней принцессой Викторией (являвшейся также племянницей бельгийского короля Леопольда I). Вильгельм IV надеялся, что один из принцев Оранских сможет стать будущим супругом принцессы Виктории (с 1837 г. – королевы Виктории), но она выбрала в мужья принца Альберта Саксен-Кобург-Готского (ситуация была сходной с событиями 1814 г., когда британская принцесса Шарлотта наследному принцу Оранскому предпочла Леопольда Саксен-Кобургского)[840].

---

[838] АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1833. Д. 115. Л. 20

[839] В конце 1833 г. принц Оранский со старшим сыном, 16-летним наследным принцем Виллемом отправился в поездку через Берлин в Россию, тем же маршрутом, как и сам зимой 1815 г. отправился в Санкт-Петербург для знакомства с будущей супругой, Анной Павловной. Принц Оранский занимался поиском будущей супруги для наследника как в прусском королевском дворе, так и в российском императорском дворе. В России наследный принц Виллем среди родственников Романовых много время проводил с сыном Николая I великим князем Александром Николаевичем, будущим российским императором Александром II. Несмотря на в целом удачные поездки отца и сына Оранских в Пруссию и Россию, подходящей кандидатуры в невесты для молодого наследника нидерландского престола на тот момент найдено не было.

[840] Zanten J. van. Op.cit. P.349 – 350.

В Тилбурге принц Оранский редко занимался государственным управлением. К счастью для него, в этот период его деятельность в качестве заместителя председателя Государственного совета Нидерландов не занимала много времени. Почти всё своё время он посвящал командованию армией, находившейся в состоянии боевой готовности[841].

Летом 1833 г. в Гаагу прибыл новый российский посланник И.А.Потёмкин, и в инструкциях ему от 9 (21) августа 1833 г. вице-канцлер Нессельроде акцентировал внимание на целях, поставленных Императором российским уполномоченным на Лондонской конференции, критически отзываясь о позиции Виллема I в ходе всего голландско-бельгийского конфликта: «Задача России на этих переговорах заключалась в том, чтобы заставить уважать …интересы всеобщего мира и наши политические связи, права короля Нидерландов и, наконец, обеспечить Голландии, по возможности, лучшие условия. Государь сознает, что со всем старанием выполнял эту задачу. Если результаты оказались не такими, как нам бы хотелось, то в этом нет вины России. Нам претит входить в тягостные детали ошибок, которыми сопровождались переговоры. Но мы не можем умолчать, что наши хлопоты в пользу короля Нидерландов не всегда были правильно оценены им, …что в то время, когда мы занимались его делами, …он утаивал от нас свои истинные намерения…»[842] Далее Потемкину давалось указание содействовать работе Лондонской конференции[843].

В это время летом 1833 г. между Бельгией и Нидерландами начались новые переговоры, на чем так настаивала Россия и лично император Николай I. Они проходили весьма сложно. Находившийся в городе Мюнхенгреце[844], где в те дни подписывались важная конвенция с Австрией по Восточному и польскому вопросам, к которой позднее присоединилась Пруссия, русский царь 19 сентября 1833 г. в письме королю Виллему I призвал его ускорить заключение окончательного мирного договора с Бельгией: «…Узы родства и привязанности,

---

[841] Ibidem. Op.cit. P.349.
[842] АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1833. Д. 115. Л.25 – 27.
[843] Там же.
[844] Таким было название до 1850 г. города Мнихово-Градиште (Чешская Республика).

соединяющие меня с Вами, обязывали меня доверять Вам в этом отношении все мои размышления. Я с чистой совестью и честностью выполнял эту обязанность. …Я и мои союзники …с искренностью передают Вам в согласии со мной мнение относительно … необходимости ускорить срок окончательного урегулирования вопроса, настоятельно требуемого для истинных интересов Голландии»[845].

Этот призыв российского императора на сей раз нашёл отклик у Виллема I. 5 ноября 1833 г. в своём ответе король Нидерландов выразил Николаю I готовность завершить многолетний бельгийско-голландский кризис, высказывая ему глубокую благодарность: «Я …глубоко тронут чувствами, проявляемыми Вашим Императорским Величеством по отношению к моей персоне, моему Дому … и моему королевству, …и беспрестанную заботу …на протяжении всех тех сложностей, которые довлели надо мной и моим преданным народом. …Настойчивые просьбы, возобновляемые Вашим Величеством, а также от имени Их Величеств Австрии и Пруссии, … равно как и осознание серьезных последствий в случае продолжения нынешней неопределённости, побудили меня …выполнить то, о чём мои союзники и близкие друзья столь настойчиво просят меня. Я расположен устранить, насколько это в моих силах, препятствия, …усложняющие урегулирование вопроса между Голландией и Бельгией…»[846].

Подобные письма Виллем I направил австрийскому императору и прусскому королю[847].

Итогом обмена посланиями между государями явилось то, что 18 ноября 1833 г. нидерландский монарх подписал с Бельгией очередное соглашение – Зонховенскую конвенцию (по названию городка Зонховен в Бельгии, расположенного недалеко от Хасселта). Данной конвенцией регулировалось движение в Маастрихт и обратно – единственное место в провинции Лимбург, оставшееся в 1833 г. под властью Нидерландов. С этой целью был создан военный коридор, соединяющий города Будел (провинция Северный Брабант) и Маастрихт

[845] Colebrander H.T. Op.cit. P. 606.
[846] Ibidem. P.606 – 607.
[847] Ibid. Hoofdstuk III. P.100 – 102.

(провинция Лимбург), чтобы голландские войска могли свободно передвигаться[848].

В то же время, продолжая свою «политику упорства», король Виллем I всё еще не был готов подписать окончательный мирный договор с Бельгией. Он продолжал растрачивать государственную казну на поддержание боевой готовности своей армии лишь для того, чтобы выторговать у крупных держав более благоприятные условия для Северных провинций Нидерландов. Именно так, по мнению историка Коха, можно было объяснить продолжение военной мобилизации в королевстве. В дипломатических кругах все чаще говорили о том, что Виллем I делал ставку на новый континентальный конфликт, который он мог бы использовать для возвращения себе южнонидерландских провинций[849].

В январе 1835 г. нидерландский король вновь направил барона ван Зёйлена Ван Нейвелта в Лондон, с целью выяснить позицию Веллингтона, являвшегося в тот момент министром иностранных дел Великобритании, относительно восстановления прежнего королевства Нидерландов. Ответ прославленного герцога был предельно ясен: реставрация власти Дома Оранских в Бельгии могла быть осуществлена лишь с помощью всеобщей Европейской войны, но шанс на её благоприятный исход для Виллема I Веллингтон расценивал как ничтожно малый. Более того, Англия в те годы стремилась во что бы то ни стало избежать любого европейского конфликта. Неужели, задается вопросом голландский историк Кох, долгие годы истории Нидерландов с 1793 по 1815 гг., со времени нападения французов на Республику Соединенных провинций до битвы при Ватерлоо, не смогли научить короля, насколько капризной может быть судьба во времена войны?[850].

Однако, Виллем I упорно продолжал верить в свою правоту. Из-за его отказа примириться с независимостью некогда принадлежавшей ему Бельгии в Нидерландах и за их пределами его на долгие годы прозвали «король-упрямец».

---

[848] Koch J. Op.cit. P. 487.
[849] Ibid. P. 488.
[850] Ibid. P. 489.

Его политика стала политикой иллюзий, а его монаршее правление стало правлением возраставших претензий, при котором любые возражения несогласных с его действиями – будь то его со стороны его министров, советников или даже принцев – его сыновей – он пресекал на корню. Атмосферу в Нидерландах в те годы историки описывали как «навязанное чувство принудительной преданности отечеству», «вынужденная необходимость сплоченности нации вокруг короля»[851].

Несмотря на общую гнетущую обстановку в государстве, Виллем I оставался отцом для нации, для династии и для королевской семьи. В семье Оранских и среди придворных старого короля называли не иначе как «le Pere de famille»[852].

В этот исторический период наследник престола, принц Оранский, которому 6 декабря 1832 г. исполнилось 40 лет, уже задумывался о своём будущем статусе главы государства и династии. Он твердо намеревался придать своей королевской власти иную форму, чем та, что предлагалась его авторитарным отцом. Вдохновленный французским мыслителем Мирабо, принц философски размышлял о «популярном правлении», то есть правлении для народа, решив в будущем не забывать об «уроках Великой французской революции». Он был убеждён, что королям ни в коем случае не позволено действовать против общего мнения своих подданных. Именно такое «популярное королевское правление» и предлагал в свое время принц бельгийцам в Антверпене в вызвавшей столько шума своей прокламации от 16 октября 1830 г.[853]

4.7. Отношения Петербурга и Гааги на фоне «политики упорства» Виллема I до подписания Лондонского трактата 1939 г.

К концу 1830-х гг. король Виллем I все больше чувствовал себя в одиночестве, в том числе по причине уменьшавшейся с каждым днём поддержки

---

[851] Ibidem.
[852] «Отец семейства» (в пер. с французского). Koch J. Op.cit. P. 501.
[853] Ibid. P. 502.

голландцами его «политики статус-кво». Поддержание армии в состоянии боевой готовности в течение всех лет его «политики упорства» не могло не иметь разрушительных последствий для государственного бюджета Нидерландского королевства. С 1830 по 1840 гг. госдолг Нидерландов вырос с 900 до 1200 млн. гульденов (по подсчётам историка ван Зантена, это составляло около 200% от ВВП королевства в то время!), и, как результат, налоговое бремя на душу населения возросло в 4 раза. Непомерные расходы на мобилизацию и сложные, запутанные финансовые конструкции, которые использовались в те годы нидерландским правительством, подрывали доверие к королю со стороны Генеральных штатов[854].

В марте 1837 г., в ходе дебатов во Второй палате Генеральных штатов Нидерландов по поводу чрезмерных расходов для Военного министерства юрист и консервативный депутат из Роттердама Ф.Фретс выступил с предупреждением королю. В течение многих лет до этого являвшийся защитником авторитарной монархии, на этот раз он прямо обвинил Виллема I в создавшемся в Нидерландах финансовом кризисе и поставил королю своеобразный ультиматум, заявив на парламентских дебатах: «Я даю своё разрешение на этот военный бюджет …в последний раз. Я хочу, чтобы это упорство короля …завершилось, насколько это в наших силах»[855].

Открытый протест некогда лояльного Виллему I депутата стал для короля переломным моментом, обнажившим ему всю серьезность положения в стране, к которому привела его «политика упорства»: ведь в следующий раз парламент мог действительно отказать в выделении денег на продолжение мобилизации его войск[856].

Осенью 1837 г. королевскую семью Оранских постигло сильное горе. 12 октября в возрасте 62 лет скончалась королева Вильгельмина, мать принца Оранского. 26 октября 1837 г. она была похоронена в семейной усыпальнице

---

[854] Zanten J. van. Op.cit. P. 356.
[855] Koch J. Op.cit. P.514 – 515; Zanten J. van. Op.cit. P.356.
[856] Ibidem.

Оранских, в Новой церкви г.Делфта. Ни Анны Павловны, ни принцессы Марианны[857], дочери королевы, на похоронах не было – в то время в Нидерландах на похоронные процессии членов королевской семьи женщины не приглашались[858].

9 (21) ноября 1837 г. принц Оранский писал Николаю I, что его отцу «очень трудно переживать эту потерю». «К счастью», по словам принца, здоровье короля «было хорошим для его 65-летнего возраста, и правление королевством служило ему некоторым отвлечением от случившегося горя. В королевском дворе потеря Вильгельмины чувствуется безмерно…»[859].

В следующем письме, 26 декабря 1837 года, 45-летний принц писал русскому царственному шурину, что его отцу невыносимо трудно и одиноко, проявляя при этом настоящие сыновьи чувства к отцу, забыв о разногласиях между ними: «Все наше существование изменилось после нашей беды, поскольку мы с Фрицем и нашими женами стараемся теперь как можно чаще быть с королём, который чувствует себя крайне одиноким»[860].

После нескольких недель траура по скончавшейся супруге Виллем I в конце ноября 1837 г. вызвал к себе всех министров и объявил, что в феврале следующего, 1838 года намерен отказаться от своей «политики упорства»[861].

Об этом решении отца принц Оранский узнал от него 4 марта 1838 г. во время обеда в гаагском дворце Хёйс тен Бос: Король сообщил ему, что мобилизация в королевстве будет отменена сразу после подписания мирного договора с Бельгией[862]. Для принца такой поворот событий был неожиданным. Он раскритиковал отца за столь резкое изменение политического курса Нидерландов,

---

[857] Марианна Оранская – Нассау (1810 – 1883) – дочь короля Виллема I, сестра принца Оранского, будущего короля Виллема II. В 1830 г. вышла замуж за принца Альбрехта, младшего сына прусского короля Фридриха Вильгельма III. Более известна в истории благодаря своей скандальной связи в 1840 г. со своим кучером и личным секретарём Йоханнесом ван Россумом (1809 – 1873), от которого в 1849 г. родила сына Йоханнеса, и разводом с принцем Альбрехтом. После рождения сына Марианна фактически была выслана как из Голландии, так и Пруссии, с 1851 г. поселившись в Риме. Скончалась в Германии в приобретённом ею замке в г. Эрбах, и была похоронена в склепе рядом с ван Россумом и их общим сыном Йоханнесом, скончавшимся в 12-летнем возрасте от скарлатины.
[858] Zanten J. van. Op.cit. P.355.
[859] ГАРФ. Ф.728. Опись I. Дело 1466.8. Принц Оранский – Николаю I. 9 (21) ноября 1837 г.
[860] Colenbrander H.T. Op.cit. P. 621.
[861] Zanten J. van. Op.cit. P. 355.
[862] Ibidem. P. 356.

и в письменном ответе назвал решение короля «необоснованным, политически безответственным», которое, «несомненно, будет с недоверием воспринято и народом, и Генеральными штатами»[863].

Удивлённый такой неожиданно резкой реакцией старшего сына, Виллем I обратился за советом к своему доверенному лицу, бывшему послу Нидерландов в Лондоне А.Фальку, который с пониманием отнесся к подобным «эмоциональным всплескам», отметив положительные стороны изменения голландской политики, подчеркнув, что это «будет означать конец международной изоляции, в которой находились Нидерланды не один год, и …может открыть для страны …гораздо лучшие исторические перспективы»[864].

Однако, принц Оранский был не согласен с этим, и в письме Николаю I от 16 марта 1838 г. четко повторил свою позицию, что король-де вынужденно пошёл на подписание мира с бельгийцами, хотя у него был заготовлен другой вариант действий: «Теперь нас, *по сути покинутых*, вынуждают окончательно принять 24 статьи и тем самым признать Леопольда…»[865].

Весьма откровенно перед своим русским царственным родственником Виллем называет «унизительной» «вынужденную» для отца необходимость согласиться на заключение мира с Бельгией: «Я чувствую себя униженным за наши действия, но еще больше за шаги тех, кто своим постоянным отказом в течение долгих восьми лет вынудил нас на эту крайность…»[866].

В конце концов принцу пришлось подчиниться решению отца и смириться с тем, что то, что было ему дорого в южных провинциях некогда Объединенного королевства, находилось уже за пределами его родины. Он, безусловно, с грустью вспоминал о битве при Ватерлоо, которое в 1815 году было частью Нидерландов, о поле легендарного сражения, где он познал самую большую славу в своей жизни[867].

---

[863] КНА – А40 – VIa – 37. Принц Оранский – королю Виллему I. 4 марта 1838 г.
[864] Falck A.R. Gedenkschriften, bezorgd door H.T. Colenbrander. ‘s-Gravenhage, 1913. P. 660 – 664.
[865] Colenbrander H.T. Op.cit. P.621.
[866] Ibidem.
[867] Zanten J. van. Op.cit. P. 357.

Сменивший И.А.Потёмкина новый российский посланник в Нидерландах, барон Ф.П.Мальтиц[868] в начале марта 1838 г. написал в Санкт-Петербург по поводу этого важного решения Виллема I: «Министр Верстолк сообщил мне о решении Его Величества короля Нидерландов, с которым он уже ознакомил Генеральные Штаты, принять договор 24 статей и предоставить Германскому союзу территориальную компенсацию в качестве возмещения за часть Люксембурга, отданную конференцией Бельгии…»[869]. Министр Верстолк выразил российскому императору благодарность за дружбу, в то же время с сожалением отметив расстояние, отделяющее Россию от Нидерландов, которые были подвергнуты революции: «Если бы Россия была бы к нам территориально ближе..., мы не были бы вынуждены приносить такие большие жертвы. Без сомнения, Нидерланды будут не последней державой, которой будет судьбой уготовано испытать последствия распространяющегося в Европе революционного духа…»[870].

В декабре 1838 г. в Лондоне был подписан протокол, констатировавший согласие Виллема I с проектами двух трактатов: 1-го, между пятью великими державами, с одной стороны, и Голландией, с другой; 2-го – между Голландией и Бельгией. Великие державы немедленно согласились закончить казавшийся бесконечным бельгийско-голландский спор, как сообщал 17 (29) января 1839 г. в своём донесении из Лондона вице-канцлеру Нессельроде сменивший Х. А. Ливена[871] новый российский посол в Великобритании К. О. Поццо ди Борго[872].

Наконец, наступил момент, ознаменовавший завершение многолетнего противостояния короля Виллема I со всей Европой. 7 (19) апреля 1839 г. в Лондоне представителями России, Великобритании, Австрии, Франции, Пруссии, Бельгии

---

[868] Мальтиц Франц Петрович (1794 – 1857) – барон, тайный советник, российский дипломат. С 1814 г. был канцелярским служителем в чине коллежского асессора при российской миссии в Пруссии. С 1821 г. секретарь миссии в Североамериканских Соединенных Штатах, с 1828 г. советник миссии в Пруссии. 1837 – 1853 гг. – посланник в Нидерландах. Был поэтом, писал на немецком языке. Скончался в Пруссии, г.Боппарде.

[869] Colenbrander H.T. Op.cit. Hoofdstuk II. P.412.

[870] Ibidem.

[871] Х.А.Ливен был послом в Великобритании с 1814 г. по 22.05.1834 г. С января 1835 по декабрь 1839 гг. послом в Лондоне был бывший российский посол в Париже граф К.О.Поццо ди Борго.

[872] АВПРИ. Ф.Канцелярия, 1839 г. Д.119. Лл.15 – 36.

и Голландии был подписан договор относительно границ Голландии и Бельгийского королевства. 8 (20) мая 1839 г. договор был ратифицирован Россией[873].

Договор закреплял разделение Объединенного королевства Нидерландов на независимые и суверенные государства – королевства Нидерландское и Бельгийское. В территорию Бельгии вошли все ее провинции, входившие с 1815 г. в Нидерландское королевство, кроме округов Лимбургской провинции, отданных королю Нидерландов – великому герцогу Люксембургскому, в виде компенсации за отторжение от него в пользу Бельгии части Великого герцогства Люксембургского. Бельгия была объявлена вечно нейтральным государством.

По сравнению с ноябрьским трактатом 1831 г., в апрельском варианте 1839 г. были некоторые изменения. Были доработаны положения о судоходстве на Шельде. Впредь плавание судов по реке под всеми флагами становилось свободным. Бельгийская часть ежегодной выплаты государственного долга Объединенного королевства Нидерландов уменьшилась с 8,5 млн. с начала 1832 г. до 5 млн. гульденов в начале 1839 г. Были разделены как Великое герцогство Люксембург, так и провинция Лимбург: так, помимо Великого герцогства, была образована бельгийская провинция Люксембург, а также возникли провинции Нидерландский Лимбург и Бельгийский Лимбург[874].

Сам Виллем I признал, что этот окончательный вариант разделения двух государств более выгоден для Голландии, чем предыдущие. В этом с отцом согласился и принц Оранский, хотя все же продолжал считать подписание мирного договора с бельгийцами капитуляцией. Спустя два месяца после заключения Лондонского договора король сделал шаг навстречу сыну, вернув ему должность главы Военного министерства Нидерландов. Но для принца это являлось лишь слабым утешением[875].

---

[873] АВПРИ. Там же. Д.119, Л. 414.
[874] Koch J. Op.cit. P. 516.
[875] Zanten J. van. Op.cit. P. 357.

Состоявшееся юридически разделение Голландии и Бельгии, положившее конец существованию созданного Венским конгрессом Объединенного королевства Нидерландов, требовало обязательного изменения конституции Нидерландов 1815 г. В марте 1839 г. Виллем I запустил процедуру её пересмотра. Во время конституционных совещаний нидерландский монарх подчеркивал свое намерение изменить лишь несколько статей основного закона. В противоположность ему, парламент и политическое сообщество Нидерландов настаивало на фундаментальном пересмотре конституции и внесении в нее понятия «министерская ответственность»[876], которая, по их мнению, должна быть коллективной и политической. Коллективная ответственность в проекте новой конституции впервые в истории Нидерландов подразумевала обязательство всего правительства подать в отставку, если доверие между министром и парламентом будет нарушено[877].

Один из самых выдающихся политических деятелей Нидерландов Й.Торбеке, занимавший в конце 1830-х гг. должность профессора в Лейденском университете и выступавший апологетом конституционных преобразований в королевстве, писал, что «с 1815 года …с конституцией обращались плохим образом и …совсем не занимались ей…, необходимо будет очистить эти Авгиевы конюшни…»[878]

Таким образом, в начале разразившейся в августе 1830 г. Бельгийской революции Николай I всецело был на стороне короля Виллема I, который, не сумев своими силами подавить восстания в Брюсселе и других бельгийских городах, обратился к императору за военной помощью. Решимость Николая I в ответ на эту просьбу направить свои войска в Бельгию не нашла поддержки у его союзников (Австрии и Пруссии), отказавшихся выделить собственные армии на

---

[876] Понятие «министерская ответственность» в конституции Нидерландов подразумевало ответственность министров, а не короля, перед Генеральными штатами Нидерландов, что имело целью постепенное упразднение авторитарного стиля правления Виллема I, закрепленного в 73-й статье конституции 1815 г.: «Король всё решает единолично». Индивидуальная ответственность министров будет введена королем Нидерландов Виллемом II в ходе следующего изменения конституции в 1848 г.

[877] Koch J. Op. cit. P. 517.

[878] De briefwisseling van J.R. Thorbecke, uitgegeven door G.J.Hooykaas. Deel III. 1836 – 1840. ‘s-Gravenhage, 1988. P. 291.

подавление революции, и запланированная императором военная интервенция не состоялась. Ключевым фактором срыва его намерений стало вспыхнувшее в ноябре 1830 г. антирусское восстание в Польше, куда и были направлены императорские войска. Кроме того, воинственные амбиции Николая I были сдержаны процессом «пробуждения европейских народов» в условиях происходившей в ту эпоху смены исторических парадигм, когда «Европа королей» уступала место «Европе наций». В этих обстоятельствах русский государь принял предложение Великобритании перейти к дипломатическому решению «бельгийского вопроса» на Лондонской конференции. Уже в ноябре-декабре 1830 г. князь Ливен и граф Матушевич – российские уполномоченные на конференции – обосновали в своих донесениях императору целесообразность признания независимости Бельгии, что, по их мнению, было бы «гораздо лучше, чем её оккупация Францией». С этими доводами Николай I согласился.

Исследование показало, что как до Бельгийской революции, так и в ходе неё у Виллема I и принца Оранского не было единого подхода в отношении Бельгии. В частности, король строго осудил старшего сына за выпуск в октябре 1830 г. в Антверпене прокламации о признании политической независимости бельгийцев и готовности возглавить их национальное движение и на несколько месяцев направил его в Англию. За это время Национальный конгресс в Брюсселе декларировал независимость Бельгийского королевства и навсегда отстранил Оранских от правления Бельгией. Показательно, что Виллем I отнюдь не высказывал желания помочь старшему сыну стать королём Бельгии, отдав предпочтение кандидатуре Леопольда, что вызвало возмущение Николая I, в интересах которого было оставить бельгийский трон за Оранскими.

На Лондонской конференции по прямому указанию Николая I князь Ливен и граф Матушевич защищали интересы нидерландского монарха, выработав наиболее выгодные для Голландии «основы разделения» с Бельгией – «договор 24 статей», однако император, решительно возразив против ультимативного тона протоколов конференции по отношению к его родственнику Виллему I, объявил им выговор. Вместе с тем, упрямое нежелание короля присоединиться к принятым

конференцией «24 статьям» и заключить мир с Бельгией стало всё более раздражать Николая I, расценившего действия голландского монарха как попытку шантажировать всю Европу. И русский царь переходит к прямому дипломатическому давлению на короля, ратифицировав в апреле 1832 г. «договор 24 статей», не получивший одобрения Виллема I.

Только в апреле 1839 г., во многом благодаря настойчивым просьбам Николая I и союзников, за год до своего отречения Виллем I решается завершить своё противостояние с Европой и подписать Лондонский трактат о границах Голландии и Бельгии, что отвечало интересам всей Европы, России и самих Нидерландов, оказавшихся в политической изоляции и тяжелом финансово-экономическом положении в результате многолетней «политики упорства» Виллема I.

ГЛАВА 5. ОТНОШЕНИЯ ДВУХ ДВОРОВ НА ФИНАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПРАВЛЕНИЯ ВИЛЛЕМА I

5.1. Диалог Романовых и Оранских в период обсуждения матримониальных планов Виллема I на фоне его решения об отречении

В мае 1839 г. 66-летний король Виллем I буквально шокировал королевский двор, объявив о своей предстоящей помолвке с бельгийской графиней Хенриеттой д'Ультремонт, одной из бывших фрейлин своей покойной супруги, королевы Вильгельмины. Принц Оранский был возмущен таким решением отца, поскольку никак не мог принять, что всего через полтора года после смерти его матери король выбрал себе в жёны другую, притом она оказалась фрейлиной его матери и бельгийской графиней. В то же время, принц хотел избежать ссоры с отцом и решил отложить объяснения с ним[879].

Самым светлым событием в 1839 году для принца Оранского стала свадьба его 22-летнего старшего сына наследного принца Виллема в Штуттгарте, состоявшаяся в праздновавшийся в те годы в странах Европы День Ватерлоо – 18 июня 1839 г. В супруги Виллему была выбрана его двоюродная сестра, София, дочь скончавшейся в 1819 г. великой княгини Екатерины Павловны, родной сестры Анны Павловны, императоров Александра и Николая I. Принц Оранский поддержал выбор невесты для сына, в отличие от Анны Павловны, которая, несмотря на родственную близость, никак не могла найти общего языка со своей новоиспеченной невесткой. Да и взаимоотношения Анны со старшим сыном ко времени его брака были далеки от идеальных[880].

О сложном отношении Анны к браку старшего сына мы узнаём из её письма Николаю I от 16 августа 1839 г.: «…В отношении брака ко мне не прислушались. ... Однако, мой сын волен делать, что хочет и отправился жениться, даже не испросив моего благословения. …С молодой парой я строю отношения, …насколько это возможно, радушно и непринужденно. …Однако, весьма тяжело

[879] Zanten J. van. Op.cit. P. 358.
[880] Ibidem. P. 357.

оставаться спокойной в отношении их будущего, когда уже сейчас, через два месяца после начала их семейной жизни, уже заметно, что между ними уже свирепствуют неистовые бури…»[881].

Матримониальные планы Виллема I всерьёз обеспокоили правительство Нидерландов, и по настоятельной просьбе министра юстиции Ван Маанена – одного из самых лояльных королю министров – 9 августа 1839 г. принц Оранский обратился к отцу с довольно строгим письмом, указав на все опасности реализации данного брака для Нидерландов. В нём Виллем подчеркнул, что «брачные планы короля …нельзя считать сугубо личным делом», а «выбор в качестве супруги бельгийки католического вероисповедания представляет собой потенциальную опасность для мира и порядка в стране», а посему «для благополучия королевства, семьи и династических интересов будет правильным отказаться от этого брака»[882] .

Отвечая на обращение сына позднее в личной беседе в королевском дворце Хёйс тен Бос в Гааге, Виллем I упрекнул принца в том, что тот вместе с министрами «ополчился против будущего счастья своего отца», и решительно объявил, что намерен вступить в брак с графиней д'Ультремонт 28 августа 1839 г.[883] Как писала потом оказавшаяся свидетелем этого разговора невестка принца Оранского София, «эта беседа завершилась ссорой. …Мой свёкор в ярости …заявил королю, что намерен настроить против него общественное мнение и прессу…» [884].

Своими впечатлениями от случившегося принц Оранский поделился с Николаем I в письме от 16 августа, возмущаясь подобными действиями отца: «Она католичка и бельгийка, ты только подумай об эффекте, который всё это возымеет у нас в стране. …Можешь себе представить, что значит для меня увидеть замену

[881] Jackman S. Op.cit. P.185 – 186.
[882] КНА – А35 – III – 19. Принц Оранский – Виллему I. 9 августа 1839 г.
[883] Zanten J. van. Op.cit. P.359.
[884] КНА – А46 – VII – 14. Sophie van Wurtemberg. Histoire de ma vie. Deuxieme partie.

моей матери, и …так скоро после её ухода, и наблюдать, какой пример моим сыновьям подает их дед…»[885].

Очередной конфликт короля с сыном возымел своё действие: король решил временно отложить женитьбу и погрузился в государственные дела, среди которых одним из наиболее важных было обновление конституции[886]. Кроме того, к решению отложить свой матримониальный вопрос его подтолкнул начавшийся осенью 1839 г. в голландской прессе невиданный резонанс после опубликования 28 сентября брачного намерения Виллема I в газете Algemeen Handelsblad, что в сугубо отрицательном ключе подхватили и другие голландские газеты. Возглавил эту кампанию в прессе против короля не кто иной, как его старший сын принц Оранский[887].

По поводу сложившейся в связи с этим ситуации в королевстве 15 октября 1839 г. Анна написала из Гааги брату Николаю I, назвав происходившее «истинной бедой для Нидерландов»: «Любимый брат, …дошедшие до тебя слухи, которым ты оказываешься верить, являются абсолютной правдой… Это действительно возмутительно… Могу тебе лишь сказать, что для нас и нашей страны, Нидерландов, это истинная беда, …последствия которой могут стать пагубными ввиду происхождения …графини и её вероисповедания…»[888].

20 декабря в очередном письме Анна Павловна сообщает Николаю I о прибытии в Гаагу первого бельгийского посла в Нидерландах, отзываясь с презрением о нём и о бельгийцах вообще, сравнивая их с «мятежными поляками»: «…К сожалению, мы были вынуждены принять здесь бельгийского посла[889], посланника самой мерзкой из всех революций... За исключением требований этикета и приличия, я ни словом не обмолвилась ни с ним, ни с его семьей… Могу тебя заверить, что голландцы не обращают на них никакого внимания …и не

---

[885] Colenbrander H.T. Op.cit. P.630 – 631.
[886] Zanten J. van. Op.cit. P.359.
[887] Ibidem. P. 359 – 361.
[888] Jackman S. Op.cit. P.187.
[889] Первый в истории двух стран посол Бельгии в Нидерландах, Жозеф де Рике, принц Караман-Шиме, прибыл в Гаагу в декабре 1839 г. Ирония состояла в том, что его отец, Франсуа де Рике, принц Караман-Шиме, был в 1820-е гг. членом нидерландского правительства.

скрывают своего презрения к ним. …Должна признаться тебе, милый друг, что я узнаю в Бельгии много польских черт, …и что они составляют основу глубокого отвращения, которое я ощущаю по отношению к бельгийцам…»[890].

Продолжая тему вызвавшего резонанс брачного намерения своего отца, а также необходимости пересмотра конституции, в письме Николаю I от 23 декабря 1839 г. 47-летний принц Оранский впервые упоминает слово «отречение» применительно к королю: «Национальное сопротивление этому браку достигло своего апогея, особенно среди низших классов, …но, что еще хуже, …почти слепое доверие людей к моему отцу… сменилось максимальным недоверием, и народ …больше не желает верить словам и заявлениям правительства… К большому несчастью, в новой конституции король …хочет лишь ограничиться изменениями, уже де-факто существующими после Бельгийской революции. …От этого короля не мог отговорить никто, …ни я, как председатель Государственного совета, и прежде всего как его сын и наследник, …*он хочет одного* – поставить нас перед лицом революции, избежать которой можно будет только в случае его отречения. …Он сам говорил мне об этом…»[891].

В завершение письма русскому императору принц Оранский дает понять Николаю I, что несмотря на все совершенные королем ошибки и серьёзные разногласия между ним и отцом, он искренне сочувствует ему: «…У меня сердце разрывается, когда я вижу, как мой отец, …этот брошенный всеми старик, говорит: «Я всегда желал лишь добра, и совесть моя спокойна…»[892].

В те дни вопросы планировавшегося брака Виллема I и пересмотра конституции держали нидерландское общество в напряжении. Конфликты между королём и кронпринцем также сводились к этим двум темам. Так же, как и в 1830 году, отсутствие понимания со стороны подданных вновь грозило королю потерей расположения к нему народа[893].

---

[890] Jackman S. Op.cit. P.187.
[891] Colenbrander H. Op.cit. P.634.
[892] Ibidem.
[893] Zanten J. van. Op.cit. P.359 – 360.

Отложив свои брачные планы, Виллем I отдавал себе отчёт в том, что разница в вероисповедании его и будущей супруги стала непреодолимым препятствием, и не столько для самого монарха и для графини Хенриетты, сколько для его подданных и голландского общества. Секретарь Виллема I, известный впоследствии политик и государственный деятель Г. Грун ван Принстерер[894] 18 марта 1840 г. со слов монарха записал: «Я принадлежу к протестантской вере, но …исхожу из того, что и в католической церкви на человека может снисходить благодать»[895]. Через неделю после этих слов, 25 марта 1840 года, решение о переносе матримониальных планов короля было обнародовано официально, к удовлетворению принца Оранского и его сторонников[896].

С лета 1840 г. для голландцев становилось все более очевидным, каким образом можно было решить проблемы королевского брака и конституции, государственного бюджета и престолонаследия. Всё чаще в голландских политических кругах звучал вопрос: Может, для всех стало бы лучше, если бы король отрёкся от престола[897]?

Основными аргументами против второго брака Виллема I приближенные к его двору, а также министры и государственные советники называли необходимость изменения конституции, плачевное состояние государственных финансов, и безусловно, неприятие со стороны голландского общества бельгийской графини в качестве супруги короля. Министр юстиции К. ван

---

[894] Гийом (Виллем) Грун ван Принстерер (1801 – 1876) – нидерландский политик, историк, видный государственный деятель. 1829 – 1834 гг. – секретарь кабинета короля Виллема I. 1831 – 1871 гг. – архивариус Королевского домашнего архива г. Гааги (KHA). С 1840 по 1865 г. был депутатом Второй палаты Генеральных штатов, ревностно защищал монархию и независимость церкви от государства. Был ярым противником революционного духа в голландском обществе, в т.ч. во время Бельгийской революции 1830 г. Подверг жесткой критике проект конституции Й.Торбеке 1848 г. за отсутствие в ней христианской составляющей и наличие «революционного духа». Один из самых его известных трудов – «Справочник по истории отечества» (1841 – 1846) – был любимой настольной книгой королевы Вильгельмины, дочери Виллема III. Был основателем т.н. антиреволюционного движения в Нидерландах, что привело через 3 года после его кончины, в 1879 г. к созданию первой в Нидерландах политической партии– Антиреволюционной партии.

[895] Colenbrander H.T. Gesprekken met koning Willem I// Bijdragen en Mededeelingen van het Historisch Genootschap. Deel 31. 1910. P. 298.

[896] Koch J. Op.cit. P. 527.

[897] Ibidem.

Маанен, и советник короля А. Фальк старались донести до Виллема I, что морганатические браки в Нидерландах не были приняты[898].

В частности, Фальк указывал на то, что «брак с бельгийской графиней может подорвать популярность нидерландского короля не только в его королевстве, но и среди иностранных держав»[899]. На это Виллем I возразил своему советнику в начале 1840 г., впервые открыто заявив о возможности своего отречения: «Пусть в других странах делают как им угодно; …Я же лучше *отрекусь от трона*, чем примирюсь с мыслью, что в мои последние немощные дни вокруг меня будут лишь те, чей труд я оплачиваю, …что лишь им будет суждено закрыть мне глаза…»[900].

Этими словами король предельно ясно дал понять, с кем и как желал провести свои оставшиеся годы, и эти планы отнюдь не касались его монарших обязанностей. Виллем I твердо стоял на позиции, что второй брак является его личным делом, то есть вероисповедание его потенциальной супруги – это дело совести каждого человека, и король, по его мнению, в этом отношении не должен быть исключением[901].

Когда в марте 1840 г. Виллем I принял тяжелое для себя решение отказаться от трона, приближенные к нему лица, помимо причин личного характера, стали находить в этом и политические мотивы. В первую очередь они касались новой конституции, в которой впервые вводились положения о министерской ответственности, контрассигнации королевских указов и распоряжений, а также о праве обсуждения указов и распоряжений короля в Верховном суде. Виллема I не устраивала перспектива замены статьи 73 конституции 1815 г., смысл которой заключался в четырех словах: «Король единолично принимает решения» – суть его политического кредо – на новые, ограничивающие его королевскую власть[902].

---

[898] Ibid. P. 528.
[899] Colenbrander H.T. Gesprekken met koning Willem I. Op. cit. P. 282.
[900] Ibidem.
[901] Koch J. Op.cit. P.528 – 529.
[902] В нидерландском варианте конституции – De Koning alleen besluit. De Nederlandse Grondwet. Grondwet van 1815: samenvoeging met België: een koninkrijk. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.denederlandsegrondwet.nl/id/vi6jejavamzy/zevende_afdeeling_van_den_raad_van_state#p3 (дата обращения: 25.01.2024)

По воспоминаниям его секретаря Груна ван Принстерера, король был крайне разочарован тем, что «за все 27 лет его беспрерывной службы на благо государства вместо благодарности его лишали главной королевской прерогативы»[903].

Историк Кох характеризует отречение Виллема I не как громкий финальный аккорд его длительного правления или протест против конституционного ограничения монаршей власти, а как некоторую выгодную для самого короля «сделку». Уходящий монарх все еще продолжал верить, что голландский народ всегда был на его стороне, так же как он полагал и перед началом Бельгийской революции[904]. Несогласную с ним «маленькую кучку оппозиционеров» Виллем I считал лишь «неблагодарными подданными, не желавшими замечать всех благ, сделанных им для них», и называл их «непослушными детьми»[905].

В разговоре с Груном ван Принстерером 18 марта 1840 г. Виллем I с сожалением отмечал, что с годами поддержка его подданных практически исчезла, и от этого он чувствовал себя одиноким: «Я в своей стране будто нахожусь на чужбине, и это довольно тяжело осознавать…»[906].

С того момента, когда изменение конституции становилось все более неизбежным, мысль об отречении становилась для короля чем-то самим собой разумеющимся. Вопреки чаяниям либеральной части нидерландского парламента, министр Ван Маанен еще в апреле 1839 г. рекомендовал Виллему I произвести пересмотр конституции в как можно более ограниченном масштабе, предлагая внести в основной закон страны лишь некоторые формальные поправки, как, например, в статьи о размерах королевства и провинциях, количестве членов Государственного совета и обеих палат Генеральных штатов, а также о годовом доходе короля, который по новому проекту конституции должен был сократиться с 2 400 000 до 1 500 000 гульденов, т.е. до значения,

---

[903] Colenbrander H.T. Gesprekken met koning Willem I. Op. cit. P. 302.
[904] Koch J. Op. cit. P. 530.
[905] Colenbrander H.T. Gesprekken met koning Willem I. Gesprek van Keverberg van Kessel met Willem I op 11 maart 1840. P. 292. Также: Zanten J. van. Op.cit. P. 363.
[906] Gesprekken met koning Willem I. Gesprek van Groen van Prinsterer met Willem I op 18 maart 1840. P. 298. Также: Koch J. Op.cit. P. 530.

которое было в 1814 г., до образования Объединенного королевства Нидерландов. Либеральная оппозиция согласиться с этим никак не могла. Уже долгие годы она настаивала на кардинальных изменениях конституции в либеральном ключе. Прежде всего это касалось контроля парламента над государственными финансами, включая бюджет колоний, министерской ответственности и обеспечения лучших гарантий для гражданских свобод[907].

Не желая ни в коем случае уходить с престола поверженным, Виллем I обратился к правительству с просьбой: чтобы новые статьи конституции 1840 г., содержавшие положения о министерской ответственности (с 75 по 77), вступили в силу уже после его официального отречения. Эта просьба была удовлетворена. Однако, несмотря на это, принятие либеральных положений в конституции его королевства монарх рассматривал как серьезное поражение за все годы правления Нидерландами[908].

5.2. Содержание и символы политики нидерландско-российского согласия на заре нового королевского правления

12 сентября 1840 г., за четыре дня до вступления в силу новой конституции Нидерландов, во дворце Ноордейнде в Гааге в присутствии принца Оранского, министра юстиции ван Маанена и госсекретаря Ван Доорна ван Весткапелле Виллем I объявил о своем намерении отречься от престола в пользу старшего сына. По словам ван Маанена, в ходе этого совещания «король и принц …многократными рукопожатиями демонстрировали знаки хорошего взаимопонимания друг другу, что было весьма примечательно»[909].

В этой связи историк Коленбрандер задаётся вопросом, неужели длившийся десятилетия разлад между отцом и сыном Оранскими, между королём и его преемником, так утомил их обоих, что их желание проявлять друг к другу

[907] Koch J. Op.cit. P. 531.
[908] Ibid. P. 532 – 533.
[909] Colenbrander H.T. Gesprekken met koning Willem I. Op. cit. P. 300 – 301.

благосклонность казалось теперь абсолютно естественным? Так или иначе, от вражды отца и сына не осталось и следа[910].

В ходе совещания перед ван Мааненом была поставлена задача составить такой текст акта об отречении, чтобы у голландцев не создалось впечатления, что причиной ухода короля стала измененная конституция, а акцент был сделан на добровольном характере его решения. В качестве исторического прецедента приводилось отречение от престола рожденного в 1500 г. в Генте Карла V, императора Священной Римской империи, так как первым из его многочисленных государств, от которого он в октябре 1555 г. отказался в пользу своего сына Филиппа II, стали именно Нидерланды. Было также решено, что после передачи престола титул Виллема I должен звучат как: «король Виллем Фредерик, граф Нассау» [911].

Отречение и передача королевской власти были назначены на 7 октября 1840 г., в летней резиденции во дворце хет Лоо[912]. Текст, составленный для короля министром юстиции К.Ван Мааненом, был таким:

«Мы, после длительного и тщательного обсуждения, совершенно добровольно и из личного побуждения, …с настоящего момента, окончательно и бесповоротно отрекаемся …от нашей королевской власти и королевского достоинства в Нидерландах и …в Наших Великом Герцогстве Люксембурге в и Герцогстве Лимбург, …равно как и от всех связанных с этим прав, передавая их Нашему любимому Сыну и законному престолонаследнику ВИЛЛЕМУ ФРЕДЕРИКУ ГЕОРГУ ЛОДЕВЕЙКУ, ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ, дабы они принадлежали Ему и Его законным наследникам, в соответствии с положениями Конституции Королевства Нидерландов…»[913].

Для 47-летнего принца Оранского это был поистине исторический день. Спустя почти 27 лет ожидания он становился королём Нидерландов и наконец мог

---

[910] Ibidem. P. 306
[911] Koch J. Op.cit. P. 534 – 535.
[912] Ibidem.
[913] Akte van afstand van de troon door koning Willem I. Nationaal Archief [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nationaalarchief.nl/onderzoeken/archief/2.02.01/invnr/6087B/file/NL-HaNA_2.02.01_6087B_04 (Дата обращения 11.12.2023).

стать независимым от своего отца. Его супруга Анна Павловна, уже не принцесса Оранская, а королева Нидерландов, с самого утра 7 октября 1840 г. уединилась в своей православной часовне, молясь и нетерпеливо ожидая там своего супруга, прибывшего из дворца хет Лоо в Гаагу только к 1 часу ночи вместе с братом принцем Фредериком и старшими сыновьями[914].

Помимо акта об отречении, в тот же день королём была выпущена прокламация для подданных, которая позднее была расклеена на всех зданиях судов и ратушей Нидерландов. В качестве основного мотива отречения Виллем Фредерик указал своё желание «провести оставшиеся дни в покое и быть освобожденным от забот правления»[915].

Таким образом, Виллем Фредерик освободился от титула «король». Он стал свободен, в первую очередь, для брака с графиней Хенриеттой д'Ультремонт. Как утверждает историк Кох, Виллем I смог отстоять свою позицию, так что его отречение не стало ни для простых голландцев, ни для политического сообщества капитуляцией. По словам историка, «не предав свою честь и принципы, он ушел вовремя – по крайней мере, в своих глазах»[916].

Весьма примечательной была реакция российского императора Николая I на смену короля в Нидерландах. 11 (23) октября 1840 г. в письме из Царского села Анне Павловне, ставшей королевой государства, которому он лично уделял столько времени и душевных сил с самого начала своего правления, император воздержался от высокопарных торжественных поздравлений в адрес сестры, пожелав ей и её мужу – новому нидерландскому королю – сил в исполнении этого священного долга: «Я пишу тебе сегодня, милая Анна, не для того, чтобы поздравить тебя, а чтобы пожелать тебе и нашему дорогому Виллему сил. Я не испытываю радости по поводу вашего нового статуса, поскольку подобное положение не может считаться ни легким, ни приятным… Но твоя вера в Господа

[914] Zanten J. van. Op.cit. P. 365.
[915] Proclamatie van koning Willem I aan het Nederlandse volk van 7 oktober 1840. Nationaal Archief [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nationaalarchief.nl/onderzoeken/archief/2.02.01/invnr/6087B/file/NL-HaNA_2.02.01_6087B_01
[916] Koch J. Op.cit. P. 537.

и Его милость помогут тебе победить трудности, которые будут ожидать тебя в пути. …Ты сможешь помочь ему не допустить никаких семейных проблем, …и следуя своему сердцу, будешь являться примером для ваших детей…»[917].

В завершение письма император делится с сестрой-королевой своими мыслями о дальнейших возможных действиях отрекшегося от престола Виллема Фредерика, считая, что лучшим вариантом для него будет покинуть страну[918]: «Поскольку король посчитал необходимым принять решение в связи с серьёзными волнениями, причиной которых стал он сам, было бы весьма желательно, чтобы он покинул страну, так как его присутствие может быть только серьёзным препятствием для нового главы королевства; мы будем надеяться, что у него хватит разума, чтобы самому осознать это»[919].

4 ноября 1840 г. королева Анна Павловна сообщает Николаю I о крестинах в Гааге своего первого внука, принца Виллема[920], и о присутствии бывшего короля, 68-летнего Виллема Фредерика на крестинах своего правнука, а также о своих ощущениях в новом статусе королевы Нидерландов: «Сегодня в протестантской церкви …будет крещен новорожденный. Король, его прадед, соблаговолил прибыть на эту церемонию в Гаагу… Он проведет здесь около трех недель перед поездкой в Берлин, где посетит Марианну[921]. …Не считая неизбежных приемов и многочисленных обедов, я благодарю Бога за простоту

---

[917] Jackman S. Op.cit. P.190 – 191.

[918] Так в конечном итоге и произойдёт. Не дождавшись инаугурации своего старшего сына, король Виллем Фредерик с графиней д'Ультремон отправится в Берлин, где к тому времени проживала его дочь, принцесса Марианна.

[919] Jackman S. Op.cit. P. 191.

[920] Виллем Николаас Александр Фредерик Оранский-Нассау (1840 – 1879) – старший внук Виллема и Анны Павловны. В 1849 г., когда его отец стал королем Виллемом III, он стал первым в линии наследования и получил титул «принца Оранского». В начале 1860-х гг. хотел жениться на второй дочери британской королевы Виктории, Алисе (которая в будущем станет матерью последней российской императрицы Александры Федоровны), но получил отказ. Скончался 11 июня 1879 г. в Париже от тифа в 38-летнем возрасте. После того, как скончались два брата Виллема (принцы Александр и Мауриц), король Виллем III, дабы избежать создавшейся для престолонаследия угрозы после смерти своей супруги, Софии Вюртембергской, был вынужден сочетаться вторым браком на принцессе Эмме Вальдек-Пирмонтской (1858 – 1934), от которой в 1880 г. появилась дочь Вильгельмина. В 1884 г. в Нидерландах был отменен салический закон, по которому на престол могли вступать лишь представители мужского пола. После смерти Виллема III в 1890 г. на престол взошла его дочь, королева Вильгельмина (1880 – 1962) – внучка Анны Павловны.

[921] Речь идет о дочери Виллема I принцессе Марианне Оранской-Нассау (1810 – 1883)

моей жизни… Я очень тронута преданностью, …которую мне демонстрируют со всех сторон…»[922].

Чуть больше месяца после вступления Виллема II в статус короля его ждало серьёзное испытание – 12 ноября 1840 г. недалеко от ратуши в Гааге в кофейне произошел пожар. Прибывший на место бедствия новый король Нидерландов с сыновьями лично руководил работой по тушению пожара. Благодаря его грамотным действиям через полтора часа удалось погасить пламя и избежать человеческих жертв[923].

Этот неординарный поступок нового главы государства не мог не вызвать у его подданных восхищения. Присутствие их монарха рядом в минуты бедствия придавало им смелость, мужество и надежду. Вскоре эта новость распространилась по всем Нидерландам, что безусловно способствовало росту популярности Виллема II в самом начале его правления[924].

После смелых действий нового короля на пожаре голландцы вспомнили его героические поступки на поле боя в 1815 и 1831 гг. Таким бесстрашным поведением он выгодно отличался от своего отца, Виллема I. Как утверждает историк ван Зантен, после его отречения в начале октября 1840 г. «в обществе словно раздался вздох облегчения». Нидерландскому народу уж очень хотелось видеть на троне не только новое лицо, но и иной тип королевской власти. В этом плане всё работало на пользу Виллему II, которого в первый год правления в народе прозвали «Виллем долгожданный»[925]. Таким образом формировался образ нового нидерландского монарха, прославившего себя участием в борьбе против Наполеона и демонстрировавшего братство по оружию с Россией, двусторонние отношения Нидерландов с которой в ту эпоху были на весьма высоком уровне.

То, что новый монарх был симпатичен, приятен и великодушен, не смогло скрывать его иногда необычных, даже странных поступков и импульсивного поведения. Сомнения у подданных в отношении Виллема II возникали также в

---

[922] Jackman S. Op.cit. P. 191.
[923] Zanten J. van. Op.cit. P. 367.
[924] Ibidem.
[925] Ibidem. P.368.

немалой степени из-за кризиса в королевстве. Многолетняя «политика статус-кво» его отца Виллема I после Бельгийской революции довела Нидерланды до состояния банкротства. Проценты на долги королевства составляли почти половину всех его расходов. По этой причине приоритетом политики нового короля стали финансы его королевства: «Экономия наше последнее средство спасения, наш единственный выход…»[926]

Однако, одной только экономией спасти положение было недостаточно. Нужно было также модернизировать государство. Пошлины на ввозимые товары затрудняли ведение торговли, товары дорожали. Промышленное производство в Нидерландах также начало отставать. Доходы от колоний сокращались ввиду неурожаев и экономического упадка на острове Ява. Между тем нищета в Нидерландах росла и число голландцев, получавших пособия по бедности, с начала 1830-х гг. увеличилось с восьмой до четвертой части всего населения королевства. Безусловно, пересмотр конституции в 1840 г. и вступление на трон нового короля давали голландцам некоторую надежду. Однако, все больше говорилось о том, что государственная система королевства в тот период была непрочной, а во властных кругах не хватало ясного видения будущего. Оппозиция в парламенте была маргинальной и сильно разобщена. В общем, вся внутренняя ситуация в Нидерландах того времени приводила к тому, что в голландских общественно-политических кругах царило мрачное настроение[927].

Неудивительно, что к началу правления Виллема II положение характеризовалось модным в те дни словом «malaise» (в переводе с французского – «депрессия, недомогание»). Как утверждали историки, своей «политикой упорства» Виллем I превратил Нидерланды в маленькую страну, у которой не было другого выбора, кроме как нейтрально и скромно выстроиться на международном поле крупных держав[928].

---

[926] Ibidem. P.369; Также: KHA – G54 – 130.
[927] Zanten J. van. Op.cit. P. 369.
[928] Ibidem. P.369 – 370

На фоне общего экономического упадка в королевстве особой помпезностью отличалась состоявшаяся 27-28 ноября 1840 г. в Амстердаме инаугурация[929] Виллема II.

27 ноября новый король на статном английском белом коне и вместе с братом, принцем Фредериком, а также сыновьями Виллемом, Александром и Хендриком в открытом экипаже – все в парадной военной форме – направился к центру города. Салютовали пушки, развевались нидерландские, русские и амстердамские флаги и звучал гимн Нидерландов «Вильгельмус»[930].

9 декабря 1840 г. королева Анна Павловна в письме царственному брату Николаю I подробно и с восторгом описывала инаугурацию её супруга короля Виллема, уделив особое внимание весьма символичному моменту – на церемонии он появился в русском мундире, что не только подчеркивало связь нового голландского монарха с Россией, но и свидетельствовало о его желании подчеркнуть своим подданным собственную роль в борьбе с господством Наполеона, акцентируя, что Нидерланды были освобождены в значительной степени благодаря союзу Романовых и Оранских: «…Как я счастлива видеть Виллема любимым повсюду, осознавая при этом, что его титулы, равно как и его былые заслуги, оценены всем народом… Для своей инаугурации Виллем выбрал военную форму добровольческого корпуса, действовавшего в Нидерландах с 1830 года, – точно в такой же мундир были одеты русские ополченцы в 1812 г., в нём же Виллем воевал в десятидневном походе на Бельгию в августе 1831 года. Он лично прикрепил свои маршальские эполеты на королевскую мантию, чтобы они были отчетливо видны, и все наградные кресты, которые он завоевал в сражениях – Святого Георгия, Марии-Терезии, большого Ордена Виллема и Крест Святого Владимира за 1830 – 1831 годы – украшали его грудь, а на поясе висела

[929] В Нидерландах торжественная церемония нового короля с королевскими регалиями (начиная с Виллема I в 1815 г.) называется «инаугурация» (с нидерландского “inhuldiging»), а не «коронация» (с нидерландского “kroning”), как в других монархиях, поскольку в Нидерландах эта церемония не предполагает возложения короны на монарха. См. www.koninklijkhuis.nl/onderwerpen/troonswisseling

[930] Wap J.J.F. Gedenkboek der inhuldiging en feesttogten van Zijne Majesteit Willem II 1840 – 1842. ‘s-Hertogenbosch: Demelinne, 1842. P. 33 – 35.

его сабля с битвы при Ватерлоо[931]. На голове он пожелал иметь головной убор, который он всегда носит в армии и в будние дни, украшенный сейчас, вместо привычной нашивки «галун», золотыми дубовыми листьями, а сверху пером…»[932].

Уникальным для церемонии стало то, что новый король в ходе торжественного ужина перед всеми присутствовавшими признался в любви и уважении к своей супруге-королеве Анне Павловне. Это совершенно растрогало русскую великую княгиню: «…После некоторой тишины Виллем встал, повернулся к обоим Председателям Палат и представителям голландского народа и очень трогательно провозгласил тост за моё здоровье, а затем обнял меня. Только Бог мог даровать мне подобный момент! Это было одно из самых сладостных мгновений в моей жизни, поскольку он будто бы на глазах всего народа сказал мне: «Я люблю Вас» и «Я уважаю Вас»…»[933].

В завершение своего длинного письма королева Анна Павловна благодарит Николая I за направление в Гаагу на инаугурационные мероприятия князя Лобанова-Ростовского[934], отмечая его великолепные качества: «Выбор, который ты остановил на князе Лобанове, милый брат, доставил нам искреннее удовольствие; он настолько *ком-иль-фо*, настолько осмотрительный и контролирующий свои эмоции, что никто в этот момент не мог бы быть лучше него на этом месте. Я хочу выразить тебе огромную благодарность за это…»[935].

Сам король Виллем II считал свою инаугурацию успешной. Возвратившись в Гаагу 5 декабря 1840 г. после многочисленных празднований, он написал отцу

---

[931] Jackman S. Op.cit. P. 191 – 192. KHA – A41 – IIIb – 6.

[932] В данном письме Анна Павловна не указала, что и головной убор на инаугурации Виллема II, также, как и мундир, относился к предметам обмундирования русской армии XIX в. Это был кивер формы 6 полка «белых гусар». См: Виллем II и Анна Павловна. Королевская роскошь нидерландского двора. СПб, 2013. С.128 – 129.

[933] Jackman S. Op.cit. P. 193 – 194.

[934] Лобанов-Ростовский Алексей Яковлевич (1795 – 1848) – князь, генерал-лейтенант императорской армии, доверенное лицо императора Николая I. Сын светлейшего князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовского, генерал-губернатора Малороссии. В 1814 г. участвовал в военных действиях во Франции. В 1828 г. за Турецкую кампанию был награждён орденом Св. Георгия 4 ст., получил чин генерал-майора и был зачислен в свиту Николая I. С 1838 г. исполнял поручения императора при различных иностранных дворах: в Копенгагене, Гааге, Берлине, Шверине, Был женат на Софье Петровне Лопухиной (1798 – 1825), родной сестре князя Павла Петровича Лопухина (1790 – 1873), героя Наполеоновских войн 1812 – 1814 гг. и участника освобождения Голландии в конце 1813 г.

[935] Jackman S. Op.cit. P. 195 – 196.

подробное письмо о состоявшейся церемонии. Бывший король Виллем Фредерик посчитал неуместным присутствовать на ней и за несколько дней до её начала, 23 ноября 1840 г. ранним утром покинул Гаагу, как и предполагал в письме Анне Николай I[936].

В своём письме Виллем II был подчёркнуто откровенен по отношению к отцу, отметив не сравнимое ни с чем впечатление от инаугурации и принятия им торжественной присяги: «…Невозможно описать, что я чувствовал во время произнесения присяги перед глазами четырех тысяч человек… Я стоял один перед высшим созданием, и в своих мыслях видел лишь маму и Вас»[937]. Три определяющих фактора в его жизни, так Виллем II представлял себе, слились в ходе церемонии присяги воедино: Бог, его мать и его отец[938].

Отсутствие родителей, как во время его инаугурации в Амстердаме, так и 6 декабря, в его 48-й день рождения, король Виллем II ощущал очень сильно. К этому серьезному возрасту, как следует из его письма отцу, он пришел к интересному, в некоторой степени даже парадоксальному выводу: «Я признаюсь, что 6 декабря чувствовал себя осиротевшим, поскольку в моих глазах жена и дети никогда не смогут заменить то пространство, которое заполняют наши родители в сердце и в жизни. Те, благодаря которым человек появляется на этот свет, занимают более подчеркнутое место в сердце, чем те, которые зависят от них»[939].

---

[936] Когда Виллем II писал своё письмо, его отец уже прибыл в Пруссию, в Берлин. Там 17 февраля 1841 г. граф Нассау заключил брак со своей возлюбленной, графиней Хенриеттой д'Ультремонт. Семейная пара стала называться графом и графиней Нассау. Виллем II писал отцу в феврале 1841 г., что поздравляет его как сын, но как король, он вынужден занять «жесткую линию»: «С большим сожалением сообщаю Вам, что как король не могу признать графиню д'Ультремонт в качестве Вашей супруги и как таковую принимать её…» По этой причине граф и графиня Нассау после 1841 г. являлись в Нидерландах персонами нон грата. Однако незадолго до своей кончины летом 1843 г. Виллем Фредерик с супругой приехали в Гаагу, по просьбе сына, с финансовой помощью. В то время состояние бывшего короля Виллема I равнялось около 30 млн. гульденов (более миллиарда евро на современные деньги). Из своего большого состояния он выделил нидерландскому правительству заём в 10 млн. гульденов. Однако Виллему Фредерику не довелось долго наслаждаться семейной жизнью с графиней д'Ультремонт. 12 декабря 1843 г. в возрасте 71 года он скончался от инсульта у себя в рабочем кабинете в своём Берлинском дворце. Тело бывшего короля Виллема I было перевезено из Берлина в Гаагу и 2 января 1844 г. со всеми почестями похоронено в семейной усыпальнице Оранских – Новой церкви г. Делфта. Herman D. en Hooghiemstra D. Op.cit. P. 159 – 160.

[937] KHA – A40 – VI – 33. Виллем II – отцу Виллему Фредерику. 12 декабря 1840 г.

[938] Zanten J. van. Op.cit. P. 375 – 376.

[939] KHA – A40 – VI – 33. Виллем II – отцу Виллему Фредерику. 12 декабря 1840 г.

Таким образом Виллем II давал понять, что в некоторых вопросах ставил родителей на более важное место, чем супругу и детей[940].

В письме от 12 декабря 1840 г. он делился со своим отцом ощущениями от вступления в новый жизненный этап: «Вот такова судьба. Бог совершит всё остальное и я доверяю своё будущее Ему, поставившему меня на этот путь, в надежде творить добро, чтобы я нёс эти тяготы со смирением, будто крест, а также жить по руке Господа, а не людей, которые являются лишь Его орудием»[941]. К этому он добавил, что желает отречься от его тревожного и унылого существования в качестве принца. Став королём Нидерландов, Виллем II был намерен дать гармоничное наполнение своему королевскому правлению: «Вот три момента, которым я, надеюсь, всегда буду уделять внимание» – как он писал отцу. – «Я храню внутренний душевный покой. Я покоряюсь Законам Божьим. И я прощаю своих близких…»[942].

Рассмотренный в данной главе заключительный этап правления Виллема I был отмечен матримониальным скандалом. Выбор королём в качестве своей второй супруги бельгийской графини, католического вероисповедания, притом бывшей фрейлины его первой супруги, королевы Вильгельмины, скончавшейся в 1837 г., очевидно противоречил интересам Нидерландов. Намерениями Виллема I были возмущены в королевском дворе (это вызвало новый серьёзный конфликт короля с принцем Оранским), в правительстве Нидерландов, в голландском обществе, а также в Доме Романовых. Несмотря на то, что под влиянием большого негативного резонанса король отложил свою женитьбу, этот скандал, вкупе с его нежеланием принять либеральные изменения в новой нидерландской конституции 1840 г., стал одной из причин отречения Виллема I от престола.

По сравнению со сложными, хотя и уважительными отношениями между российским императором и Виллемом I связь между Николаем I и новыми королём и королевой – его родной сестрой – была гораздо теснее и доверительнее.

---

[940] Zanten J. van. Op.cit. P. 376.
[941] KHA – A40 – VI – 33. Виллем II – отцу Виллему Фредерику. 12 декабря 1840 г.
[942] Zanten J. van. Op.cit. P.376 – 377. Также: KHA – A40 – VI – 33.

Для большинства в Нидерландском королевстве король Виллем II был предпочтительнее, поскольку олицетворял новый тип королевской власти в противоположность авторитарному правлению своего отца. Его военный талант, смелость и мужество обеспечили ему уважение голландцев практически во всех классах общества. По этой причине в первый год правления его прозвали «Виллем долгожданный». Использованные в исследовании архивные материалы позволяют говорить о формировании образа нового нидерландского монарха.

Неординарным фактом стало появление Виллема II на церемонии своей инаугурации в военном мундире русского ополчения 1812 г., чего, по всей видимости, до того момента в истории инаугураций и коронаций в европейских государствах не происходило. В этом заключался символизм, связанный с желанием нового короля подчеркнуть для подданных свое участие в борьбе против Наполеона (т.е. Францией, противостоящей Голландией в «бельгийском вопросе») и братство по оружию с Россией (главной державой, последовательно отстаивавшей интересы Оранских). Данный продуманный политический и дипломатический шаг был на контрасте с натянутыми в тот период отношениями с Англией, сблизившейся в «бельгийском вопросе» с Францией. Кроме того, нидерландско-британские двусторонние связи с были подпорчены неудачной поездкой Виллема II с сыновьями в Лондон в мае 1836 г., завершившейся крушением планов брачного союза молодого принца Виллема с принцессой Викторией (будущей королевой Викторией). В начинавшемся новом периоде истории Нидерландского королевства для нового короля был важен поиск опоры в международном окружении. В этом контексте символичный русский мундир был призван стать показателем высоты двусторонних отношений с Россией, державой-освободительницей, которая, в отличие от Великобритании, не предала интересы Голландии в ходе её конфликта с Бельгией, не сговорилась с королём Луи-Филиппом, а неизменно действовала в защиту правящего Дома Оранских.

Завершая, по словам самого Виллема II, своё прежнее «тревожное и унылое существование в качестве принца Оранского», он вступал в новый важный жизненный этап – в качестве нидерландского монарха и главы дома Оранских.

Для российско-нидерландских отношений начиналась новая эпоха, в которой серьёзное значение имел тот факт, что впервые в истории Нидерландов королевой голландцев стала великая княгиня из Дома Романовых. Анна Павловна сыграла заметную положительную роль в развитии российско-нидерландских связей, опираясь на политический и материальный капитал правящей династии России. Глубокое уважение к Анне Павловне со стороны голландского народа, а также более тесные связи новой королевской четы Оранских с русской монаршей фамилией безусловно оказали благоприятное влияние на развитие межгосударственных и династических отношений России и Нидерландов на новом историческом этапе.

Заключение

На основании проведенного в настоящей диссертации анализа автор делает следующие выводы.

1. Со времён Петра I династическая политика России была нацелена на Запад, в результате чего потомки первого российского императора заключали брачные союзы с представителями многих правящих и владетельных домов Европы. Таким образом Россия входила в семью европейских монархий, усиливала свои вес и могущество благодаря не только военным, но и дипломатическим победам, к которым безусловно относились удачно реализованные династические браки членов императорской семьи. В их число входит брачный союз великой княгини Анны Павловны – сестры императоров Александра I и Николая I – и кронпринца Нидерландов Виллема Оранского, заключенный в 1816 году. Европейские государи были также заинтересованы в прочных узах с крупной и могущественной Россией, с конца XVIII в. игравшей роль главного противовеса агрессивной политики Франции, а после наполеоновских войн ставшей державой, сыгравшей ключевую роль в освобождении Европы от наполеоновского ига, принимавшей участие в строительстве Венской системы международных отношений, в восстановлении государств, к которым относились и Нидерланды, бывшие почти 20 лет вассалом и сателлитом Франции. Благодаря этому обстоятельству династические связи нидерландского королевского дома Оранских-Нассау и российского императорского дома Романовых являлись одним из главных способов укрепления нидерландско-российских отношений в постнаполеоновской Европе. Династический союз Анны Павловны Романовой и наследного принца, а с 1840 г. – короля Виллема II Оранского был выгоден как Нидерландам, так и России, и усиливал внешнеполитические позиции обоих государств в континентальной Европе. В то же время они складывались в рассматриваемый период ассиметрично. Романовы в этом плане находились в более сильной позиции: Россия являлась крупной и влиятельнейшей державой, освободившей

Нидерланды и способствовавшей возвращению Оранских на нидерландский престол. Император Александр I – основатель Священного союза и один из творцов Венской системы, победитель Наполеона. В то же время и у Оранских были свои козыри: будучи малым государством, Нидерланды – в прошлом располагавшие обширными колониальными владениями и являвшиеся коммерческим и финансовым центром Европы – представляли для крупных держав XIX века безусловный внешнеполитический интерес, обладая стратегически важным выходом в Северное море и играя значимую роль в системе европейского равновесия. Кроме того, именно Голландия, благодаря своим надёжным банкирским домам, служила местом размещения ряда российских государственных займов. Гаагский же кабинет вместе с лондонским, согласно особой конвенции 1815 года, выплачивал проценты по русскому госдолгу.

В зарубежной историографии в течение многих лет центральная роль России в избавлении европейских государств, в том числе Нидерландов, от французского господства, практически не упоминалась либо замалчивалась. В российских и зарубежных архивах автором диссертации найдены доказательства того, что во многом благодаря особому значению, которое Александр I придавал освобождению Нидерландов, в конце 1813 – начале 1814 г. русским войскам вместе с силами 6-й антифранцузской коалиции удалось освободить это государство от власти Наполеона. При достижении данной цели были совмещены как общие задачи – завершить разгром Наполеона в Европе, так и специфические – освободить именно Нидерланды. Успешно реализовать эту задачу удалось не только вследствие четко организованных действий русских полководцев и военачальников при поддержке голландского ополчения (что получило высокую оценку российских военных историков), но и благодаря сочетанию нескольких факторов: Наполеон в России потерял наиболее боеспособную часть своей армии, а Россия, начиная с битвы под Малоярославцем, приобрела опыт побед над французами на своей территории. При этом были учтены ошибки предыдущих военных походов в Голландию, как например, состоявшаяся при императоре Павле I британско-российская военная экспедиция к нидерландскому побережью

в августе 1799 г., которая имела черты иностранной интервенции с целью реставрации, и потому потерпела неудачу, не в последнюю очередь из-за отсутствия поддержки со стороны голландского населения.

Одним из важнейших открытий данного исследования стало то, что Нидерланды были освобождены по плану военной кампании, составленному лично императором Александром I в начале ноября 1813 г. Еще раньше, в марте 1813 г., именно к нему обратился за поддержкой будущий король независимых Нидерландов принц Виллем Фредерик Оранский, приехав на встречу с русским императором в г. Бреславль и получив от него соответствующие заверения, в том числе в вопросе расширения территории Нидерландского королевства на Южные Нидерланды (Бельгию).

Следуя своей прагматической внешнеполитической линии на восстановление и укрупнение Нидерландского королевства, Россия сыграла ключевую роль в обретении Нидерландами независимости, что позволило династии Оранских возвратиться к правлению Нидерландами после 19-летнего изгнания. В этом российские интересы совпадали с намерениями Англии добиться образования независимого Нидерландского королевства во главе с Оранскими. Австрия же отказалась от своих претензий на бельгийские провинции в обмен на установленное Венским конгрессом приращение своей территории в Италии областями, находившимися в непосредственной связи с основным корпусом её территориальных владений. Самопровозглашение главы Дома Оранских принца Виллема Фредерика в конце 1813 г. суверенным правителем, а в марте 1815 г. в Гааге королём Нидерландов полностью отвечало государственным интересам России и было частью плана российского императора по политической реорганизации Европы. Все эти факторы на годы изменили мнение европейцев о России, авторитет Александра I достиг небывалых высот. Архивные документы свидетельствуют о том, что день рождения российского императора в течение многих лет отмечался в Нидерландах как государственный праздник.

2. Оказав Нидерландам неоценимое содействие в обретении независимости и восстановлении их государственности, Россия пошла навстречу принцу Оранскому и по другому весьма важному для него вопросу расширения территории его освобожденного государства – воссоединения с Южными Нидерландами, т.е. Бельгией. Благодаря консолидированной позиции России и других держав-победительниц Наполеона в Заключительном акте Венского конгресса 9 июня 1815 г. было закреплено создание нового государства – Объединенного королевства Нидерландов, призванного стать континентальным противовесом против возможности военной агрессии со стороны нестабильной Франции.

3. После окончания наполеоновской эпохи Александр I, один из создателей новой, Венской системы международных отношений, узнав о намерении суверенного государя Оранского женить своего старшего сына – наследника нидерландского престола кронпринца Виллема – на дочери принца-регента Георга IV принцессе Шарлотте Уэльской, понимал, что тем самым голландский правитель стремился упрочить свои позиции среди держав-победительниц, а английский трон – позиции в континентальной Европе, восстановив династические связи, восходящие к XVII веку (Оранские – Стюарты). Однако, несмотря на кропотливую работу двух дворов – Нидерландов и Великобритании, в июне 1814 г. помолвка была расторгнута по инициативе принцессы Шарлотты, хотя многие исследованные материалы позволяют согласиться с версией о косвенной причастности к провалу этого династического союза сестры Александра I, великой княгини Екатерины Павловны благодаря её пребыванию (по поручению императора) в Голландии и Англии весной 1814 г., в разгар подготовки нидерландско-британского брака. Это открыло дорогу планам императора, который лично занялся осуществлением собственного проекта – российско-нидерландского династического альянса наследного принца Оранского и великой княгини Анны Павловны, благодаря которому Россия приобретала стратегически важную позицию в Западной Европе. Этот династический брак стал одним из серьёзных успехов внешней политики

Александра I, который в этой партии обыграл Великобританию. Благодаря осуществлению этого замысла Россия на долгие годы получала надёжный форпост на Западе Европы, отстраняла Англию от монопольного преобладания в Европе и северных морях.

4. Развитию успеха династической дипломатии способствовало то обстоятельство, что принц Оранский был восхищён династией Романовых, в особенности императором Александром I, в своих письмах постоянно консультировался с ним по широкому кругу вопросов, включая политические, считая это для себя обязательным в первые годы становления независимого Нидерландского королевства. Исследование показало, что большую роль в развитии взаимного доверия сыграли непростые отношения кронпринца с королём-отцом, который первоначально делал ставку на брачный и, следовательно, политический союз с английским королевским домом. Именно к Александру голландский кронпринц обратился за советом, когда по возвращении из России в Нидерланды осенью 1816 г. французские беженцы стали вовлекать его в свои интриги по свержению короля Франции Людовика XVIII. Александр I убедил Виллема немедленно порвать с заговорщиками, и принц принял доводы императора, исходившего из принципа легитимизма. Не менее доверительным был диалог Александра и принца Оранского, обсуждавшего с русским императором свои разногласия с отцом по «бельгийскому вопросу». Следовательно, Александр I знал о серьёзном кризисе в южнонидерландских провинциях еще за 13 лет до того, как он перерос в вооруженное восстание и Бельгийскую революцию 1830 г.

В отличие от доверительной и дружеской переписки с наследником нидерландского престола, с королём Александр I поддерживал сугубо официальные отношения. Не забывая о благодарности русскому императору за возвращение династии Оранских на трон Нидерландов, сразу после принятия им королевского титула в марте 1815 г. Виллем I обратился к Александру I с просьбой о поддержке своего решения. Император ответил согласием, сделав акцент на укрепление связей между правящими домами России и Нидерландов. Понимая

взаимовыгодность задуманного Александром I российско-нидерландского династического альянса, в июле 1815 г. король принял официальное предложение русского царя о заключении брака между принцем Виллемом и Анной Павловной. Дальнейшая переписка двух монархов показала готовность Виллема I, после настойчивых призывов Александра, противодействовать распространению на территории Нидерландов радикальных печатных изданий и бороться с французскими беженцами, представлявшими угрозу для легитимной королевской власти.

В своих письмах любимой младшей сестре Анне, отличавшихся братской заботой и вниманием, Александр обязательно упоминал прекрасные качества её голландского супруга, принца Виллема, подчёркивал, насколько он ценит его дружбу, что упрочивало взаимную симпатию между Романовыми и Оранскими. Советы старшего брата-императора, являвшегося для Анны безусловным авторитетом, заметно улучшали расположение к ней королевской семьи и голландского общества в целом. Так же и для Александра письма Анны из Нидерландов были чрезвычайно важны, поскольку в них она могла сообщить гораздо больше, чем русские дипломаты из Гааги или Брюсселя, в частности, о сложностях в отношениях Виллема с отцом-королём на фоне особого уважения принца к российскому императору. Эти обстоятельства Александр I умело использовал во внешнеполитических интересах России, способствуя дальнейшему сближению России и Нидерландов.

5. Не будучи в состоянии повлиять на политику короля Виллема I, но оставаясь твёрдым приверженцем принципов легитимности королевских дворов, Александр I действовал на перспективу, обеспечивая и интересы поддержания Венской системы, и интересы наследной четы (и собственной любимой сестры), и российские интересы через регулярную переписку и личное общение со своим голландским зятем-принцем Оранским. Александр стремился сформировать из этого воина и либерала, не чуждого влиянию противников легитимизма, будущего короля союзной державы. В результате целого ряда поездок принца Оранского в Россию в 1820-е гг., в том числе для встреч с российским императором, Виллем

пересмотрел свои либеральные политические убеждения и постепенно становился более зрелым политиком по сравнению с 1816 – 1817 гг., когда он был неосторожен в контактах с французскими эмигрантами и был подвержен импульсивным действиям и решениям. Принц стал критически относиться к связям с Берлином и Лондоном, осознав важность политического союза Нидерландов с Россией. Новые, более консервативные взгляды принца Оранского все более отличались от настроений, царивших в его королевстве, особенно в южных провинциях, где к концу 1820-х гг. нарастало недовольство политикой его отца, Виллема I.

Доверительный и регулярный характер переписки двух монарших дворов в годы предреволюционного кризиса, накануне Бельгийской революции 1830 г., является доказательством неуклонного интереса царей Александра I, а затем Николая I к событиям в дружественных Нидерландах. Для Виллема I и его сына принца Оранского в предреволюционный период была незаменима поддержка России как великой державы постнаполеоновской Европы, одного из столпов Венской системы международных отношений, гаранта легитимной власти европейских монархов. В то же время была очевидна разница природы власти Романовых и Оранских в описываемую эпоху. Если в России речь шла об абсолютной монархии, то в Нидерландах большую роль в монархии играла конституция, и определяющее влияние на общую политику, в отличие от России, имел парламент – Генеральные штаты. То, что мог позволить себе русский император, невозможно было сделать нидерландскому королю, который, хотя и руководствовался положениями конституции 1815 года: «король всё решает сам», тем не менее должен был отчитываться перед своим парламентом.

6. Главным ограничителем могущества российского императора в Западной Европе был объективный процесс «пробуждения народов», который привёл к победе модели государств-наций, заменивший модель, основанную на королевском суверенитете. Крепкий и удачный династический союз не спас династию Оранских от распада королевства в результате революции 1830 г. Обращение к российскому императору с целью побудить его к вооруженной

интервенции для усмирения Бельгии, несмотря на принципиальную решимость Николая I, было безуспешным. Запланированная интервенция не состоялась, поскольку осуществить её России в одиночку не оказалось возможным. Союзники Пруссия и Австрия отказались выступить совместно с российским императором на помощь Виллему I; занявший французский престол в результате революции в июле 1830 г. Луи-Филипп Орлеанский был заинтересован в раздроблении соседнего Нидерландского королевства и отторжении от него Бельгии – потенциального союзника Франции. Это грозило началом большой общеевропейской войны. Главным фактором в отказе от русской интервенции в Бельгию стало антирусское восстание, вспыхнувшее в Царстве Польском в конце ноября 1830 г., что потребовало немедленного вмешательства императорской армии, а также крайняя нехватка средств в казне империи. В этой связи, не сумев удержать Объединенное королевство Нидерландов от распада, Николай I согласился на участие России в дипломатическом урегулировании бельгийско-голландского конфликта на предложенной англичанами Лондонской конференции пяти держав (России, Великобритании, Австрии, Пруссии, Франции) 1830 – 1832 гг.

Казалось бы, ключевую роль в этом решении императора мог сыграть географический фактор, учитывая расстояние, разделявшее Россию и Нидерланды. Однако, из приведенного в диссертации анализа переписки императора с королём и принцем Оранскими следует, что невзирая на отдалённость королевства, Николай I, продолжатель дела своего брата-императора по защите принципов «Венской системы» и поддержанию статус-кво в постнаполеоновской Европе, изначально был полон решимости выставить свою армию на помощь родственнику Виллему I для подавления революции в Бельгии. Анализ приведенных выше причин срыва воинственных намерений русского императора свидетельствует о том, что географический фактор определяющим в этой связи не являлся.

Весь парадокс складывавшейся в ходе Бельгийской революции ситуации заключался в том, что, как показывает переписка Николая I с королём и принцем

Оранскими в период острого бельгийско-голландского кризиса 1830 – 1831 гг., образ действий российского императора в европейской политике был более созвучен преобладавшей на тот момент тенденции смены исторических парадигм – от «Европы королей» к «Европе наций», чем шаги короля Виллема I. Консерватор-охранитель Николай I так и не перешёл к вооруженному подавлению бельгийских повстанцев, в то время как действия нидерландского монарха, пытавшегося силой сдержать дошедший и до его территорий объективный процесс «пробуждения европейских наций», породили в конечном итоге распад Объединенного королевства Нидерландов. Достаточно своих сил для борьбы с повстанцами у Виллема I не было, как не было единодушия у гарантов территориальной целостности Нидерландского королевства (в первую очередь, Австрии, но также и Пруссии).

7. Диссертационное исследование показало отсутствие единства между Виллемом I и его старшим сыном – принцем Оранским – в «бельгийском вопросе» как до Бельгийской революции, так и в ходе неё. Об этом свидетельствует категорическое неприятие королём прокламации кронпринца в октябре 1830 г., в которой тот признавал политическую независимость бельгийской нации и высказывал готовность возглавить национальное движение бельгийцев. По сути, речь шла о реорганизации некогда объединенного Нидерландского королевства под эгидой Оранских: отца и сына. После крайне негативной реакции не только со стороны голландцев, но и самих бельгийцев на данные примирительные шаги Виллема-младшего навстречу повстанцам Виллем I направил его на 5 месяцев в Англию, в качестве дипломатического поручения передав ему своё письмо в адрес английского короля Вильгельма IV с просьбой о содействии Англии в скорейшей выработке необходимых для сдерживания бельгийских повстанцев мер и предупреждения связанных с их восстаниями бедствий. Тем самым принц был на долгое время лишён возможности содействовать урегулированию конфликта у себя в королевстве. За это время Национальный конгресс в Брюсселе своим решением навсегда отстранил Оранских от руководства Бельгией.

Отношение Николая I к нидерландскому монарху менялось по мере развития Бельгийского конфликта. Если в самом начале революции император выражал поддержку действиям Виллема I по подавлению восстания, то уже в ходе Лондонской конференции, на которой российские уполномоченные получили указание государя бороться за интересы голландского короля, Николая стала возмущать его неконструктивная позиция. Виллем I так и не согласился на продвижение столь выгодной для России кандидатуры старшего сына в качестве бельгийского монарха, затем в августе 1831 г. он возобновил военные действия против бельгийцев, поставив под угрозу усилия союзных государств по дипломатическому урегулированию конфликта, и, наконец, король в течение нескольких лет упорно игнорировал просьбы союзников принять выработанные в ноябре 1831 г. Лондонской конференцией условия разделения Голландии и Бельгии (так называемый «договор 24 статей»). Благодаря давлению и настойчивым призывам Николая I (в конце концов, император дал распоряжение ратифицировать «условия» даже при несогласии голландского короля) при поддержке прусского и австрийского монархов в апреле 1839 г. Виллем I согласился подписать «договор 24 статей», что официально положило конец противостоянию Голландии и Бельгии, ставшей с того момента международно признанным независимым королевством.

8. Исследование позиции деятельности русской дипломатии на Лондонской конференции показало, что российские полномочные представители граф Матушевич и князь Ливен по прямому указанию Николая I добились наиболее выгодных для Нидерландов условий отделения Бельгии и Голландии, закрепив их в Лондонском трактате от 3 (15) ноября 1831 г. и обосновав это в подробном донесении вице-канцлеру Нессельроде. Однако тон, с которым были составлены положения трактата, показался Виллему I «ультимативным и оскорбительным», что вызвало недовольство российского императора, объявившего в связи с этим выговор Матушевичу и Ливену. Вместе с тем Николай считал, что своей «политикой упрямства» нидерландский монарх шантажировал всю Европу (что угрожало войной с Францией), пытаясь своим упорным

нежеланием принять положения «договора 24 статей» выторговать выгодные для Нидерландов условия, оставаясь с Бельгией фактически в состоянии войны до 1839 г. Император с сожалением констатировал, что как нидерландский король, так и принц Оранский не в достаточной мере оценили большую работу, проведенную российскими уполномоченными на Лондонской конференции по защите голландских интересов, в результате которой удалось отстоять большинство территорий Нидерландского королевства, на которые активно претендовала Бельгия.

Тем не менее, при всём критическом настрое Николая I, а также его предшественника Александра I по отношению к деятельности нидерландского монарха, последовательная политика обоих императоров свидетельствовала о династической солидарности Романовых с Домом Оранских-Нассау. Безусловно, более теплые отношения связывали обоих русских государей с наследником престола Нидерландов, принцем Оранским, доказательством чему является доверительный, родственный характер их переписки. Даже в моменты разногласий императоров с действиями Виллема I, а также при том обстоятельстве, что их личные отношения с нидерландским монархом порой не складывались, все усилия Александра I и Николая I были направлены на защиту интересов дружественных Нидерландов в рамках действовавшей Венской системы, на помощь в решении внутри- и внешнеполитических проблем в королевстве. Следуя этой династической солидарности, русские императоры практически всегда вставали на сторону Оранских, даже в тот период, когда другие державы противостояли Нидерландскому королевству, в частности, когда Николай I отказался участвовать в военных действиях против Виллема I совместно с Францией и Англией, которые принуждали его оставить Антверпен в 1832 г.

Очередное серьёзное обострение отношений между королём и принцем Оранскими было вызвано намерением Виллема I спустя полтора года после кончины в октябре 1837 г. его супруги, королевы Нидерландов Вильгельмины вступить в брак с её бывшей фрейлиной, бельгийской графиней д’Ультремонт. В

письмах Николаю I и принц Оранский, и Анна Павловна отмечали, что в результате данных матримониальных планов от короля в конце 1830-х гг. отвернулись практически все слои населения Нидерландов, а либеральная оппозиция стала настойчиво принуждать его принять новую конституцию, где королевская власть была бы сильно ограничена. Отсутствие стабильности в дружественном королевстве, где проживала его сестра, безусловно, противоречило интересам российского императора. Вскоре ситуация в Нидерландах переменилась. Не желая ограничивать свою монаршую власть, а также выбрав в данном случае личное семейное благополучие, Виллем I принял решение в октябре 1840 г. отречься от престола в пользу старшего сына.

Показательно, что Николай I воздерживался от советов нидерландскому монарху по поводу пересмотра новой конституции, в отличие от вопроса, который действительно имел значение для императора и Дома Романовых – вероисповедания и бельгийской национальности новой супруги Виллема I. Возможность кризиса и нестабильности в небезразличном российскому императору королевстве по причине неприятия голландским населением будущей супруги короля создавала угрозу «размыва» Венской системы. Этот вопрос был для Николая I гораздо принципиальнее в контексте «Европы королей», чем тема новой конституции Нидерландов, что отражено в переписке между императором и принцем Виллемом в последней главе настоящего исследования.

То, что новыми королём и королевой Нидерландов становились Виллем II и Анна Павловна, отношения с которыми у Николая I были гораздо ближе и теснее, чем с Виллемом I, являлось позитивным фактором для российско-нидерландских межгосударственных связей. В то же время российский император считал, что именно действия Виллема I, его «политика упорства» после 1831 г. привели к ухудшению экономической и финансовой ситуации в королевстве Нидерландов в 1830-е гг., предугадав в письме Анне, что самым правильным шагом для него после отречения было бы покинуть Нидерланды. В конечном итоге бывший король так и поступил, отправившись к дочери принцессе Марианне в Берлин и решив не присутствовать на инаугурации своего старшего сына.

Уникальным было то, что на церемонии новый король появился в военном мундире русского ополчения 1812 г., что, по всей видимости, не имело место в Европе ни до, ни после указанной инаугурации. Этот факт, о котором ранее не упоминалось ни в российских, ни в зарубежных исторических исследованиях, говорит о глубоком уважении нового короля, супруга великой княгини Анны Павловны, к её родине России, сыгравшей решающую роль в возвращении суверенитета и становлении королевства Нидерландов. Кроме того, Виллем II с помощью символичного русского мундира хотел подчеркнуть собственную роль в борьбе с наполеоновским владычеством, с акцентом на то, что союз Оранских с Романовыми позволил Нидерландам избавиться от французского господства.

Новый король Виллем II представлял иной тип правителя, отличный от его отца. С началом его правления в конституции Нидерландов появилось понятие «министерская ответственность» и отменялась 73-я статья, гласившая, что «король всё решает единолично». Ему предстояло выводить королевство из серьёзного экономического упадка, в которое оно погрузилось к завершению правления Виллема I к концу 1840 года.

9. В исследовании была проанализирована степень влияния династических связей, прежде всего, брака принца Оранского и великой княгини Анны Павловны, на развитие нидерландско-российских межгосударственных связей. Проведенный анализ показал, что характер отношений Оранских и Романовых в рассматриваемый период не был однородным, а зависел от царствовавшего монарха и от политической ситуации в обоих государствах и в целом в Европе.

В первые годы после заключения брака между принцем Оранским и Анной Павловной как Виллем I, так и наследник нидерландского престола были готовы полагаться на российского императора, благодаря которому были освобождены от французского гнёта Нидерланды, и это очевидно прослеживалось в переписке между российским и нидерландским правящими домами, письма которых были полны восхищения и благодарности по отношению к Александру I.

В то же время прагматичный нидерландский монарх осознавал важность поддержания устойчивых дружественных связей с другими правящими домами Европы, в особенности с теми, с которыми у Нидерландов сложились вековые династические альянсы, в частности, с родственными династиями – Гогенцоллернов в Пруссии и Ганноверской в Англии. Так, в мае 1825 г. Виллем I женил своего младшего сына принца Фредерика на его кузине Луизе Прусской (1808 – 1870) – дочери прусского короля Фридриха Вильгельма III, а в сентябре 1830 г. выдал дочь Марианну за её двоюродного брата Альбрехта Прусского (1809 – 1872), сына того же прусского короля. Нидерландский король также дорожил отношениями с Лондоном, и в обязательном порядке уведомил в августе 1815 г. британского принца-регента Георга о предстоящем браке своего старшего сына Виллема с русской великой княгиней, не преминув в этом же письме выразить сожаление тем, что голландско-британский брачный проект в 1814 г. потерпел фиаско. Георг с пониманием отнесся к согласию нидерландского монарха на династический альянс с Романовыми, «полностью осознавая его преимущества».

Однако, по мере того, как Священный союз двигался к своему упадку, в Европе всё сильнее разгорался пожар революций, и нидерландский король уже понимал, что его мечта воссоздать Исторические Нидерланды терпит крах и ему не удастся самому подавить надвигавшуюся революцию в своём королевстве, где его популярность стремительно таяла, характер переписки между Оранскими и Романовыми также изменился. К новому императору Николаю I (годы царствования: 1825 – 1855), отношение к которому со стороны короля и принца Оранских отличалось от отношения к Александру I, принц почти всегда обращался в более дружеском тоне, практически на равных – на «ты». В письмах Оранских к Николаю I в 1830-е гг. нередко было видно явное несогласие с ним, что особенно заметно в корреспонденции принца Виллема, реагировавшего на решения Лондонской конференции и постоянно заявлявшего, что они могут довести ситуацию до крупной общеевропейской войны, хотя как раз этого Россия пыталась всеми силами избежать. «Не допустить повторения большого военного

конфликта в Европе» – требовал Николай I в своих указаниях российским уполномоченным в Лондоне.

Отличительной особенностью корреспонденции Анны Павловны было то, что несмотря на все ошибки её мужа, принца Оранского, вызывавшие большой резонанс и в Нидерландах, и в европейских дворах, и в России, она, как любящая жена, всегда была на стороне Виллема. Кульминацией выражения её отношения к супругу было полное восторженных эмоций письмо Анны царственному брату Николаю I, в котором она описала всю гордость от уважения, проявившегося к ней и к её мужу – новому королю Нидерландов Виллему II в ходе его инаугурации 28 ноября 1840 г.

10. Со временем Николай I дал понять Виллему I, что ему, воинственному королю, желавшему повторно попытаться оружием победить бельгийцев, не стоит сравниваться в своих действиях с российским императором, одержавшим верх над польскими мятежниками и подавившим восстание в сентябре 1831 г. И причина того, что голландскому королю не стоит подражать русскому государю, проста – в распоряжении Российской империи, крупнейшей державы, намного больше средств, в том числе армии и вооружения, чем в Голландии, насчитывавшей в то время всего 2 млн. человек. Поэтому Виллем I, по убеждению Николая, абсолютно не рассчитал свои силы, решив в 1830-е гг. противопоставить себя европейскому концерту держав, вмешавшихся в разрешение бельгийско-голландского конфликта, и в течение стольких лет отказываясь присоединиться к выработанным Лондонской конференцией «24 статьям», в надежде на то, что, как подчеркивали историки и уполномоченные на конференции, новая большая европейская война поможет ему вернуть утраченную Бельгию.

Подобный стиль поведения Виллема I, а также его официальный отказ принять предложение российского императора в 1832 г. были расценены Николаем I как свидетельство некоторой неблагодарности короля за все те десятилетия, когда Россия действовала на благо и в интересах Нидерландов. Отсюда – заметно изменившееся в 1830-х гг. в худшую сторону отношение Николая I к главе дома Оранских в переписке, а ко времени отречения Виллема I

– критика всей его политики и пожелания бывшему королю покинуть Нидерланды «для его же собственного блага».

Немаловажным в отношениях двух правящих династий и в анализе возникшего после Бельгийской революции охлаждения между Виллемом I и Николаем I было фундаментальное различие природы российской и нидерландской монархии – российская была создана, как именовалось, Именем Божьим, нидерландская же являлась следствием договорённости великих держав на Венском конгрессе. И эту разницу, а также роль России в освобождении и создании Королевства, с учётом того, что Александр I был также творцом послевоенной «Венской системы международных отношений», Романовы всячески подчеркивали.

В этой связи проведенное в диссертации исследование позволяет говорить об асимметрии отношений между сблизившимися в XIX веке Россией и Нидерландами, в частности между императором Александром I и королём Виллемом I. Первый – один из основателей новой постнаполеоновской международной системы, второй – её объект, королевство которого было образовано в 1815 г. общими усилиями крупных государств – победителей Наполеона. Такие противоречия и оставил после безвременной кончины Александр I младшему брату Николаю I, в полной мере осознававшему и дававшему понять своему голландскому визави Виллему I, что в их двусторонних отношениях следует исходить из того, что Нидерландское королевство обрело независимость и стало принадлежать Оранским не в силу его собственного могущества или наследственных прав, а по воле держав-победительниц, и прежде всего, России.

В то же время Александр I, а позднее Николай I постепенно приходили к пониманию, что изменявшаяся после Венского конгресса 1814 – 1815 гг. «Европа королей» уже не являлась Европой традиционных исторических династий, а неким «договорным конструктом», авторами и несущими столпами которой стали в 1815 г. главы держав-победительниц Наполеона, а позже – в «бельгийском вопросе» – концерт держав, среди которых Россия.

Так или иначе, России в описываемый в исследовании период удалось удержать Нидерланды в сфере своих интересов, приобрести важнейший форпост на Северо-Западе Европы, каковым они будут оставаться для России практически на протяжении всего XIX столетия. Следовательно, мы можем считать этот период одним из самых благоприятных для нидерландско-российских отношений за всю их историю, и в этом в большой степени способствовала удачно выстроенная и реализованная российскими императорами политика и успешные династические связи нидерландского и российского правящих домов.

* * *

Данная диссертационная работа закладывает основу для дальнейшего методологического изучения и исследования династических связей с точки зрения их влияния на межгосударственные отношения через призму реализации через них внутри- и внешнеполитических интересов государств. В частности, дальнейшие исследования указанных механизмов могли бы обогатить историческую науку благодаря комплексному анализу политических, социальных, экономических процессов в специфическом историческом контексте.

Список источников и литературы

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), г. Москва

1. АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп.50/2. Д. 94, лл.1 – 6, 17, 18.
2. АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп.50/6. Д. 10, лл. 1–2.
3. АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп.50/6. Д. 387, лл. 18 – 20.
4. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.50/6. Д. 5910. Лл.6 – 9.
5. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.50/6. Д. 5911. Лл.6 – 7
6. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.50/6. д. 5912, лл. 99 – 100.
7. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.468. Д. 5918, лл. 5-6.
8. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.468. Д.6313, лл. 3–3 об.
9. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.468. Д.6314, лл. 1–1 об.
10. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.468. Д.6462, лл. 1 – 5.
11. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.468. Д.6462, лл. 12 – 13.
12. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.468. Д.6463, лл. 1 – 4.
13. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.468. Д.6464, лл. 5 – 6.
14. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.468. Д.6512, лл. 8, 9, 16 – 18.
15. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.468. Д. 6551, лл. 5 – 8.
16. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.468. Д. 6553, лл. 1 – 16.
17. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.468. Д. 6554, лл. 1 – 3, 11 – 12.
18. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.468. Д. 6829, лл. 258 – 260 об.
19. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.469. Д. 180, лл. 3 – 8.
20. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.469. Д. 52, лл.96 – 97.
21. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.469. Д.207, лл. 2 – 8.
22. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.469. Д. 42, лл. 65 – 66, 69 – 70, 81 – 82, 113 – 114, 116 – 117, 137, 157 – 158, 269, 345 – 349.
23. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.469. Д. 43, лл. 60, 68 – 70, 77, 80, 127, 227, 214 – 215.
24. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.469. Д. 52, лл. 96 – 97.
25. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.469. Д. 148, лл. 273 – 282 об.

26. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 469. Д. 150, л. 309, 346 – 347.

27. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 469. Д. 891, л. 108.

28. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп.469. Д. 9234, лл. 36, 120 – 123, 146, 147, 148 – 160, 202 – 234.

29. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 1832 г. Д. 148, лл. 122 – 130.

30. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 1832 г. Д. 151, лл. 52 – 53.

31. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 1832 г. Д. 153, лл. 63 – 67.

32. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 1832 г. Д. 172, лл. 120 – 123, 237 – 243

33. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 1832 г. Д. 173, лл. 3 – 18.

34. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 1833 г. Д. 115, лл. 20 – 21, 25 – 27.

35. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 1839 г. Д. 119, лл. 15 – 36, 114.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), г. Москва

36. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1.

37. ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 988.

38. ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1466.3 – 8, 39 – 44.

39. ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2.

Российский Государственный Исторический Архив (РГИА), г. Санкт-Петербург

40. РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 31.

41. РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 214

42. РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 191, лл. 16 – 17.

43. РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182.

44. РГИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 7953

45. РГИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 8145.

Koninklijke Huisarchief (KHA), Den Haag (Королевский домашний архив, Гаага)

46. KHA, A35 – III – 19.

47. KHA, A35 – VIIIb – 83.
48. KHA, A35 – VIIIb – 99.
49. KHA, A35 – VIIIc – 18.
50. KHA, A40 – II – 5.
51. KHA, A40 – II – 6.
52. KHA, A40 – II – 10.
53. KHA, A40 – II – 13, 14, 16, 17.
54. KHA, A40 – II – 20, 22.
55. KHA, A40 – II – 40.
56. KHA, A40 – VIa – II.
57. KHA, A40 – VIa – 10.
58. KHA, A40 – VIa – 21.
59. KHA, A40 – VIa – 33.
60. KHA, A40 – VIa – 37.
61. KHA, A40 – VIb – 81.
62. KHA, A40 – XII – 3 “Livre de Notes”
63. KHA, A41 – IIIb – 3.
64. KHA, A41 – IIIb – 5, 6.
65. KHA, A46 – VII – 14.
66. KHA, G54 – 32 “Autobiografische aantekeningen”.
67. KHA, G54 – 53.
68. KHA, G54 – 67, 68.
69. KHA, G54 – 86.
70. KHA, G54 – 130.

Nationaal Archief (NA), Den Haag (Национальный архив Нидерландов, Гаага)

71. Akte van afstand van de troon door koning Willem I. Nationaal Archief [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nationaalarchief.nl/onderzoeken/archief/2.02.01/invnr/6087B/file/NL-HaNA_2.02.01_6087B_04 (Дата обращения: 12.06.2023).

72. Koninklijke Besluiten van Willem I. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nationaalarchief.nl/onderzoeken/archief/2.02.01(Дата обращения:12.06.2023).

73. Proclamatie van koning Willem I aan het Nederlandse volk inzake zijn afstand [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nationaalarchief.nl/onderzoeken/archief/2.02.01/invnr/6087B/file/NL-HaNA_2.02.01_6087B_01 (Дата обращения: 12.06.2023).

Документы и сборники документов на русском языке:

74. Акт Священного союза, заключенный в Париже 14 (26) сентября 1815 г. Мартенс Ф. Указ.соч. Том IV. Часть I. Трактаты с Австрией 1815 – 1849. СПб: Типография Министерства Путей Сообщения (А.Бенке), 1878. С. 4 – 7.

75. Виллем II и Анна Павловна. Королевская роскошь Нидерландского двора: каталог выставки/ Государственный Эрмитаж. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 2013. – 292 с.

76. Внешняя политика России XIX и начала XX века (ВПР). Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1. Том VII: январь 1813 г. – май 1814 г. М.: Издательство политической литературы, 1970. – 872 с.

77. ВПР. Серия 1. Том VIII: май 1814 г. – ноябрь 1815 г. М.: Издательство политической литературы, 1972. – 780 с.

78. ВПР. Серия 2. Том VIII (XVI): январь 1829 г. – август 1830 г. М: Международные отношения, 1995. – 738 с.

79. ВПР. Серия 2. Том XVII: август 1830 г. – январь 1832 г. М.: Международные отношения, 2005. – 720 с.

80. Голландцы и русские 1600 – 1917: Из истории отношений между Россией и Голландией / Под ред. Й. Дриссена. Маастрихт: Пекассе Интерконтинентал БВ, 1989. – 176 с.

81. Записка Александра I от 27.10.1813 г. о плане освобождения Голландии от французов. Внешняя политика России XIX и начала XX века (ВПР). Документы

Российского министерства иностранных дел. Серия I. Т. VII. М.: Наука, 1970. С. 431.

82. Заключительный акт Венского конгресса. Мартенс Ф. Указ.соч. Том III. Трактаты с Австрией. СПб: Типография Министерства Путей Сообщения (А.Бенке), 1876. С. 229 – 317.

83. Лондонский трактат от 3 (15) ноября 1831 г. об учреждении Бельгийского королевства. Мартенс Ф. Указ. соч. Том XI. Трактаты с Англией 1801 – 1831. СПб, 1892. С. 467 – 491. Также: ВПР. Т. XVII. С. 567 – 579.

84. Лондонский трактат от 7 (19) апреля 1839 г. относительно границ Голландии и Бельгийского королевства. Мартенс Ф. Указ. соч. Том XII. Трактаты с Англией 1832 – 1895. СПб, 1898. С. 84 – 103.

85. Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Том II. Трактаты с Австрией 1772 – 1808 г. СПб: Типография Министерства Путей Сообщения (А.Бенке), 1875. – 532 с.

86. Мартенс Ф. Указ. соч. Том III. Трактаты с Австрией 1808 – 1815. СПб: Типография Министерства Путей Сообщения (А.Бенке), 1876. – 561 с.

87. Мартенс Ф. Указ. соч. Том IV. Часть 1. Трактаты с Австрией 1815 – 1849. СПб: Типография Министерства Путей Сообщения (А.Бенке), 1878. – 621 с.

88. Мартенс Ф. Указ. соч. Том IX (X). Трактаты с Англией 1710 – 1801. СПб: Типография Министерства Путей Сообщения (А.Бенке), 1892. – 563 с.

89. Мартенс Ф. Указ. соч. Том XI. Трактаты с Англией 1801 – 1831. СПб: Типография А. Бенке, 1895. – 514 с.

90. Мартенс Ф. Указ. соч. Том XII. Трактаты с Англией 1832 – 1895. СПб: Типография А. Бенке, 1898. – 520 с.

91. Мартенс Ф. Указ. соч. Том XIV. Трактаты с Францией 1807 – 1820. СПб: Типография А. Бенке, 1905. – 447 с.

92. Молок А.И. К истории революции 1830 г. в Бельгии// Красный архив. 1941 г. № 1 (104). – С. 199 – 248.

93. Намазова А.С. Источники по истории Бельгии XVIII – XX вв. в архивах и библиотеках Москвы. Аннотированный указатель. М.: ИВИ РАН, 2004. – 138 с.

94. Россия и Голландия. Пространство взаимодействия. XVI – первая треть XIX века: каталог выставки / Государственный исторический музей. М.: Кучково поле, 2013. – 448 с.

95. Повестка (акт) и церемониал о рождении и крещении Великой Княжны Анны Павловны. РГИА, Фонд 469. Опись 2, дело 31.

96. Протоколы уполномоченных 5 держав на Лондонской конференции (ноябрь 1830 г. – ноябрь 1831 г.). ВПР. Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Серия II. Т. XVII. М.: Международные отношения, 2005. С.129, 196, 236, 261, 336, 373, 495, 567.

97. Союзный трактат с Англией, заключенный в Санкт-Петербурге от 1798 г., декабря 18 (29) и Дополнительная декларация к союзной конвенции от 1799 г. июня 18 (29). Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Том IX (X). Трактаты с Англией 1710 – 1801. СПб, 1892. С. 418 – 440.

Документы и сборники документов на иностранных языках:

98. Aankondiging der Commité Revolutionaire. (Объявление революционного комитета об образовании Батавской республики 19 января 1795 г.) Colenbrander H.T. Gedenkstukken der Algemeene Geschiedenis van Nederland van 1795 tot 1840. ‘s-Gravenhage. Deel 1, Hoofdstuk IV, 1914. P. 447 – 449.

99. Akte van afstand van de troon door koning Willem I van 7 oktober 1840. Nationaal Archief (Акт об отречении короля Виллема I от 7 октября 1840). Национальный архив Нидерландов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nationaalarchief.nl/onderzoeken/archief/2.02.01/invnr/6087B/file/NL-HaNA_2.02.01_6087B_04 (Дата обращения: 12.06.2023).

100. Colenbrander H.T. Gedenkstukken der Algemeene Geschiedenis van Nederland van 1795 tot 1840. Dl. 5–10. ‘s Gravenhage: Marinus Nijhoff, 1905–1922. – 1038 p.

101. Colenbrander H.T. Ontstaan der Grondwet. Tweede deel. 1815. ‘s-Gravenhage: Marinus Nijhoff, 1909. – 660 p.

102. Colenbrander H.T. Willem II. Koning der Nederlanden. Amsterdam: J.M. Meulenhoff, 1938. – 263 p.

103. Huwelijkscontract van erfprins Willem van Oranje en prinses Charlotte, maart 1814 (брачный договор наследного принца Оранского и принцессы Шарлотты Уэльской, март 1814 г.). KHA, A40 – II – 6.

104. Huwelijkscontract van prins Willem van Oranje en grootvorstin Anna Paulowna, februari 1816 (брачный договор принца Оранского и великой княгини Анны Павловны, февраль 1816). KHA. A40 – II – 10.

105. Huyttens E. Discussions du Congrès National de Belgique, 1830 – 1831. Vol. 1 – 5. Bruxelles: Societe Typographique Belge, 1844 – 1845. – 748 p.

106. Inhuldiging en feesttochten van Zijne Majesteit Koning Willem II. 27 – 28 november 1840 (Церемония инаугурации его величества короля Виллема II 27 – 28 ноября 1840 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dbnl.org/tekst/_vad003184401_01/_vad003184401_01_0137.php (Дата обращения: 15.06.2023).

107. Koninklijke Besluiten van Willem I, 1815 – 1830 en 1831 – 1840 (королевские указы Виллема I, 1815 – 1830, 1831 – 1840 гг.). Национальный архив Нидерландов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nationaalarchief.nl/onderzoeken/archief/2.02.01 (Дата обращения:12.06. 2023).

108. Martens G.F. de. Nouveau recueil des traités d'Alliance, de Paix, de Trêve, de Neutralité, de Commerce, de Limites, d'Echange etc. et de plusieurs autres actes servant à la connaissance des relations étrangères des puissances et états de l'Europe, tant dans leur rapport mutuel que dans celui envers les puissances et états dans d'autres parties du globe, depuis 1808 jusqu'à present. Tome II, 1814 – 1815. Goettingue: La Librairie de Dieterich, 1818. – 736 p.

109. Martens G.F. de. Nouveau recueil des traités d'Alliance, de Paix, de Trêve, de Neutralité, de Commerce, de Limites, d'Echange etc. et de plusieurs autres actes servant à la connaissance des relations étrangères des puissances et états de l'Europe, tant dans leur rapport mutuel que dans celui envers les puissances et états dans d'autres parties du

globe, depuis 1808 jusqu'à present. Tome IV, 1808 – 1819. Goettingue: La Librairie de Dieterich, 1820. – 689 p.

110. Martens G.F. de. Nouveau recueil des traités d'Alliance, de Paix, de Trêve, de Neutralité, de Commerce, de Limites, d'Echange etc. et de plusieurs autres actes servant à la connaissance des relations étrangères des puissances et états de l'Europe, tant dans leur rapport mutuel que dans celui envers les puissances et états dans d'autres parties du globe, depuis 1808 jusqu'à present. Tome XI, 1830 – 1834. Goettingue: La Librairie de Dieterich, 1837. – 838 p.

111. Martens G.F. de. Nouveau recueil des traités d'Alliance, de Paix, de Trêve, de Neutralité, de Commerce, de Limites, d'Echange etc. et de plusieurs autres actes servant à la connaissance des relations étrangères des puissances et états de l'Europe, tant dans leur rapport mutuel que dans celui envers les puissances et états dans d'autres parties du globe, depuis 1808 jusqu'à present. Tome XII, 1827 – 1833. Goettingue: La Librairie de Dieterich, 1837. – 778 p.

112. Martens G.F. de. Nouveau recueil des traités d'Alliance, de Paix, de Trêve, de Neutralité, de Commerce, de Limites, d'Echange etc. et de plusieurs autres actes servant à la connaissance des relations étrangères des puissances et états de l'Europe, tant dans leur rapport mutuel que dans celui envers les puissances et états dans d'autres parties du globe, depuis 1808 jusqu'à present. Tome XIII, 1832 – 1836. Goettingue: La Librairie de Dieterich, 1838. – 778 p.

113. Martens G.F. de. Nouveau recueil des traités d'Alliance, de Paix, de Trêve, de Neutralité, de Commerce, de Limites, d'Echange etc. et de plusieurs autres actes servant à la connaissance des relations étrangères des puissances et états de l'Europe, tant dans leur rapport mutuel que dans celui envers les puissances et états dans d'autres parties du globe, depuis 1808 jusqu'à present. Tome XIV, 1830 – 1837. Goettingue: La Librairie de Dieterich, 1839. – 661 p.

114. Martens G.F. de. Nouveau recueil des traités d'Alliance, de Paix, de Trêve, de Neutralité, de Commerce, de Limites, d'Echange etc. et de plusieurs autres actes servant à la connaissance des relations étrangères des puissances et états de l'Europe, tant dans leur rapport mutuel que dans celui envers les puissances et états dans d'autres parties du

globe, depuis 1808 jusqu'à present. Tome XV, 1808 – 1838. Goettingue: La Librairie de Dieterich, 1840. – 865 p.

115. Martens G.F. de. Nouveau recueil des traités d'Alliance, de Paix, de Trêve, de Neutralité, de Commerce, de Limites, d'Echange etc. et de plusieurs autres actes servant à la connaissance des relations étrangères des puissances et états de l'Europe, tant dans leur rapport mutuel que dans celui envers les puissances et états dans d'autres parties du globe, depuis 1808 jusqu'à present. Tome XVI, 1830 – 1839. Première Partie. Goettingue: La Librairie de Dieterich, 1841. – 594 p.

116. Martens G.F. de. Recueil des principaux traités d'Alliance, de Paix, de Trêve, de Neutralité, de Commerce, de Limites, d'Echange etc. conclus par les puissances de l'Europe, tant entre ells qu'avec les puissances et états dans d'autres parties du monde, depuis 1761 jusqu'à present. Tome VII, 1800 – 1803. Goettingue: La Librairie de Dieterich, 1831. – 733 p.

117. Martens G.F. de. Recueil des principaux traités d'Alliance, de Paix, de Trêve, de Neutralité, de Commerce, de Limites, d'Echange etc. conclus par les puissances de l'Europe, tant entre ells qu'avec les puissances et états dans d'autres parties du monde, depuis 1761 jusqu'à present. Tome VIII, 1803 – 1808. Goettingue: La Librairie de Dieterich, 1835. – 738 p.

118. Notes sur la Hollande (Декларация об образовании королевства Голландия во главе с королём Луи Бонапартом в июне 1806 г.) Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 5, Hoofdstuk III. P. 210 – 215.

119. Oppelt G. Histoire generale et chronologique de la Belgique de 1830 a 1860. Bruxelles: M.Hayez, 1861. – 990 p.

120. Over de Grondwet der Nederlanden (О конституции Объединенного королевства Нидерландов 1815 г.) Colenbrander H. T. Ontstaan der Grondwet. Tweede deel. 1815.'s-Gravenhage. 1909. P.616. А также [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.denederlandsegrondwet.nl (accessed 10.06.2023)

121. Proclamatie van Koning Willem I aan het Nederlandse volk inzake zijn afstand van 7 oktober 1840. Nationaal Archief (Прокламация Виллема I о его отречении от трона от 7 октября 1840 г.) Национальный архив Нидерландов.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nationaalarchief.nl/onderzoeken/archief/2.02.01/invnr/6087B/file/NL-HaNA_2.02.01_6087B_01 (Дата обращения: 12.06.2023).

122. Proclamaties van Koning Willem I en Prins van Oranje, 1830 – 1831 (прокламации короля Виллема I и принца Оранского, 1830 – 1831 гг.). АВПРИ. Ф.Канцелярия МИД. Оп. 469. Д. 42. Лл. 55, 77, 83, 84.

123. Protocols of Conferences in London, Relative to the Affaires of Belgium. Vol. 1: 1830 – 1831. London: J.Harrison and Son, 1832. – 360 p.

124. Smit C. De Conferentie van Londen. Het vredesverdrag tussen Nederland en België van 19 april 1839. Leiden: E.J. Brill, 1949. – 344 p.

Частная и дипломатическая переписка

125. Великий князь Николай Михайлович. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб: Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг, 1910. – 320 с.

126. Молок А.И. К истории революции 1830 г. в Бельгии// Красный архив. 1941 г. № 1 (104). – С. 199 – 248.

127. Переписка императора Павла I с принцем Оранским, статхаудером Виллемом V (1799 – 1801 гг.). АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп.50/2. Д.94. Лл.1 – 6, 17, 18.

128. Переписка императора Павла I с наследным принцем Виллемом Фредериком, будущим королём Виллемом I (1799 – 1801 гг.). KHA, A 35-VIIIb-99. АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп.50/6. Д. 10. Л.1–2. Д.387. Лл. 18 – 20.

129. Переписка российских министров с правительством короля Голландии Людовика Бонапарта (1806 – 1810 гг.). АВПРИ, Ф. Канцелярия МИД. Оп.50/6. Д. 5910. Лл.6 – 9. Д. 5911. Лл.6 – 7. Д. 5912. Лл. 99, 100.

130. Переписка члена Временного правительства Нидерландов Г.К. ван Хогендорпа с российским генералом А.Х. Бенкендорфом в ходе освобождения Нидерландов (1813 – 1814 гг.). Colenbrander H.T. Gedenkstukken der Algemeene

Geschiedenis van Nederland van 1795 tot 1840. Deel 6. Hoofdstuk VIII. ’s Gravenhage, 1912. – P. 1985 – 1986.

131. Переписка суверенного государя Виллема Фредерика, будущего короля Нидерландов Виллема I, с генералом А.Х. Бенкендорфом в ходе освобождения Нидерландов (1813 – 1814 гг.). Colenbrander H.T. Op cit. Deel 7. Hoofdstuk V. ’s Gravenhage, 1914. – P. 370, 412, 438 – 439, 444.

132. Переписка суверенного государя Виллема Фредерика, будущего короля Нидерландов Виллема I, с российским императором Александром I в ходе освобождения Нидерландов (1813 г.). АВПРИ. Ф.Канцелярия МИД. Оп.468. Д.6313. Лл. 3–3 об. Д.6314. Лл. 1–1 об.

133. Переписка короля Нидерландов Виллема I с российским императором Александром I по поводу принятия королевского титула (1815 г.). АВПРИ. Ф.Канцелярия МИД. Оп.468. Д.6462. Лл. 1 – 2.

134. Переписка Александра I с королём Нидерландов Виллемом I по поводу заключения российско-нидерландского династического брака (1815 г.). АВПРИ. Ф.Канцелярия МИД. Оп.468. Д.6462. Лл. 4, 5. Д.6463. Лл. 1 – 4. Также: ВПР. Серия 1. Т.VIII. С.428 – 429.

135. Переписка короля Виллема I со старшим сыном принцем Оранским в ходе поездки принца в Россию на брачные торжества в конце 1815 – первой половине 1816 г. KHA, A 40-II-13, 14, 40; A 40-VIa-II. АВПРИ. Ф.Канцелярия МИД. Оп.468. Д.6462. Лл. 12 – 13. Д.6464, лл. 5 – 6.

136. Переписка принца Оранского с Александром I по поводу его контактов с французскими заговорщиками (1817 г.). Colenbrander H.T. Deel 8. Hoofdstuk V. ‘s-Gravenhage, 1915. P.609 – 611, 612. АВПРИ. Ф.Канцелярия МИД. Оп. 468. Д. 6553. Лл.1, 2, 5, 6. Д. 6554. Лл. 1 – 3, 11 – 12.

137. Переписка принца Оранского с Александром I по поводу ошибок в политике его отца Виллема I в отношении бельгийских провинций (1817 г.). АВПРИ, Ф.Канцелярия МИД. Оп. 468. Д. 6553. Лл.1 – 16. Colenbrander H.T. Op.cit. P. 612 – 613, 630.

138. Переписка принца Оранского с Александром I, а позднее с Николаем I в ходе его поездок в Россию, а также в период перед Бельгийской революцией 1830 г. (1820 – 1829 гг.). KHA, A 40-VIa-21, A 40-VIa-37, G54 – 86. АВПРИ, Ф.Канцелярия МИД. Д. 6610. Лл.1 – 1 об. Colenbrander H.T. Op.cit. P. 690 – 691.

139. Переписка между королем, принцем Оранским и императором Николаем I в ходе Бельгийской революции 1830 г., а также 10-дневного военного похода королевской голландской армии в Бельгию в августе 1831 г. KHA, A 35-VIIIb-83, A 40-VIb-81. АВПРИ. Ф.Канцелярия МИД. Оп.469. Д. 52. Лл. 96 – 97. Д. 180. Лл. 3 – 8. Д.207, лл. 7 – 8. Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 10. Hoofdstuk V. P. 394 – 395, 404 – 405, 411 – 412, 420 – 421, 445 – 446, 487. Hoofdstuk X. P. 396 – 397, 410 – 411.

140. Переписка между вице-канцлером Российской империи К.В.Нессельроде и российскими дипломатическими представителями в Гааге и Лондоне в ходе Бельгийской революции и Лондонской конференции (1830 –1832 гг.). АВПРИ. Ф.Канцелярия МИД. Оп.469, д. 42, лл. 65 – 66, 69 – 70, 81 – 82, 116 – 117, 157 – 158, 345 – 349; д. 43, лл. 60, 68 – 70, 77, 80, 127, 227, 214 – 215; д. 9234, лл. 120 – 123. Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 10. Hoofdstuk V. P. 389, 450 – 451, 475 – 476, 482 – 483, 491 – 494, 496, 508 – 511. ВПР. Т. XVII. С.103 – 105, 153, 205 – 215, 242, 321, 322, 381 – 383, 427 – 428, 443, 447, 527 – 533, 602, 613 – 615, 635 – 638.

141. Переписка между доверенным лицом Николая I, генерал-адьютантом графом А.Ф.Орловым, направленным в Гаагу, и российским вице-канцлером графом К.В.Нессельроде (1832). АВПРИ. Ф.Канцелярия МИД. Оп. 469. Д. 9234. Лл.146 – 160, 202 – 234; Colenbrander H.T. Op.cit. P. 547 – 573, 577 – 597.

142. Переписка императора Николая I с королём Нидерландов Виллемом I с целью убедить его присоединиться к принятым Лондонской конференцией «24 статьям» и согласие Виллема I с доводами российского императора (1833 г.) Colenbrander H.T. Op.cit. P. 606 – 607.

143. Переписка между правящими домами России и Нидерландов в период после кончины королевы Нидерландов Вильгельмины (1837 – 1839 гг.). KHA, A 40-VIb-81; ГАРФ. Ф.728. Опись I. Дело 1466.8; Colenbrander H.T. Op.cit. P. 621.

144. Переписка между правящими домами России и Нидерландов по теме планов второго брака короля Виллема I (1839 – 1840 гг.). KHA, A35 – III – 19; A41 – IIIb – 5; A46 – VII – 14. Colenbrander H.T. Op.cit. P.630 – 631

145. Переписка Николая I с сестрой Анной Павловной и новым королём Виллемом II по поводу отречения Виллема I (1840). KHA, A 40 – VIb – 81; A41 – IIIb – 5, 6. Colenbrander H.T. Op.cit. Deel 10. Hoofdstuk V. P. 634.

146. Aspinall A. Letters of the Princess Charlotte 1811 – 1817. London: Home and Van Thal, 1949. – 254 p.

147. Hermans D., Hooghiemstra D. Ooggetuigen van de Koningen van Nederland 1813-1890. Amsterdam: Uitgeverij Bert Bakker, 2008. – 350 p.

148. Hovinga V., Koningsbrugge H. van. Orange and Romanov. Letters from Members of the Dutch royal family to their Russian relatives in the State Archive of the Russian Federation. Groningen: Nederlands-Russisch Archiefcentrum, 2003. – 118 p.

149. Jackman S.W. Romanov Relaties. Uit de prive-correspondentie van Anna Paulowna en haar familie. Baarn: Bosch & Keuning nv, 1987. – 239 p.

Мемуары

150. Записки Бенкендорфа. 1812 г. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов/ сост. П.Н. Грюнберг. М.: Языки славянских культур, 2001 г. – 394 с.

151. Ливен Д.Х. Из записок княгини Ливен/ Пер. В. Фон-Штейн. СПб: А.С. Суворин, 1908 г. – 243 с.

152. Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация/ Пер. с фр. Л. и С. Фейгина; Ред. Е.В. Тарле. – М.: Изд-во Института международных отношений, 1959. – 440 с.

153. Шуазёль – Гуфье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе. М.: Издательство АСТ, 2020. – 288 с.

154. Autobiography of Miss Cornelia Knight, Lady Companion to the Princess Charlotte of Wales. London: W.H. Allen and co, 1861. – 350 p.

155. Castlereagh Memoirs and Correspondence of Viscount Castlereagh, Second Marquess of Londonderry. London: John Murray, 1848 – 1853. – 520 p.

156. Colenbrander H.T. Gesprekken met koning Willem I// Bijdragen en Mededeelingen van het Historisch Genootschap. Deel 31. Amsterdam: Johannes Muller, 1910. P. 258 – 313.

157. De briefwisseling van J.R.Thorbecke, uitgegeven door G.J. Hooykaas en J.C.Boogman. Deel 1. 1830 – 1833. ‘s Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1975. – 527 p.

158. Falck A. R. Gedenkschriften, bezorgd door H.T.Colenbrander. ‘s-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1913. – 800 p.

159. Gedenkschriften van den Graaf van der Duyn van Maasdam en van den baron van der Capellen. Amsterdam: A.H. van Gorcum, 1853. – 546 p.

160. Gesprekken van Röell met den koning Willem I. 1826 – 1839. Medegedeeld door C.Gerretsen. Utrecht: Kemink & Zoon, 1936. – 226 p.

161. Groen van Prinsterer, G. Schriftelijke nalatenschap. 6 delen. C.Gerretsen, H.J.Smit. ‘s Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1925 – 1952. – 910 p.

162. Hogendorp, G.K. van. Brieven en gedenkschriften. 7 delen. ‘s-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1866 – 1907. – 827 p.

163. «Livre de Notes» (с французского – «Записная книжка»). Записки принца Оранского. KHA, A40-XII-3.

164. Scheltema J. Alexander, Keizer van Rusland, in Holland en te Zaandam. Amsterdam: Hendrik Gartman, 1814. – 214 p.

165. Wellesley A. Supplementary Despatches and Memoranda of Field Marshall Arthur, Duke of Wellington. London: John Murray, 1863. – 765 p.

166. Willem II. Autobiografische aantekeningen. (с нидерландского – «Виллем II. Автобиографические заметки») 1821 – 1822. Автобиографические заметки принца Оранского. KHA, G54-32.

Литература на русском языке

167. Августин (Никитин), Архимандрит. Великая княгиня Анна Павловна (1795 – 1865) – королева Нидераландов// Альфа и Омега. – 2005. – № 2 (43). – С. 333 – 349.

168. Бавыкин Ю.В. Интересы и роль России в образовании Королевства Нидерландов: династический союз с Оранскими как инструмент внешней политики Александра I// Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – №4 (55). – С. 25 – 46.

169. Бавыкин Ю.В. Несостоявшийся брак наследного принца Оранского и принцессы Шарлотты Уэльской// Новая и новейшая история. – 2020. – №1. – С.5 – 21.

170. Бавыкин Ю.В. Династический брак великой княгини Анны Павловны Романовой и принца Виллема Оранского во внешнеполитических замыслах Александра I// Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Выпуск 11(85) [Электронный ресурс]. – Доступно для зарегистрированных пользователей.

171. Бавыкин Ю.В. Освобождение Нидерландов Россией в 1813 году как образец военно-политического искусства// Материалы Международного круглого стола, посвященного 210-летней годовщине Заграничного похода российской армии 1813 – 1814 гг. (г.Уфа, 14 апреля 2023 г.)/ отв.ред. Р.Н.Рахимов. – 2023. С. 12 – 21.

172. Бавыкин Ю.В. Роль российского императора Александра I в освобождении Нидерландов и его письма // Россия – Нидерланды в эпоху наполеоновских войн. От войны к диалогу культур. Сборник материалов научной конференции (г.Уфа, 17 ноября 2021 г.)/ отв.ред. Р.Н.Рахимов. – 2021. – С. 38 – 47.

173. Балязин В.Н. Тайны дома Романовых. М.: Олма Медиа Групп, 2013. – 256 с.

174. Бауман Г.Г. Из политической истории Нидерландов. М.: Ленанд, 2016. – 320 с.

175. Безотосный В.М. Российский взгляд на историю Нидерландов в конце XVIII и начале XIX вв. // Россия – Нидерланды в эпоху наполеоновских войн. От войны

к диалогу культур. Сборник материалов научной конференции (г.Уфа, 17 ноября 2021 г.)/ отв.ред. Р.Н.Рахимов. – 2021. – С. 38 – 47.

176. Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 631 с.

177. Бибиков Г.Н. Казаки в Голландии: действия отряда генерал-майора А.Х.Бенкендорфа в ноябре-декабре 1813 г.// Освободительные походы русской армии 1813 – 1814 гг. в истории России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25 – 26 марта 2014 г.) М., 2014. – С. 52 – 63.

178. Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. – 468 с.

179. Бутенко В.А. Венский конгресс// Отечественная война и русское общество. Т. VII. – 1912. – С. 1 – 19.

180. В диалоге с Бельгией: история, дипломатия, культура. К юбилею А.С.Намазовой. Коллективная монография/ Отв. ред. Г.А.Шатохина-Мордвинцева. М.: ИВИ РАН, 2021. – 333 с.

181. Винокуров В.И. Светлейший князь А.И.Чернышев: от военного дипломата до военного министра. М.: Русская панорама, 2021. – 256 с.

182. Вишняков Я.В. Документы департамента полиции Российской империи о династическом кризисе в Сербии начала XX вв.// Славяне и Россия. Россия: Взгляд на Балканы. XVIII – XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С.Достян. Колл монография / Отв.ред. С.И.Данченко/ М.: Институт славяноведения РАН, 2021. – С. 385 – 404.

183. Вишняков Я.В. Революция Гуди и идеология сербской военной элиты// Славяне и Россия: Балканы в вихре национально-освободительных движений (к 200-летию начала Греческой революции 1821 – 1829 гг.). Колл. монография/ Отв.ред. С.И.Данченко/ М.: Институт славяноведения РАН, 2022. – С. 223 – 241.

184. Вишняков Я.В. Российская Империя и югославянский вопрос в годы Первой мировой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2024. Т.15. Выпуск 2 (136) [Электронный ресурс]. – Доступно для зарегистрированных пользователей.

185. Вишняков Я.В. Русская революция и рождение Югославии// Историки-слависты МГУ. Книга 16: Полвека служения кафедре славян. К 80-летию профессора Г.Ф.Матвеева. Научный сборник/ Отв.ред. Ю.А.Борисёнок, З.С.Ненашева, А.Н.Литвинова / М.: Издатель А.Ю.Степаненко, 2023. – С. 204 – 223.

186. Д'Анкосс Э. Романовы/ Пер. с французского Л.Ю.Пантиной, А.Ю.Терещенко. М.: РОССПЭН, 2013. – 343 с.

187. Дебидур А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса. В двух томах. Том 1. Священный союз: 1814 – 1847/ Пер. с французского. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. – 482 с.

188. Дегоев В.В. Александр I и проблема войны и мира в Европе (1815 – 1825) // Россия XXI. М.: Издательские технологии, 2002. – №3. – С. 113 – 137.

189. Дегоев В.В. Александр I и проблема европейского согласия после Венского конгресса// Вопросы истории. – 2002. – №2. – С. 119 – 131.

190. Дегоев В.В. Венская система: испытание революцией 1830-1831 гг.// Россия в XVIII-XX вв.: страницы истории/ Отв. ред. Л.В.Кошман. М.: Книжный дом «Университет», 2000. – С. 127 – 131.

191. Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700 – 1918 гг. М.: РОССПЭН, 2004. – 494 с.

192. Дегоев В.В. Краткий курс британской русофобии// Международная жизнь. – 2022. – №9. – С. 30 – 47.

193. Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон. М.: Захаров, 2018. – 312 с.

194. Додолев М.А. Венский конгресс в историографии XIX и XX веков. М.: ИВИ РАН, 2000. – 253 с.

195. Зак Л.А. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М.: Международные отношения, 1966. – 376 с.

196. История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / Под ред. О.В. Орлик, В.Н.Пономарева, А.Н.Сытина. М.: Международные отношения, 1999. – 448 с.

197. История дипломатии. В трёх томах. Том 1/ Под ред. В.П.Потёмкина. М.: ОГИЗ, 1941. – 566 с.

198. История Европы. В восьми томах. Том 5. От французской революции конца XVIII в. до Первой мировой войны/ Под ред. С.П.Пожарской, А.С.Намазовой, В.Н.Виноградова. М.: Наука, 2000. – 670 с.

199. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Том IV. XIX век – консульство, империя и реставрация. СПб: Типография М.М.Стасюлевича, 1894. – 671 с.

200. Киссинджер Г. Дипломатия/ Пер. с англ. В. Львова. М.: Ладомир, 1997. – 848 с.

201. Киссинджер Г. Мировой порядок/ Пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. М.: АСТ, 2016. – 512 с.

202. Кортунов С.В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка// Мировая политика. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2007. – С. 230 – 261.

203. Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. В 8 томах. 3 том/ Пер. с французского Е.В.Тарле. М.: ОГИЗ, 1938. – 452 с.

204. Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу 1807 – 1814/ Пер. с англ. А.Ю.Петрова. М.: РОССПЭН, 2012. – 679 с.

205. Лоренц Ф. История новейшего времени. От Венского конгресса до Парижского мира (1815 – 1856). СПб: Картографическое заведение А.Ильина, 1871. – 565 с.

206. Ляшенко Л.М. Два брата на российском престоле. М.: Вече, 2023. – 496 с.

207. Мак Г. Нидерланды. Каприз истории/ Пер. с нидерландского А.К.Игнатенко. М.: Весь Мир, 2013. – 224 с.

208. Милов Л.В., Цимбаев Н.И. История России XVIII–XIX веков/ Под ред. Л.В.Милова. М.: Эксмо, 2006. – 784 с.

209. Михайловский-Данилевский А.Н. Описание войны 1813 года. Ч. II. Санкт-Петербург: Военная типография, 1840. – С. 304 – 305.

210. Намазова А.С. Бельгийская революция 1830 года. М.: Наука, 1979. – 198 с.

211. Намазова А.С. Бельгия. Нидерланды// Монархи Европы: судьбы династий/под ред. Н.В.Попова. М.: ТЕРРА, 1997. – С. 35 – 66, 209 – 224.

212. Намазова А.С. Бельгия: Эволюция государственности в XVIII – XX веках. М.: Наука, 2008. – 391 с.

213. Намазова А.С. Генерал-майор А.Х. Бенкендорф – освободитель нидерландских провинций от французского господства// Россия – Нидерланды в эпоху наполеоновских войн. От войны к диалогу культур. Сборник материалов научной конференции (г.Уфа, 17 ноября 2021 г.)/ отв.ред. Р.Н.Рахимов. – 2021. – С. 25 – 37.

214. Намазова А.С. Роль российской армии в освобождении Голландии и возрождении Нидерландского королевства в 1813 году// Материалы Международного круглого стола, посвященного 210-летней годовщине Заграничного похода российской армии 1813 – 1814 гг. (г.Уфа, 14 апреля 2023 г.)/ отв.ред. Р.Н.Рахимов. – 2023. С. 70 – 77.

215. Намазова А.С. Россия и Бельгия: страницы истории. К 150-летию установления дипломатических отношений 1853 – 2003. М.: ИВИ РАН, 2003. – 208 с.

216. Наринский М.М. Венский конгресс и формирование новой системы международных отношений // Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн: научное издание / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Глава 1. М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 220 –255.

217. Обичкина Е.О. Система международных отношений в канун наполеоновских войн. Наследие французской революции и контрреволюционные тенденции // Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн: научное издание / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Глава 1. М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 10–42.

218. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802 – 2002. В 3-х тт. Т. 1 / И.С. Иванов [и др.] М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 608 с.

219. Первушина Е.В. Судьба российских принцесс. От царевны Софьи до великой княжны Анастасии. М.: Центрполиграф, 2017. – 383 с.

220. Петрунина О.Е. Идеологема революции 1821 г. в общественно-политической жизни Греции // 1821 год в истории балканских народов (к 200-летию начала Греческой национально-освободительной революции)/ Отв.ред. О.Е.Петрунина/ М.: Институт славяноведения РАН, 2022. – С. 113 – 123.

221. Петрунина О.Е. К вопросу о национальной самоидентификации греков в эпоху революции 1821 г.// Каптеревские чтения-11. Сборник статей/ отв.ред. М.В.Бибиков/ М.: ИВИ РАН, 2013. № 1 – 2. – С. 192 – 196.

222. Петрунина О.Е. Революция 1821 г. в школьном курсе истории в Греции и на Кипре// Славяне и Россия: Балканы в вихре национально-освободительных движений (к 200-летию начала Греческой революции 1821 – 1829 гг. Колл. монография/ Отв.ред. С.И.Данченко/ М.: Институт славяноведения РАН, 2022. – С. 48 – 61.

223. Рахимов Р.Н. На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. – 544 с.

224. Рахимов Р.Н. Наполеоновские войны и формирование этнической идентичности народов России// Исторические события как фактор формирования этнической идентичности: Материалы семинара в рамках Всероссийской молодежной научной школы-конференции: «Исторические события как фактор формирования этнической идентичности: международный и российский опыт» (17 – 18 марта 2022 г., Уфа)/ отв.ред. Р.Н.Рахимов. – 2022. – С. 52 – 58.

225. Рахимов Р.Н. Роль 1-го Башкирского полка в голландской кампании 1813 г.// Россия – Нидерланды в эпоху наполеоновских войн. От войны к диалогу культур. Сборник материалов научной конференции (г.Уфа, 17 ноября 2021 г.)/ отв.ред. Р.Н.Рахимов. – 2021. – С. 13 – 23.

226. Ревякин А.В. Россия и союзники: цели войны и условия мира // Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн: научное издание / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Глава 4. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 100–162.

227. Рогинский В.В. Россия и освобождение Нидерландов от наполеоновского господства // Новая и новейшая история. 1985. № 5. – С. 45 – 61.

228. Рогинский В.В. Россия и освобождение Нидерландов от наполеоновского господства в 1813 г.// Россия и Нидерланды в XVII – XX вв.: новые исследования и актуальные проблемы. Материалы международной научной конференции (Институт всеобщей истории РАН, 15 – 16 мая 2013 г.)/ отв.ред. Г.А.Шатохина-Мордвинцева. – 2013. – С. 172 – 206.

229. Романов П.В. Россия и Запад на качелях истории. СПб.: Пальмира, 2018. – 448 с.

230. Романова Е.В. Трактовки «Европейского концерта» в британской и американской историографии// Вестник МГИМО-Университета. 2016. №1 (46). – С. 7 – 17.

231. Ронин В. Прогулки по Антверпену: историко-культурный путеводитель. Антверпен: Benerus, 2009. – 383 с.

232. Рэй М.-П. Александр I/ Пер. с французского А.Ю.Петрова, А.Ю.Терещенко. М.: РОССПЭН, 2013. – 495 с.

233. Сапожников А.И. Действия летучих отрядов И.Д.Иловайского 4-го, Л.А.Нарышкина и А.Х.Бенкендорфа в Голландии (ноябрь – декабрь 1813 г.)// Россия и Нидерланды в XVII – XX вв.: новые исследования и актуальные проблемы. Материалы международной научной конференции (Институт всеобщей истории РАН, 15 – 16 мая 2013 г.)/ отв.ред. Г.А.Шатохина-Мордвинцева. – 2013. – С. 207 – 254.

234. Собко Е.М. Анна Павловна – Королева Нидерландов // Вопросы истории. – 2002. – № 9. – С. 153 – 155.

235. Собко Е.М. Россия и образование Нидерландского королевства// Вопросы истории. – 2000. – № 2. – С. 144 –149.

236. Соколов А.Р. Нерусские русские. История служения России. Иноземные представители семьи Романовых. М.: Центрполиграф, 2021. – 479 с.

237. Стрижак Н., Соколов А., Раскин Д. Анна Павловна. Русская принцесса на голландском троне. СПб.: Блиц, 2003. – 271 с.

238. Таньшина Н.П. Антироссийские настроения во Франции в годы Июльской монархии // Новая и новейшая история. – 2017. – №4 (97) – С. 91 – 108.

239. Таньшина Н.П. Венская система и венские соглашения: взгляд из Франции // Россия и современный мир. – 2017. – №4 (97) – С. 61 – 76.

240. Таньшина Н.П. Виктор Балабин: дипломат Николая I в Париже Луи-Филиппа// Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018. – Выпуск 10(74) [Электронный ресурс]. – Доступно для зарегистрированных пользователей.

241. Таньшина Н.П. Император Николай, безусловно, самый достойный человек в своей империи...// Родина. – 2020. – №4. – С. 117 – 120.

242. Таньшина Н.П. К.В.Нессельроде: Искусство быть дипломатом. СПб.: Евразия, 2021. – 352 с.

243. Таньшина Н.П. Княгиня Ливен. Нетитулованная королева европейской дипломатии. СПб.: Евразия, 2021. – 384 с.

244. Таньшина Н.П. Наполеон Бонапарт в исторической памяти: между мифом, брендом и легендой// Новая и новейшая история. – 2017. – №3 – С. 146 – 166.

245. Таньшина Н.П. Наполеон Бонапарт: между историей и легендой. СПб: Евразия, 2020. – 224 с.

246. Таньшина Н.П. Образ России в исторической памяти Запада: константы и метамарфозы восприятия// Тетради по консерватизму: Альманах. – 2024. – №2. – С. 42 – 59.

247. Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М.: Прометей, 2005. – 512 с.

248. Таньшина Н.П. Русофилы и русофобы: приключения французов в николаевской России. СПб: Евразия, 2020. – 352 с.

249. Таньшина Н.П. Русофобия: история изобретения страха. М: Концептуал, 2023. – 496 с.

250. Таньшина Н.П. Русско-французский диалог в годы оккупации Франции союзными войсками. 1814 –1818 гг.// Французский ежегодник. – 2018. – С. 218 – 239.

251. Таньшина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского М.: РОССПЭН, 2018. – 334 с.

252. Тер-Акопян Н.Б. Нидерланды// Война за независимость и образование США. М., 1976. С. 309 – 323.

253. Торкунов А.В., Дегоев В.В. Русская история: Государство. Цивилизация. Внешний мир. М: Аспект Пресс, 2024. – 687 с.

254. Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа, 1994. – 302 с.

255. Труайя А. Александр I/ Пер. с французского В.Жуковой. М.: Изд-во Эксмо, 2008. – 480 с.

256. Труайя А. Невеста Наполеона/ Пер. с французского В.Жуковой. М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 224 с.

257. Труайя А. Николай I/ Пер. с французского В.Жуковой. М.: Амфора, 2003. – 224 с.

258. Пичета В.И. Александр и Европа// Отечественная война и русское общество. Т. VII. – 1912. – С. 57 – 87.

259. Федосова Е. И. Франция и Венская система (к вопросу о временных и постоянно действующих факторах внешней политики) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 1996. – № 5.

260. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789 – 1848/ Пер. с английского Л.Якуниной. М.: Феникс, 1999. – 475 с.

261. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г./ Пер. с английского А.Васильева. М.: Алетейя, 2017. – 308 с.

262. Черкашина Л.А. Пушкин и Романовы. Великие династии в зеркале эпох. М.: Вече, 2018. – 432 с.

263. Чубарьян А.О. Европейская идея в истории. Проблема войны и мира. М.: Международные отношения, 1987. – 350 с.

264. Чудинов А.В. История Французской революции: пути познания. М: РОССПЭН, 2017. – 280 с.

265. Чудинов А.В. Старый порядок во Франции и его крушение. М: Наука, 2017. – 205 с.

266. Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М: Издательский дом Тион, 2024. – 464 с.

267. Чулков Г.И. Императоры: психологические портреты. СПб.: Амфора, 2014. – 415 с.

268. Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов. М.: Дрофа, 2007. – 515 с.

269. Шатохина-Мордвинцева Г.А. Короткий век Королевства Объединенных Нидерландов// Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018. Т.9. Выпуск 8 (72) [Электронный ресурс]. С. 1 – 21.

270. Шатохина-Мордвинцева Г.А. Нидерланды в новое и новейшее время. М.: ИВИ РАН, 2002. – 277 с.

271. Шатохина-Мордвинцева Г.А. Северные Нидерланды в эпоху наполеоновских войн: от Батавской республики к Королевству Нидерландов// Новая и новейшая история. – 2013. – № 5. – С. 146 –164.

272. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб: Издание А.С.Суворина, 1897. В 4-х томах. Том 3. – 569 с.

273. Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб: Издание А.С.Суворина, 1903. В 2-х томах. Том 2. – 820 с.

274. 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии. Материалы IX Конвента РАМИ / Под ред. А.В. Ревякина. М.: МГИМО-Университет, 2016. – 207 с.

Литература на иностранных языках

275. Alberts A. Koning Willem II. ‘s-Gravenhage: Kruseman, 1964. – 80 p.

276. Amersfoort H. De Citadel van Antwerpen. Verdediging en val in December 1832// Militaire Spectator. 1983. № 1. P. 6 – 18.

277. Berg J. Th. van den, Vis J. J. De eerste honderdvijftig jaar. Parlementaire geschiedenis van Nederland 1796–1946. Amsterdam, 2013. – 788 p.

278. Boogman J.C. De bevrijding van 1813 in historisch perspectief// Van spel en spelers. Verspreide opstellen. ‘s-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1982. – P. 92 – 104.

279. Bornewasser J.A. Koning Willem I// Nassau en Oranje in de Nederlandse geschiedenis. Alphen aan den Rijn: A.W.Sijthoff & Noordhoff, 1979. – P. 231 – 270.

280. Bornewasser J.A. Het Koninkrijk der Nederlanden 1815 – 1830// Algemene geschiedenis der Nederlanden. Deel 11. Weesp: Fibula – van Dishoeck, 1983. – P. 223 – 278.

281. Brugmans I.J. De economische politiek van Koning Willem I// Handelingen van het Nederlandsche philologen-congres 13. Gehouden te Nijmegen op 5 en 6 april 1929. 1930. P. 76 –77.

282. Cathcart B. The news from Waterloo. The race to tell Britain of Wellington's Victory. London: Faber & Faber, 2015. – 335 p.

283. Colenbrander H.T. De afscheiding van België. Amsterdam: J.M. Meulenhoff, 1936. – 224 p.

284. Colenbrander H.T. Eerste regeeringsjaren van Koning Willem II // De Gids. Jaargang 102. – 1938. – P. 212 – 237.

285. Colenbrander H.T. Willem I en de mogendheden: 1815 – 1824 // De Gids. Jaargang 95. – 1931. – P. 38 – 60.

286. Colenbrander H.T. Willem I. Koning der Nederlanden. Eerste deel: 1772-1815. Amsterdam: Meulenhoff, 1931. – 377 p.

287. Colenbrander H.T. Willem I. Koning der Nederlanden. Tweede deel: I: 1815-1830. Amsterdam: Meulenhoff, 1935. – 358 p.

288. Colenbrander H.T. Willem II. Koning der Nederlanden. Amsterdam: Meulenhoff, 1938. – 263 p.

289. Connelly O. Napoleon's Satellite Kingdoms. London: Collier-MacMillan Limited, 1965. – 385 p.

290. Cruyningen A. van. Vorsten van Nederland. Kampen: Omniboek, 2009. – 223 p.

291. Didier M. De ridder en de grootvorstin: kunst en leven van Willem II en Anna Paulowna. Schoorl, 2009. – 254 p.

292. Ditzhuyzen R. van. De Oranjes in een handomdraai. ABC van ons vorstenhuis. Giethoorn: Uitgeverij Balans, 2002. – 316 p.

293. Fitchett W.H. How England Saved Europe: The Story of the Great War 1793 – 1815. London, 1899. – 416 p.

294. Girault R. Peuples et Nations d'Europe au XIX siècle. Paris: Hachette, 1996. P. 74 – 75.

295. Hamel J.A. van. Nederland tusschen de mogendheden. Amsterdam: Van Holkema em Warendorf, 1918. – 459 p.

296. Hauwermeiren P. van. Simonis F. Waar Nederlands de voertaal is: Nederland- en Vlaanderenkunde. Lier: Uitgeverij J. van In, 1993. – 302 p.

297. Hermans D. Wie ben ik dat ik dit doen mag. Zes koninklijke inhuldigingen. Amsterdam: Meulenhoff, 2011. – 311 p.

298. Kikkert J.G. De misstappen van een koning. Willem II 1792–1849. Soesterberg, 2002. – 240 p.

299. Koch J. Koning Willem I: 1772-1843. Amsterdam: Uitgeverij Boom, 2013. – 704 p.

300. Kossmann E.H. Politieke theorie en geschiedenis. Amsterdam: Bert Bakker, 1987. – 507 p.

301. Krabben A. Bezoek van de Russische verlosser // Thema Tijdschrift. Nederland – Rusland 400 jaar. Amsterdam, 2013. № 1. P. 58 – 63.

302. Lenders P. Honderdvijftig jaar scheidingsverdrag België – Nederland en de opsplitsing van Limburg// Ons Erfdeel. Jaargang 32. 1989. Nummer 5. P. 650 – 657.

303. Meinecke F. Das Leben des General-Feldmarschalls Hermann von Boyen, Stuttgart, 1896 – 1899. – 606 p.

304. Napoléon et l'Europe/ Collectif. Paris: Brepols, 1961. – 179 p.

305. Palmer A. Alexander I: Tsar of War and Peace. London: Weidenfeld & Nicolson, 1974. – 487 p.

306. Petrie Ch. When Britain Saved Europe: The Tale and the Moral. London, 1941. – 303 p.

307. Pirenne J.H. La Sainte-Alliance. Organisation européenne de la paix mondiale. T. 1–2. Neuchatel, 1946–1949. – 396 p.

308. Reinier G.J. Great Britain and the establishment of the kingdom of the Netherlands 1813 – 1815. A study in British foreign policy. London: G.Allen & Unwin, 1930. – 360 p.

309. Rendall M. Defensive Realism and the Concert of Europe// Review of International Studies. – 2006. –Vol. 32. – No 3. – P. 523–540.

310. Rendall M. A Qualified Success for Collective Security: The Concert of Europe and the Belgian Crisis, 1831//Diplomacy and Statecraft. – 2007. – Vol. 18.— No 2. – P. 271 – 295.

311. Rietbergen P.J. A Short History of the Netherlands. From prehistory to the present day. Amersfoort: Bekking & Blitz Uitgevers b.v., 2006. – 186 p.

312. Sas N.C. van. De metamorfose van Nederland. Van oude orde naar moderniteit. 1750–1900. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2004. – 667 p.

313. Schroeder P.W. The Transformation of European Politics, 1763 – 1848, Oxford: Clarendon Press, 1996. – 920 p.

314. Smit C. Diplomatieke geschiedenis van Nederland inzonderheid sedert de vestiging van het koninkrijk. ‘s-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1950. – 511 p.

315. Steur J. Staatssecretarie en cabinet des konings onder Willem I// Bijdragen en Mededelingen betreffende de Geschiedenis der Nederlanden. Deel 84. 1969. P. 88 – 137.

316. Tamse C.A. Willem I nu// Ons Erfdeel. Jaargang 36. Nummer 5. 1993. P. 706 – 713.

317. Terlinden Ch. La politique économique de Guillaume 1er, Roi des Pays-Bas, en Belgique (1814 – 1830)// Revue Historique. T. 139. Fasc. 1. 1922. P. 1 – 29.

318. Tollebeek J. Willem I gebundeld// Ons Erfdeel. Jaargang 36. Nummer 4. 1993. – P. 624.

319. Voogd Chr. de. Histoire des Pays-Bas. Paris: Hatier, 1992. – 320 p.

320. Wap J.J.F. Gedenkboek der inhuldiging en feesttogten van Zijne Majesteit Willem II 1840 – 1842. ‘s-Hertogenbosch: Demelinne, 1842. – 422 p.

321. Webster Ch. The Congress of Vienna: 1814 – 1815. London: Thames and Hudson, 1969. – 213 p.

322. Wels B. Stemmen en kiezen 1795 – 1922// Tijdschrift voor Geschiedenis. 92de jaargang. Aflevering 3. 1979. – P. 313 – 332.

323. Wils L. De taalpolitiek van Willem I// Bijdragen en Mededelingen betreffende de Geschiedenis der Nederlanden. Deel 92. 1977. Aflevering 1. – P. 81 – 87.

324. Witte E. Wijzigingen in de Belgische elite in 1830// Bijdragen en Mededelingen betreffende de Geschiedenis der Nederlanden. Deel 94. 1979. – P. 226 –252.

325. Witte E. Natievorming onder Willem I: een blik op de historiografie// Wetenschappelijke Tijdingen. Jrg. 69. 2010. – P. 147 – 171.

326. Zamoyski A. Rites of Peace. The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna. New York: Harper Collins, 2007. – 656 p.

327. Zanden J.L. van. Riel A. van. Nederland 1780 – 1914. Staat, instituties en economische ontwikkeling. Amsterdam: Uitgeverij Balans, 2000. – 480 p.

328. Zanten J. van. Koning Willem II: 1792-1849. Amsterdam: Uitgeverij Boom, 2013. – 600 p.

Диссертации

329. Грюнберг П.Н. Военные мемуары графа А.Х.Бенкендорфа: источниковедческий аспект. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Москва, 2003. – 331 с.

330. Каспарян К.В. Российско-британские внешнеполитические отношения и династические связи (конец 30-х гг. XIX в. – начало XX в.) Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Пятигорск, 2006. – 226 с.

331. Колосова И.В. Формирование и развитие отношений между Российской империей и Нидерландами: XVIII – первая половина XIX в. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Москва, 2007. – 192 с.

332. Малеева Ж.В. Представители династии Вюртембергских в политической истории России (конец XVIII – середина XIX вв.): Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Пятигорск, 2001. – 253 с.

333. Намазова А.С. Эволюция бельгийской государственности, 1787 – 1993 г. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Москва, 2002. – 469 с.

334. Севрюкова А.О. Бельгийский нейтралитет накануне и во время Первой мировой войны. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Москва, 2003. – 244 с.

335. Черкасская Н.А. Междинастические браки дома Романовых (вторая четверть XIX – начало XX вв.): пространство политических и социокультурных трансферов. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Омск, 2021. – 251 с.

336. Шатохина Г.А. Нейтральный внешнеполитический курс Нидерландов: от Мюнстерского мира 1648 г. до конца Первой мировой войны. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Москва, 2010. – 733 с.

Материалы СМИ и интернет-ресурсы

337. Машкин А. Русские идут! Возрождение нидерландского королевства. Год 1813. [Электронный ресурс] – URL: https://legitimist.ru/sight/history/2021/russkie-idut-vozrozhdenie-niderlandskogo-korolevstva.-god-1813-j.html(дата обращения: 18.08.2024).

338. Забродин А. Танцующий конгресс: 200 лет Венскому конгрессу //Российская газета [Электронный ресурс] – URL: https://rg.ru/articles/venskiy-kongres (дата обращения: 18.08.2024).

339. Медведева Т.А. Композитор Александр Егорович Варламов, певчий русской церкви в Гааге. [Электронный ресурс] – URL: https://www.dmdonskoy.ru/node/546 (дата обращения: 18.08.2024).

340. Мика Е. Заграничный поход русской армии 1813 года, ноябрь-декабрь. Освобождение Голландии. [Электронный ресурс] – URL: https://pro100-mica.livejournal.com/352907.html (дата обращения: 18.08.2024).

341. Муромова Е. Леопольд I Бельгийский [Электронный ресурс] – URL: https://muromlena57.livejournal.com/9106.html (дата обращения: 18.08.2024).

342. Нидерландские генералы наполеоновских войск// Блог “Quebedo” [Электронный ресурс] – URL: https://qebedo.livejournal.com/286799.html (дата обращения: 18.08.2024).

343. Русская королева Нидерландов княгиня Анна Павловна, к которой сватался сам Наполеон// Блог Культурология.ру. [Электронный ресурс] – URL: https://kulturologia.ru/blogs/100717/35231/ (дата обращения: 18.08.2024).

344. Собко Е.М. Люди. События. Факты. Великая княгиня Екатерина Павловна [Электронный ресурс] – URL: https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Sobko_00.pdf (дата обращения: 20.08.2024).

345. Филатова И. Анна Павловна – русская королева Нидерландов [Электронный ресурс] – URL: https://russkiymir.ru/publications/215701/ (дата обращения: 20.08.2024).

346. Черненко М. Анна Павловна: судьба великой русской княгини [Электронный ресурс] – URL: http://29feb.ru/people/anna-pavlovna (дата обращения: 20.08.2024).

347. Эйдельман Н. Пушкин: Из биографии и творчества 1826 – 1837. [Электронный ресурс] – URL: https://imwerden.de/publ-4795 (дата обращения: 20.08.2024).

348. Broedertwist: België en Nederland en de erfinis van 1830 [Электронный ресурс] – URL: https://www.codart.nl/guide/agenda/broedertwist-belgi-en-nederland-en-de-erfenis-van-1830/ (date of accces: 20.08.2024).

349. Driessen van het Reve J. Russen en Nederlanders. 1600 – 1917. Een tentoonstelling in het Rijksmuseum in 1989. The making of. [Электронный ресурс] – URL: https://jozienvanhetreve.nl/russen-en-nederlanders-1600-1917-een-tentoonstelling-in-het-rijksmuseum-in-1989-the-making-of/ (date of accces: 20.08.2024).

350. Geschiedenis van het Nederlandse ministerie van Buitenlandse Zaken [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rijksoverheid.nl/ministeries/ministerie-van-buitenlandse-zaken/organisatie/geschiedenis (date of accces: 20.08.2024).

351. Het Koninkrijk der Nederlanden, 1815 – nu. Museum van de Kanselarij der Nederlandse Orden [Электронный ресурс]. – URL: https://kanselarijmuseum.nl/collectie/koninkrijk-der-nederlanden/ (date of accces: 20.08.2024).

352. Kamerstukken van de Tweede Kamer der Staten-Generaal betreffende troonafstand van Willem I in 1840 [Электронный ресурс] – URL: https://zoek.officielebekendmakingen.nl/0000448395 (date of accces: 20.08.2024).

353. Koninkrijk der Nederlanden: van revolutie naar pacificatie [Электронный ресурс] – URL: https://www.geschiedenisvandaag.nu/koninkrijk-der-nederlanden-van-revolutie-naar-pacificatie/ (date of accces: 20.08.2024).

354. Paleizen in het Koninkrijk der Nederlanden. [Электронный ресурс] – URL: https://www.koninklijkhuis.nl/onderwerpen/paleizen (date of accces: 20.08.2024).

355. Stadsmuseum Gent. Het verloren konikrijk. Willem I. [Электронный ресурс] – URL: https://stamgent.be/nl_be/digi-expos/willem-i (date of accces: 20.08.2024).

356. Stam Axel. Hoe Nederland haar Belgische buren kwijtraakte [Электронный ресурс] – URL: https://www.thedutchhistorian.nl/artikel/hoe-nederland-haar-belgische-buren-kwijtraakte (date of accces: 20.08.2024).

357. Stambomen van stadhouders en koningen van Oranje-Nassau [Электронный ресурс] – URL: https://www.koninklijkeverzamelingen.nl/stamboom (date of accces: 20.08.2024).

358. Staten - Generaal in 1814 – 1815 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.parlement.com/id/vihim22lwxi5/staten_generaal_1814_1815 (date of accces: 20.08.2024).

359. Willem II. Koning Willem der Nederlanden. Old Memories. Zilver.nl [Электронный ресурс]. – URL: https://zilver.nl/content/koning-willem-2.html (date of accces: 20.08.2024).

360. 5,4 miljoen Zuid- en Noordnederlanders in 1815. Centraal Bureau voor de Statistiek [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbs.nl/nl-nl/nieuws/2015/12/5-4-miljoen-zuid-en-noord-nederlanders-in-1815 (date of accces: 20.08.2024).

Приложения

Приложение № 1. Портреты некоторых упомянутых в диссертации государственных деятелей России, Нидерландов и Бельгии

Александр I
(1777 – 1825)

Николай I
(1796 – 1855)

Виллем I
(1772 – 1843)

Принц Оранский, Виллем II
(1792 – 1849)

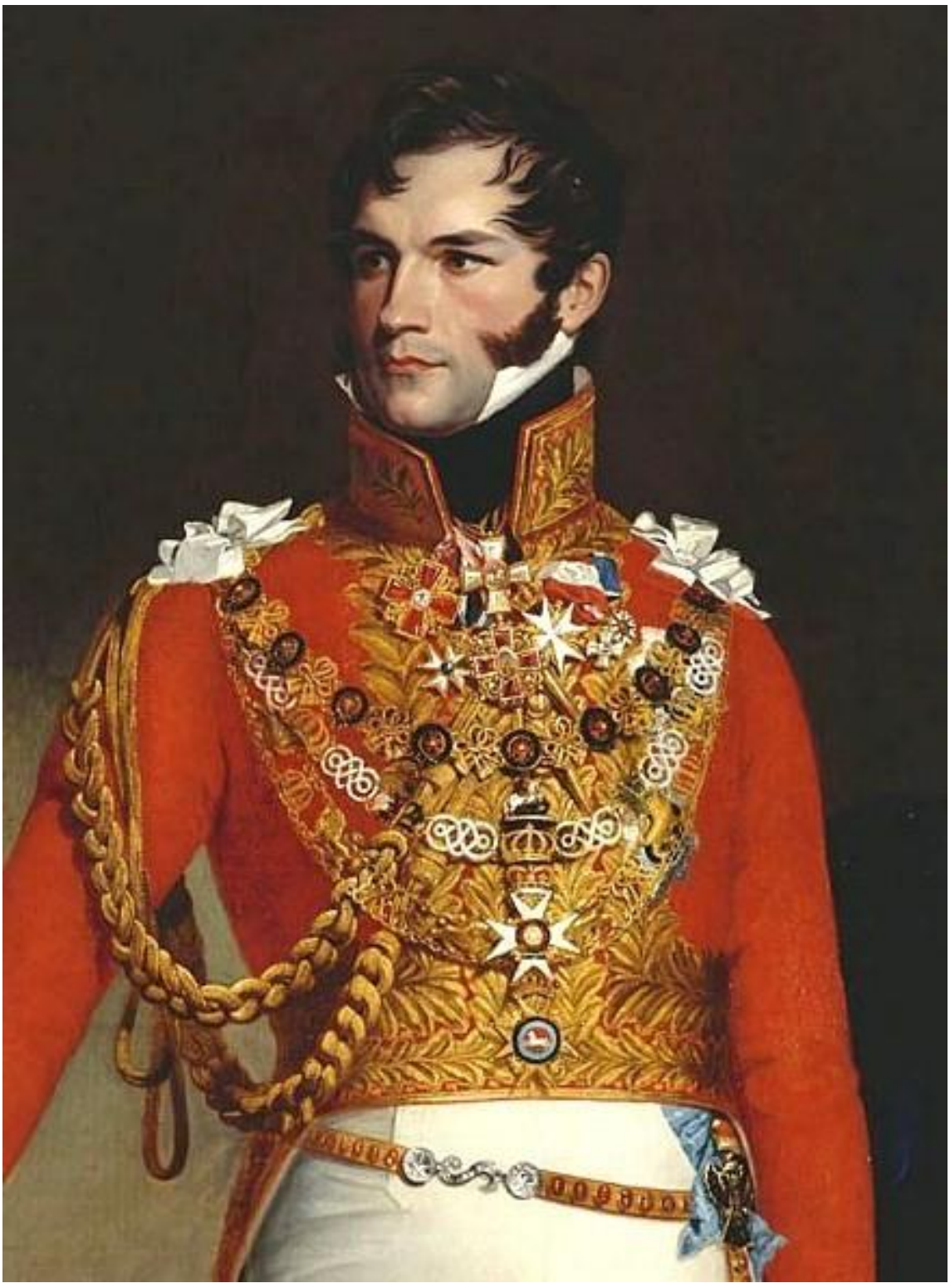
Великая княгиня Анна Павловна
(1795 – 1865)

Великая княгиня Екатерина Павловна (1788 – 1819)

**Принц Фредерик Нидерландский,
брат принца Оранского
(1797 – 1881)**

Леопольд I Саксен-Кобургский,
король Бельгии
(1790 – 1865)

Бенкендорф Александр Христофорович (1782 – 1844)

Чернышев Александр Иванович
(1786 – 1857)

Нессельроде Карл Васильевич
(1780 – 1862)

Гурьев Николай Дмитриевич
(1789 – 1849)

Ливен Христофор Андреевич
(1774 – 1838)

Орлов Александр Федорович
(1786 – 1861)

Приложение № 2. Таблицы династических связей, упомянутых в диссертации

Схема 1. Династические связи короля Виллема I, королевы Вильгельмины, их потомков

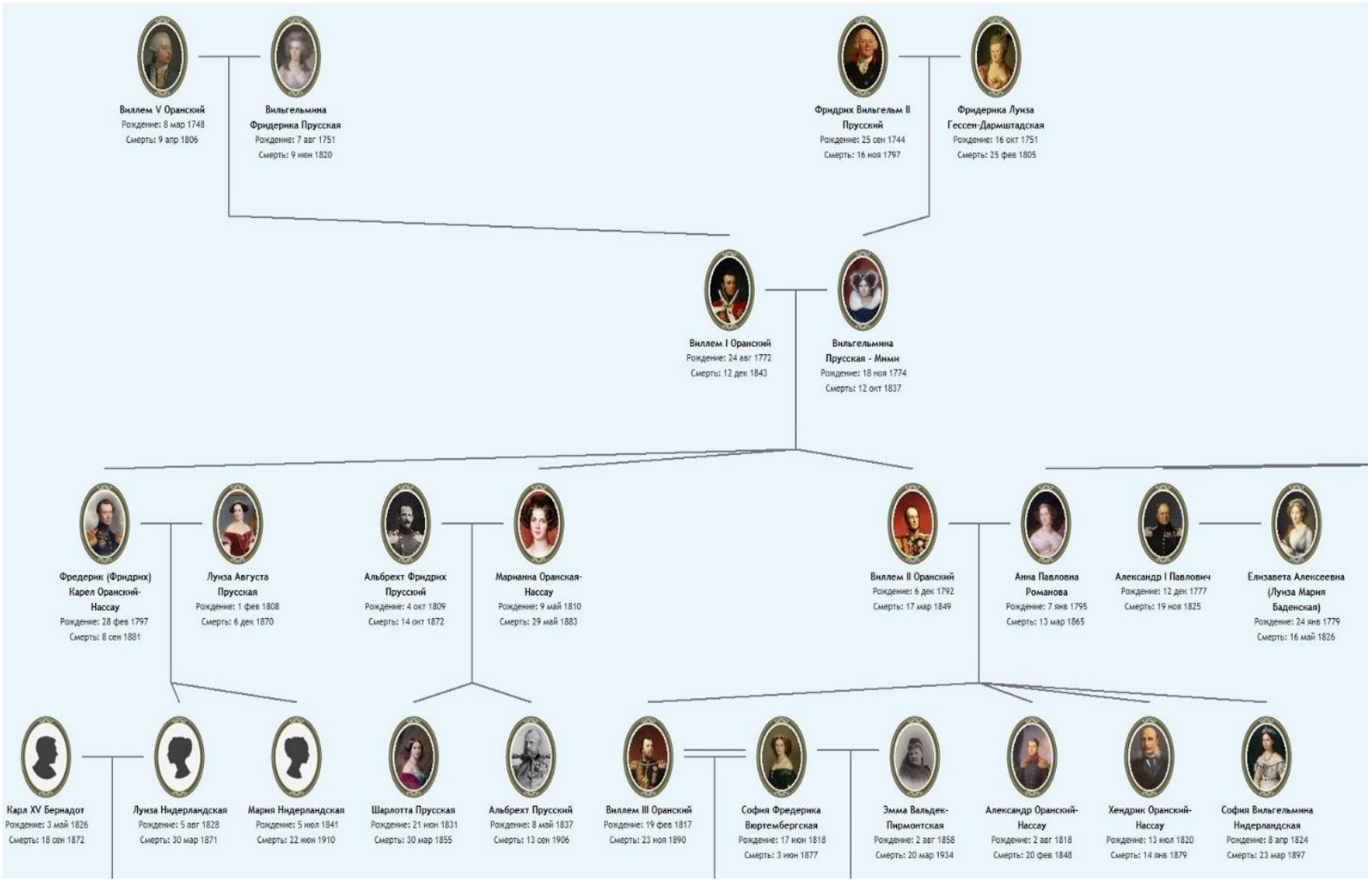

Схема 2. Династические связи Павла I, Марии Федоровны, их потомков

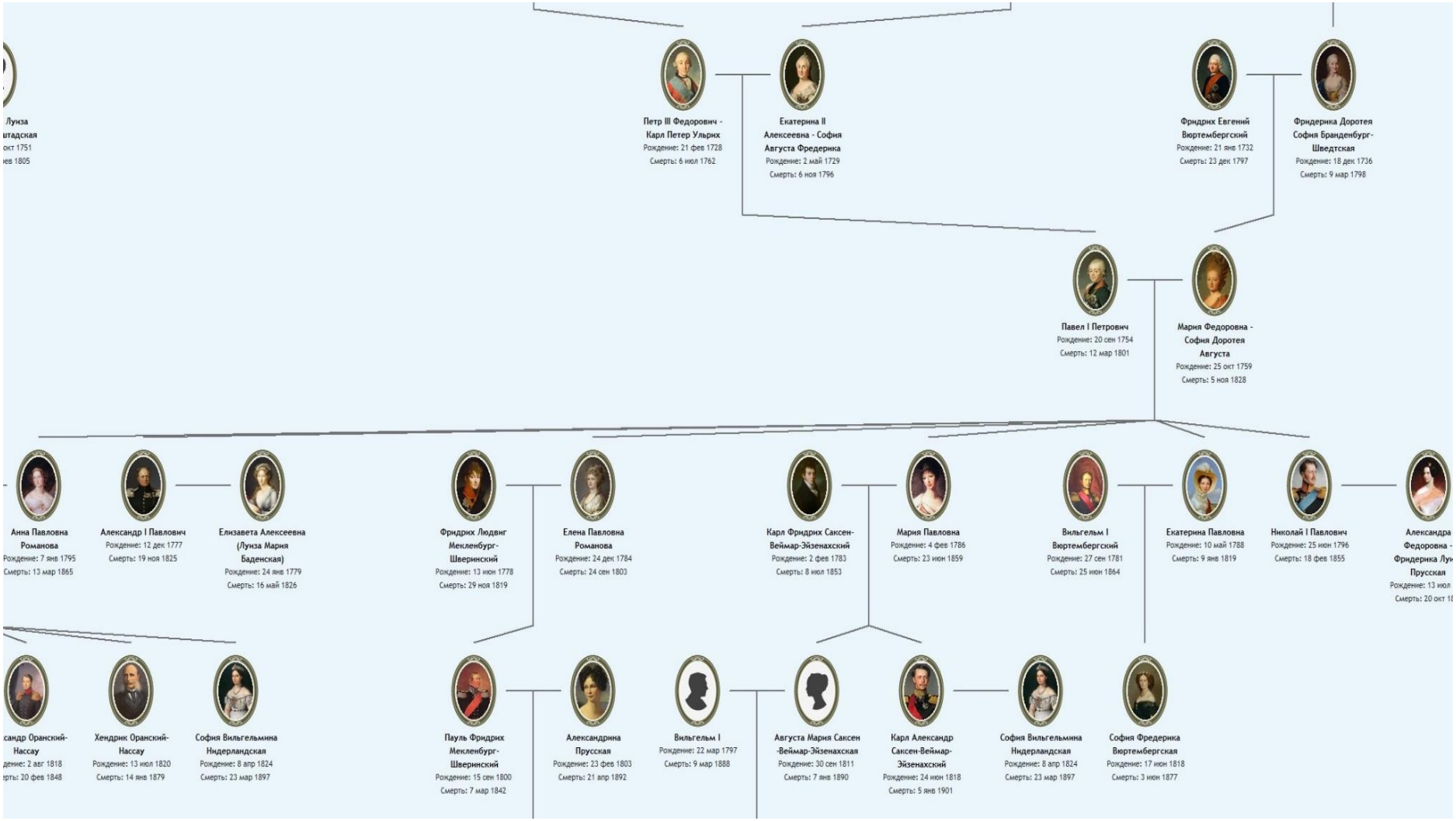

Схема 3. Династические связи Виллема II, Анны Павловны, их потомко

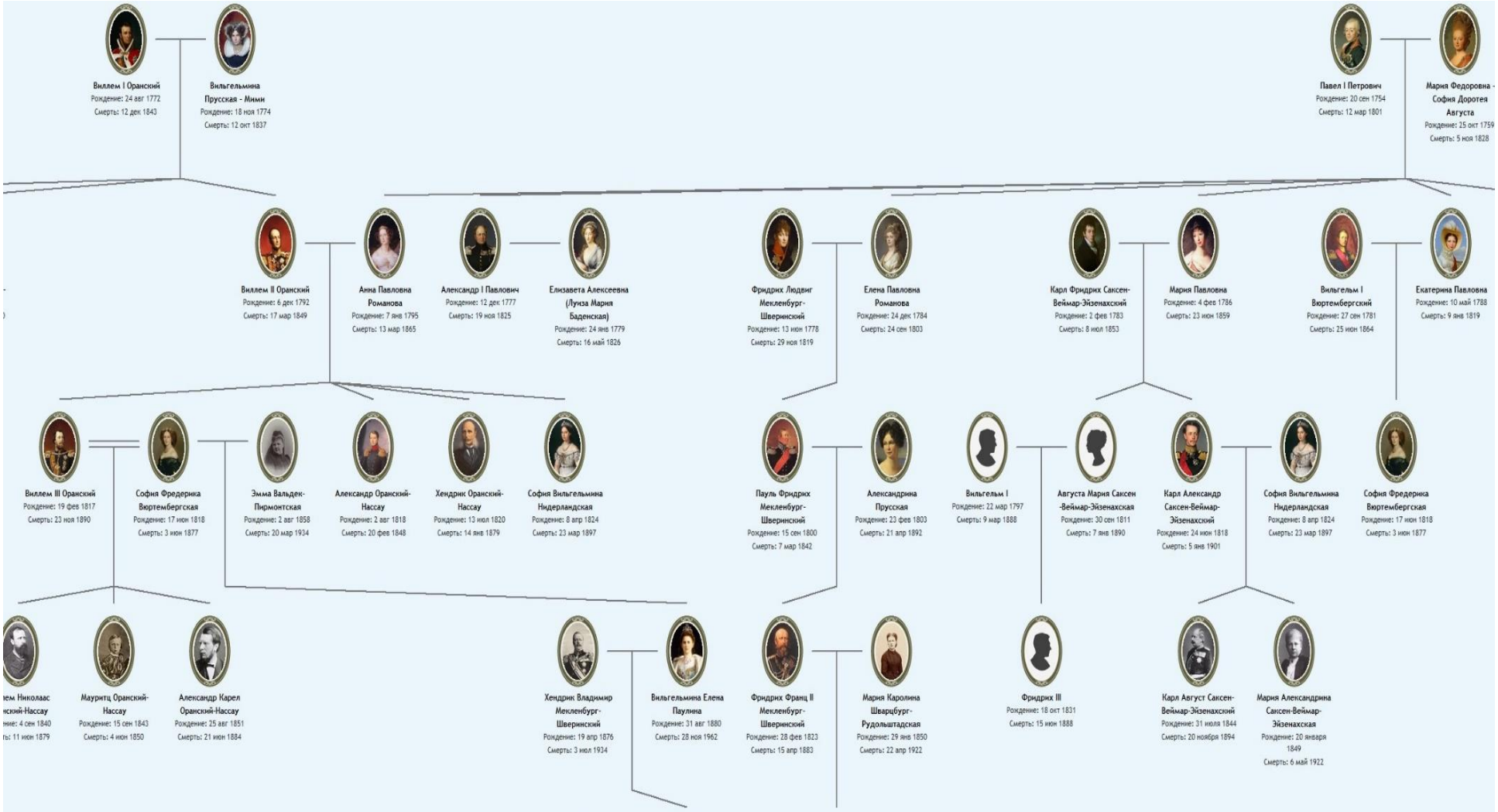

Схема 4. Династические связи Оранских и Романовых – общее

